

Трейлер	2
Глава 1. Выгодная сделка	4
Глава 2. Перст судьбы	9
Глава 3. Чёртова Прорва	15
Глава 4. Полет «Перехватчика»	20
Глава 5. Желания и возможности	27
Глава 6. Доводы Тиа Далмы.....	30
Глава 7. Явление Калипсо	35
Глава 8. Счастливая птаха.....	41
Глава 9. За все надо платить	57
Глава 10. Грэт Санд	70
Глава 11. На службе его величества	85
Глава 12. Охота на кальмара	91
Глава 13. Чёрное честолубие	102
Глава 14. Живые и мёртвые.....	115
Глава 15. Шкатулка без медальона	120
Глава 16. Наследство Ван дер Декена.....	130
Глава 17. Сплошные неприятности	138
Глава 18. Переговорщики.....	151
Глава 19. Большие манёвры	160
Глава 20. Двое в лодке	171
Глава 21. Маленький человек с большими амбициями	176
Глава 22. Возвращение Барбоссы.....	181
Глава 23. Новый капитан	191
Глава 24. Прощание	198
Глава 25. «Риск – дело благое»	210
Эпилог	230
Дополнительные драбблы	234
Птаха	234
Самостоятельная работа на сообразительность.....	237
Черные паруса	241

НАЗВАНИЕ: Гавань Проклятых
АВТОР: Белл Уоркис aka Кхена
EMAIL: kseniasr@freemail.ru
КАТЕГОРИИ: ADVENTURE/ROMANCE,
ПЕРСОНАЖИ: Капитаны: Джек Воробей, Дейви Джонс, Сяо Фенг, Барбосса, Норрингтон
Гражданские: Элизабет Свон, Уилл Тёрнер, Тиа Далма, лорд Бекетт.
Новые: Гарри Тиггс, Чунмин
Массовка: пираты, солдаты и утопленники.
ПАРЫ: Элизабет/Уилл, Элизабет/Джек, Уилл/Чунмин
РЕЙТИНГ: PG-13
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: подробная сцена утопления, монстры и скелеты.
СОДЕРЖАНИЕ: Мисс Элизабет Свон искренне желает исправить свою ошибку, считая, что спасение Джека вернет её жизнь в привычное русло. Она отправляется в долгое путешествие вместе с Уильямом Тёрнером. Ей предстоит в подробностях почувствовать, каково было Джеку, надолго расстаться с Уильямом. И выяснить, что у Тиа Далмы и Барбоссы в этом деле совсем другие интересы и планы.
СТАТУС: закончен
ОТ АВТОРА: Все герои фильма Пираты Карибского моря принадлежат их создателям и правообладателям. Все, здесь написанное, создано исключительно в развлекательных целях и никакого коммерческого дохода не несет.

Трейлер:

Голос Тиа Далмы: «Вы готовы отправиться на край света, чтобы спасти красавчика Джека?»

Перед взглядом летит поверхность старинной карты. На ней нанесены корабли, острова, прорисованы монстры. Постепенно поверхность карты переходит в поверхность моря и среди бескрайних волн виден корабль с перепончатыми парусами. Корабль дрейфует на темных волнах под оранжевым небом. На палубе Барбосса и бывшие матросы из команды «Жемчужины» с ужасом смотрят в черную глубину.

Голос Сяо Фенга продолжает: «Я знаю все опасные места в океане»

Руки в перстнях с длинными неухоженными ногтями вытаскивают потрепанный свернутый пергамент из тайника. Китайский пират приподнимает за подбородок голову Элизабет и смотрит ей в глаза. Она отвечает гневным взглядом. «Хороша, а?» - спрашивает довольный Барбосса.

На палубе джонки возмущенный Уилл смотрит на Барбоссу: «Тогда зачем все это? Зачем вы притащили нас сюда?» «Контракт расторгнут!», - отвечает Барбосса, он уходит прочь.

Голос Джека: «Тиа знает все о человеческих слабостях, иногда ей опасно доверять»

Пушечные залпы, дым, китайцы рубятся с Гиббсом и Тёрнером, один корабль тонет. Уилл распахивает дверь в каюту джонки и видит перепуганную китайскую девушку.

Голос Далмы: «В мире, где встречаются живые и мертвые, ничто не остается прежним. Все измениться»

Сцены:

На фоне белой пустыни Элизабет кричит вслед Джеку: «Мы должны выбраться отсюда!» На палубе «Летучего Голландца» Дейви Джонс Джеку Воробью: «Мне нужен залог», - и Джек оборачивается к Элизабет. Джек на фоне белой пустыни поднимается с земли и резко открывает компас. «Пожалуй, мы найдем курс, цыпа». В темной гавани один за другим всплывают сгнившие корабли. «Скоро они будут здесь, губернатор», - говорит мрачный Норрингтон. «Отлично», - отвечает напудренный Бекетт, с довольным видом поглаживая сундучок.

Голос Джека: «Нас ждет заварушка, в которую не стоит ввязываться в одиночку»

Джек, Барбосса и Уилл сидят в таверне рядом с грязным и страшным одноногим пиратом (Кит Ричардс) «Так какую долю добычи вы хотите?» - спрашивает этот пират.

Далее наплыв сцен.

Элизабет на расстоянии нескольких миллиметров смотрит влюбленными глазами на Джека и говорит: «Вы мне мешаете, капитан Воробей». Джек кричит: «Залп!» «Черная Жемчужина» стреляет по джонке стоящей среди скал и взрывной волной Уилла выбрасывает за борт. Кракен обвивает корабль щупальцами. Щупальца разносит шлюпку в щепки. Уилл приставляет к горлу Джека саблю: «Где Элизабет?» Девушка китаянка, хватается рукой за лезвие сабли Уилла. Солдаты выбивают дверь. Морское сражение множества кораблей. Норрингтон дерется с Джеком. В роскошном интерьере Элизабет швыряет в Бекетта мушкетом. На корме «Жемчужины» Уилл сражается с четырьмя утопленниками Дейви Джонса. Девушка китаянка перерубает саблей трос и, держась за него, бросается с марса на палубу. На городской улице Джека и Элизабет берут в окружение пираты. Элизабет обнимает Уилла. Барбосса и Джонс ударяют по рукам. Элизабет обнимает Джека. Темный фон. Музыка стихает.

«Один смог найти выход из Гавани Проклятых»

Элизабет стоит на фальшборте корабля и держится за ванты. Уилл твердо: «Элизабет, не делай глупостей!» Она оборачивается, а потом прыгает за борт. На темном фоне появляется надпись: «Пираты Карибского моря. Гавань Проклятых». Скоро на экранах...

Глава 1. Выгодная сделка

- Хороша, а? – довольный Барбосса откинул покрывало, скрывавшее лицо пленницы. Её внешность должна была поразить капитана Фенга. Взглянув на стоящего перед ней китайца, Элизабет поняла – нужное впечатление достигнуто.

Светловолосые европейки были редкостью в Сингапуре. И хотя после восьми месяцев морских скитаний Элизабет уже не походила на губернаторскую дочку, голодно-жаждущие взгляды команды «Ин Цзяо»¹ подтверждали её привлекательность. Такие пленницы попадались редко, а уж пленницы-аристократки тем более. Конечно, Барбосса не утаил её происхождение. Расхвалил, перед тем как привести на показ. За диговинку денег не пожалеют, а Барбосса собирался получить за мисс Элизабет Свон хороший барыш.

Было совсем не холодно, но Элизабет пробирала дрожь. Джонка «Ин Цзяо» принадлежала сингапурскому пирату Сяо Фенгу, контрабандисту, убийце и большому любителю женского пола. Он славился как один из самых опасных морских разбойников Южно-Китайского моря и Малаккского пролива, и то, что Элизабет уже успела о нем услышать, никак не способствовало душевному спокойствию. Фенг же внимательно рассматривал все, что не прикрывало её платье.

Платье едва держалось, сжимая ребра корсетом. За время долгого плавания, не снимая мужской одежды, от платьев можно и отвыкнуть. То, что было сейчас одето на мисс Свон, принадлежало Тиа Далме. На туалеты знатной дамы, какие раньше носила Элизабет, оно походило мало. Далме нравилось надставлять прорехи в своих нарядах по вкусу: разноцветными лоскутами, лентами, кружевами. В результате юбка напоминала хвост павлина, едва сохранив изначальный крой. Но в любом случае, платье выглядело «по-европейски», экзотично. И это было главное.

«Европейскую» причёску Элизабет также делала Далма. Ведьма имела весьма далекие представления о моде рококо вообще, и причёсках аристократок в частности, поэтому Элизабет категорически отказалась делать себе начес, с которым обычно щеголяла сама Далма. Для пущего эффекта белокурую шевелюру «пленницы» оставили свободно ниспадать на плечи, подобрав только несколько прядей на затылке.

- Взгляните, капитан Фенг. Истинно, товар первый сорт! - нахваливал Барбосса, отдергивая один из лоскутов юбки, обнажая Элизабет ноги. Элизабет вздрогнула и гневно нахмурилась. Барбосса, конечно, не мог не поиздеваться, прекрасно зная, что возразить ему она не сможет. Сжав зубы, Элизабет думала: «Ох, и устрою я вам капитан Барбосса, если только вернусь на «Шень»². Фенг подошел ближе. Демонстрировать свою будущую наложницу перед командой он не хотел. По крайней мере, сейчас. Согласно кивнув, он потребовал опустить платье. Приподняв голову Элизабет за подбородок, Фенг заглянул ей в глаза. Элизабет взглянула на него без страха. Две щелочки темных глаз. Жесткие черты загорелого, немного желтоватого лица. Длинные тонкие прядки усов и такая же жидкая бородка. Властный взгляд, темные брови почти сошлись на переносице, но тонкий рот улыбался. По крайней мере, это выражение можно было так назвать.

В это время Пинтел и Рагетти с кислыми минами выкатывали бочонки рома на палубу «Ин Цзяо». Вообще, поводом прийти на джонку Фенга являлись именно эти бочонки – груз ямайского рома, захваченный удалым капитаном Барбоссой по пути в азиатские страны. По легенде, придуманной не без участия мисс Свон, капитан Барбосса остро нуждался в деньгах, потому предпочел перепродать награбленное, и зажить трезвой, но богатой жизнью. На том же корабле путешествовала светловолосая европейка, которая досталась капитану в нагрузку к рому. Договорившись о продаже груза, Барбосса не

---

¹ «Ин Цзяо» - Морской Дракон (кит.), название корабля Сяо Фенга.

² «Шень» - Душа (кит.), название корабля Барбоссы.

преминул предложить Фенгу и свою «пленницу». Ром действительно был захвачен ими по пути, и конечно, вся команда, кроме Элизабет, была против его продажи (Уилл благоразумно воздержался). Спор вышел не шуточный, даже попугай мистера Коттона приводил доводы. Однако мисс Свон была тверда как скала, при содействии Тиа Далмы, сумела всех «убедить», как сказал бы Джек Воробей. Не смотря на это, взгляды Пинтела и Рагетти, которые «прожигали» сейчас ей спину были совсем не дружелюбные. Да и Барбосса старался так рьяно не только ради успеха их хитрого замысла.

- Что же, – протянул Барбосса, когда боцман сингапурцев закончил проверять целостность бочонков. – Раз сделка состоялась, в знак дружеского расположения, капитан Фенг, один из бочонков дарю вашей команде.

- Это очень щедро капитан Барбосса, – Фенг ответил на неплохом английском, чем ни мало удивил Элизабет. Он отдал распоряжение боцману и последний бочонок, доставленный Пинтелом, был передан команде под одобрительный гул.

- Прошу вас и мисс пройти в мою каюту, чтобы отметить приобретение, – пригласил Фенг.

Барбосса дернул за веревку, что стягивала запястья Элизабет, и она последовала за ним. Кюта Фенга, похожая на ту, что занимала мисс Свон на «Шень», отличалась захлапленностью. Хозяин хорошо в ней ориентировался, но остальным нельзя было ступить, не споткнувшись о какой-нибудь сундук, сундучок или ящик. Судя по многочисленным вещцам, Фенг не бедствовал. Все сундуки были заперты, и где-то хранилась увесистая связка ключей, открывающая доступ к их богатствам. Зацепившись подолом за очередной ящик, Элизабет неуклюже осела на гору подушек, покрывавшую низкий топчан. Пинтел, оставшийся за дверьми, явственно произнес: «Не переломай ножки, пупсик!» Рагетти тоненько захихикал.

Фенг приказал своим людям раскупорить бочонок только что приобретенного рома и выпивку разлили по кружкам. Барбосса по просьбе китайца начал рассказывать историю своего путешествия. Элизабет тоже плеснула рома, но она предпочла только делать вид, что пьет, неотрывно следя за Фенгом. Сяо Фенг взглянул на неё лишь единожды, когда Барбосса упомянул о выдуманном «захвате в плен». Этот взгляд не понравился Элизабет. Однако Сяо Фенг вполне приветливо улыбался Барбоссе, сохраняя вид гостеприимного хозяина.

Наконец, уже порядком захмелевший капитан «Шень» собрался вояси. Тщательно пересчитав барыш за ром и пленницу, Барбосса осушил до дна последнюю чарку, рыкнул и, громыхнув кружкой об стол, двинулся к дверям, покачиваясь на манер Джека Воробья. Фенг шел за ним.

- Да! Капитан Фенг! – взревел Барбосса, останавливаясь в проходе и загораживая своей мощной фигурой обзор для пиратов Фенга. – Надеюсь, что девчонка... Дальше он понизил голос, заставив Сяо прислушиваться к его сальной шуточке. В это время Элизабет мгновенно извлекла из-за корсажа крохотный флакон и, выдернув пробку, быстро опрокинула содержимое в кружку китайца. Сердце колотилось как бешенное, но руки не дрожали. Хохот, раздавшийся от дверей, доказывал, что шутка Барбоссы удалась, а её проделка осталась не замеченной.

Дверь за Барбоссой закрылась, и Элизабет осталась наедине со своим «хозяином». Пока она раздумывала, как Фенг воспримет идею развязать ей руки, капитан Сяо развалился на топчане с видом «король вернулся домой». Кивком он велел мисс Свон подойти и сесть рядом с ним. Топчан оказался достаточно тесным, и поскольку почти всё полезное пространство было занято Фенгом, Элизабет примостилась на краешке. Вблизи «хозяина» явственно ощущался запах рома, кож и еще чего-то дымного. Фенг взял свою кружку, а вторую сунул в руки Элизабет:

- Пей! – судя по тону, это была не просьба.

Кружка слишком уж пиратской емкости вмещала почти пинту алкоголя. Рискую выронить эту бадью, Элизабет поднесла её к губам и стоически сделала глоток. Ром обжег горло.

- До дна, - уточнил пират, заметив, что на этом мисс Свон решила остановиться. Элизабет сейчас как никогда был нужен трезвый разум, но Сяо Фенг смотрел на неё неотрывно, и схитрить было невозможно. Дабы не разозлить грозного Сяо раньше времени Элизабет пришлось подчиниться.

- Ты англичанка? – спросил капитан у Элизабет, провожая взглядом капельку рома, скользнувшую по её шее. Элизабет восприняла вопрос как повод – поставила кружку на ближайший сундук и кивнула, переводя дух.

- Англичанки не любят ром? – Фенг изобразил улыбку, он распрямился и приблизился к ней.

- Я привыкла к более изысканным напиткам, капитан, - гордый взгляд, и немного дерзости было как раз в рамках её роли. Фенг опасно качнулся в сторону своей пленницы.

- Англия далекая страна. Такие женщины не должны оказываться без сопровождения мужчин. Зачем ты покинула свой берег? – его рука откинула прядь её волос, оставив открытыми плечо и шею.

- О! – возмущенно воскликнула Элизабет, инстинктивно отстраняясь и с беспокойством ощущая кожей его дыхание. – Я совсем не труслива! Я не боюсь легенд о пиратах. Я знаю много таких легенд!

«Проклятие!» - думала Элизабет, - «Когда же подействует зелье». Если бы Тиа Далма была сейчас в каюте и умела читать мысли, она узнала бы о себе много нового. Элизабет начинала беспокоиться. Маленький флакончик, который колдунья Далма передала мисс Свон, содержал варево с красивым названием «Зелье искренности». По словам Тиа, каждый, кто принимал это средство, выбалтывал даже самые тщательно охраняемые и забытые секреты, а после отправлялся в царство снов. Действие зелья усугублялось алкоголем и действовало оно «очень быстро». Однако что понимала Далма под словами «очень быстро» несколько минут или несколько часов, оставалось только гадать. Элизабет невесело подумала, что со стороны ведьмы это была бы очень оригинальная «шутка».

Между тем последние слова девушки произвели на Сяо Фенга впечатление:

- И какие же легенды о пиратах знает благородная мисс? – по его лицу было件нятно, что ничего по-настоящему страшного она еще не видела. Но Элизабет была готова, она ждала именно этого вопроса.

- Я знаю многие, - продолжила она бесстрашно, - Но самая невероятная о знаменитом пирате восточных морей. Он неуловим и неуязвим, и никакие морские чудовища не могут устроить его! - изображая восхищение, декламировала Элизабет, - Даже сам морской дьявол ему нипочем!

Фенг улыбнулся, такая лесть пришлась ему по душе, но пленница уже добавила ложку дегтя:

- Но это просто невероятно, – сказала мисс Свон достаточно твердо. Наивное выражение хорошо скрывало заинтересованность. – Так ведь не бывает?

- Не веришь? - оборвал её Фенг. Он вдруг резко поднялся, бряцая своим металлическим одеянием, похожим на латы и потянул за конец веревки, связывающей девушку, - Я знаю все опасные места в океане. Абсолютно все. Идем!

Шатаясь, Сяо тащил её на другой конец каюты, к деревянной статуэтке какого-то местного божка. Округлое и улыбчивое божество восседало на массивном деревянном кубе, украшенном искусной резьбой. Фенг бесцеремонно отшвырнул Элизабет в угол. Теперь его фигура преграждала путь к отступлению, зато статуэтка божка была хорошо видна. Фенг провернул скульптуру и в массивном кубе с легким щелчком открылся тайник. Через мгновение из его темного нутра, был извлечен старинный свернутый трубкой пергамент.

- Смотри, - Фенг развернул раритет перед глазами пленницы, - Самая ценная карта из всех что были и будут.

Элизабет не могла оторваться. Да, это была она. Пожелтевший пергамент, испещренный иероглифами, написанными поперек границ

материков, островов, изображений морских чудовищ. Фенг следил за её взглядом. Карта исчезла так же быстро, как и появилась. Элизабет даже не успела перевести дух, как оказалась прижатой в угол. Китаец не церемонился. Так и не развязав Элизабет руки, он теперь пользовался этим преимуществом. Накрутив веревку на ладонь, Фенг не давал девушке возможности хоть как-то защититься от его домогательств, а чтобы подавить сопротивление вовсе пират сжал ей горло. Ситуация становилась критической, зелье все еще не действовало. На инстинкте самосохранения Элизабет рванулась из его рук всем телом. К счастью Фенг был достаточно пьян. Пошатнувшись, он отклонился в сторону, открыв пленнице возможность убежать. Однако Элизабет забыла о зажатой в его руке веревке от своих пут. Резко крутанувшись на ней, девушка упала к ногам пирата.

Помочь подняться, вцепившись в волосы – не лучший способ заполучить расположение дамы. Барбосса и тот проявлял больше вежливости, когда отправлял жертву по доске. Морщась от боли, Элизабет все же сдержалась от крика.

- Да, ты умеешь выведывать секреты. За этот же многие заплатили жизнью, - Фенг наслаждался видом её глаз, блескующих от слез.

- Но я слишком много заплатил, чтобы обладать тобой только раз. Ничего... - продолжил Фенг успокоительным тоном, - я знаю способ заставить тебя умолкнуть навсегда, сохранив тебе жизнь. Немой ты будешь не менее привлекательна.

Что за способ имел в виду Фенг, понял бы даже Пинтел, но испугаться Элизабет уже не успела. Оставив рассуждения, пират жадно впился в губы своей вырывающейся добычи. До сих пор Элизабет не знала что такое поцелуй, отнятый силой. От ощущения обиды, злости и беспомощности в её душе волной размером с цунами поднялись все самые отрицательные чувства. Разум просто отключился, оставив организм работать на инстинктах. Инстинкты же требовали убить этого негодяя прямо сейчас. Или хотя бы плюнуть в его наглую физиономию. Именно это Элизабет и сделала, как только Фенг прекратил её целовать.

Дальше все произошло очень быстро. Отрывочные ощущения весомой пощечины и жестких углов ящиков, на которые пришлось падать, зацепив стол. Разъяренный Сяо Фенг, приближался с занесенным над головой увесистым ларцом, и Элизабет уже простилась с белым светом. Но вдруг, то ли подействовало зелье Тиа Далмы, то ли грозного Сяо просто хватил удар от избытка эмоций, но неожиданно Фенг обмяк всем телом. Глаза его закатились и, выронив ларец себе же на голову, пират наконец-то отправился в царство снов.

С палубы доносились пьяные песни разгулявшейся матросни. Растягивая зубами узел на связанных руках, Элизабет бросилась к тайнику. Освободившись от веревок, мисс Свон свернула деревянного божка с насиженного места и выхватила карту. Медлить было нельзя. Выяснить на собственном опыте, что понимала Тиа Далма под словами «действует долго» Элизабет уже не хотела.

Сунув за корсаж похищенный пергамент, пленница бросилась вон из каюты. Но как только Элизабет распахнула двери, она нос к носу столкнулась с маленькой китайкой. Худенькую девушку в черном национальном одеянии трудно было заметить в темноте. Матросы, уже хорошенько распробовавшие бочонок с подаренным ромом, в большинстве своем спали прямо на палубе. «Хотя бы сонный отвар подействовал как надо» - с досадой подумала Элизабет. Тем не менее, несколько самых стойких выпивох продолжали колобродить и подпевать друг другу нестройными голосами. И конечно, если бы китайка подняла шум, они бы бросились на помощь своему капитану, но девушка молчала. Сделав Элизабет знак не шуметь, незнакомка жестом попросила следовать за ней. По правде сказать, пробираться по темной палубе не зная корабля это еще то удовольствие. И Элизабет признала, что без помощи этой

девочки, её бы давно сцапал кто-нибудь из пьяных матросов Фенга, на которых легко было наступить в потемках.

Наконец, они выбрались подальше от веселящейся команды. Китайка остановилась и, перегнувшись через борт, указала в ночную тьму. Беззвездную ночь скупо освещал полумесяц, временами, скрываемый облаками. Вглядевшись в ночь, Элизабет различила шлюпку, притаившуюся в тени борта джонки:

- Уилл! – как можно более громким шепотом позвала Элизабет.

- Мы здесь мисс Свон! – ответил голос мистера Гиббса. – Давайте, мистер Тёрнер, нужно подгрести ближе.

Плеск весел и едва различимое движение в темноте обозначило их местоположение.

- Элизабет, отойди в сторону! – раздался приглушенный голос Уилла. Девушки отстранились от борта, и тут же в него с глухим стуком воткнулся абордажный крюк.

- Спускайтесь, мисс Свон, – позвал Гиббс.

Элизабет обернулась к своей помощнице. Рассмотреть её в темноте было трудно. Она была чуть младше Элизабет. Длинные прямые волосы, пронизательные, но печальные глаза. Она казалась несколько бледнее, чем должна быть азиатка, но возможно так виделось из-за лунного света.

- Спасайтесь, госпожа, – сказала вдруг девушка на английском языке. Элизабет удивилась:

- Как твое имя?

В это время со стороны палубы послышался грохот и брань. В лице китайки отобразилась ненависть, она вздрогнула и быстро обернулась на шум.

- Мое имя Чунмин. Торопитесь же! – она почти требовала. Элизабет не стала больше ждать. Перемахнув за борт и держась за веревку абордажного крюка, она соскользнула в темноту. «В конце концов, хорошо, что так темно» – подумала Элизабет, представив со стороны свой спуск.

Она приземлилась как раз между Уиллом и мистером Гиббсом. Нервная дрожь постепенно унималась. Ветерок теплой ночи приятно обдувал лицо и хотя запястья еще ныли от хватки веревок, а щека горела от удара, Элизабет радовалась как истинная разбойница, сбегаящая из тюрьмы. Она обманула надзирателей и тюремщика и скоро вместе с друзьями и добычей вернется на свой корабль.

- Как прошло дело, мисс Свон? – не удержался от вопроса Гиббс, отталкиваясь веслом от борта «Ин Цзяо».

- Все отлично, она у меня! – улыбнулась Элизабет, хотя в такой темноте выражений лиц практически не различалось. Ей хотелось, чтобы этот вопрос задал Уилл, но Уилл молчал, отвернувшись к носу лодки. На почтенном расстоянии от «Ин Цзяо» на волнах покачивалась их «Шень».

- А-а! Вот и мисс Свон! – произнес Барбосса тоном хозяина, встречающего гостей, зашедших на пирушку. Стоя подбоченясь у штурмтрапа³ их джонки, капитан внимательно вглядывался в забиравшихся на палубу Элизабет, Уилла и мистера Гиббса.

- Ну и каковы ваши успехи, мисси⁴? – как не странно Барбосса, уговоривший недавно полбочонка рома на пару с Фенгом, сейчас выглядел абсолютно трезвым. Элизабет повернулась к нему боком, вытаскивая карту из-за корсажа.

- Какая скромность, – в полголоса прокомментировал Барбосса, обратившись к Рагетти. Уилл наблюдал за невестой, прислонившись к борту.

- Вот она, капитан Барбосса, – Элизабет протянула пирату потрепанный пергамент. Откуда ни возьмись, неслышно, словно черная кошка, рядом с ними возникла Тиа Далма. Ведьма улыбнулась своей леденяще-приветливой улыбкой

³ Штурмтрап – веревочная лестница с деревянными перекладинами, спускающаяся за борт судна для высадки и посадки людей во время шторма

⁴ Мисси (missy, англ.) – пренебрежительная форма обращения к девушкам, образованная от "мисс" (miss).

и приняла древний документ как величайшую ценность. Элизабет не разделяла её радости, еще впечатленная действием «Зелья искренности».

- Это она? Проверьте! – потребовала девушка. Обезьян Джек запрыгнул на плечо хозяина и ощерился острыми зубками на Элизабет, изобразив то ли улыбку, то ли устрашающую гримасу.

Тиа Далма услужливо развернула пергамент перед капитаном. Барбосса взглянул на документ, через минуту выражение большого изумления на его лице доказало, карта та самая.

- Отлично, - хищно улыбнулся старый пират. – Да вы просто разбойница мисси. Не хмурьтесь, это комплимент. Мистер Гиббс, мы отплываем. Немедленно!

Свернув карту и запихнув её внутрь своего заношенного камзола, Барбосса многозначительно переглянулся с Далмой и удалился прочь. Элизабет вздохнула. Пинтел, Коттон, Рагетти как тени сновали по палубе, Гиббс раздавал указания их небольшому экипажу. «Шень» просыпалась и распускала свои перепончатые паруса-крылья, чтобы вновь лететь навстречу их давней цели – Чёртовой Прорве, прямому входу в морское чистилище, где по легенде оставались все погибшие в море. Куда должен был попасть и капитан Джек Воробей.

Элизабет подошла к Уиллу. Он опустил глаза. С самого утра этого безумного дня Уильям был как чужой, Элизабет не понимала, что с ним, и это её беспокоило.

- Уилл, - произнесла она устало и тихо, - Я даже не верю, неужели скоро все закончится?

Ответный взгляд Уильяма никак нельзя было назвать полным радужных надежд. Откуда эта горечь и тоска? Он выглядел измученным и мрачным, впрочем, всем им пришлось не легко.

- Уилл, - твердо сказала Элизабет, стараясь, чтобы голос не дрожал, - Я должна тебе что-то рассказать. Сейчас.

Она отвела взгляд, скрывая волнение. Правда мучила её долгие месяцы. Теперь можно было все рассказать. Возможно, очень скоро Джек будет с ними, и о гибели «Черной Жемчужины» и её капитана можно будет забыть как о страшном сне. Вдруг, Уильям приблизился к Элизабет и обнял, но не так, как когда-то прежде нежно и благоговейно. Он почти схватил её, жадно, словно через секунду она могла исчезнуть.

- Ты и вправду настоящая морская разбойница, - он поцеловал её требовательно, почти грубо, почти как Сяо Фенг несколько минут назад.

- Прекрати! – Элизабет вырвалась, - Да что с тобой твориться?

- Ничего, - мрачно ответил Уильям, выпустив её из рук. – У нас полно работы, мне нужно идти. Элизабет растерянно смотрела ему вслед.

Барбосса стоял у штурвала, выводя «Шень» на нужный курс. Пока пираты Фенга мирно спали, упившись ромом по рецепту Тиа Далмы, у него был приблизительно день форы. После догонять их будет бессмысленно.

- Как ты поступишь теперь? – Далма, бесшумно появилась на капитанском мостике. Её тонкая рука, словно змея, скользнула по плечу старого пирата.

- Надеюсь, карта не вымысел сумасшедшего? - спросил Барбосса.

- Хочешь проверить? – улыбнулась ведьма.

- Ты просто читаешь мои мысли, Тиа. Пожалуй, тебе стоит поговорить с мисс Свон?

- Конечно, - ответила она, ластясь к пирату, - ты просто читаешь мои мысли, Барбосса.

Глава 2. Перст судьбы

Уснуть во время сильной бортовой и килевой качки практически не возможно. Особенно на старом судне, когда волны гулко бьют в борта, а каждая мачта и парус скрипят на свой манер. Мысли о том, что именно из такелажа может оторваться в данный момент, сами собой посещают голову. Где-то на верху над океаном утро сменяло ночь, и небо едва светлело у

горизонта. Элизабет лежала в своей каюте, свернувшись калачиком на кушетке. В каюте было еще темно. Элизабет не спала, но не только из-за скрипов и качки, её сознание будоражила мысль, что сегодня утром «Шень» достигнет Чёртовой Прорвы. С одной стороны цель была близка, и все шло отлично. С другой стороны Элизабет не покидало чувство, что жизнь её течет по давно кем-то намеченному плану, и от неё уже ничего не зависит.

Мисс Свон вспомнила их отплытие. Когда-то джонка «Шень» знала лучшие времена. Лет пятнадцать она медленно тлела под тропическими ливнями на острове Тиа Далмы, вращаясь в ил. Как этот странный корабль оказался в чужих краях, знала, пожалуй, только Далма. Тогда Элизабет заподозрила, что Барбосса и Далма знали о злоключениях команды «Черной жемчужины» гораздо больше подробностей, чем хотели показать. Далма поддержала идею вернуть Джека, прекрасно зная, что в тот момент никто не скажет: «Нет». Корабль ждал с поднятыми парусами, уже оснащенный и насколько возможно подготовленный к плаванию капитаном Барбоссой. Оставалось только найти команду и встать на нужный курс. Но в тот момент, Элизабет не придавала значения этим обстоятельствам. Её совесть требовала вернуть Джека, а на фоне этого все отступало на второй план. Что касается остальных, то они были только рады возможности быстрее начать путешествие.

Путешествие оказалось долгим. Тогда, отправляясь в путь, ни мисс Элизабет, ни Уилл Тёрнер не представляли, что означают слова «пересечь два океана», что такое адский проход мыса с издевательским названием Мыс Доброй Надежды, что значит штиль и как страшен настоящий шторм. Элизабет приходилось буквально жить в мужской одежде, и довольствоваться редким купанием в морской воде во время остановок на островах. Приходилось питаться тем, что состряпал мистер Гиббс, пить ром, когда не оставалось пресной воды и изнывать от жары. Немного освежиться можно было во время непогоды, под дождем и волнами, набегавшими на корабль. Огромная масса моря поглощала тепло как ненасытная утроба, прогреваясь лишь в верхних слоях, и во время штормов мореплавателей частенько окатывало холодной водой. «От морской воды не простужаются, мисс», - бывало говаривал Гиббс, вынимая Элизабет из щелей шпигатов, куда её смыла очередная волна. Одежду приходилось сушить прямо на себе, клакая зубами от холода.

С первых же дней путешествия мисс Свон оценила фразу: «Джек был отличным капитаном». Бороздить моря с капитаном Воробьем ей довелось совсем недолго. Однако почему его так любила команда, по-настоящему стало понятно лишь, когда она оказалась под командованием Барбоссы. В отличие от Джека, Барбосса требовал жестокой дисциплины и гонял всех день и ночь.

Команда «Шень» составляла всего из восьми человек. Это значило, что работать приходилось всем, включая и мисс Свон. Барбосса здраво рассудил, что лишние люди это лишние рты и проблемы. Он не стал набирать команду, оставив только спасшихся с «Черной Жемчужины». Элизабет, когда-то доплывшая на Тортугу под видом юнги, наивно считала себя морским волком, но вскоре стало понятно, какими салагами в морском деле были она и Уилл. К счастью, джонка оказалась не столь сложна в управлении как фрегат или бриг, тем не менее, вкалывать нужно было от зари до зари, не покладая рук. В редкие же часы отдыха приходилось ходить хвостом за мистером Гиббсом и запоминать «корабельный язык» – названия такелажа, парусов, мачт. Капитан Барбосса не давал им не малейшего роздыха. Море не прощало ошибок, и любое неверно понятое указание капитана могло стоить жизни. В их же случае потеря каждого человека была опасна для всего экипажа и путешествия. Дополнительной неприятностью для Элизабет оказался обезьян Барбоссы. Малыш Джек оказался на редкость злопамятным и донимал Элизабет, неожиданно соскакивая ей на голову или выкидывая за борт украденные у неё вещи. Впрочем, к Уиллу он относился так же.

Изнеженной губернаторской дочке приходилось очень не легко, но никто не слышал её жалоб. Напротив она работала наравне с остальными, даже с каким-то жестоким остервенением к себе, словно искупая какую-то вину. Элизабет привыкла к трудностям корабельного быта. Она научилась удить

рыбу, быстро перезаряжать мушкеты, ставить паруса и обрела «морские ноги»⁵. Теперь, она иначе воспринимала многие аспекты жизни морских бродяг и могла понять некоторые их взгляды на жизнь и гигиену.

Единственным человеком на корабле, свободным от каких-либо обязанностей оставалась Тиа Далма. Казалось, на эту маленькую темнокожую женщину без возраста не влияли никакие невзгоды. Она продолжала невозмутимо носить свои невообразимые платья, окуривать все вокруг дымными благовониями и расчерчивать корабль непонятными символами. Ведьма предпочитала проводить целые дни в своей каюте, из-за двери которой доносилось её невнятное бормотание заклинаний на непонятном языке. Иногда Далма выбираясь на верхнюю палубу и, шатаясь, бродила по кораблю. В такие моменты команда предпочиталась держаться от неё подальше. Однажды, не обращая ни на кого внимания, Далма забралась на фальшборт и бросилась в море. Барбосса сам прыгнул за ведьмой. Когда же они вползли обратно на палубу, капитан изрыгал такие ругательства, что потом еще час все прятались от него по углам, но невменяемой в тот момент Тиа было все равно.

Уилл Тёрнер старался скрыться из виду, едва лишь видел Далму на палубе. Тиа обладала своеобразными взглядами на манеры в общении с юношей. Она предпочитала разговаривать с ним либо с расстояния нескольких саженей, либо неожиданно повиснув у него на шее. Понятно, что Элизабет недолюбливала ведьму.

Уилл был ей все так же дорог, он оставался единственным, кто заботился о ней и видел в ней ту же хрупкую Элизабет. Несмотря на грубую обстановку, Уильям оставался джентльменом по отношению к своей невесте. И Элизабет была очень ему благодарна за это. Уилл связывал её нынешнее существование с жизнью, которую она когда-то представляла, и которую у неё отняли. Сейчас, когда мисс Свон карабкалась по мачтам, удерживала рвущийся штурвал и драила палубу, она не переставала верить, что все будет так, как ей мечталось утром в день свадьбы, когда в её жизни еще не появился лорд Бекетт. Пройдя все испытания, она сможет вернуть Джека к жизни, и все встанет на свои места. Как только она исправит свою ошибку, Элизабет Свон и Уилл Тёрнер найдут свое затерявшееся счастье.

Это была её единственная, слишком хрупкая надежда, чтобы поставить её под удар. Девушка ничего не рассказала Уиллу о своем «прощании» с капитаном Воробьем. Хотя Элизабет чувствовала себя очень скверно, она пошла на сделку с совестью, надеясь забыть историю гибели Джека с его возвращением. Для неё Уильям оставался прежним.

Уиллу же их плавание не доставляло ни малейшей радости. И если Элизабет жила надеждой, то надежды Уильяма с каждым днем таяли на глазах. Ведь ежеминутно он думал, что все её старания, торопливость и самоотверженность предназначалась не ему. Увиденное на палубе «Черной Жемчужины» прочно засело в его памяти. Элизабет менялась на глазах. Ставя себя на место Джека Воробья, Уильям понимал, совсем не хочет его возвращения даже из благодарности за спасение.

Море убивает слабых первыми, но Уилл проявил небывалую выносливость и крепость духа. Теперь в этом загорелом молодом человеке в обтрепанной одежде, мало кто мог узнать застенчивого юношу-оружейника из Порт-Ройяла. Сильные руки, привычные к тяжелой работе, зоркие глаза, отточенные движения, терпение, переходящее в замкнутость. Он почти не улыбался, но не переставал поддерживать Элизабет, несмотря на всю горечь, что копилась в его душе. Казалось бы так просто намекнуть: «Зачем мы здесь Элизабет?», или грозно насупившись выдать: «Я знаю все!», или спросить: «Ты любишь меня?». Эти слова вертелись в голове Уильяма неоднократно, но он не задал ни одного из вопросов. Он не хотел знать ответов, не хотел слышать объяснений. Более того, он почти уверился, что все знает и так.

Сейчас, когда карта была у них, и путь к Чёртовой Прорве стал известен, Уиллу было как никогда плохо. Элизабет сказала, что хочет ему что-то

---

⁵ «морские ноги» - умение прочно стоять и шустро бегать по зыбкой палубе, да так, чтобы не смыло за борт во время шторма или сильной качки.

рассказать. Она пыталась сделать это пока «Шень» выходила в Индийский океан, но все время что-то мешало. Честно говоря, у них и раньше было мало возможностей для общения наедине. Капитан так нагружал их работой, что это стало практически невозможно. В последнее время Барбосса часто оставлял мистера Тёрнера на «собачьей» вахте с полуночи до четырех утра, пока в море не видно не зги. После такого дежурства единственное, на что хватало сил – упасть на койку и уснуть хотя бы на четыре часа до следующей вахты. Отчасти Уильям был рад, что Элизабет так и не удалось поведать ему свою «тайну».

В самом начале их путешествия он пытался выяснить отношения, но то, что творилось с его невестой, заставило Уилла крепко задуматься. Первое время при каждом упоминании о Джеке Элизабет прятала глаза и стремилась скрыться из виду. Однажды после такого разговора он увидел её спрятавшейся на палубе и яростно вытирающей слезы. Она никогда не говорила о Джеке в прошедшем времени.

Элизабет запретила себе думать о капитане Воробье как о погибшем. Она вообще старалась думать о Джеке меньше, но это оказалось невозможно. Даже Уилл, говорил о нём, пристально глядя на невесту. И по началу Элизабет предпочитала находиться рядом с нареченным как можно реже. Постепенно приходя в себя, девушка была вынуждена признать, Джек Воробей значил для неё гораздо больше, чем просто друг. Одно то, что, находясь рядом с ним, она забывала о женихе, говорило само за себя. Его внимание, флирт и фамильярные шуточки были ей приятны, и в некотором роде льстили её самолюбию. Она даже стала забывать одергивать его «любимых» и «цып». Красавчик Джек, как говорила Далма, скольким девушкам он разбил сердца, скольких обманул? И вот одна обманула его самого.

Они играли друг с другом как кошка с мышкой, и при этом каждый воображал себя кошкой. Он привлекал своей необычностью и умением выбираться из любых ситуаций, а так же тем, что принимал ее, как есть, разрушая все социальные барьеры. Она даже смогла увидеть его настоящим без привычной маски обаятельного хитреца и наглеца, тогда на палубе «Жемчужины», перед тем как оставила его погибать.

Элизабет закрыла глаза, вспоминая этот момент: «Пиратка... Да, Джек, ты прав». В дверь тихонько постучали.

- Уилл? – Элизабет поднялась и шагнула к двери. Одеваться не пришлось, настоящим морским волкам некогда тратить силы на переодевание перед сном.

- Это Тиа, мисс Лизабет, - послышался певучий голос Далмы. Ведьма стояла на пороге, сжимая в руках зажженный фонарь. Она вошла, не дожидаясь приглашения, и развернулась к хозяйке каюты, грациозно поставив фонарь на пол.

- Мисс Лизабет не спит? – ведьма улыбнулась, слегка склонив голову на бок. - Мисс Лизабет о ком-то мечтает или кого-то вспоминает в ночную пору?

Элизабет встретила её взгляд, скептически прищурившись:

- Хочешь пожелать мне спокойной ночи?

Игнорируя неприветливость мисс Лизабет, Далма просияла.

- Ты сердишься напрасно, ведь скоро ты увидишь того, кого хочешь видеть каждый день... - улыбка и проницательный взгляд.

- И каждую ночь, - многозначительно добавила ведьма.

Лицо Элизабет оставалось непроницаемым. Глаза Далмы затуманились. Она отвернулась, погрузившись в себя, голос её стал глухим:

- Чёртова Прорва, за бортом, ждёт новых жертв. Мужчины отправятся сегодня в опасный путь. Им придется сразиться не только за жизнь Джека, но и за свои жизни. Барбосса хочет, чтобы Вильям пошел тоже.

- Я пойду вместе со всеми, - твердо заявила Элизабет. Она решила это еще до отплытия в Сингапур, лишь услышала легенду о Чёртовой Прорве и карте, указывающей к ней путь. Тиа неожиданно улыбнулась и сделала шаг навстречу Элизабет:

- Ты думаешь карта настоящая?

- Что значит «думаешь»? – нахмурилась Элизабет, вопрос застал её врасплох. - Ведь ты сама сказала...

- Никто не знает, что скрывают эти волны. – Тиа начала блуждать по каюте, обошла вокруг Элизабет. Она разговаривала, словно сама с собой, - Легенды не всегда правдивы. Может быть, карта только вымысел безумца? Мы всего лишь слабые женщины. Зачем вам рисковать, мисс?

Элизабет понимала, что у неё нет ответа на эти вопросы. До сих пор сомнений в успехе их предприятия не возникало. Но если Тиа права, если карта всего лишь ничего не значащий рисунок? Ответ был один: все они просто утонут. Конечно, Сяо Фенг пользовался картой, но для того чтобы обходить опасные места в океане, вряд ли он пытался кого-то спасти из той же Чёртовой Прорвы.

- Не ходите, мисс Лизабет, вас не станут винить, - Тиа приблизилась к ней, её гипнотический взгляд заставил девушку поёжиться. Свет от фонаря тускло освещал лицо ведьмы, и где-то глубоко в тёмных, словно угольных глазах Тиа вспыхивали дьявольские огоньки.

- Я должна поговорить с Барбоссой, - ответила Элизабет, исподлобья взглянув на собеседницу. Она вышла из каюты, Далма скользнула за ней, прихватив фонарь.

Элизабет выскочила на палубу. Тяжелое совсем не утреннее небо нависло над океаном. Всплывающее из воды солнце красило облака в оранжевый свет. Было слишком тихо. Тихо как в могиле. Ни всплеска, ни ветерка, волны почти не двигались. На палубе собралась почти вся команда: Барбосса с сонным Джеком на плече, Пинтел, всклокоченный и заспанный Рагетти, мистер Гиббс у штурвала и Коттон с попугаем. Не было только Уилла. Птица Коттона забила крыльями и издала жалобный скрип. Все, включая Элизабет, смотрели на простор океана, туда, где в десятке саженей от борта «Шень» волны становились черными, обозначая границу гиблой Прорвы.

- Чёртова Прорва! – воскликнула Далма почти с восхищением.

- Капитан! – Элизабет шагнула к Барбоссе.

- Отличная погодка чтобы отправиться в ад! – оптимистично заявил пират, обернувшись к мисс Свон, - А как думаете вы, мисси?

- Я думаю, не стоит нам всем идти туда. Мы ведь, не знаем, что нас там ждет, - Элизабет решила, что никто не должен расплачиваться за её ошибку, ведь в гибели Джека виновата только она. Ни Уильям, ни Гиббс, ни Барбосса, никто не должен был рисковать из-за её вины.

- Я бы не прочь туда не соваться, - пожал плечами капитан, - Да только как нам тогда вытащить Джека, а? Сдается мне, у мисс есть идея на этот счет? – Барбосса подмигнул Элизабет. Он склонил голову, приготовившись внимательно её выслушать. Обезьян Джек у него на плече в точности скопировал движение и выражение лица хозяина.

- Пусть туда спустится только один, - Элизабет решительно смотрела капитана, - Корабль нельзя оставить без присмотра.

- Это мудро мисси, двоих можно и на веревке вытащить - рассудил Барбосса, изобразив понимающий взгляд. Резко развернувшись к команде, он хохотнул:

- Осталось только найти добровольца! Ну-ка ребята, кто хочет стать героем?

Барбосса обвел собравшихся подбадривающим взглядом, но никто не торопился сделать шаг вперед.

- Может, позовем Уильяма Тёрнера? - робко предложил Рагетти.

- Я пойду! Одна, - твердо сказала Элизабет.

Уилл, пошатываясь, вышел на палубу, туда, где слышались голоса. После ночной вахты он почти засыпал на ходу, но все же собрал силы, чтобы выйти и взглянуть на Чёртову Прорву, в которую ему вместе с остальными предстояло спуститься через несколько часов. То, что он увидел на палубе, выглядело очень странно.

Вся команда наблюдала за тем, как Барбосса обвязал веревку вокруг талии Элизабет, а потом помог ей забраться на фальшборт. Элизабет уцепилась за ванты и, обернувшись к команде, заметила Уилла.

- Элизабет? Что здесь происходит? – произнес он жестко.

- Э... капитан, я не думаю... - попытался что-то сказать мистер Гиббс, но быстро умолк под взглядом Барбоссы.

- Ну что же вы, мисс? – спросил Барбосса, - Хотите отдать распоряжение мистеру Тёрнеру?

- Не беспокойся, если она будет тонуть, мы вытащим её на веревке, с ней ничего не случится, - утешительно заверил Уильяма Пинтел, явно не веря в свои слова.

Сердце Элизабет сжалось. Взглянув в темную воду Прорвы, она медлила.

- Элизабет, не делай глупостей! – Уилл направился к ней, стараясь говорить как можно спокойнее - Слезай оттуда.

Девушка обернулась к нему.

- Нет, Уилл! - остановила она его.

- Я должна... пойми... - выдохнула Элизабет и бросилась в океан.

Всплеск, неглубокое погружение, и вот она уже плывет навстречу темной границе, преодолевая сопротивление воды. Она слышала, как попугай Коттона завопил: «Человек за бортом!», как Уильям отчаянно крикнул ей вслед: «Элизабет вернись!» Она плыла быстро, спеша пока страх не охватил её существо, пока инстинкт не заставил повернуть назад. И вот, она словно провалилась в глубину, едва успев жадно схватить глоток воздуха. Вода накрыла её с головой, Прорва схватила свою жертву. Уши заложило, и морская соль щипала глаза.

Ничего не произошло. Никакой другой реальности, ни перехода в потусторонний мир. Вода светилась над ней под лучами утреннего солнца, все больше увеличивая свою толщу над головой. Элизабет охватила паника, удерживая дыхание, она рванулась навстречу спасительному свету, но было поздно. Мысленно она ругала себя за доверчивость, за то, что ничего не сказала о своей затее Уиллу. Отчаянно она пыталась вынырнуть, преодолеть смертельное притяжение, не веря, что все закончится сейчас, здесь. Вдруг веревка, охватывающая её талию, натянулась, рванулась и... развязалась сама собой. С какой-то дурацкой радостью Элизабет вспомнила полное название морского узла, который завязал на её талии Барбосса. «Самозатягивающийся» - улыбнувшись, сказал он. «Мокрый полуштык⁶, самозатягивающийся и саморазвязывающийся, если точнее», - подумала Элизабет. Сердце гулко било в ушах. Вверх предательски сочились пузырьки её последнего вдоха, а она продолжала падать вниз. Разум требовал воздуха, и как не сопротивлялась Элизабет, инстинкт самосохранения заставил её вдохнуть. Вода вперемешку с воздухом хлынула в бронхи, вызывая спазмы, сбиваясь в пену и отравляя кровь. Элизабет уже не чувствовала ни боли, ни судорог, охвативших тело. Сознание провалилось в темную мглу, оставив её падать на дно. «Джек, прости...» - была её последняя мысль.

- Элизабет! – Уилл бросился к борту, но девушка уже отплыла от корабля.

- Элизабет вернись! – требовал Уилл. Он видел, как, достигнув темной границы Прорвы, его невеста скрылась под водой. Схватив конец страховочной веревки, Уилл потащил на себя, натянувшись, веревка внезапно ослабла и вернулась развязанной. Элизабет осталась в Чёртовой Прорве.

- Отлично, - мрачно проговорил Барбосса. Его доброжелательность улетучилась в один миг, он едва заметно кивнул, и Пинтел с Рагетти навалились на Уильяма, не давая ему броситься следом за невестой.

- Пустите, мерзавцы!

---

⁶ Мокрый полуштык - узел, рассчитанный для сильной тяги и быстрой отдачи. Легко сбрасывается, будучи сильно затянутым и намокшим.

Барбосса смотрел на вырывающегося Тёрнера, почти торжествуя. Мистер Коттон и мистер Гиббс находились в полной растерянности. Тиа Далма улыбалась.

- Что уставились? - рявкнул Барбосса, - Отплываем! Здесь нам больше нечего делать.

- Что?! - прорычал Уильям, отшвырнув, наконец, Рагетти. Пинтел же, потеряв равновесие, шмякнулся на палубу и, потирая ушибленное место, отполз от разъяренного Тёрнера подальше.

- Мы вытащим её, - прошипел Уильям в мгновение ока, приставив к груди Барбоссы шпагу.

- Не стоит, мистер Тёрнер... - предупреждающе начал мистер Гиббс.

- Я никого не собираюсь вытаскивать, мистер Тёрнер, - ответил Барбосса. Уиллу было не до шуток. Удрученно возведя на миг глаза к небу, капитан Барбосса, выхватил саблю и резко отбил шпагу Тёрнера. Клинки зазвенели.

- Мы добыли карту, доставили вас на край света, мисс Свон сама бросилась в Прорву, я лишь поддержал её начинание выгодное нам обоим. Контракт расторгнут! - чеканил Барбосса, нанося удары. Уильям хорошо фехтовал, однако сегодня он был слишком измотан бессонной ночью, и коварным выпадом Барбосса смог сбить Уилла с ног. Пират выбил из его руки шпагу и отшвырнул прочь.

- Вы что всерьез думали, что я отправился в это проклятое плавание ради спасения Джека Воробья? - глумился Барбосса, возвышаясь над юношей.

- В любом случае этот проходимец наверняка горит в аду, и искать его по чистилищам напрасный труд, - рассмеялся он, - А ваша красotka... дождитесь Страшного суда, мистер Тёрнер. Возможно, невеста всплывет сама? Уилл не верил своим ушам, но понимал - все, что говорит Барбосса правда.

- Тогда зачем все это? - зло спросил Уильям, сжимая кулаки и прикидывая как можно быстрее прикончить пирата. - Зачем вы притащили нас сюда?

- Да вот ради этого, - Барбоссе давал разъяснения по своему хитрому замыслу не без гордости. Он вытащил из камзола потрепанную карту и повертел ей перед носом поверженного Уилла.

- Мисс Элизабет была так мила, что добыла для нас эту вещь. Вы даже не представляете ценность этой карты. Однако прежде чем мы отправимся навстречу истинной цели нашего путешествия, карту нужно было проверить на подлинность. И самоотверженная гибель мисс Элизабет в Чёртовой Прорве подтвердила её. И отчего это мисс Свон так не хватало Джека? Что же, мы совместили приятное с полезным. Кстати, вы еще не ревнуете вашу невесту, а мистер Тёрнер? - Барбосса осклабил желтыми зубами.

- Но не стоит волноваться, - подмигнул пират, - Мисс Свон наверняка попадет в рай, и наш Воробушек до неё не доберется.

Уилл ухитрился вскочить и бросился на капитана. Пинтел, Рагетти и даже мистер Гиббс кинулись к нему, чтобы удержать.

- Не делай глупостей, сынок, - уговаривал Гиббс, - Ей ты уже не поможешь, а сам погибнешь.

- Щенок, - презрительно бросил Барбосса.

- Я бы выбросил тебя следом за твоей красоткой, но ты мне еще пригодишься. Отведите, его в каюту, - приказал он пиратам, - Свяжите и запирайте, как следует! Пусть пока придет в себя! Хватит болтовни! И, кажется, я командовал к отплытию!

Через некоторое время, изменив курс, «Шень» уходила на запад, оставив позади Прорву и её жертв.

Глава 3. Чёртова Прорва

Иссохшая Кисть Руки выползла из-под обломка доски, поблескивая золотым перстнем. Она была здесь уже очень давно и являлась единственной частью тела, что осталась от её прежнего владельца. Был ли он славным пиратом, финикийским морским разбойником или матросом королевского флота

сейчас уже никто бы не вспомнил. Его плоть и кости давно превратились в прах, и перемешалась с солью, покрывавшей все вокруг. Рано или поздно такая участь ждала всех обитателей Чертовой Прорвы. Их проклятые души, навечно были привязаны к своим погибшим телам. И пока от тел оставалось хоть что-то, это что-то могло сохранять подвижность и даже примитивные чувства.

Кисть Руки улеглась проветриться, но неожиданно её покой был нарушен топотом бегущих ног. Чьи-то сапоги, промчавшись мимо, невежливо втоптали Кисть в деревянную труху корабля её прежнего хозяина. Следующие полсотни пар сапог, что преследовали первую пару, окончательно похоронили надежды Кисти на спокойный отдых, и, она поползла следом за пробежавшей толпой, мучимая любопытством.

Капитан Джек Воробей очень торопился, держа на плече бочонок только что реквизированного рома. Судя по угрозам преследовавших его утопленников, бежать нужно было очень быстро. Спотыкаясь через обломки, и поднимая сапогами тучи соляной пыли, Джек все же не выпускал увесистого бочонка из рук. Время от времени с выражением детского ужаса и брезгливости на лице, он оборачивался на своих преследователей и старался бежать еще быстрее.

- Хватай его, ребята! – хрипел грузный пират, размахивая здоровенным палашом⁷.

- Держи вора! Он украл наш ром! – поддерживали предводителя остальные. Расстройство этой разношерстной толпы можно было понять. Ни золотые монеты всех стран, рассыпанные под ногами, ни драгоценные камни, не ценились в Чертовой Прорве так, как ром. Однако у некоторых была и другая цель преследования:

- К черту ром, мне нужна новая рука!

- А мне глаз! Эй, кто-нибудь видит, за кем мы бежим?

- Только, чур, глотку перережу я! Мы все равно все сдохли, так хоть повеселимся!

Равнина неожиданно закончилась обрывом, и Джек едва успел удержаться, чтобы на бегу не упасть в гигантскую воронку.

- Зараза! – пробормотал капитан, взмахнув свободной рукой, стараясь сохранить равновесие, и отпрянул от обрыва. Соль осыпалась в зияющую пропасть, по краям которой торчали тупые желтые зубы, а вполне громкое урчание из глубин говорило, что «воронка» была еще и голодна.

- Ага, попался, гад! – раздались торжествующие крики, - Лучше не рыпайся, а то узнаешь, каково оказаться в утробе у Харри!

Харри – так уменьшительно ласкательно утопленники Прорвы называли зверюгу, похожую на Харибду. Это было недвижимое чудовище, которое ждало, раскрыв гигантскую пасть, пока добыча свалиться туда сама. Но устрашать капитана Джека Воробья какой-то там Харри после трехдневного умирания в брюхе Кракена было бесполезно. Не выпуская бочонка, Джек развернулся к преследователям. Они приближались.

Помятые физиономии, некоторые уже тронутые тленом, другие уже давно истлевшие, отрепья едва прикрывали тела, кое у кого торчали кости. Подобная картина эта для капитана Воробья была не в новинку. Головорезы, когда-то угнавшие вместе с Барбоссой «Черную Жемчужину», щеголяли ребрами, пока не вернули разграбленный клад на место. Джеку в ту пору тоже довелось побывать полуразложившимся трупом. Вспомнив это, капитан улыбнулся, и подумал, что, по крайней мере, он знает, как будет выглядеть через пару лет проведенных здесь.

- Забавно, - пробормотал Джек.

- Что, уже поймали? – спросил безглазый утопленник, вертя головой направо и налево.

- Заткнись, - последовал чей-то неприветливый ответ.

---

⁷ Палаш - холодное рубяще-колющее оружие с прямым лезвием, заточенным с одной стороны, а у конца - с двух сторон, длиной около 85 см.

- Чего зубоскалишь? – кровожадно осклабился толстяк с палашом, обращаясь к Джеку. Они, конечно, не видели того, что за их спинами двигалось по направлению к Харри. Капитану Воробью нужно было только немножко потянуть время.

- Джентльмены! – воскликнул он жизнерадостно, ставя бочонок на то, что здесь было уместно называть землёй.

- Я понимаю ваш гнев, однако не лучше ли было вступить в переговоры?

- Чего?! - не понял толстяк, он явно утонул задолго до принятия Кодекса Берегового Братства.

- Это значит, он хочет поговорить с главарем один на один, - пояснил кто-то более образованный.

- А-а, - протянул, говоривший с Джеком, направляя палаш в сторону Воробья. Главарём он видимо считал себя.

- Я перерублю тебя пополам, - пообещал толстяк и действительно попытался сделать это. Джек едва успел отскочить и балансировал на краю зубастой пропасти, размахивая руками. Разрубить Воробья не получилось, но лезвие палаша прошло так близко, что пересекло ремешок висевшего на поясе капитана волшебного компаса и, он упал в соль. Джеку удалось поднырнуть под палаш, и броситься к своей единственно-ценной вещи, убравшись подальше от пасти зверюги. Хорошая реакция спасла ему голову от второго удара. От третьего удара он увернулся, перекатившись на спине. Вскочив на ноги, Джек, наконец, выхватил саблю. Предпочитая больше увертываться, чем наносить удары, капитан прыгал по узкой полоске земли над пастью гигантского чудовища. Утопленники окружили дерущихся, наблюдая за сражением не вмешиваясь. Все, кто имел глаза, жадно следили за бочонком рома, опасно стоящим на краю пасти Харри. Джек же старался вертеться все время рядом с ним, и оттащить предмет спора не было возможности. Никто не догадался обернуться, пока гигантская тень не нависла над ними, послышались натужные скрипы дерева и скрежет металла. Над соляной пустыней на высоте десятка саженей парил корабль, вернее то, что от него осталось.

Когда-то это был военный бриг. Теперь же корпус представлял собой скопление обломков разной величины, которые летели в одном направлении, подчиняясь неведомой силе. Сломленная фок-мачта⁸ лежала на палубе, высовываясь далеко за борт, словно дополнительный бушприт⁹. С неё ниспадал оборванный перепутанный такелаж¹⁰, а лохмотья парусов шлепали на ветру. Оторванная стенга¹¹ грот-мачты¹² свешивалась почти до земли на вантах и раскачивалась как маятник. Единственно-целый гафельный парус¹³ жалобно скрипел, поворачиваясь вместе со своим рангоутом¹⁴. Больше всего у судна было повреждено брюхо, оно полностью состояло из обугленных обломков, только кормовая и носовая части оставались целыми. Не иначе корабль был когда-то взорван. Кто-то очень расстарался, чтобы судно «взлетело на воздух», и ему это вполне удалось.

Утопленники слишком поздно заметили корабль. Некоторые успели броситься врассыпную, другие упали на землю, спасаясь от качающейся стенки и её растопыренных рей. Джек Воробей, увернувшись от очередного удара палаша, сунул компас за пазуху, подхватил потерянную в драке треуголку и отчаянно прыгнул с обрыва следом за кораблем-призраком. Ему удалось уцепиться за один из оборванных вантов, что свисал почти до земли.

---

⁸ Фок-мачта – самая первая мачта корабля.

⁹ Бушприт – наклонная мачта на носу судна.

¹⁰ Такелаж – совокупность всех снастей на судне.

¹¹ Стенга – вторая часть мачты.

¹² Грот-мачта – вторая, средняя мачта на корабле

¹³ Гафельный парус – трапециевидный дополнительный парус, в данном случае на грот-мачте.

¹⁴ Рангоут – все деревянное вооружение судна: мачты, стенги, реи и прочее. Для гафельного паруса – это два подвижных рея, к которым он прикреплен – гик (внизу) и гафель (вверху). В ПКМ-1 Джек Воробей сбил Уилла за борт гиком, когда тот донимал его расспросами о папочке.

Рискуя сорваться, Джек, словно по веревочной лестнице, карабкался на ют. За спиной слышалась бессильная брань его преследователей, ведь корабль уже летел над пастью Харри и никто не мог последовать за ним.

Вскарабкавшись на палубу, капитан Воробей взглянул вниз. Бочонок с ромом остался у пиратов. Их главарь бессильно грозил Джеку вслед кулаком, перечисляя все, что думает о его близких и дальних родственниках. В это время соль на краю пасти монстра оползла вниз вместе с бочонком, из-за которого случилась вся заварушка.

- Не повезло, - прокомментировал Джек Воробей, видя унылые физиономии утопленников.

Вдруг поверхность земли дрогнула. Монстр, чувствуя добычу, заворочался, и гигантский кратер пришел в движение, стараясь расшириться как можно больше. Утопленники, включая предводителя, слишком близко стоявшие в краю, с воплями разом осели в увеличивающуюся «воронку». Остальные в ужасе бросились прочь, но Харри слишком долго ждала. Кратер разрастался с бешеной скоростью, пока не поглотил всех. Затем пасть захлопнулась, и только довольное урчание напоминало, какое ужасное существо скрыто под этой идеальной соляной равниной. Содрогнувшись, Джек поспешил отвернуться.

- Хм... что же, - капитан Воробей обвел взглядом царящий вокруг него хаос, - А ты, старушка, еще вполне приличная посуда.

Корабль ответил согласным кряхтением, теряя в полете куски обшивки. Штурвал брига уцелел, и оставалось только проверить слушается ли корабль руля. Однако чтобы стоять у штурвала, нужно было проявить не дюжую ловкость. Палуба состояла из разрозненных обломков, и сквозь щели между ними было видно, как некоторые из составляющих частей палубы падали вниз.

Чёртова Прорва простиралась, на сколько мог охватить взгляд. Иссушенная, соляная пустыня, полностью соответствовала душе Дейви Джонса – того, кто её создал. Землю заменяла потрескавшаяся соляная корка. Соль перемешивалась с костными останками погибших людей и животных, обломками затонувших кораблей. Над соляной пустыней шумело небо, точнее море... одним словом, там, где в человеческом мире сияет солнце или бегут облака, здесь волновался бескрайний, вечно хмурый океан. От него исходило фосфоресцирующее белое сияние, давящее и безрадостное как в облачный земной день. В этом свете тускло поблескивали золотые и серебряные монетки, рассыпанные везде, где только можно. Сокровища валялись прямо под ногами, особенно много их было вблизи крупных торговых кораблей и испанских галеонов. Джек никогда не видел такого количества ценностей, которые при этом никого не интересовали.

Сколько кораблей было здесь «похоронено», пожалуй, не сказал бы и сам Дейви Джонс. Иногда попадались целые кладбища, где останки современных парусников, древних галер, китайских джонок и арабских шебек¹⁵ громоздились друг на друга, образуя нечто похожее на городища. Погибшие команды обитали тут же, среди обломков, все так же руководимые своими жестокими капитанами. Утопленники не копили никому не нужные сокровища, потому что все в этом мире, в том числе и их бранные останки, принадлежало Дейви Джонсу. Однако погибшие ревностно охраняли ценности своих кораблей друг от друга, временами затеывая масштабные сражения.

---

¹⁵ Шебеки – арабские парусники, напоминавшие средиземноморские галеры, имели преимущественно военное назначение.

Зато к рому здесь было совершенно иное отношение. Вот что считалось настоящим сокровищем. Причина такого почитания была одна – ром все время кончался, и его запасы пополнялись только с очередным кораблекрушением. На ром играли в кости, за него выменивались части тела, и он был единственным, что помогало обитателям Чёртовой Прорвы на мгновение забыть о своем полумертвом существовании. Помимо выпивки своеобразной отрадой для утопленников была охота за новенькими. Теми, кто оказался в Чёртовой Прорве недавно, и еще сохранял свое тело целым. Теряя со временем конечности, обитатели Прорвы считали, что две руки, две ноги – это неслыханная роскошь, а потому новичок должен поделиться с тем, у кого недостатка. Не удивительно, что Джек старался держаться от корабельных кладбищ подальше.

Не смотря на все это, капитан Воробей считал, что в Прорве было гораздо приятнее, чем в утробе Кракена. Конечно, вернувшись на гибнущую «Жемчужину» Джек не планировал оказаться в брюхе монстра. Он предпочел бы просто отправиться на дно вместе со своим кораблем, как и положено капитану. Однако случилась почти невероятная вещь. Капитан Джек Воробей не смог совладать с чувствами, он растаял от поцелуя юной авантюристки, и выбор сделали за него.

Потеряв надежду выторговать у Джонса свободу, Джек понимал, смерть в тот момент была жестокой, но единственным способом стать свободным от долга морскому дьяволу. И если обмануть Джонса не удалось, возможно, удастся обмануть саму смерть? Бросаясь в пасть Кракена, он не собирался умирать. По крайней мере, не собирался умирать насовсем.

Это была очень давняя легенда. На своем не особо долгом веку Джеку довелось побывать в разных концах земли. В Сингапуре он услышал историю о штурмане, который утонул в море и как положено всем мореплавателям-грешникам угодил в Чёртову Прорву. Однако у того штурмана был особенный компас. Он указывал путь не по сторонам света, а по человеческим желаниям. Благодаря этому компасу мореплаватель смог найти то, за что все отрепье Прорвы отдало бы души второй раз, будь у них такая возможность. Это место называлось Гавань Проклятых – выход наверх, в мир людей. По легенде, отыскав Гавань, штурман вернулся в мир живых. Он еще долго бесстрашно бороздил моря, зная, что если снова окажется в Прорве, то выберется из неё. В

результате многих невероятных путешествий штурман составил карту, на которой отметил все опасные места в океане. Куда делся сам штурман после, не было известно. Карта долго переходила по наследству, пока её не захватили пираты, а волшебный компас капитан Джек Воробей сейчас держал на своей ладони.

Когда мучения в Кракене подошли к своему логическому завершению, Джек с облегчением обнаружил себя в Чертовой Прорве. Первое, что он сделал – взглянул на компас. Но капитана ждало разочарование. Стрелка не показывала направление. Так же, как и несколько месяцев назад она вращалась, не останавливаясь ни на чем. Причин этому могло быть несколько. Самая неприятная из них – Гавани Проклятых не существовало. Другая – капитан Воробей не мог сосредоточиться на цели или неправильно представлял её. Однако Джек прекрасно помнил, когда последний раз видел компас работающим. Пока он недостойно покидал «Жемчужину», гибнущую в щупальцах Кракена, компас, наконец, указал ему самую желанную цель – остров Креста.

Тогда Джек еще не осознал, что на острове находилось сердце Дейви Джонса – то, за чем он гонялся целый год. Все это время его мучил настоящий ужас. Понимая, что морской дьявол направил Кракена охотиться за ним, Джек старался держаться от морских глубин как можно дальше. Он не собирался изображать героя, он хотел жить. На самом деле, от Джонса и Кракена очень легко было избавиться. «Черную Жемчужину» можно было пришвартовать в глухой, мелководной бухточке, а затем провести остаток жизни под крылышком какой-нибудь миловидной хозяйки таверны. Но Джек не мог так поступить, ведь он не просто пират Джек, он капитан Джек Воробей. Море было его страстью, его первой любовью, его свободой. Кому нужен берег, если к нему нельзя стремиться? Суша для моряка всего лишь очень просторная тюрьма. И его душа разрывалась между желанием оказаться в безопасности на земле и целью найти Сундук Джонса, чтобы избавиться от долгового обязательства.

Страх отступил, когда капитан Воробей увидел свою любимицу, свою «Жемчужину», разрушаемую Кракеном. Тогда в шлюпке, когда стрелка указала на сушу, Джек решил, что она повинуется его страху. Он повернул обратно, наперекор своему «истинному» желанию. И хотя этот поступок нельзя было считать до конца благородным, из-за предшествующего дезертирства, зато бескорыстным он был в полной мере, совсем как предвидела мисс Свон. Раз компас заработал, Джек решил рискнуть, надеясь вернуться из Чертовой Прорвы. Но надежды не оправдывались, и Джеку оставалось только бродить по соляной пустыне мёртвого мира, спастись от утопленников и временами, с риском для целостности своего тела, реквизировать у них ром.

Так было вплоть до той погони с участием команды пиратского галеона и летучего брига. Увертываясь от палаша в драке, Джек обратил внимание, что компас снова указывает направление. Сейчас, стоя на мостике спасшего его корабля, Джек убедился в этом. Стрелка больше не крутилась, по непонятной причине она твердо показывала вперед. А значит, впереди была Гавань Проклятых и свобода.

В Прорве не существовало понятий времен года, времен суток и Джек не знал, как долго он здесь пробыл. Тем не менее, капитан Воробей искренне надеялся, что свадьба мисс Элизабет и Уильяма Тёрнера еще не состоялась. Улыбнувшись в усы, Джек положил руку на штурвал и представил, как заявится на торжество отдать один романтический должок невесте и какой наделает там переполох. Предаваясь этим приятным мыслям, Джек уверенно держал корабль заданным курсом.

Глава 4. Полет «Перехватчика»

Сознание Элизабет медленно возвращалось. Еще ощущая соленую воду, заливающую глотку, девушка закашлялась и открыла глаза. Вместо неба прямо над ней шумели и колыхались волны. Мерный шум, похожий на тот, что несут в себе морские раковины, оглушал все звуки, сквозь него Элизабет расслышала гулкие слова:

- Смотри-ка, мамзель очнулась, - радостно сообщил голос с ярко выраженным французским прононсом¹⁶.
- Проклятие... У неё карие глаза, - разочарованно ответил второй.
- Тебе-то, какая разница?
- Я думал, будут голубые, у блондинок должны быть голубые глаза, - упрямылся собеседник, - всегда мечтал о голубых гляделках.
- А она блондинка?.. - заинтересовался тот, что с французским акцентом.
- Ты же с глазом!
- Который ни черта не видит! - раздраженно уточнил француз.
- А может, обменяем на ром? - второй задумался, - За такую крошку нам дадут бочонков шесть... или пять... не меньше трех точно.
- Нет, - отрезал собеседник, - лучше поделим глаза - тебе один, и мне один, а что останется - обменяем.

- Точно! - хищно согласился его приятель.

Элизабет приподнялась на локте, сфокусировать взгляд на тех, кто стоял над ней и так странно рассуждал, собираясь лишить её зрения.

Приятель выглядели практически как братья-близнецы. Различить их можно было, только по цвету тряпок, обматывающих полностью скелетированные тела, да по глазам. Француз прикрывал одну пустую глазницу повязкой. Второй же пират смотрел в оба, но явно не своими глазами, отличавшимися цветом радужки и норовившими смотреть в противоположные стороны.

Придя в себя, Элизабет задала вполне естественный вопрос:

- Где я?..

- Хе-хе, - обрадовался одноглазый, - Добро пожаловать в Чёртову Прорву, крошка! Ну, так кого ты утопила, а?

- Что? - не поняла Элизабет, остановившись взглядом на рукояти своей сабли уже заткнутой за пояс одного из скелетов.

- Как это что?! - возмутился одноглазый, - Бабы не ходят под парусами, раз ты попала сюда, значит, сунулась в море и твой корабль потоп, - объяснил он, присаживаясь на корточки и заглядывая в лицо девушке.

- Женщина на корабле - плохая примета! Так что, таких как ты здесь не любят, - злорадно подытожил его друг, - Давай, плохая примета, вставай. Мы тут с приятелем решили, что твои глаза нам пригодятся.

Французу, сидевшему на корточках, тоже не терпелось обновить зрение, и он угрожающе ткнул в Элизабет острием своей шпаги. Мисс Свон в панике обвела взглядом место, где они находились. Прямо над ней нависал нос огромного корабля, закопанного по самый бак¹⁷ в соль. Его бушприт¹⁸ и утлегарь¹⁹ черным остовом пронзали высь. Вокруг валялись обломки корабельной обшивки.

- Не бойся, тебе не будет больно, - успокаивал одноглазый, пока Элизабет пыталась незаметно нащупать что-нибудь потяжелее, - ты все равно уже утонула.

Удар доской застал одноглазого врасплох. Потеряв равновесие, француз распростерся на земле и выронил шпагу - размахнувшись, мисс Свон изо всех сил приложила его по голове. Голова не отскочила, но лишилась челюсти, которая, отлетев, попала во второго утопленника.

- Ну вот, так всегда! - обиделся скелет с разными глазами, замахиваясь на Элизабет её же саблей. Но девица уже встретила удар шпагой, отобранной у одноглазого. Сам одноглазый, урча что-то невразумительное, ползал вокруг, пытаясь схватить Элизабет за ноги. Она же умело перепрыгивала, сражаясь с его приятелем. Наконец одноглазому удалось, ухватить девушку за щиколотку. Потеряв равновесие мисс Свон, рухнула на землю.

Вдруг раздался треск. Элизабет увидела, как над высящимися останками судна выдвигался нос другого, летящего корабля. В то же мгновение он

---

¹⁶ Прононс - произношение.

¹⁷ Бак - надстройка в носовой части палубы, доходящая до форштевня.

¹⁸ Бушприт - носовая наклонная мачта.

¹⁹ Утлегарь - продолжение бушприта (вторая часть).

налетел форштевнем²⁰ на торчащий вверх бушприт и с треском отломил его утлегарь. Тяжелый обломок ухнул вниз, накрыв только что вставшего одноглазого.

Летучий корабль продолжал парить, громко царапаясь обломками брюха по сломленному бушприту. Приятель француза замешкался, Элизабет вскочила на ноги и дерзко вцепилась в костлявую руку утопленника, пытаясь отобрать свою саблю. Отчаянно дернув оружие за рукоять, девушка оторвала и саблю, и сжимающую её руку. Неожиданно летящий корабль содрогнулся всем корпусом и остановился. Обернувшись, мисс Свон увидела, что он зацепился своей сломленной стеньгой, свисавшей за борт, за торчащую из земли носовую часть. Девушка бросилась к парящему кораблю.

- Эй! Отдай мне руку! – возмущался разноглазый утопленник, преследуя ускользающую добычу. Но Элизабет уже было не остановить. Подбежав к свешивающимся с борта тросам, мисс Свон с удивлением различила на юте летучего судна изъеденную коррозией надпись: «Перехватчик». В следующий момент девушка, испытала радость, от которой её сердце забилося бы в два раза сильнее, если б оно могло биться. Она увидела человека, выглянувшего с юта корабля. Потрепанная треуголка, нитки цветных бусин вплетенные в волосы, и знакомое выражение лица под названием «зараза». Несомненно, это был он.

- Джек Воробей! – закричала Элизабет, вцепляясь в такелаж, - Джек, я здесь!

***

Капитан Воробей недоверчиво смотрел на свой компас и для беспокойства были веские причины. Стрелка дрожала, все время меняя курс, и чем дальше продвигался корабль, тем сильнее становились её колебания. Но прежде чем Джек успел осмыслить эту странность, грянул удар, затрещало дерево, и летящий бриг дернулся от носа до кормы. Ванты, удерживающие стеньгу, поползли по борту, едва не сбив капитана с ног. Выглянув с юта, Джек поморщился – бриг «сел» на остов носа другого судна. Тросы такелажа натужно гудели, но и сквозь их гул были слышны удары клинков и брань. Внизу явно шло сражение частного масштаба. Не желая вмешиваться в эту потасовку, Джек попытался саблей ускорить обрыв тросов, удерживающих бриг, как вдруг услышал знакомый голос, выкрикнувший его имя. Та, кого он с удивлением узнал в следующий момент, подбежала к стеньге и попыталась вскарабкаться по такелажу на борт. Следом за ней прыгал скелетированный обитатель Чертовой Прорвы, требуя отдать ему руку. Элизабет ловко начала взбираться по вантам, скелет последовал за ней.

И тут раздался щелчок. Один, потом другой. Прогнивший такелаж, не выдерживая натяжения, начал лопаться как раз вовремя. Скелет спрыгнул вниз. Он радостно пританцовывал под кораблем и вопил, глядя на Элизабет:

- Падай, падай! Я тебя поймаю!

Элизабет старалась изо всех сил. До девушки уже можно было дотянуться рукой. Щелчок... еще немножко и её можно будет втащить на палубу за шиворот. Щелчок... Она успела уцепиться за его руку, он успел схватить её за жилет и втащить на борт, как раз, перед тем как оборвался последний трос. Вырвавшись на свободу, бриг резко двинулся вперед, и спасшиеся, потеряв равновесие, едва не рухнули на палубу.

Еще дрожа всем телом, Элизабет смотрела в глаза капитана Джека Воробья, человека, которого она так давно не видела и перед которым была очень виновата. На лице самого капитана застыло недоуменное и недоверчивое выражение. Увидеть в Чёртовой Прорве мисс Свон Джек ожидал меньше всего.

- Цыпа... - начал он.

- Джек, - выдохнула Элизабет и, повинувшись какому-то неконтролируемому порыву, бросилась ему на шею.

---

²⁰ Форштевень – брус, образующий переднюю, оконечность судна (продолжение киля в носовой части).

- Джек, я тебя нашла! – прошептала она, прижимаясь к нему, наплевав на все правила этикета и моральной ответственности.

Джек оцепенел.

- Неожиданно, - растерянно пробормотал капитан, когда девушка замерла у него на груди. Он незаметно открыл висевший на поясе компас и хмуро взглянул на стрелку. Догадка была верна. Стараясь скрыть смущение в душе, Джек закрыл футляр.

- Да, Лиззи, - задумчиво сказал капитан, - ты меня нашла...

Вдруг Элизабет отстранилась и испуганно взглянула на пирата:

- Джек, сердце...

- Не бьется, - подтвердил он, слегка улыбнувшись, уже приняв привычный спокойно-безразличный вид, - впрочем, как и у тебя.

Элизабет почувствовала, как он почти неощутимо провел рукой по её волосам. Осознав, что находится к нему слишком близко, Элизабет смущенно отступила.

- Джек! - начала она твердо, стараясь одолеть непонятное волнение в душе, - Ты знаешь, зачем я здесь?

Суровый тон никак не вязался с почти страстными объятиями, только что так щедро подаренными. Джек скрыл улыбку.

- Хм... дай-ка подумать... - притворно нахмурился капитан Воробей, - Лиззи, любимая, ты не выдержала разлуки со мной? Неужели, ты утопилась? Это так романтично, я тронут, правда.

Скорчив трагическую гримасу, Джек попытался обнять её снова.

- Я не топилась! – воскликнула Элизабет, возмущенно отступая на шаг. Особенно её впечатлило слово «утопилась». Мысль о том, что фактически так и вышло, вывела её из себя.

- Что? Я не прав? – Джек изобразил сбитый с толку вид.

- Тебе э... помогли? – продолжал он строить догадки, нахмуренный вид мгновенно сменился хитрой улыбкой, - Дорогой Уильям превратился в ревнивого тирана?

- Нет, - произнесла сквозь зубы Элизабет, - Это сделал Барбосса.

- Барбосса? – эта новость явно не понравилась капитану Воробью. Справившись с собой, он пробормотал, - А я то думал хуже уже не будет...

- Пожалуй, тебе стоит рассказать мне эту занимательную историю поподробней, цыпа, - сказал Джек, усаживаясь на планшир²¹ и не сводя с девушки глаз.

- Времени у нас теперь много.

Элизабет вздохнула и начала длинный рассказ о плавании джонки «Шень».

Мисс Свон была не готова к этому разговору. Она никак не рассчитывала, что окажется запертой в Чертовой Прорве вместе с человеком, которого отправила на смерть. Чувство вины, не покидавшее её все время, наконец-то отступило. Зато неожиданно нахлынуло смущение и странное беспокойство. Судя по реакции капитана Воробья, он тоже хорошо помнил их «прощальный» поцелуй. Элизабет беспокоило, что в свете сложившейся ситуации её появление в Прорве и все предыдущие действия приобретали несколько более заинтересованный вид, чем она хотела показать.

Рассказывая историю приключений их команды после гибели «Черной Жемчужины», мисс Свон поведала о том, как все были огорчены гибелью капитана, как все решили отправиться на край света, чтобы спасти его. Она рассказала о внезапном и загадочном воскрешении Барбоссы, о странной заинтересованности Тиа Далмы. Капитан Джек выслушивал каждое слово, внимательно наблюдая за выражением лица Элизабет. Особенно пирата занимало участие в этом походе самой мисс Свон, но пока он не задавал вопросов. Она же с невозмутимым видом тщательно сглаживала моменты, выдающие её рвение. Однако необдуманный прыжок в Прорву и похищение

---

²¹ Планшир - самый верхний, широкий брус на фальшборте палубных судов (заменяет перила)

карты у Сяо Фенга подрывали все её старания на корню. И именно эта часть рассказа интересовали капитана Воробья более всего.

- Тебе удалось убедить Фенга отдать главную его ценность, но вряд ли дело обошлось одним ромом, верно? – Джек с удовольствием представил, как грозный Сяо обнаружил пропажу.

- Капитану Фенгу следовало бы поучиться манерам, – пожала плечами Элизабет. Она по праву гордилась этой операцией и не могла скрыть улыбки, – За то он и поплатился.

- Я уже говорил, что восхищаюсь людьми готовыми на все для дела? – Джеку очень хотелось добавить «и меня», но он сдержался. Впрочем, Элизабет была достаточно наблюдательна, чтобы прочесть это в его взгляде.

- Что же, – заключил пират, когда она закончила свой рассказ, – Барбоссе, видимо, нужна была карта Сяо Фенга, и он не преминул воспользоваться вашим благородным желанием вернуть меня к жизни. Забавно, что в деле замешана Тиа Далма, это не спроста. Тиа знает все о человеческих слабостях, иногда ей опасно доверять.

- Карта не могла нам помочь спасти тебя? – высказала Элизабет свою догадку.

- Нет, – подтвердил Джек, – Из Хэй Мин, куда вас привел Барбосса в принципе невозможно выбраться. Любой корабль или живое существо, попадая туда, мгновенно опускается на дно. Впрочем, на карте указано другое весьма интересное место. Ханг Чжоу, или по-нашему Гавань Проклятых.

- Это выход из Чёртовой Прорвы? – во взгляде мисс Свон зажглась надежда, – Ты знаешь, как туда попасть?

Элизабет показалось, что лицо Джека потемнело. Словно, что-то угасло в его глазах. Капитан соскочил с планшера и приблизился к ней, девушка непонимающе следила за ним. Джек явно хотел что-то сказать, но вдруг отвернулся и отошел к борту. «Проклятье!» – чуть слышно проворчал он.

- Ну же, – подбадривала Элизабет, – Ты ведь уже что-то придумал?..

Обломки мачт поскрипывали в тишине, лохмотья парусов шелестели на ветру. Джек молчал. Мисс Свон поняла, что они застряли здесь надолго. Она пыталась собраться с мыслями. Ей уже давно нужно было сказать это. Речь не раз продумывалась ранее, но сейчас все заготовленные слова вылетели из головы.

- Джек прости... за тот... – Элизабет осеклась, – За то, что я сделала.

Капитан Воробей обернулся к ней. Грусть не исчезла, но он смотрел заинтересованно. Ему припомнился другой корабль и другой разговор. Тогда на «Разящем» она тоже стояла мучимая сомнениями и совестью. А он был пленником, которого оставили в живых только ради указания курса. Нет, она не привыкла хладнокровно убивать людей. Впрочем, ему этот способ решения проблем тоже никогда не нравился. Пиратка... как же ей наверно было больно все это время. Такое искупало многое.

- Я знаю, глупо говорить теперь «мне жаль»... – продолжила девушка, храбро взглянув ему в глаз, – Но мне действительно жаль...

- Ты напрасно беспокоишься, любимая, – сказал он, сделав шаг ей навстречу.

- Ты была так близко... – произнес Джек как можно мягче. Теперь он стоял рядом и мог коснуться рукой её волос, её щеки. Было безумно грустно оттого, что сердце теперь не бьется. Элизабет неотрывно смотрела в его темные глаза. Ни возмущения, ни протеста, немного удивления может быть...

- В общем, – продолжил капитан Воробей, становясь смелее с каждым словом, – это того стоило. Конечно, я предпочел бы другой вариант, не такой смертельный. Но этот тоже не плох, – он склонился к ней, приподняв её голову за подбородок, – В конце концов, с милой и в чистилище рай, а?

- О, Джек! – с восторгом прошептала Элизабет.

- Я польщена, – продолжила она, кратко взглянув на его губы, – но, кажется, ты говорил, что море твоя единственная страсть?

Джек удивленно приподнял бровь, встретив её вновь гордый и насмешливый взгляд. Довольная произведенным эффектом, Элизабет улыбнулась, обошла пирата и зашагала к штурвалу.

- Цыпа! Да где же ты видишь здесь море?! – воскликнул он, скорчив по-детски обиженную физиономию.

Элизабет молча указала пальцем вверх.

- Это не море! – развел руками капитан, - А издевательство!

- Идемте, капитан Воробей! Мы должны попробовать выбраться отсюда.

Она бы ни за что ни призналась, что снова едва не поддалась его обаянию. Джеку об этом лучше было не знать.

Штурвал – тяжелое двойное колесо с точеными спицами. Его гладкие рукояти-шпаги, отполированы в дальних плаваниях и в боевых вахтах многими мозолистыми руками. Спросите Рагетти – он, изобразив одухотворенную физиономию, расскажет, что штурвал на юте, все равно, что трон во дворце. В принципе правильно, хотя все и будут смеяться над таким сравнением.

Здесь место капитана, здесь определяется судьба всей команды, когда идет сражение с ветром и волнами. В шторм море бросает корабль, как скорлупу, а перо руля выворачивается так, что штурвальное колесо того и гляди, вырвется из рук. В такое время нужна большая сила, чтобы удержать судно без отклонений на нужном галсе²². «Потому колесо делается двойным», - объяснял мистер Гиббс Элизабет, - «Чтобы несколько матросов могли держаться за шпаги²³». Девушка задумчиво провела рукой по все еще гладкому дереву.

- Никак у тебя есть план, цыпа? – осведомился капитан Воробей. Он шел следом, стараясь не провалиться в дыры между досками разбитой палубы. Элизабет обернулась. Теперь она завязывала волосы в хвост лентой. Охота щеголять распущенной шевелюрой пропала после первого месяца отсутствия нормального мытья. Тратить на помывку драгоценную в море питьевую воду равносильно самоубийству. «Хотите почистить перышки, мисси – прыгайте за борт» - говорил Барбосса, с таким выражением на лице, что интерес читать ему проповеди о чистоте пропадал напрочь. Однако слишком часто нырять в соленую воду тоже сомнительное удовольствие, на ветру кожу моментально обветривает. Элизабет потеряла шляпу, еще падая в Хэй Мин, возможно, сейчас какой-нибудь скелет радовался обновке. Впрочем, с непокрытой головой она более походила на мисс, а не на мальчишку-матроса, и Джек был совсем не против этого.

- Когда Барбосса заполучил карту, - начала Элизабет, - Он тщательно изучал её, и нашел одну странную надпись, он смог прочесть...

- Прочесть?... не знал, что он умеет... - не удержался Джек.

- Джек!

- Мм? Я весь во внимании...

- Это было какое-то стихотворение, похожее на указание, - Элизабет нахмурилась, стараясь припомнить слова. Джек наблюдал, как она по-хозяйски расположилась у штурвала, облокотившись на тяжелое колесо.

- Неплохо смотришься, - заметил он.

- Ах, да. Капитан, это же ваше место, - отступила Элизабет, маскируя иронией смущение.

- Ну, так в чем заключалась подсказка? – без особого энтузиазма осведомился Джек, заняв свое место. Он уже догадывался, о чем пойдет речь.

- В Хэй Мин попадая, следуй желаниям, стрела поможет... - припомнила Элизабет. Джек усмехнулся.

- Ты сказал, что из Хэй Мин невозможно выбраться. Ты знаешь, названия на карте и что за места они означают. Ты её видел, - Элизабет расхаживала по юту у него за спиной.

- Довелось один раз, - подтвердил капитан Воробей.

- Джек, ты должен знать, о чем эти слова.

²² Галс – курс судна относительно ветра; если ветер дует в правый борт, то говорят, что судно идет правым галсом, если в левый борт – то левым галсом.

²³ Шпаги – рукояти штурвального колеса.

- Эту карту сделал некий мастер, которому повезло больше чем нам. Ему принадлежал компас, что много-много-много лет после этого достался мне.

- Стрелка! – обрадовалась Элизабет, - Конечно, речь о стрелке твоего компаса! Мы найдем Гавань, нужно только посмотреть и все!

Она ждала, но Джек не ответил, о чем-то задумавшись. Она положила ему руку на плечо, он не отреагировал, как будто не почувствовал.

- Джек? – позвала Элизабет.

- Только вот беда, - ответил он, сохраняя беспечный тон, все так же глядя вперед, - компас-то не работает.

- Тогда дай его мне, - все было так просто, но и сложно одновременно.

- Нет, - Джек даже не взглянул на неё.

Джек и сам не знал, почему «Нет», может быть, потому что не хотел окончательно убедиться, что Элизабет стремилась лишь избавиться от чувства вины. Конечно, ей не терпится поскорее найти дорожку к своему ненаглядному Уилли.

- Но почему нет? – возмутилась Элизабет. - Мы найдем выход, я-то точно знаю, чего хочу.

- Ты уверена? - Джек перешел на высокопарный тон, - А тебя не беспокоит, что твой возлюбленный не последовал за тобой, не пытался спасти? Вы не умерли в один день, как полагается во всех сказках.

- О чем ты? – с подозрением спросила Элизабет. Она на самом деле была несколько разочарована тем, что Уильям не последовал за ней и Джек мгновенно почувствовал, что попал точно с целью.

- Неужели мистер Тёрнер не захотел промочить ножки ради дамы сердца.

- Это не так, - отрезала Элизабет, приближаясь к Джеку и гневно взглянув ему в лицо.

- Признай же, - продолжал он уговаривать с видом Мефистофеля, - Это факт.

- Нет! Он хотел, чтобы я вернулась! И я тоже хочу к нему вернуться! – последнюю фразу она произнесла, почти выделяя каждое слово и с какими-то мстительными нотками в голосе. Джек взглянул на неё с совершенно изумленным видом, безмолвно изобразив, что-то вроде: «О, понятно!»

- Да, если б не Уилл, меня бы вообще не было в живых, - продолжала Элизабет, - Потому что пока капитан Воробей пытался заполучить корабль, Уилл пытался спасти меня. Он *один* вытащил меня из-под ножа.

Джек припомнил, как получил удар веслом по голове.

- Наш Уильям уж слишком впечатлителен, - пират вздохнул, вспоминая какой коварный план был тогда погублен.

- Если бы он немножко подождал, как я просил...

- Меня бы просто убили, - закончила Элизабет, - поняв, что им нужна не я.

- Кстати, с тобой ничего не случилось, - примирительно напомнил Джек, улыбнувшись.

- А ты предвидел это не иначе! – иронично рассмеялась Элизабет.

- Взял пару уроков у Тиа Далмы? – тихо и как можно более язвительно спросила она. Упоминание про Далму отчего-то окончательно развеселило капитана.

- Скажем так. Я надеялся, - он выделил слово «надеялся» и изобразил убеждающий взгляд, на какой был только способен.

- Я надеялся, что Барбосса и его мерзавцы *подумают*, - он возвел очи горе, намекая на рискованность таких надежд, - что ты можешь пригодиться им потом, когда проклятие будет снято, смекаешь? – Джек подмигнул растерянной Элизабет, а затем смерил её фигуру оценивающим взглядом и при этом оскорбительно нахмурился.

- Ты!.. Ты!.. Да знаешь ли ты кто?!.. – мисс Свон не нашла даже что сказать, не зная, что считать более неприличным – его взгляд или предшествующие слова.

- Не стоит благодарностей, мисс, - заверил Джек с видом победителя.

- И кстати, о мертвых или хорошо, или ничего, - добавил он с серьезным видом, назидательно подняв указательный палец, - Так что скажи мне лучше что-нибудь хорошее.

- Пират!

- Вот это уже другое дело, Лиззи! – поддержал капитан Воробей.

Лиззи готова была разорвать его на части, как тигрица. Вдруг палуба заходила ходуном, и весь остов Перехватчика скрипел и гудел. Истлевшие тросы и дерево стонали каждый на свой лад, и большие куски обшивки и палубы уходили вниз, с треском разламываясь о землю.

- Везет как утопленникам, - безрадостно сказал капитан Воробей, наблюдая, как со скрежетом обвалился бушприт, и за ним последовал бак и фок-мачта.

- Джек? – испуганно обратилась к капитану Элизабет, в гигантскую дыру посреди палубы она видела осыпающееся брюхо корабля.

- Похоже, старик «Перехватчик» свое... отлетал, - ответил капитан.

Медлить было нельзя. Все, что осталось от брига угрожающе приближалось к земле.

- Кажется, приплыли, цыпа! Спасайся, кто может! – крикнул Джек, и они не сговариваясь, дружно бросились борту. Прыгать пришлось с приличной высоты, к счастью, повредить им уже ничто не могло. И лишь только ощущение невесомости подхватило их в воздухе, раздался хруст, и Перехватчик навсегда пришвартовался на суше.

Глава 5. Желания и возможности

Еще не придя в себя от падения, капитан Воробей, пошатываясь, брел по соляной пустыне. За ним, заплетаясь в собственных ногах, следовала мисс Элизабет Свон. Все же погибший Перехватчик оказал им не малую услугу, ведь идти по сыпучей поверхности было совсем неудобно.

- Мы так и будем бродить? – спросила Элизабет. Честно говоря, она уже подумывала о плане похищения компаса. Однако осуществить его можно было только одним способом, прибегнуть к которому Элизабет не решалась из-за опасений забыть о цели самого плана, невзирая на напоминания совести о понятии «помолвка».

Неожиданно Джек остановился, и мисс Свон едва не уткнулась ему в спину. Она обошла капитана и, встав рядом, проследила направление его взгляда. Не вдалеке перед ними, завалившись на бок, лежал большой трехмачтовый корабль. Он был практически цел, даже латанные паруса не успели прохудиться и истлеть слишком сильно. Все еще открытые пушечные порты зияли, словно корабль пытался защититься от врага. Потрепанный красавец-фрегат оставался узнаваемым даже сейчас.

- Это же... - не веря своим глазам, прошептала Элизабет, - Это же наша «Черная Жемчужина»!

Когда-то этот корабль казался ей зловещим, но, увидев его теперь, она радовалась, словно встретила старого друга, теперь уже, можно сказать, товарища по несчастью. Элизабет и Джек понимающе переглянулись с таким видом, словно нашли клад. Ускорив шаг, они бросились к поверженному фрегату. На «Жемчужине» никого не оказалось. Несчастные матросы, которые попали в брюхо Кракена, были разбросаны по Чёртовой Прорве, без шансов когда-нибудь встретиться. Приблизившись к своей «боевой подруге», Джек ласково погладил её борт рукой, словно утешая. Вечно сидеть на мели, в пустыне, где над головой издевательски шумит море, что может быть хуже для моряка и его корабля? Забраться по наклоненной палубе к люку в трюм оказалось непросто, однако Джек проявил чудеса изобретательности и ловкости. Элизабет не стала следовать за ним, и с беспокойством ходила внизу, слушая шелест парусов, пока капитан Воробей исследовал корабль на предмет оставшегося рома. Увы, если сохранилась хотя бы одна бутылка, её уже давно вынесли оборотистые утопленники. На ром у них был особый нюх. А все бочонки были взорваны еще во время обороны от Кракена. Когда Джек, весь «седой» от обсыпавшей его соли, спрыгнул на землю, Элизабет спросила:

- Ну, как?

По удрученному виду капитана все было понятно без слов.

- Жаль, в нашей ситуации остается только напиться, - сказала она, грустно улыбнувшись. Джек с подозрением покосился на девушку. Нелюбовь мисс Свон к рому была известна капитану Воробью давно. Но почти так же давно он выяснил, что эта нелюбовь страдает странной избирательностью. И когда мисс Элизабет Свон с таким грустным и понимающим видом говорит, что хочет напиться, лучше быть начеку.

- Я вижу, Барбоссе удалось то, чего не добился я, - Джек отряхивался от соли.

- Привить тебе любовь к рому, - пояснил он.

- Почему бы и нет, - Элизабет пожала плечами. Она откинула со лба выбившуюся прядь волос и немного виновато улыбнулась, - Если есть ром, то почему бы и не он?

Мисс Свон надеялась, что выглядит достаточно привлекательно и безопасно, чтобы усыпить бдительность Джека. О том, насколько это ей удавалось, Элизабет судила по обращенному к ней взгляду капитана, который говорил, что невзначай поправленный воротничок рубашки можно было бы оставить более распахнутым.

- А, - понимающе кивнул Джек, отвечая улыбкой на улыбку, - Я то уже решил, что пиратке Лиззи просто хочется спить старину кэпа, как в старые добрые времена, а потом прибрать к рукам компас? - предположил он, проницательно глядя ей прямо в глаза.

Элизабет мгновенно изменилась в лице. Оказалось, Джек хорошо помнил свои ошибки. Он невозмутимо направился вокруг «Жемчужины», осматривая повреждения бортов и мачт.

- А это не плохая идея! - съязвила Элизабет, следуя за ним. Джек распознал её хитрость, и уязвленное самолюбие требовало отмщения, - Тем более что и стараться бы сильно не пришлось. Насколько я помню, капитан Воробей, падает с ног от одной выпитой бутылки?

Джек резко остановился и, покачнувшись, развернулся. Чтобы не столкнуться с ним Элизабет пришлось отступить на шаг. Капитан Воробей смерил её задумчивым взглядом:

- Тогда... на острове?.. - переспросил он, как бы припоминая.

- Должен признаться тебе, цыпа, - Джек виновато потупился, - просто тогда я был утомлен несколько больше, чем всегда.

- Видишь ли, столько переживаний за день, - он продолжил путь, жестикулируя и перечисляя, - abordаж, встреча со старыми приятелями, губернаторство на этом чертовом острове. И тут еще все эти тяжелые бочки.

- Кстати, - осведомился он, снова останавливаясь, - тебе было не слишком трудно вытаскивать их из тайника?..

Элизабет слушала, не веря своим ушам:

- То есть, ты хочешь сказать, что притворялся спящим, пока я пыталась спасти нас обоих?

- Конечно, я бы мог помочь тебе, цыпа, - оправдывался Джек.

- Но для этого нужно было уметь попросить, - в этот миг Элизабет с удивлением увидела, что эти слова были сказаны без малейшей иронии.

- Ты была так довольна своей выдумкой, я просто не смог проснуться и испортить тебе праздник, извини, - продолжил он уже с прежним сокрушенным видом.

Если он сейчас и врал, то делал это мастерски. Со вкусом, наслаждаясь эффектом, произведенным каждым словом. И Элизабет подумала, что если Джек хотел просто её подразнить, то ему это вполне удалось.

- К сожалению, - вздохнул капитан, - я на самом деле заснул. Я же не знал, что ты собралась сжечь все! Он отвернулся и пошел дальше.

Элизабет остановилась. Что же, может, он и был в чем-то прав. Справившись с собой, она сказала:

- Джек, позволь мне взглянуть на компас, - спокойно, без претензий и возмущения, - Мы должны выбраться отсюда! Пожалуйста, Джек, я прошу.

Капитан Воробей остановился. Оказывается, мисс Свон тоже умела учиться на ошибках. Некоторое время он стоял, застыв и что-то решая про себя. В конце концов, она была права. У них остался последний шанс. «В самом худшем случае стрелка опять начнет вращаться» - подумал Джек. «Хотя нет» - капитан усмехнулся про себя, - «В самом худшем случае мы найдем утопившегося Тёрнера». Элизабет ждала, наконец, приняв решение, капитан Воробей обернулся к ней, и протянул компас:

- Посмотрим, что у тебя получится.

Элизабет приняла закрытый футляр с видом, исполненным благодарности и надежды. За это время, что им приходилось проводить вместе, они, кажется, начали понимать друг друга, и Элизабет была вполне довольна этим обстоятельством. Она расположила компас на своей ладони. Джек в это время незаметно встал у неё за спиной. Он заглянул через её плечо, напряженно, стараясь разглядеть направление, которое укажет компас. Элизабет откинула крышку. Витиеватая красная стрелка, отмеченная на картушке²⁴, дрогнула, миновала курсовую нить и неожиданно указала на саму мисс Свон. Неотрывно глядя на компас, Элизабет развернулась и... столкнулась нос к носу с капитаном Воробьем. Отпрянув, девушка мгновенно захлопнула футляр компаса. Такого она не ожидала. Правда, стрелка и раньше чудила в её руках, но тогда Элизабет сумела себя убедить, что это ничего не значит. Сейчас же, она взглянула в насмешливые глаза капитана Воробья, и ноги сразу стали ватными.

- Что-то не так, цыпа? - осведомился Джек, изобразив беспокойство.

- Вы мне мешаете, капитан Воробей! - прошептала Элизабет ему в лицо. Глаза её горели, она недоумевала и сердилась одновременно. Примирительно вскинув ладони, Джек отступил в сторону.

- Пожалуйста, штурман, - сказал он, усаживаясь в медитативную позу на землю. - Не буду отвлекать.

«Нужно только сосредоточиться», - уговаривала себя мисс Свон. «Мне нужна Гавань Проклятых. Мне нужен выход отсюда», - твердила она про себя, глядя на упрямую стрелку, которая как приклеенная, указывала на медитирующего Джека. Элизабет, пытаясь мысленно вызвать воспоминания об Уилле Тёрнере: «Мне нужен путь к тому, кого я люблю». Она закрывала глаза, и сознание восстанавливало: образ высокого храброго человека рядом с ней, карие глаза, осторожные руки, запах моря исходящий от темных волос, теплые требовательные губы, вкус рома, красная повязка, стягивающая волосы... «Зараза!» - выругалась Элизабет. Почти в отчаянии она открыла глаза и обернулась. Джек сидел с самым отстраненным выражением на лице, казалось бы, ничем не интересуясь.

На самом же деле капитан Воробей, прикрыв глаза, наслаждался видом сосредоточенной Элизабет, которая ходила вокруг него кругами уже минут пять. Направление стрелки картушки показало ему все, что он хотел увидеть и намного больше чем он ожидал. До того момента, когда компас неожиданно помог найти Элизабет, Джек и не подозревал, что стрелка может указывать не только на предметы или географические объекты, но и на желанного человека. Это было очень интересное открытие.

Судя по тому, что Лиззи уже начинала тихо ругаться, курса у них по-прежнему не было. Шансы на спасение становились все более призрачными, но в душе Джека неожиданно появилось какое-то приятное ощущение. Словно только он один знал, где сокрыт ценный клад. И хотя добыть сокровище было не легко, да и другие, желающие его заполучить, осложняли дело, вера в свою удачу не покидала капитана. «А её упорством можно восхищаться», - подумал Джек, - «Твоя душа, Лиззи, стремиться ко мне, но ты сопротивляешься и находишь силы отрицать очевидное» Эта непокорная и опасная, как море девушка фактически уже принадлежала ему, хотя еще отказывалась осознать

---

²⁴ Картушка - шкала морского компаса, круглая карточка с делениями градусов.

свои чувства. Постепенно в душе капитана Воробья появлялась уверенность, что окажись они на свободе, живые, он смог бы завоевать сердце строптивой Лиззи. Обнять и ощутить вновь тепло её прикосновения. Сейчас Джеку захотелось вернуться в мир живых так, как никогда до этого.

Он открыл глаза, как только Элизабет плюхнулась рядом на землю и с разочарованным видом протянула ему компас.

- Уже? – удивился Джек.

- Он не работает, ты был прав, – мрачно объяснила она.

- Забавно, – проговорил задумчиво капитан Воробей, забирая у неё, компас. Элизабет подозрительно покосилась на него. Джек быстро вскочил на ноги, и открыл крышку футляра. Довольная улыбка озарила его лицо, как если бы увиденное подтвердило его весьма дерзкую догадку.

- Пожалуй, мы найдем курс, цыпа. Вставай! – заявил он оптимистично. Элизабет непонимающе последовала за ним.

- Ты мне солгал!? – поразилась она, – Ты все время мог определить направление!

- Не совсем так, любимая. Не все время, а только пока ты рядом, смекаешь?

Элизабет возмущало, что она ничего не понимает в действиях Джека, и как выяснилось только что, не может доверять сама себе. Как бы то ни было, теперь в руках капитана Воробья компас действительно показывал направление, и ничего не оставалось, как только следовать его указаниям. На сей раз, Джек был уверен, курс тот, что нужен.

Глава 6. Доводы Тиа Далмы

Гиббс, Пинтел и Рагетти тащили вырывающегося Уильяма Тёрнера через шкафут²⁵ на бак, туда, где хранилось корабельное имущество. Совладать с разъяренным Уиллом было не легко, и закрутить ему ремнем руки за спиной удалось только втроем. Втолкнув юношу в каморку, где хранились канаты и прочее барахло, пираты поспешили скорее захлопнуть дверь и подпереть её своими телами, пока мистер Гиббс навешивал замок. Тросы в каморке внушали опасения за жизнь Тёрнера-младшего. Но даже если бы Уиллу удалось освободить руки, мистер Гиббс, как боцман, хорошо знал, в этой подсобке негде укрепить веревку. Кроме того, в отличие от кают, это помещение надежно запиралось на замок. Пока Уилл не пришел в себя, безопаснее было держать его взаперти, в этом Гиббс соглашался с Барбоссой.

- Так будет лучше для вас же, мистер Тёрнер, – как можно спокойнее сказал боцман, лязгая ключом в замке.

В ответ по двери громыхнуло что-то тяжелое. Гиббс уныло подумал, что аккуратно сложенные бухты²⁶ тросов, скорее всего, придется укладывать заново. Он был прав. Первые минуты заключения Уильям посвятил разгрому всего, что попало на глаза. Разметав пачки тросов, щетки и ведра, он осел на кучу перепутанных веревок, прислонившись спиной к переборке. По лучу света, пробивающемуся сквозь дыру в обшивке, медленно спускались пылинки. Уилл перевел взгляд на потолок. Кровь стучала в висках. Элизабет ушла навсегда. Казалось бы, он должен был умирать от горя, пытаться покончить с собой или рваться спасти свою невесту, но ничего подобного Уилл не испытывал и не желал. В груди жгло странное царапающее чувство, оно совсем не подходило к сложившейся ситуации, и Уильям хорошо помнил, когда оно появилось первый раз.

Капитан Джек Воробей, благодаря помощи Тёрнера-младшего, чудом избежал виселицы. Он попрощался с ними как всегда в своей шутовской манере, но при этом как-то слишком уж печально посмотрел на чужую невесту. И эти странные слова, обращенные к ней. Элизабет тогда, не обратила на это

---

²⁵ Шкафут – часть палубы от фок-мачты до грот-мачты. Так называемая матросская часть.

²⁶ Бухта – упаковка троса; трос, уложенный кругами, цилиндрами или восьмеркой.

внимания, объяснив все шальным характером капитана Воробья. Уильям же хоть и ненадолго, но почувствовал царапающую боль в груди.

Она возникла вновь и набрала силу, когда Элизабет спустилась в шлюпку, а Джек остался на палубе гибнущей «Черной Жемчужины». Уильям тогда отчасти понимал пирата. Вряд ли кто смог бы устоять после такой нежной просьбы.

Тем не менее, все могло постепенно утрястись и забыться, если бы на этом история их приключений закончилась. Но Элизабет захотела вернуть Джека, и она приложила к этому много усилий. Пожалуй, даже слишком много. Теперь Уильям был вынужден окончательно признать то, что уже давно молчаливо заметила вся команда, а Барбосса использовал в своих целях. Мисс Свон, дочь губернатора Порт-Ройяла, благородная девушка которую Уильям Тёрнер боготворил, любила пирата. Она бросилась за ним в море, даже не задумавшись, что может погибнуть.

Получалось, что пока наивный Уильям Тёрнер доверился «другу» и искал средство спасти Элизабет и себя от эшафота, капитан Джек Воробей искал и нашел подход к чужой невесте. Ревность с садистским удовольствием напоминала об этом, все больше разрастаясь. Впрочем, скоро ей пришлось потесниться. Почти одновременно с ней в душу «вползла» обида.

Все, что делал Уильям, он делал для Элизабет. Все чего он хотел, чтобы она была счастлива и никогда не пожалела о том, что решилась связать свою судьбу с кузнецом, чей отец оказался морским разбойником. Мрачно Уильям подумал, что возможно, мисс Свон ответила ему взаимностью лишь из чувства противоречия обществу. Конечно, в этом случае, по способностям нарушать общественный порядок скромный кузнец не мог сравниться с капитаном пиратов. Уильям готов был на все для Элизабет, а она оставила его одного, не задумываясь.

Уильям чувствовал как «Шень» разворачивалась, покидая Чёртову Прорву. Что теперь делать Уилл не знал, раньше у него всегда была цель, теперь все казалось бессмысленным. Несколько часов он просто сидел, безотрывно глядя в дощатый потолок каморки, пока боль не начала сжимать виски. Бессонная ночь и переживания отняли все силы, сменяя гнев полным опустошением. Усталость сковала тело тяжестью, постепенно затягивая Уильяма в забытие без сновидений.

Он открыл глаза, почувствовав холодное прикосновение к шее. Тиа Далма стояла над молодым человеком, приложив к его горлу клинок шпаги. Увидев, что Уильям очнулся, ведьма улыбнулась и, отведя лезвие в сторону, присела рядом с пленником. Глаза её лихорадочно горели. Впрочем, как всегда. Ведьма протянула тонкую руку и приложила ладонь к его лбу. Уилл тряхнул головой. Виски тут же отозвались болью, которая не прошла, а, пожалуй, даже усилилась. Теперь из-за неё было даже трудно открыть глаза. Уилл попытался отстраниться от ведьмы подальше, вспомнив, про все еще связанные руки и явные симпатии Тиа к своей персоне.

- Не сопротивляйся, - шептала Далма, с доброжелательной улыбкой, - я знаю, как тебе помочь.

Она настойчиво удерживала ладонь у него на лбу и постепенно боль в висках начала утихать.

- Лучше? – Тиа Далма погладила Уильяма по щеке. Юноша пристально следил за ведьмой, размышляя, что дверь теперь, скорее всего, не заперта, но каморка слишком тесная, и чтобы выйти, придется оттолкнуть Далму с дороги.

- Ты знала, что он хотел сделать? – вопрос прозвучал почти зло, Уилл не собирався церемониться с ней. Он помнил странную улыбку Далмы, когда его тащили в канатную подсобку, и потом, ведь это она рассказала ту проклятую легенду.

- Нет, Вильям, - Далма постаралась взглянуть удрученно, - Барбосса пират, а Тиа лишь слабая женщина. Тиа слышит много легенд, но какие из них верны, а какие нет, ей не неизвестно. Барбосса захотел проверить, правдива ли карта. Я не могла знать, что он так поступит с мисс Лизабет. И все же, твоя

невеста сама сделала свой выбор. Хочешь ты того или нет, Вильям, мисс Лизабет сделала то, что подсказывало её сердце.

Она говорила вкрадчиво, завораживающе, легко вскрывая незажившую рану в душе. В груди Уилла снова возникло жжение и гнев, но теперь к ним примешивалась еще и горечь. Молодой человек отвернулся. Ведьма неотрывно следила за ним. Уильям не хотел, чтобы Далма заметила насколько ему плохо, пусть даже каморка была скупно освещена единственным лучом, падающим в щелку обшивки. Тиа утешительно провела рукой по его плечу.

- Барбосса знает выход из Прорвы, он ведь там уже побывал, верно? – обернулся Уильям, стараясь вытеснить горечь злостью. Тиа снова загадочно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

- Отчего ты так думаешь, а? Барбосса погиб на суше, он никогда не был в Чёртовой Прорве.

- Тогда как он вернулся? - Уильям желал услышать наконец-то правду и требовательно смотрел на маленькую темнокожую женщину. Далма вздохнула, поймав его взгляд, и все так же спокойно ответила:

- Ему помог Джек.

- Джек? – переспросил недоверчиво Уилл, начиная подозревать, что ведьма опять надышалась своими благовониями и теперь немножко бредит.

- Да, - невозмутимо согласилась Тиа, - его обезьянка. Проказник Джек похитил золотую бляшку из сундука на Исла де Муэрто, после того как капитан Воробей убил его хозяина. Проклятие подействовало снова, и не только на малыша Джека, но и на Барбоссу. Проклятые ацтеками не могут умереть, и Барбосса вернулся к жизни.

Тиа театрально воздела руки, её черные глаза блестели, и рассказ явно доставлял удовольствие.

- Не задолго до того, как ты и капитан Воробей появились на пороге моего дома, - улыбнулась Тиа, - ко мне пришел и Барбосса.

- Он прошел прямо по дну, - уточнила ведьма, заметив недоуменный взгляд Уилла.

- Когда вы принесли малыша Джека, я сразу догадалась, кто причина проклятия Барбоссы. Я отдала ему обезьянку и «Шень», и он отправился на Исла де Муэрто, чтобы снять с себя проклятие.

Уилл подумал о том, что бы сказал Джек Воробей, узнай он, что обезьяна-нежить, подаренная им Далме, помогла вернуть к жизни его злейшего врага. Уильям наверняка не знал таких ругательств. Словно прочитав его мысли, Тиа Далма снова улыбнулась.

- Но ты знаешь, я всегда беру оплату. Барбосса отправился в плавание к Чёртовой Прорве по уговору со мной, - продолжила темнокожая колдунья, - в обмен за мартышку и корабль. Но он нарушил данное мне слово. Он обманул всех нас. Теперь, когда Барбосса заполучил карту, у него появилась другая цель.

- Какая цель? – Уильям насторожился.

- Ты отмечен судьбой! - сверкнула глазами ведьма, приближаясь к юноше, - Я догадалась, что задумал Барбосса. Я знаю, я помогу, верь Тиа! Ему это не под силу, даже с картой, но ты сможешь.

- Что я смогу? – Уилл старался отползти подальше, но локти связанных рук уже подпирали угол, и отодвигаться было не куда. Далма между тем уже почти обнимала его.

- Пока сердце морского дьявола в руках злых людей, в море не будет покоя. Но ты сможешь вернуть его, - вдохновенно продолжала ведьма, - я знаю, на твоей стороне будет удача. Только ты одолеешь Кракена.

Уилл вздрогнул, он не считал себя трусом, но встретиться с Кракеном еще раз ему не хотелось. Тем более пытаться его одолеть.

- Барбосса хочет заполучить власть над морским дьяволом! Хочет ходить по морю без страха попасть в Чертову Прорву. Он хочет, чтобы морские твари подчинялись ему, и чтобы сам Дейви Джонс не смел вставать на его пути. Барбоссе не понравилось, там, где он побывал, - Далма подмигнула Уильяму, и как-то незаметно обвила его шею руками. Почувствовав, что Уилл сейчас почти

в её власти, Далма зашептала ему на ухо, - Но забрать сердце Дейви Джонса у похитителя, будет не просто. Сам Джонс будет противостоять тебе, хоть и, не желает того. Дейви Джонс страшен, но и он не так опасен как беспощадный ужас морской глубины Кракен. Барбосса знает, что на карте указано место, где обитает чудовище. Он хочет убить Кракена прямо в его логове. Морской дьявол лишится своего слуги, и противостоять ему будет проще.

Слова Далмы каким-то мистическим образом лишали Уильяма воли, гипнотически заставляя слушать все, что она говорила. Ведьма накрыла узкой ладонью область сердца на груди Уильяма и улыбнулась.

- В сердце Джонса большая сила и большая власть. Ты освободишь море от владычества морского дьявола, он будет слушаться тебя, и исполнять все, что пожелаешь. Ты сможешь даже вернуть мисс Лизабет и Джека, - Далма заглянула в лицо Уиллу, все так же удерживая руку на его груди.

- Или только Лизабет, - прошептала она заговорщически.

Уильям молчал, теперь он не пытался вырваться из объятий колдуньи. Мысль о том, чтобы вернуть Элизабет и оставить в Прорве Джека, оказалась весьма соблазнительной. То, что тревожило Уильяма и мучило его почти год, неожиданно обернулось приятным ощущением способности решать чужие судьбы. Обида и ревность торжествовали.

- Согласись подчиняться Барбоссе, - горячо продолжала Далма, - и он приведет тебя туда, куда нужно. А когда настанет время, вся команда поддержит тебя. Отныне негласно ты будешь нашим капитаном.

- Развяжи мне руки, - попросил Уильям и пристально взглянул на ведьму, и по этому взгляду Тиа Далма поняла - соглашение достигнуто. Тонкие цепкие пальцы колдуньи быстро справились с узлом на ремне. Уилл поднялся на ноги, потирая затекшие запястья. В тесной камерке они стояли близко, почти касаясь друг друга.

- Иди, - Тиа протянула ему шпагу.

Сверху доносился топот, и злой голос Барбоссы: «Свистать всех наверх! Пошевеливайтесь, каналы!» Уилл вышел из камерки и поднялся на палубу.

Ветер взъерошил волосы, и запах моря, принесенный им, по истине был живителен после затхлого воздуха канатного отсека. Мир ощущался как-то по-новому, и хотя в нем не было Элизабет, но все еще оставалась надежда на справедливость. Когда человек получает тяжелую рану, все его существо из последних сил хватается за жизнь. В таких случаях сознание становится врагом, и когда справляться с болью уже почти невозможно, сознание временно отключается. Человек лишается ощущений, но, тем не менее, спасает разум и тело. Уилл прекрасно отдавал себе отчет в своих действиях, но он, словно бы отстранился от всего, что случилось, целиком устремившись к новой цели. Уильям согласился с Тиа Далмой не только чтобы вернуть Элизабет и проучить прохвоста Джека. Где-то в бездонных океанских глубинах, на «Летучем Голландце» оставался еще один, последний родной ему человек. Уилл не забыл обещание, данное отцу.

Мимо прошел мистер Гиббс, подгоняя Пинтела и Рагетти. Старик боцман на ходу улыбнулся Тёрнеру-младшему, рассудив про себя, что тот выглядел неважно, но вполне вменяемо. Уилл обратил внимание на то, что «Шень» явно готовилась к нападению или обороне, откидывались крышки пушечных портов, позвякивала сталь об ножны, взводились курки. На капитанском мостике Барбосса смотрел в подозрительную трубу, отдавая попутно резкие приказы Коттону, стоящему у штурвала.

- А! Мистер Тёрнер! Я вижу вам лучше? - Барбосса снова был подозрительно любезен и вежлив, впрочем, он явно иронизировал.

- Раз уж пришли, поднимайтесь сюда, - приказал капитан, - вы, кажется, не плохо фехтуете, мистер Тёрнер? Сейчас вам представится возможность блеснуть талантом.

Уильям взошел на мостик. Капитан Барбосса подбоченясь и с неизменной мартышкой на плече наблюдал за ним, ухмыляясь. Левая рука пирата красноречиво покоилась на эфесе тяжелой сабли. Он проигнорировал мрачный взгляд Уилла, ни чуть не жалея о своём предательстве, и лишь только

хмыкнул, передавая юноше подзорную трубу. Перед их траверзом²⁷ по правому борту шел корабль. Он едва виднелся на горизонте, но, судя по удачно пойманному направлению ветра, мог догнать «Шень» и достаточно быстро. Сквозь линзы подзорной трубы джонка вырисовывалась вполне узнаваемо.

- Это «Ин Цзяо»? – Уилл обернулся к Барбоссе.

- Собственной китайской персоной, - криво усмехнулся пират, он явно был не рад перспективе снова встретиться с Сяо Фенгом, - Этот китайский сукин сын не иначе ждал нас. Пока мы барахтались вокруг Суматры и Чёртовой Прорвы, он успел обойти остров со стороны Малаккского пролива и встретил нас здесь, чтобы заключить в свои жаркие, «дружеские» объятия. А ну, бездельники, - рявкнул Барбосса, обращаясь ко всем сразу, - Занять позиции! К бою готовься!

Окрик был лишним, их немногочисленная команда, вооружившись до зубов, уже находилась в состоянии готовности. Попугай Коттона уселся на клотике²⁸ одной из мачт «Шень» и, словно впередсмотрящий, скрипучим голосом вопил: «Пир-раты!! Пир-раты!!» Малыш Джек, вереща свои обезьяньи ругательства, подпрыгивал на планшире рядом с хозяином и демонстрировал приближающимся врагам острые зубки.

- Мы могли бы уйти от них? – спросил Уильям.

- При таком дрянном ветре «в скулу»²⁹? Если мы увалимся под ветер³⁰, то на всех парусах влетим прямо в Чертову Прорву. Если вам не терпится отправиться туда, мистер Тёрнер, так и быть, я могу помочь вам прямо сейчас, - Барбосса кивнул на волны за бортом, не обращая внимания на хмурившуюся Тиа Далму. Ведьма явилась как всегда бесшумно, поднявшись без приглашения на капитанский мостик, и теперь внимательно слушала их разговор. Барбосса, казалось бы, не замечал её присутствия, он напряженно смотрел на уже различимую джонку и бормотал, словно думая в слух.

- Пока мы сменим курс, они на бакштаге³¹ уже будут здесь, - и добавил со злостью, уже обращаясь к Уильяму, - Сейчас удача на их стороне, а мистер Тёрнер?

- Нас всего восемь... - Уильям замолчал но, сделав усилие, продолжил твердо, - У нас всего семь человек. Мы не сможем с ними драться.

- Предлагаете поднять белый флаг и сдаться? – Барбосса глумливо вскинул брови. Уилл оставался невозмутимым и не сводил глаз с «Ин Цзяо».

- Нет, - ответил он, - у меня есть другая идея. Мистер Гиббс! Понадобится ваша помощь!

Не дожидаясь реакции капитана, Уильям спустился с мостика, навстречу подошедшему боцману. Барбосса был неописуемо удивлен. Он уже подумывал, не привести ли угрозу в исполнение и не отправить ли в Чертову Прорву наглеца, распоряжающегося на капитанском мостике как дома, как услышал знакомый, вкрадчивый голос Тиа Далмы.

- Я уверена, Вильям знает, что говорит, - убеждала ведьма, тут же возникшая рядом с Барбоссой. Она примирительно накрыла своей ладонью руку старого пирата, сжавшую эфес сабли, - Может быть, стоит довериться в этом случае ему? Он нам нужен.

- Веревки из меня вьешь, - проворчал сквозь зубы Барбосса, пристально глядя на маленькую колдунью, - Ну, будь на сей раз, по-твоему, чертовка.

Тиа понимающе улыбнулась в ответ.

---

²⁷ На траверзе - любая точка на линии, перпендикулярной курсу корабля и проходящей через грот-мачту. Поэтому "за траверзом" - местоположение точки между линией траверза и кормой, а "перед траверзом" - местоположение между линией траверза и головной частью, или носом, судна.

²⁸ Клотик - деревянный кружок, накрывающий верхушку мачты или стеньги.

²⁹ Ветер «в скулу» - направление ветра с носа и с борта, курс бейдевинд.

³⁰ Увалиться под ветер - когда судно удаляется носом от линии ветра, меняя курс.

³¹ Бакштаг – курс, при направлении ветра с кормы и с борта, наискосок.

Глава 7. Явление Калипсо

Сяо Фенг неотрывно следил за «Шень» и довольно улыбался. Надежда, что джонка Барбоссы пойдет именно этим курсом, была ничтожна так же, как сама случайность, однако китаец не сомневался – добыча покажется на горизонте. И теперь орудия «Ин Цзяо» готовились к бою, а абордажная группа с крюками и саблями наперевес ожидала лишь команды капитана, чтобы броситься на штурм неприятельского корабля. Фенг не собирался церемониться с теми, кто его обокрал. Он желал вернуть карту и девицу, которая её похитила, отправив всех остальных к морскому дьяволу и как можно более мучительным способом. В том, что пленница была к нему подослана, Сяо не сомневался. Еще ни одной женщине не удавалось «уплыть из рук» капитана Фенга, причем в прямом смысле этих слов. Это уязвило его самолюбие, а потому, Фенг жаждал воспользоваться своими правами хозяина не меньше, чем вернуть драгоценную карту.

«Ин Цзяо» шел полным курсом³², становясь к «Шень» все ближе. Предупредительный залп поперек форштевня должен был окончательно убедить капитана Барбоссу в серьезности намерениях капитана Сяо Фенга. Но, как ни странно, преследуемая джонка даже не попыталась встать на более выгодный курс и упорно, медленно ползла под бейдевиндом. Затем, она и вовсе безропотно привелась к ветру³³ и легла в дрейф³⁴. Предчувствуя легкую добычу Фенг обернулся к своим головорезам:

- Удача с нами! – крикнул он, и со всех сторон поднялся одобрительный гомон его разношерстной команды.

- Они или трусливы, или не могут справиться даже с кораблем, – усмехнулся Фенг и взглянул в подзорную трубу. Палубу «Шень» и все что на ней уже можно было хорошо различить, и тут Фенг заметил, что на корабле не было никого кроме единственного человека. Он стоял у борта и размахивал белой тряпкой, показывая готовность сдаться.

«Шень» была зацеплена абордажными крюками и притянута к борту «Ин Цзяо» без малейшего кровопролития. Команда Сяо, уже настроившаяся на абордаж, была несколько раздосадована таким поворотом событий. Впрочем, как и сам Фенг. Уверенный в победе китаец вступил на палубу захваченной джонки с большим апломбом, едва ли не в сопровождении всей своей команды. Скорчив устрашающие физиономии, люди Сяо тащили к нему того самого человека, который сдался в их руки, даже не попытавшись спрятаться. Руки пленника уже были небрежно затянuty его же «флагом перемирия», которым, судя по болтающимся рукавам, была рубашка. Фенг пренебрежительно окинул беднягу взглядом.

- Кто ты? – спросил Сяо. У него была хорошая память на лица, тот, кто стоял перед ним сейчас никогда не был на «Ин Цзяо».

- Я матрос Барбоссы, – начал пленник. Он был уже не молод и сед, хотя вполне крепок.

- Я просто хотел вернуться домой. Вы капитан Фенг, как я понял? – спросил матрос.

Фенг самодовольно кивнул головой.

- Прошу вас, капитан! – воззвал пленный, бухаясь на колени и изображая отчаяние, – Хотя вы и дружны с Барбоссой, не выдавайте меня ему. Он не помилует меня за угнанный корабль, а я всего лишь хотел вернуться домой.

Сяо Фенг поглаживал жидкую бороденку, раздумывая верить ли этому кающемуся грешнику, а мистер Гиббс старался придать своему виду как можно больше подобострастия и мольбы.

---

³² Полный курс – когда ветер дует в корму и в борт или просто в корму

³³ Приводиться к ветру – судно начинает приближаться носом к линии ветра.

³⁴ Лечь в дрейф – когда судно останавливается, но не отдает якоря (в данном случае из-за ветра левентик, дующего прямо в нос кораблю).

- Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что ты угнал корабль, собираясь в одиночку совершить плавание через океан? – сказал китаец со смехом, - Кто здесь еще кроме тебя?

- Я один, - ответил пленный, - когда вернулась мисси, мы сразу направились в сторону Суматры. На острове команда вместе с капитаном гуляла три дня, они здорово перебрали. Мне с самого начала не по душе было это плавание, у меня жена, детишки, больная спина, я стар для таких...

- Короче, - нетерпеливо оборвал Фенг.

- Пока они гуляли в портовом кабаке, я воспользовался моментом. Только меня и видели! – старик присвистнул, изобразив скорость, с которой скрылся и подмигнул Фенгу.

- Там, в трюме, - Гиббс кивнул на открытый палубный люк, - полно всякого имущества, вся их добыча: там деньги за проданный груз и за мисс. Там же остались все сундуки команды с их долями добычи, а еще дорогие платья мисс и её побрякушки.

Команда Фенга обернулась к люку с большой заинтересованностью.

- Капитан, вы же деловой человек, забирайте все себе, а мне оставьте только мою жизнь, - миролюбиво предложил пленник.

- Где остановился капитан Барбосса и его люди? – Фенг сохранял хладнокровие и даже не взглянул на спуск в трюм.

- Я не запомнил названия, - задумался старик, - Но я смогу показать, - заверил он через мгновение китаец.

- Без корабля им некуда деться, - солнце светило прямо в глаза коленопреклоненному пленнику, и он хитро прищуривался, глядя снизу вверх на все еще хмурого Фенга. Проходя явно недолго любил Барбоссу, и это было по душе Сяо.

Уильям Тёрнер, наблюдавший за этой сценой из-за паруса, притаившись у верхушки мачты, решил, что мистер Гиббс напрасно «утопил» в море актерский талант.

Наконец, Сяо Фенг склонился к Гиббсу и спросил, понизив голос:

- Где та вещь, что принесла девица?

- У капитана Барбоссы, - ответил пленный.

- Если ты мне солгал хоть слово, старик, - вкрадчиво начал Сяо – я прикажу моим ребятам сделать из твоих кишков шкоты³⁵.

Мистер Гиббс поспешно закивал, дескать: «Конечно, я же все понимаю». Фенг обернулся к своим людям, которым уже не терпелось спуститься в трюм.

- Проверьте, что там! - он кивнул в сторону откинутой крышки.

Китайцы гурьбой начали спускаться в корабельное нутро. Каждому хотелось увидеть добычу своими глазами и по возможности успеть припрятать что-нибудь из этого добра, пока не начался общий дележ. Делая вид, что опасаются засады, в трюм спустились практически все люди капитана Фенга. На палубе остались только он сам и еще двое пиратов удерживающих Гиббса. Как только последний из команды Сяо скрылся в проёме люка, Уильям начал спускаться вниз, считая про себя до тридцати. Полминуты как раз должно было хватить, чтобы пираты ничего не успели понять, но уже достаточно рассредоточились в трюме. Молодой человек старался двигаться как можно быстрее, но по возможности тихо, на его удачу Сяо Фенг не сводил взгляда с пленного, а двое других пиратов с открытого палубного люка.

- Ну, что там? – крикнул Фенг.

- Ящики, бочки. Плохо видно, пока ничего ценного, - отозвался приглушенный голос.

Уилл соскользнул на палубу почти бесшумно. Спуск в трюм находился близко от мачты, и, оказавшись рядом с ним, Уильям мгновенно захлопнул и застопорил крышку люка. В следующий момент он уже отбивался от двух коренастых китайцев, напрочь забывших про Гиббса и бросившихся к Уиллу с обнаженными мечами. Фенг тоже отреагировал незамедлительно.

---

³⁵ Шкот – снасть бегучего такелажа, для управления парусами

- Лжец! – злобно прошипел Сяо, тут же яростно рубанув по пленнику. Не смотря на возраст, у мистера Гиббса оказалась хорошая реакция, лезвие просвистело в нескольких миллиметрах от его носа, и вся мощь удара пришлась по связывающей боцмана рубашке. Гиббс удивленно взглянул на освобожденные руки и вполне искренне выразил благодарность:

- Спасибо!

Фенг пришел в ярость. К этому моменту Уилл уже успел пронзить грудь одного из нападавших и подхватить его саблю, увертываясь от ударов второго пирата.

- Держите, мистер Гиббс! – крикнул юноша, отклоняясь от колющего выпада. Сабля брякнулась неподалеку от боцмана. Растянувшись в полный рост, Гиббс бросился к оружию и успел схватить саблю как раз, чтобы успешно сдержать очередной удар Фенга. В это время команда «Ин Цзяо» бушевала в трюме «Шень» безуспешно пытаясь вырваться наверх. Люк, через который они проникли на нижнюю палубу, действительно был единственным открытым. Два других спуска оказались тщательно заблокированы и забиты гвоздями и штырями со стороны палубы. Это обнаружилось сразу, как только пираты поспешили на помощь своему капитану, услышав лязг клинков.

Пираты отчаянно колотили в палубу и люки, выкрикивая что-то на своем языке. Выбить доски не удавалось. Надежда Уилла на то, что Сяо Фенг поверит Гиббсу, оправдалась в полной мере. Самоуверенный пират не удосужился даже приказать своим головорезам убедиться, не пытается ли кто отплыть от захваченной джонки на шлюпке.

Как только стало очевидно, что уйти от преследования нельзя, Уильям велел забить все палубные люки, а решетки завалить каким-нибудь хламом, чтобы в трюм попадало как можно меньше света. Джонка, приведенная к ветру, замедляла ход. Все, кроме мистера Гиббса и Уилла, прихватив оружие и некоторые пожитки, незаметно погрузились в шлюпку, спущенную у левого борта. С «Ин Цзяо» этот маневр остался незамеченным, поскольку «Шень», развернутая к неприятельскому кораблю боком, надежно прикрывала отступление своей команды. В то время, когда мистер Гиббс расписывал капитану Фенгу богатства, спрятанные в трюме, а Уильям прятался на мачте, вся остальные незаметно отчаливали на шлюпке. Коттон, Пинтел и Рагетти под предводительством Барбоссы забрались на палубу «Ин Цзяо», и, справившись с теперь уже немногочисленным экипажем, захватили корабль.

Заметив на неприятельской джонке сражающихся, мистер Гиббс отмахиваясь саблей от Фенга, крикнул Уиллу:

- Отступаем, мистер Тёрнер!

Когда второй противник был повержен, молодой человек поспешил на помощь к Гиббсу. Сяо не собирался сдаваться и дрался как дьявол, все больше оттесняя боцмана к левому борту. Мистер Гиббс держался молодцом, но в его возрасте такие сражения уже были тяжелы. Уильям подоспел вовремя. Сяо Фенг полностью переключился на него. Воспользовавшись замешательством капитана «Ин Цзяо», мистер Гиббс бросился к борту «Шень», которым она была притянута к джонке китайца. Палубный люк в трюме уже стучал на расшатанных петлях под натиском команды Сяо, нужно было спешить. Рагетти и Пинтел быстро перерубали тросы абордажных крюков. Гиббс помогал им по другую сторону баррикады.

- Пошевеливайтесь, мистер Тёрнер! – нетерпеливо крикнул Барбосса, выкидывая за борт последнего матроса из команды Фенга. Уилл пробивался к «Ин Цзяо», но пират стоял на его пути, не собираясь уступать, казалось, от злобы силы его утроились.

- Так значит, Мистер Тёрнер? – переспросил он издевательски, - Приятно узнать имя того, кого убиваешь.

- Или того, кто убьет вас, - парировал Уилл его слова вместе с очередным выпадом.

- А как имя той девицы? – сально улыбнулся Фенг, нанося удары и не давая Уильяму приблизиться к борту.

- К сожалению, я так и не успел познакомиться с ней поближе, - китаец искал возможность вывести противника из душевного равновесия и заставить его совершить ошибку. После последней фразы Уилл вспыхнул от гнева и едва не попал под удар. В следующий момент клинки их сабель пересеклись крест на крест. Оказавшись почти нос к носу с противником, Сяо продолжил добивать:

- Кому бы она ни принадлежала, я искренне завидую. У этой девки очень сладкие губы.

Уилл отбросил его одним ударом, но через мгновение их клинки снова устремились навстречу друг другу. Тяжело дыша, Уилл смотрел, как изо рта китаец засочилась струйка крови. Шпага вонзилась в его грудь почти по рукоять. На бледнеющем лице Фенга еще оставалась презрительная и довольная улыбка, когда, вырвав клинок из его груди, Уилл оттолкнул от себя умирающего противника. Тело тяжело осело на палубу, звякнула выроненная бордажная сабля китаец. Лезвие её тоже было окровавлено, но Уилл уже не обратил на это внимания. Зажимая ладонью рану в левом боку, он шагнул к борту.

Между тем, освобожденный от пут «Ин Цзяо» отходил от «Шень». Вырвав последний бордажный крюк, все еще стоя на планшире покидаемого корабля, мистер Гиббс с беспокойством обернулся к Уиллу. Пинтел и Рагетти невозмутимо орудовали шлюпочными веслами и отталкивая захваченную джонку от «Шень».

- Мистер Тёрнер, нам придется отплыть без вас? – раздался издевательский голос Барбоссы.

Уильям, пошатываясь, добрался до фальшборта. Ухватившись за перерубленные бакштаги³⁶ обреченной «Шень» они успели перескочить на палубу захваченного корабля. Оттолкнувшись от планшира, Уильям почувствовал слева под ребрами неожиданную и острую боль и едва не рухнул в воду. Оказавшись на «Ин Цзяо» молодой человек привалился к борту и, словно сквозь туман, услышал приказ Барбоссы.

- Пустить их на дно!

Коттон носился от орудия к орудию «Ин Цзяо», поджигая фитили. Пушки, уже давно заряженные и нацеленные на «Шень» еще людьми Фенга, поочередно отзывались залпами. Ядра ударяли в борт ниже ватерлинии джонки, поднимая столбом воду, и тучи брызг достигали палубы «Ин Цзяо», смешиваясь с дымом. Сквозь грохот еще слышались крики погибающих пиратов. Наконец, огонь или очередное ядро достигло пороховых бочонков, предусмотрительно уложенных в трюме «Шень» как раз у обстреливаемого борта. Последний взрыв разнес тонущую джонку на части, осветив всполохом паруса и корпус «Ин Цзяо». Горящие обломки еще падали с всплесками в воду неподалеку от уходящего корабля, когда «Шень» скрылась в глубине.

Наблюдая за гибелью принадлежавшей им джонки, Уилл не весело подумал, что он уже пятый раз становится свидетелем захвата и потопления корабля. И только что, он сам командовал этим захватом.

- Отличная работа, мистер Тёрнер, - оценил Барбосса, подойдя к Уильяму, - Вижу, общение с Воробьем не прошло для вас даром?

Молодой человек ничего не ответил. На сей раз, Барбосса был прав. Каким-то неведомым образом проклятый капитан Воробей умудрялся вмешиваться в его жизнь даже после своей смерти. Перед тем как придумать план захвата «Ин Цзяо» в голове Уилла неосознанно проскочила мысль: «Что бы сделал Джек?».

- Эй, вы! – окликнул Барбосса Пинтела и Рагетти, которые уже о чем-то горячо рассуждали, размахивая веслами. Услышав грозный голос капитана, оборванцы умолкли и стали во фронт³⁷, героично выпятив животы. Пинтел даже «взял под козырек», не смотря на правило, что к пустой голове руку не прикладывают.

³⁶ Бакштаги - снасти, похожие на ванты, но уже без выбленок (деревянные или веревочные ступеньки)

³⁷ Стать во фронт – встать прямо, вытянуться.

- Нужно осмотреть эту посудину! – распорядился Барбосса, обращаясь так же к Коттону и Гиббсу, - Тёрнер пойдет со мной на ют, Гиббс и Коттон на бак, а вы двое спуститесь на нижние палубы.

Клонясь в сторону раненого бока, и стараясь не обращать внимания на боль, Уилл последовал за капитаном. «Ин Цзяо» находился теперь в полной их власти, но было не лишним убедиться, что никто из команды Фенга не остался на борту и не готовит сюрприза в виде внезапного появления.

Некоторые двери в каюты оказались заперты. Уильям попытался высадить одну из них плечом, но рана в боку заставила его отказаться от этого намерения. Пошатнувшись, Уилл отступил и зажмурился от боли.

- Ну-ка отойдите, мистер Тёрнер! – сказал Барбосса, замахиваясь на дверь неизвестно откуда взятым топориком. Сбив замок, они вступили в каюту капитана Фенга. Здесь было чем поживиться. Попасть сюда еще раз Барбосса хотел с тех пор, как распивал с капитаном Сяо ром, обмывая продажу мисс Элизабет. К сожалению, доход от этой сделки теперь покоился на дне Индийского океана, зато в их распоряжении оказалась вся добыча китайца. Количество сундуков и ларцов поразило Уилла, но кроме драгоценного и не очень хлама он заметил несколько сабель, обрывки веревки и черную плетть, лежащую под низким столиком. Барбосса осматривал каюту, пытаясь найти ключи.

- Проклятый китаец, неужели он прихватил их с собой в Прорву? – проворчал старый пират, заглядывая в один из углов за большой сундук. Вдруг выражение на лице Барбоссы изменилось.

- Ба! Кто у нас тут нашелся. Добрый день, мисс! – произнес он весьма любезно. Эта коварная улыбка была хорошо знакома Уильяму, подойдя ближе, молодой человек увидел их «находку». На полу, словно зверек, забившись в угол, сидела перепуганная девушка. Она дрожала всем телом, затравлено глядя на мужчин ворвавшихся в каюту. Видимо она была одной из наложниц Сяо, что он таскал с собой даже в море. Китайка закрывала связанными руками лицо, пряча покрасневшие от слез глаза и косые следы от ударов прутот или плетью. Фенг явно не отличался галантностью.

- Поднимайся! – рявкнул Барбосса, схватив её за шиворот и резко ставя на ноги, - Прогуляемся на палубу!

- Подождите, капитан! – возмутился Уильям, понимая, что ничего хорошего бедняжке теперь не светит. Но Барбоссу не интересовало его мнение, и почти оттолкнув Уилла с дороги, он потащил девушку к выходу.

- Смотри-ка! – обрадовано воскликнул Пинтел, обращаясь к Рагетти, который поднимался с нижней палубы, - Капитан нашел девицу!

Барбосса отшвырнул пленницу к борту.

- В каюте капитана обнаружилась симпатичная шпионка, - сказал он, - Что будем с ней делать, а парни?

Девушка отчаянно обвела взглядом присутствующих.

- Оставьте её! – Уилл, шатаясь, вышел на палубу. Ранение кровоточило, не переставая и, временами, перед глазами уже плыли темные круги.

- Надеюсь, у вас есть достаточные основания, чтобы спорить со мной, мистер Тёрнер? – спросил Барбосса.

- Она ничего не сделала, зачем её убивать? – не сдавался Уильям, - Кроме того, она может быть полезна.

Пинтел и Рагетти прыснули от смеха, Гиббс и Коттон, как раз возвращавшиеся с бака, заинтересованно прислушались к разгорающейся на палубе ссоре. Барбосса не являлся человеком, которого можно было разжалобить, и потому Уилл решил действовать убеждением, что девушку можно приспособить к работе на корабле. Тиа Далма тоже присутствовала здесь и внимательно следила за происходящим. Пока не вмешиваясь, она раскладывала на палубе свои пожитки.

- Если помните, капитан, у нас не достача одного человека. И как раз благодаря вам, - добавил твердо Уильям, понизив голос, - Может не стоит теперь разбрасываться людьми?

Барбоссе это напоминание пришлось явно не по душе:

- Хотите, чтобы девчонка заменила мисс Свон? – спросил он, двусмысленно усмехнувшись, но Уилл не поддался на провокацию. Все молчали.

- Я думаю, девушка не наделает бед, капитан, – неожиданно вступился мистер Гиббс.

- А она по-английски хоть смыслит? – спросил Барбосса после некоторой паузы.

- Эй, ты! – крикнул он пленнице, словно она была глухой, – Ты меня понимаешь? Как твое имя?

Китаянка поспешно кивнула и ответила:

- Мое имя Чунмин.

- Если она ходила с Фенгом в плавание, то научилась управляться с такелажом, – продолжил Уилл.

- Это так? – вновь спросил Барбосса у девушки. Она обернулась к Уильяму и после секундного колебания, согласно кивнула:

- Да, да. Я умею.

- Ну, хорошо, мистер Тёрнер, – нехотя согласился Барбосса, разворачиваясь к молодому человеку, – Раз уж сегодня ваш день, пусть девчонка остается. Под *вашу* ответственность.

Чунмин переводила беспокойный взгляд с Барбоссы на Уилла. Барбосса отступил, Уильям же освободил ей руки, перерезав веревки отцовским ножом.

- Не бойся, – сказал юноша как можно более приветливо, – Тебя никто не тронет.

Тиа Далма смерила Чунмин весьма настороженным взглядом.

- Так как называется эта посуда? – спросил Барбосса конкретно ни к кому не обращаясь.

- «Ин Цзяо», капитан! Это значит «Морской дракон»! – ответил радостно Рагетти, подняв костлявый палец. Почему Рагетти решил, что «Ин Цзяо» это «Морской дракон», оставалось только догадываться. Он обожал запоминать заковыристые слова, а потом долго рассуждать об их смысле. Иногда, если эти рассуждения становились слишком пространными, они заканчивались выбитым глазным протезом. Барбосса поморщился, ломать язык китайским названием он явно не собирался, впрочем «Морской дракон» ему тоже пришелся не по вкусу.

- Китайцы, – процедил сквозь зубы старый пират.

- Давайте переименуем? – предложил мистер Гиббс.

- Назовем его «Виолончель»! Красиво звучит! – тут же предложил Рагетти.

- Или «Барракуда», будто мы опасные, как та рыба с кучей зубов! – Пинтел широко улыбнулся, зубов ему явно не хватало.

- Или «Манифест», – припоминал Рагетти свой словарный запас.

В следующий момент Барбосса возвел глаза к небу, проклиная себя за вопрос, поскольку обсуждение названия корабля начало затягиваться. Уилл не вмешивался. Он прислонился к борту, сосредоточившись на боли в ране, но вдруг ему в голову сама собой пришла идея.

- Может быть «Калипсо»? – неожиданно предложил молодой человек. Все обернулись к нему.

- Вильям прав, – поддержала Тиа Далма, делая шаг вперед, – Это хорошее название, оно принесет нам удачу и покровительство морской девы. Калипсо – повелительница семи морей! – продекламировала она в заключение.

- А что, и впрямь хорошее название, – пожал плечами Гиббс.

Ведьма улыбнулась и взглянула на капитана Барбоссу, которому уже начинала надоедать эта дискуссия.

- Черт с вами! – махнул он рукой. – Пусть будет «Калипсо». А теперь за работу, лодыри! По местам!

- А ты, Далма, иди со мной, – добавил пират. Ведьме явно не хотелось оставлять Уильяма с китаянкой, но, скрывая недовольство, она все же последовала за Барбоссой.

Уилл тоже собрался уходить, ему все больше нездоровилось, а так же требовалось найти что-нибудь, чтобы перевязать рану. Вдруг Чунмин упала на

колени и прильнула к руке своего заступника губами. Уильям вздрогнул, рана отозвалась тупой болью.

- Оставь! - приказал он почти со злостью и вырывая руку. Девушка взглянула на Уилла изумленно. Капитан Фенг любил, когда его почитали сверх меры. Чунмин понимала, что унижается. Но сейчас она не знала, как отблагодарить своего спасителя и сделала лишь то, что традиционно требовали от всякого, кому Сяо милостиво сохранял жизнь.

- Не нужно, - добавил Уильям уже спокойнее, помогая ей встать на ноги, - Теперь ты не рабыня.

Глава 8. Счастливая птица

Уильям едва держался на ногах. «Еще немного», - подумал он, - «И я свалюсь прямо на палубе». Действительно, как только он сделал шаг, его шатнуло так, что невольно пришлось опереться на плечо Чунмин.

- Вы ранены, господин? - поразила китаянка. Теперь под распахнутым камзолом она заметила резаную дыру и большое алое пятно, разошедшееся по жилету.

- Нужно просто перевязать, - ответил Уилл, успокаивая заодно и себя тоже. Перед глазами все расплывалось, как в дымке.

- У меня есть чистая ткань, и я знаю, как перевязывать раны, - твердо сказала девушка, - Позвольте мне помочь вам.

Уилл с некоторым удивлением взглянул в её преданные глаза и растерянно кивнул, подумав: «Почему бы нет?». Конечно, было бы естественнее обратиться за помощью к Тиа Далме, однако просить ведьму лишний раз о чем-нибудь Уиллу не хотелось. Почему-то внутренний голос предостерегал его от доверия к темнокожей колдунье, хотя она и обещала помогать ему.

- Идемте со мной, - Чунмин подставила молодому человеку плечо. Поддерживаемый её хрупкой фигуркой Уилл последовал за девушкой.

- Моё имя Уильям Тёрнер, - запоздало представился он.

- Зови меня по имени, - разрешил на всякий случай Уильям, несколько смущенный обращением «господин».

- Вилиам Тёрнер, - согласно повторила китаянка, - хорошо, господин.

Каюта, в которую она его привела, была довольно тесной и походила на канатную подсобку, в которой Уилл провел предыдущий день. Низенькая кушетка, слишком маленькая для европейского человека, сундук, мутная полированная пластинка металла вместо зеркала и кадушка с водой – вот все, что уместилось в этом закутке.

- Нужно снять одежду, - усадив раненого на кушетку, Чунмин вынимала из сундука плотно скрученные рулоном тканевые полосы - корпию, Уильям же попытался, как можно аккуратнее стянуть с себя камзол. Пропитавшаяся кровью ткань успела слегка присохнуть к ране и доставляла дополнительные, болезненные ощущения при каждом неосторожном движении. Девушка помогла Уиллу снять жилет и рубашку, стараясь не причинить этим раненому больших неприятностей. Чунмин часто приходилось оказывать помощь капитану Фенгу, обрабатывая колотые и резаные ранения, полученные им в очередном сражении. При этом она научилась справляться с перевязкой как можно более аккуратно и безболезненно, грозный Сяо Фенг был горазд отвечать побоями за малейшее причиненное неудобство.

Присев рядом с Уиллом на пол, Чунмин осмотрела ранение. Клинок Сяо Фенга прошел вскользь, глубоко разрезав мягкие ткани, а после уткнулся в ребро. Края раны расходились, и алая кровь заполняла порез снова и снова, сочилась, засыхала.

- Я смою кровь вокруг, затем рану придется промывать. Будет больно, - предупредила девушка, заканчивая быстрый осмотр. Она смочила в воде корпию, и, не касаясь самого ранения, начала стирать запекающуюся кровь по направлению от раны. И хотя Чунмин хмурила брови и упорно не поднимала глаз на Уильяма, полностью сосредоточившись на оттирании крови, слегка порозовевшие щеки все равно выдавали её смущение. Уильям и сам

почувствовал почти то же самое, не смотря на то, что жизнь среди пиратов почти извело в нем юношескую застенчивость, ведь в море не было времени на сантименты и этикет. Вид раны и впрямь наводил на нехорошие мысли, а четкие и в тоже время легкие прикосновения Чунмин, казалось бы, облегчали боль.

- Я смотрю, вы времени не теряете! – приоткрытая дверь каюты распахнулась, громко стукнувшись о стену, и на пороге возник, как всегда бесцеремонный, Барбосса.

- Похоже, с ним все в порядке, а ты Далма волновалась, – обратился пират к колдунье, окинув насмешливым взглядом, открывшуюся сцену.

Тиа Далма невозмутимо прошла в каюту, отстранив, поднявшуюся на ноги Чунмин.

- Глубокое ранение, – бормотала Тиа, склонившись к Уиллу, – Нужно смыть кровь. Возможно, придется зашивать.

Предшествующих стараний Чунмин она, казалось бы, вовсе не замечала.

- Надеюсь, ты не трогала руками? – сурово спросила ведьма, даже не обернувшись к девушке. Китайка внимательно прислушивалась к её словам, явно с трудом поспевая разбирать быструю речь Тиа и без того усложненную характерным выговором. Уилл внешне оставался невозмутимым, однако чувствовал себя не в своей тарелке под пристальным взглядом колдуньи. Далма осматривала то ли рану, то ли самого раненого. Барбосса, не собираясь уходить, наблюдал за происходящим, прислонившись к косяку двери.

- Я умею обрабатывать раны, – растерянно ответила в это время хозяйка каюты, решив видимо, что это самый подходящий ответ на вопрос Тиа, – Мне не раз приходилось помогать капитану Фенгу.

- Отлично! – просияла Далма, она поднялась и, взяв девушку под локоть, почти вытолкала её за дверь.

- На корабле есть выпивка, а? – спросила она у Барбоссы.

- А как же! – усмехнулся Барбосса, – Мы вернули ром, что продали недавно Фенгу. Видишь, как хорошо все обернулось. Для нас, – добавил капитан многозначительно.

- Принеси ром, – почти приказала ведьма Чунмин. Девушка беспокойно взглянула на Уилла из-за её плеча, нахмурилась и опустила глаза.

- Вильяму нужна помощь, – добавила ведьма более мягким тоном, заметив также помрачневший вид капитана. Затем, не говоря больше ни слова, Тиа захлопнула у них пред носом дверь.

- Проще было бы его пристрелить, – проворчал Барбосса, выходя на палубу.

- Ну! – прикрикнул он, обернувшись к Чунмин, – Ром в трюме.

- Я думаю, вы не заблудитесь, мисс, – добавил он ехидно и, кивнув в сторону тёмных палубных люков, отправился на капитанский мостик.

Легко сказать: «Ром в трюме». Он ведь не просто «в трюме», как правило, он там заперт, поскольку ни один разумный капитан не позволит команде свободный доступ к выпивке. Так что ключи от винного погреба в некотором смысле являлись символом власти, позволяя капитану распоряжаться не только наказаниями, но и поощрениями. На корабле Сяо Фенга порядки были строгими, и погреб открывался единственным ключом, принадлежащем Сяо Фенгу. Чунмин прекрасно знала, что связку с ключами от кают и погреба Сяо всегда носил при себе, а значит, сейчас она покоилась вместе с хозяином на морском дне. И все же китайка спустилась в трюм.

Пинтел и Рагетти стояли перед кованой решетчатой дверью в винный погреб, уныло наблюдая знакомые бочонки, складированные за металлическими прутьями. Эту дверь Фенг заказал в Сайгоне у мастера, славившегося изготовлением хитрых замков. Открыть его замок можно было только ключом, потому пират считал, что дверь для его команды оставалась неприступной. Впрочем, он не сильно ошибался. Его пираты не использовали шпильки, и понятия не имели о полезности этого предмета для открывания хитрых замков. В отличие от Чунмин.

Длинная красная шпилька была украдена ею несколько недель назад у одной из блудниц, которых приводили на «Ин Цзяо». Девушка не собиралась носить её в причёске, поскольку Сяо внимательно следил, чтобы в её руки не попадало ничего опасного для его здоровья. Шпилька, по сию пору спрятанная в голенище матерчатого сапога Чунмин, была нужна ей для других целей. К сожалению, девушка не успела воспользоваться этим импровизированным оружием, когда капитан Фенг обнаружил пропажу карты и бегство светловолосой европейки.

Пинтел и Рагетти как раз обсуждали вопрос, с какой стороны эффективнее прорубить дверной косяк, когда Чунмин незаметно появилась у двери и, не говоря ни слова, начала вскрывать замок с самым решительным видом. Она старательно искала слабое место в сокрытом механизме, тот не поддавался. Девушка только один раз видела, как открывают шпилькой двери, и никогда не пробовала сделать это своими руками, но сейчас хороший человек по имени Вилиам Тёрнер нуждался в помощи, а потому Чунмин решила попробовать когда-то увиденное на практике. Пираты недоуменно присели рядом и наблюдали за её действиями почти раскрыв рты.

- Я бы и не догадался, - выдал Пинтел, переглянувшись с Рагетти.

- Еще бы, - хихикнул одноглазый, - С твоей-то лысиной такие штучки ни к чему.

После длительных истязаний шпилькой, замок наконец-то поддался.

- Долго же ты, - недовольно произнесла Тиа Далма, когда Чунмин вернулась из трюма. Следом за ней Пинтел и Рагетти втащили бочонок с надписью "RUM". Уильям бледнее смерти лежал на кушетке. Услышав слова Далмы, он попытался открыть глаза и рассмотреть вошедших. Далма сидела рядом с ним и непрерывно стирала кровавые подтеки корпией, тихо нашептывая что-то на своем диалекте. Чунмин заметила, что содержимое сундука, в котором она хранила свои вещи, было бесцеремонно перевернуто. Женщина по имени Тиа вытащила из него шелковый кафтан ха-ол. Когда этот кафтан достался Чунмин, он был сильно порезан саблей, и его пришлось зашивать. Сейчас латаное место было разорвано снова и служило для выдергивания шелковых ниток. Ими то, видимо, Тиа и собиралась зашивать рану.

- Убери это, - обратилась ведьма к Чунмин, кивнув на окровавленные комки корпии, скопившиеся на полу.

- Ты ведь хочешь помочь Вильяму, верно? - предупредила Далма ласковым тоном возможное недовольство, но китаянка и не думала возражать. Чунмин только взглянула на ведьму задумчиво и кивнула. Смуглая чужестранка совсем не нравилась ей, но девушка считала, что ради пользы дела можно наступить на горло своим чувствам. Терпение было первой добродетелью, какой пришлось учиться, чтобы выжить на корабле Сяо. Пока Чунмин выносила корпию, Пинтел вскрыл бочонок, наполнил ромом увесистую деревянную кружку и передал Тиа Далме.

- Пей, - приказала она Уильяму, - Иначе боль сведет тебя с ума.

После рома Уилл точно уже не смог бы встать, учитывая количество потерянной крови и абсолютно пустой желудок. Мистер Гиббс появился в дверях и, аккуратно отодвинув в сторону Чунмин, стоявшую в дверном проеме, прошел внутрь каюты:

- Капитан сказал, понадобится моя помощь? - боцман окинул взглядом бледного Тёрнера, сосредоточенную Тиа Далму и бесполезного Пинтела. Последний только занимал место в тесном помещении.

- Я должна зашить поврежденную человеческую плоть, - ответила Гиббсу ведьма, - Вильяма придется держать, встань в головах.

- А ты иди вон! - приказала она Пинтелу, и тот двинулся к выходу, едва не затоптав по дороге мистера Гиббса.

- Хотя нет... - остановила толстяка Далма, - Ты останься, встань в ногах.

После некоторых толканий в тесном пространстве, все, наконец, заняли нужные места.

- Ну, мистер Тёрнер, держитесь, - подбодрил Гиббс, наваливаясь на плечи Уильяма.

- Ага, будьте паинькой и не брыкайтесь, - добавил от себя Пинтел, всем весом прижав раненому ноги.

Обильно смочив клочок корпии в роме, Далма прижала его к кровоточащей ране. Уильям вздрогнул, зажмурился и застонал, едва сдержав крик. Руки судорожно сжали матрас, на котором он лежал.

- Тише ты, чертовка! - возмутился Гиббс, - Хоть бы предупредила!

- Рана есть рана, - парировала ведьма, промачивая порез алкоголем и не обращая внимания на мучения Уилла. После нескольких весьма болезненных промываний, обожженная ромом рана перестала истекать кровью, показав покрасневшую раздраженную кожу вокруг глубокого пореза, и Тиа взялась за иглу.

- Что ты здесь стоишь, а? - обратила она внимание на бледную Чунмин, все еще стоявшую в дверях. Ведьма вымочила нитки, надерганные из кафтана, и тонкую иглу, что всегда носила при себе, в кружке с ромом. Девушка неотрывно следила за каждым её действием, и это несколько раздражало Далму.

- Я останусь, - неожиданно твердо ответила Чунмин. Колдунья ничего не ответила, смерив её оценивающим и опасным взглядом.

- Ну, смотри, - усмехнулась она в ответ и, быстро оттянув кожу у края раны, проткнула её иглой.

Уильяму повезло. Хоть он и был крепким малым, приблизительно в начале процедуры он все же потерял сознание. Когда бледный Гиббс с трясущимися руками и слегка пошатывающийся Пинтел вышли из каюты, они обнаружили Чунмин, сидевшую теперь уже под дверью и закрывшую руками лицо.

- Вам плохо, мисс? - упавшим голосом спросил мистер Гиббс.

- Да, - с трудом ответила девушка, взглянув на него.

- Что же вы смотрели? Такое-то зрелище совсем не для девиц, вроде вас, - посочувствовал Гиббс, присаживаясь рядом.

- Так было нужно, - тихо ответила Чунмин. Она не смогла бы объяснить этому пожилому, доброжелательному человеку, почему все эти мучительные минуты, смотрела, как женщина Тиа прокалывает бок Уильяма и затягивает болезненные узелки. За все время операции девушка, не переставая, шептала: «Помоги ему Чунмин, помоги, помоги!». Она не ушла лишь потому, что отчаянно надеялась, что имя, которое она ненавидела, и которое однажды привело её на корабль Фенга, сейчас поможет Уильяму Тёрнеру выжить.

- С ним все в порядке, хотя его дух и ушел из тела, но так даже лучше, - заявила Тиа Далма, появляясь в проходе каюты. От нее исходил сильный, почти спиртовой запах. Гиббс поднялся на ноги. Далма выкинула оставшиеся кровавые комки тряпок к ногам Чунмин.

- Ты... Чунмин? - спросила ведьма у девушки и, получив согласный кивок, продолжила, - Мы перенесем его в другую каюту, и как можно быстрее. Все на чем осталась кровь нужно уничтожить, - ведьма кивнула на тряпки, - ты же не хочешь, чтобы сюда пожаловали тучи мух?

Отдав это распоряжение, Далма направилась на палубу. Побрякушки, навешанные на её платье тихо постукивали в такт легким шагам.

- Ничем не проймешь, - проворчал мистер Гиббс, глядя ей вслед.

- Вам помочь прибраться, мисс? - спросил он у все еще бледной Чунмин.

- Со мной все будет хорошо, - ответила девушка и, собрав тряпки, как сомнамбула направилась на палубу.

***

- Давай, давай заходи справа! Справа я сказал! Гони его на меня, - командовал Пинтел, направляя Рагетти мечущегося по пляжу вокруг большой черноголовой птицы. Они безуспешно пытались поймать её уже четверть часа, птица же безразлично смотрела на прыгающих вокруг людей, явно не собираясь становиться чьим-то обедом.

- Цыпа, цыпа, цыпа! - Рагетти приближался к альбатросу, согнувшись в три погибели и широко расставив руки. Коттон с рыболовной сетью подкрадывался слева. Альбатрос лениво переступил с ноги на ногу, захлопал громадными крыльями и с видом глубокого презрения взмыл над головами незадачливых охотников.

- Улетел... - Рагетти проводил удаляющуюся добычу взглядом, приставив козырьком ладонь к единственному глазу.

- Конечно, улетел! - взорвался Пинтел, - Он же с крыльями, тупица!

- Это ты виноват! Твои вопли, наверно, слышны были даже... в Катманду! - обиженно ответил его приятель. Пинтел вскипел:

- Будешь выражаться - сам пойдешь на бульон! Набрался непонятных слов, то же мне... ф... фи... фулософ! - Пинтел шагал вдоль пляжа, Рагетти понуро последовал за ним, неожиданно крикнув Коттону:

- А ты вообще молчи!

Немой пират недоуменно почесал в затылке и последовал за ними, перекинув сеть через плечо.

- Иду за цыпочками! За цыпочками! - весело комментировал его попугай, отправляясь следом за процессией. В поисках провизии троица рыскала по небольшому острову, к которому, «Калипсо» причалила спустя три дня после её захвата и переименования.

Уильям Тёрнер лежал в горячке. Рана оказалась тяжелее, чем представилось сначала, и Тиа Далма не отходила от молодого человека ни на шаг и, практически не появляясь из его каюты. Барбосса приказал направить корабль к ближайшему острову. Так или иначе, им нужно было приставать к суше - пополнить запасы пресной воды, провизии, проверить состояние «Калипсо» на пригодность к дальним плаваниям, в общем, Барбосса прекрасно знал, чем занять команду, пока Тиа Далма будет ставить на ноги Тёрнера-младшего.

Капитан ходил мрачнее тучи, огрызаясь на всех, кто попадался на глаза. Впрочем, его недовольство было вполне предсказуемо. Их и без того малочисленная команда лишился в лице Уилла Тёрнера едва ли не последнего, крепкого и работоспособного человека. А потому, приходилось на некоторое время отказаться от осуществления своих планов и ждать пока мальчишка будет в состоянии хотя бы встать с постели.

Пока Коттон, Рагетти и Пинтел разыскивали провизию и воду, Гиббс и Чунмин под командованием Барбоссы занялись корабельными работами. Как выяснилось на практике, китайка приписала себе знание морского дела, исключительно во спасение, а Сяо Фенг вообще не давал ей участвовать в корабельных работах. Конечно, живя на корабле, Чунмин знала названия снастей, точно так же, как мисс Свон, проживая в богатом доме, знала, что камин называется камином, но при этом не имела понятия, как его разжигают и чистят. И конечно, хотя Сяо Фенг и знал английский язык, но приказы своим пиратам отдавал на родном китайском, потому даже от того немногого, что Чунмин запомнила, не было никакого толка.

На язвительный вопрос разгневанного Барбоссы: «И для чего же он тебя так берёт?», девушка, смиренно склонив голову, дала странный ответ: «Я была талисманом». Барбосса скрежетал зубами: «Отлично! У нас есть: боцман, немой, попугай, два придурка, больной, свихнувшаяся ведьма, а теперь еще и ТАЛИСМАН!». Малыш Джек запрыгал у него на плече, напоминая и о себе. Однако решение выгнать Чунмин означало потерять еще одного человека. И поскольку выбирать было не из чего, капитан Барбосса утешился тем, что круглые сутки гонял «лживую девчонку» по палубе «в целях воспитания и обучения». Впрочем, Чунмин не сопротивлялась, и беспрекословно бралась за выполнение даже непонятных ей команд. К счастью, не в море можно было учиться методом проб и ошибок. В самых критических случаях, мистер Гиббс, если был поблизости, переводил с корабельного языка на человеческий, в стиле: «Бери это и тащи туда!»

Так продолжалось несколько дней. У Чунмин оказалась хорошая память, и она быстро запоминала все, что нужно. Дело уже шло на лад, когда Барбосса

решил, что от китаянки будет больше толку, если она станет помогать Тиа Далме. Сама ведьма, конечно, была другого мнения. Она не нуждалась в свидетеле своих, как она говорила, «тайн врачевания». Круглосуточное пребывание наедине с раненым Уиллом, который теперь лежал в бреду без сознания, её вполне устраивало. Однако Барбосса объяснив все заботой о дорогой Тиа и беспокойством за здоровье самой врачевательницы, капитанской властью велел Чунмин сидеть с Тёрнером в ночное время. Далме же было вполне сурово приказано тратить ночи не на заклинания, а на сон. Потому каждый вечер под надзором Барбоссы Тиа Далма отправлялась спать в каюту Чунмин, а китаянка уходила к Далме – поить больного каждый час какой-то настойкой и делать очередную перевязку.

Присутствие ведьмы в каюте Барбосса проверял лично. Каждый вечер грохоча сапогами он подходил к её двери и, потратив пару минут на пререкания и угрозы выбить дверь и выкинуть Далму за борт, он в конце концов удалялся в капитанскую каюту, так и не получив доступ в апартаменты злопамятной колдуньи.

Ночные бдения действительно изматывали, но Чунмин это совсем не беспокоило. Судьба молодого человека спасшего её от смерти не могла её не занимать. Всякий раз, когда в каюту, где лежал Уилл, заходил Барбосса или кто-нибудь из команды, девушка не сводила глаз с закрытой двери, стараясь унять, бешено стучащее сердце. Она прекрасно помнила, как поступал Сяо Фенг с теми, кто был ранен в бою и не успевал встать на ноги за неделю. Суровый Сяо никогда не возился с такой обузой, и всех кто не успевал выздоравливать, просто добивали. Поступить в команду удачливого капитана Фенга всегда было полно желающих, а потому он позволял себе «не экономить». Такой подход можно было считать даже полезным. Зная, что на лечение рассчитывать нечего, пираты Фенга сражались в бою как звери, предпочитая ранению смерть. Команда Сяо значительно сокращалась после каждого боя, а потому всем уцелевшим оставались весьма щедрые доли добычи, слух о которых неизменно привлекал в команду пирата новых авантюристов.

Чунмин успела заметить, что капитан Барбосса так же не отличался особой снисходительностью. От мысли, что Уильяма могут убить, ей становилось невыносимо страшно. Получив разрешение находиться возле постели раненого, девушка сидела возле него не только ночью, но и днём, если позволяли обстоятельства. Она засыпала лишь тогда, когда в каюту возвращалась Тиа Далма. Чунмин рассудила, что женщина, пытающаяся вылечить молодого человека, не причинит ему вреда, а потому ей можно было доверять. Конечно, если бы капитан Барбосса приказал убить раненого, Чунмин не смогла бы ничем помешать этому. Однако девушка верила, что сможет помочь, но иначе. Каждую ночь, выполнив все необходимые процедуры по перевязке и инструкции по приготовлению лекарств, она присаживалась рядом с постелью больного и, взяв его за руку, начинала шептать свои непонятные заветные слова: «Помоги ему Чунмин! Помоги, помоги!» И так до самого утра.

Уильям Тёрнер очнулся поздно ночью, когда фонарь, едва освещавший темную каюту, почти угас. Его сознание прояснялось, и вместе с тем постепенно возвращались ощущения собственного тела. Зашитая рана саднила под тугой повязкой, руки и ноги занемели от долгого бездействия, тем не менее, Уильям сразу почувствовал, что кто-то держит его ладонь. Прямо на полу, рядом с кушеткой, на которой он лежал, сидела темноволосая девушка. Несомненно, это была Чунмин. Она видимо была здесь уже давно и заснула, склонившись головой на постель, удерживая его руку в своих ладонях. Вдруг, словно почувствовав его взгляд, она встрепенулась и подняла голову.

- Долго я... спал? – спросил Уилл, с трудом заставив работать голосовые связки.

- Господин Вилиам! – ответила она, улыбнувшись, - Как я рада, что вы вернулись.

Чунмин кратко рассказала Уиллу, что он пролежал без сознания шесть дней, что сейчас они стоят на рейде у небольшого острова, что Тиа Далма не отходила от него круглые сутки, пока капитан не назначил Чунмин её ночной сменщицей. В ответ на вопрос Уильяма о том, почему она сидела у его постели и не ушла, сделав перевязку, девушка рассказала о порядках заведенных Сяо Фенгом и участи, которая ждала на «Ин Цзяо» всех тяжелораненых в бою. Чунмин объяснила свое неотлучное дежурство так:

- Я беспокоилась, что ваш капитан захочет убить вас. Ведь он тоже очень суровый человек. Я не могла бы вас защитить, но надеялась, что если буду рядом, вы быстрее выздоровеете.

Такая наивная забота не могла не тронуть, Уильям улыбнулся и, тяжело вздохнув, ответил:

- Капитан Барбосса действительно не отличается добротой, но раз он не прикончил меня сразу и позволил лечить, значить... я ему еще нужен.

Чунмин отвела взгляд, и если бы не плохое освещение, Уильям смог бы заметить, как стремительно розовели её щеки. Конечно, заинтересованность капитана Барбоссы была очевидна и опасение за жизнь молодого человека, с некоторых пор, было больше оправданием для самой себя, чем причиной.

- Тем приятнее, что кто-то еще способен просто за меня беспокоиться, - добавил Уильям, попытавшись приподняться. Но слабость не позволила ему даже поднять руки.

- Силы к вам быстро вернуться, главное, что ваш дух нашел дорогу назад. Сейчас вам лучше лежать, иначе рана может снова открыться, - Чунмин присела на край постели и поправила тряпичное одеяло. Уильям заметил, что она выглядела гораздо лучше, чем в прошлый раз, и больше не походила на забитого зверька. Вместо темно-серого кафтана на ней было надето изумрудное шелковое кимоно. Оно явно было очень дорогим и, скорее всего, захвачено на одном из кораблей, разграбленных Сяо Фенгом.

Девушка теперь действительно носила вещи, которые давно пылились в её сундуке. Многие из них были подарены Фенгом после захватов кораблей. Чунмин не нравилось одевать то, что принадлежало чужим, зачастую убитым людям. Однако когда практически всю её хлопковую одежду пришлось перевести на корпию для перевязок, выбора не осталось. Костюм, конечно, был подобран совсем не по правилам. Надеть дорогое кимоно просто как верхнюю рубашку поверх совсем не подходящих матерчатых штанов и носить все это вместе с сапогами? У любого уважающего себя знатока церемониала от такого зрелища случился бы шок, но знатоков восточного церемониала на «Калипсо» не было, а Чунмин слово «церемониал» вообще ни о чем не говорило.

Уильям тоже не был знаком с особенностями азиатской культуры, и отметил только, что этот наряд шел хрупкой Чунмин гораздо больше, хотя и был не по росту, и рукава приходилось закатывать. Уилл поймал себя на том, что уже минут пять совершенно беззастенчиво её рассматривает. Неожиданно девушка спросила:

- Почему вы называете вашего капитана барбоссой? Я слышала, что так говорят все, и даже та женщина, Тиа.

- Ну, это не самое благозвучное имя, - пожал плечами Уилл, усмехнувшись, - Но куда деваться, у нас много странных имен.

Однако Чунмин не заметила шутку.

- Это его имя? - поразила девушка, - Тогда он еще более суровый человек, чем я думала...

- Отчего ты так решила? - Уилл недоуменно взглянул на Чунмин, удивляясь ей все больше.

- Но ведь «барбосса» - это же очень плохое слово, - объяснила китаянка, - мне говорили, что в вашей стране так ругают очень злого человека, предателя и убийцу.

Растерянно кивнув головой, Уилл усмехнулся и подумал: «В принципе, это правда». Шутка явно бы удалась, но Чунмин, судя по всему, говорила совершенно серьезно. Её заявление настолько поразило Уильяма, что он даже

попытался приподняться на локте, забыв о ране, которая тут же напомнила о себе болью и головокружением.

- Кто же тебе это рассказал? – спросил он, бессильно опускаясь обратно на постель.

- Мой друг, - тихо ответила девушка, - Он был англичанин, и научил меня вашему языку. Он все время повторял: «Проклятый барбосса!» - откровенно ответила девушка.

Чунмин вспомнила ответ своего друга, когда спросила его о значении этого непонятного слова. «О, это страшное ругательство!» - ответил друг, размахивая бутылкой с выпивкой, - «Так называют отъявленного мерзавца, убийцу и предателя, никогда не подходи к таким людям, птаха!» С тех пор Чунмин иногда называла Сяо Фенга барбоссой. Конечно, капитан Фенг не понял бы смысла этого слова, да и вообще не мог его услышать, поскольку Чунмин ругала его про себя, но девочке было приятно хоть как-то отплатить ему за его дурное обращение.

Задумавшись, Чунмин не заметила, что Уильям не сводил с неё глаз. Выражение не то гнева, не то боли застыло на его лице. Девушка удивленно смотрела на Уилла, не понимая, отчего молодой человек так помрачнел. Уилл же был почти уверен, что с «другом» этим он хорошо знаком. Догадка требовала подтверждения, и вопрос сорвался с губ сам собой:

- Как его имя?

- Я не знаю его английского имени, - ответила Чунмин, - Но в Сингапуре его называли Ши Суэй.

- Расскажи мне об этом человеке, - попросил Уильям, - Пожалуйста.

- Я выпался на год вперед, - добавил он как можно беспечнее, - Так что, если тебе не трудно, ты могла бы рассказать мне эту интересную историю. Этот Ши Суэй видимо был занятным человеком?

Чунмин отчего-то грустно улыбнулась, опустила глаза и, вздохнув, ответила:

- Хорошо, я расскажу...

***

Чунмин рассказала, что много лет назад капитан Фенг отправился в очень далекое плавание. Целью этого плавания была страна лежащая далеко на западе, которую называют Фузан³⁸. В то время Сяо Фенг занимался контрабандой. Отправляясь в это очень опасное и рискованное путешествие, он ожидал получить большую прибыль от продажи в Сингапуре жгучего напитка, привозимого из Фузан, того самого которым Уильяму недавно обрабатывали рану. Сяо Фенг считал Чунмин своим талисманом, а потому она была вынуждена отправиться в это плавание вместе с ним. Услышав это, Уилл был ни мало удивлен, но еще больше его поразило обстоятельство, что Чунмин в то время было всего шесть лет. На мгновение, забыв о Ши Суэй, Уилл спросил девушку:

- Капитан Фенг был твоим отцом?

- Нет, - ответила Чунмин, - Мой отец продал меня капитану Фенгу не задолго до отплытия в Фузан. Мы жили в маленьком рыбацком селении. Иногда, у наших берегов появлялись пиратские джонки. Люди очень боялись их и прятались. Пираты приходили в селение и требовали выкуп с каждого жителя. Им платили рыбой, рисом или деньгами, ведь они угрожали сжечь лодки, и тогда не на чем было бы выходить в море. В ту ночь, когда джонка капитана Фенга встала у нашего берега, умерла моя мама, отец не выходил в море, у него не было денег, чтобы дать их пиратам. Он решил вернуться в свою родную страну на севере, но перед тем как уйти из деревни, отвел меня к Сяо Фенгу. Рассказав капитану, что мое имя Чунмин, и что я приношу удачу, тому с кем нахожусь рядом, отец предложил капитану Фенгу купить меня.

Выслушав этот рассказ, Уильям выглядел совершенно потрясенным, Чунмин же, решив, что он не понимает смысла имени, пояснила:

---

³⁸ Фузан - до наших дней дошли довольно достоверные сведения о плавании китайцев в заморскую страну Фузан, которая по описанию очень напоминает Мексику. Здесь же имеются в виду острова Карибского моря.

- Слово Чунмин означает «радость». И еще, так называют чудесную птицу, которая защищает от злых духов и приносит удачу. Мама знала много сказок, она говорила, что назвала меня Чунмин, чтобы я была счастливой.

- Сяо Фенг поверил твоему отцу? – спросил Уилл.

- Нет. Он посчитал, что это выдумки...

- Но он забрал тебя с собой...

Чунмин вспомнила, как стояла перед грозным капитаном и, с высоты своего роста, одетый в ужасные металлические доспехи, он казался ей огромным великаном. Маленькая, худенькая, босоногая Чунмин дрожала всем телом, стараясь не расплакаться в голос. Отец стоял у неё за спиной и молчал. Капитан Фенг не поверил рассказу рыбака, но когда пират взял напуганного ребенка в руки и с безразличным выражением посмотрел в заплаканное личико... О нет, он не проникся симпатией...

- В наше селение ворвались стражники Малаккского султана, - продолжила Чунмин, и голос её стал глухим, - Сейчас я знаю, султану давно не нравилось, что пираты опустошают его земли. Его стража и по сей день сражается с пиратами, смеющими нарушить покой побережья Малаккского пролива. Тех же, кто вопреки закону платит пиратам дань, уничтожают так же безжалостно, как и самих разбойников. Тогда вокруг меня был ужас, хаос. Конные воины пронесли по нашему селению, стреляя без разбора в тех, кто попался на пути. Стрелы падали градом. Они убили всех. Моего отца тоже. В живых остались только я и Сяо Фенг.

Чунмин не знала, пожалели ли стражники её, или Фенгу действительно повезло, и стрелы пролетели мимо, но с тех пор капитан Сяо уверился, что Чунмин действительно приносит удачу. Капитан Фенг был доволен, что «талисман» достался ему даром, он забрал девочку на свой корабль и не расставался с ней даже когда уходил в море.

Уильям, не отрываясь, смотрел девушку, пытаясь осмыслить все то, что он услышал. Чунмин же, выросшая на пиратском корабле, уже не могла понять, что поразило его в этой истории. Мир, в котором её поселил Сяо Фенг, был груб и циничен. И единственное, что еще могло её удивить это искренность и доброта.

- Когда мы добрались до Фузан, прошел год, - продолжила Чунмин, возвращаясь к рассказу о Ши Суэй.

- Фузан показалось мне очень красивой. Больше всего я запомнила море. Широкое, спокойное, с маленькими островками земли и скал, оно было совсем не такое как наш узкий Малаккский пролив. Капитан Фенг называл местных жителей карибцами, а море, на островах которого они жили - Карибским. Наша джонка вставала у разных островов. Меня на берег не выпускали, и людей, живших в Фузан, я могла видеть только издалека. Но однажды мы причалили к необитаемому острову...

- Там находился тайник, с ромом, тем самым жгучим напитком, который капитан Фенг выкупил у торговцев в городе с названием... Тортуга...

Уильям внимательно слушал девушку, уже приготовившись внимать истинной версии легенды «О спасении с необитаемого острова верхом на двух черепахах».

- Высадившись на острове, - продолжила она, - Сяо Фенг и его люди обнаружили, что тайник с ромом потревожен местным карибцем. Этот человек был первым жителем Фузан, которого я видела вблизи. Фенг выпустил меня из трюма, не опасаясь, что я смогу сбежать, ведь на острове не должно было быть людей. Чужестранец показался мне очень необычным. В нём все было невероятно - походка, голос, весь его облик. Никогда в жизни я не встречала такого... яркого человека! Он был молодой, приблизительно того же возраста, что и вы сейчас.

Не переставая удивляться, Уильям наблюдал, как изменялась сама Чунмин, рассказывая эту историю. Хорошие воспоминания (а воспоминания явно были хорошими), шли ей на пользу как чудодейственное лекарство. Несомненно, Фузан, как она назвала острова Карибского моря, ей очень понравилась.

По ходу рассказа Чунмин упомянула, что решила тогда вернуться в страну, в которой живут такие странные и красивые люди.

- Я была совсем мала, и отчего-то вообразила, будто в Фузан все люди так же необычны и привлекательны как этот карибец, - пояснила Чунмин, улыбнувшись, и лукаво взглянула на Уилла.

- С тех пор Фузан стала страной моих мечтаний, в которую хотелось убежать. Неизвестно как попал на остров контрабандистов этот человек. Сяо Фенг был очень не доволен, тем, что посторонний нашел тайник с ромом. Капитан приказал схватить его и повесить. Но неожиданно чужестранец заговорил с Фенгом на своем языке. Я тогда не понимала английских слов, но помню, что он говорил совсем без страха, даже уверенно, и смог убедить капитана Фенга отпустить его. Хотя уже стоял с петлей на шее. Англичанин показал Сяо Фенгу маленькую коробочку, что висела у него на поясе и, как выяснилось позже, капитан Фенг решил, что этот незнакомец поведет нашу джонку в Сингапур вместо почтенного Лу Госина, погибшего во время урагана. Увидев меня, наш новый штурман очень удивился. Он что-то спросил у Фенга. В ответ капитан ткнул в меня пальцем и, назвав меня по имени, велел подойти к ним. Фенг ответил незнакомцу что-то на его языке, а мне велел обращаться к англичанину Ши Суэй, и держаться от него подальше...

Далее Уильям узнал, что за год, проведенный на корабле Фенга, Чунмин усвоила, что лучший (он же единственный) способ избежать неприятностей – это не попадаться на глаза капитану. Девочка исследовала все укромные уголки корабля и научилась так виртуозно прятаться, что порой, ее приходилось очень долго искать. Когда на корабле появился Ши Суэй, совершенно противоположно запрету Фенга Чунмин стала чаще выбираться из своего закутка на нижней палубе. Как правило, она усаживалась неподалеку от штурвала, и просто наблюдала, слушала, как новый штурман болтает что-то себе под нос или напевает какие-то песенки, время от времени, сверяясь с морским компасом, подвешенным на поясе.

Ши Суэй, иначе говоря «господин Воробей», оказался не только симпатичным, но и вполне добрым молодым человеком. По крайней мере, никто еще не относился к Чунмин так хорошо. Дико скучая от круглосуточного стояния за штурвалом, Ши Суэй развлекался тем, что учил Чунмин английским словам.

- Эй, птаха! – обращался он к ней, даже не пытаясь выговаривать её неудобнее для европейца имя, - Слетай-ка за бутылкой. Новой. Другой. Полной. Такой вот. Вот она. Эта штука называется бу-тыл-ка...

- Бу-тыл-ка, - повторяла Чунмин, наблюдая за пустой емкостью, которой выразительно размахивал штурман, не отходя от штурвала.

- Правильно! – одобрял Ши Суэй и продолжал гримасничать, - Бутылку... полную... мне. Принесешь?

Каждое слово пояснялось оригинальной пантомимой. Сначала с трудом, потом все легче Чунмин начинала понимать английские слова. Девочка охотно училась, потешаясь над представлениями, которые устраивал Ши Суэй, пытаясь объяснить ей, смысл того или иного английского слова. Особенно ей понравилось, как мастерски он передразнивал хмурый вид Сяо Фенга, изображая слово «капитан». Запоминая новые фразы, слова и слушая пространные байки своего старшего товарища, Чунмин мечтала, что когда-нибудь снова окажется в стране Фузан, и тогда сможет говорить с живущими там людьми на их родном языке. Ши Суэй же благодаря своим стараниям получил еще одного собеседника, слишком молодого, но зато более приятного в сравнении с Сяо Фенгом. Несмотря на недовольство Фенга, пленный молодой пират и девочка-талисман подружились. К концу путешествия Чунмин уже могла говорить с англичанином на его родном языке и понимать его.

С каждым словом рассказа Чунмин о знакомстве с пиратом Ши Суэй, становилось очевиднее, что Сяо Фенг был весьма коварным человеком. Он никого и ничего не любил, кроме оружия, сражений и страха своих врагов. Однако с теми, кто был ему нужен, капитан Фенг мог вести себя вполне

достойно и изображать гостеприимство, но доверять этой маске было очень опасно.

Не обладая таким «пороком», как снисходительность, Фенг, конечно, не терпел, когда под ногами путался ребенок. Однако в присутствии Ши Суэй, он изображал цивилизованного человека и по отношению к Чунмин вел себя намного приличнее. Она же, давно привыкшая к осторожности, забиралась на мачту как кошка, каждый раз, когда видела капитана. Раздраженный Фенг был скор на расправу, как правило, он предпочитал наказывать не того, кто виноват, а первого кто попался под руку. С Ши Суэй обращались вполне сносно, хотя он и оставался на положении пленного. У него отняли оружие – пистолет и саблю, оставив только компас, необходимый в штурманском деле. Однажды отношение Сяо Фенга в корне изменилось после одного события.

В тот день Чунмин, забралась на мачту, спасаясь от матросов. Капитан был уже с утра не в духе, и приказал изловить девчонку и высечь, за очередную выдуманную им провинность. Со своего места Ши Суэй наблюдал, усмехаясь, за своеобразной «гонкой по вертикали», которую устроили матросы и Чунмин. Пираты, бранясь, ползли по мачте, цепляясь за снасти паруса, а Чунмин забиралась все выше. Когда она достигла рея самого верхнего паруса, девочка бесстрашно перелезла на шаткий рангоут и отползала по нему до тех пор, пока не очутилась на самом краю. Матросы, боясь гнева капитана, расхаживавшего тут же по палубе, последовали за ней. Рей шатнуло от нависшей на нем тяжести, и Чунмин не удержавшись, с визгом соскользнула вниз, едва успев уцепиться за снасти. Пираты явно не торопились помочь ей, надеясь, раз и навсегда избавиться от «сопливой проблемы». Дело принимало нешуточный оборот, и Ши Суэй резко крутанул штурвал, предупредив её падение на палубу. Ветер тут же развернул парус и, Чунмин оказалась над водой до того как разжала ослабевшие руки.

Чунмин упала за борт, а пираты Фенга теперь свисали с рея, ругая проклятого рулевого и девчонку последними китайскими словами. Они явно требовали вернуть парус на прежнее место, но сделать это было некому, поскольку штурман уже прыгнул в воду, чтобы вытащить Чунмин. Когда они выбрались на палубу, Ши Суэй склонился над промокшей насквозь девочкой, кашляющей от попавшей в горло воды. Утешительно погладив её по щеке, Ши Суэй подмигнул Чунмин.

Пираты Фенга схватили штурмана за шиворот и, грубо поставив его на ноги, подтащили к капитану. Фенг молча взирал на пленного, Ши Суэй же сказал единственную фразу: «Я просто подумал, что не стоит топить нашу удачу, а капитан?» Молодой человек пожал плечами и, несколько съездившись, с беспокойством глянул на тяжелые бичи в руках матросов, только что висевших над водой. Однако вопреки худшим ожиданиям Фенг приказал отпустить спасителя его «счастливого зверька».

Фенг не церемонился с Чунмин и не делал никаких скидок на её возраст, однако он совсем не хотел замучить её до смерти. Никто не имел права обижать «счастливого зверька» капитана, кроме его самого, конечно. Так проявлялась его своеобразная забота. С тех пор как Ши Суэй спас Чунмин, Сяо Фенг, никогда ни с кем не друживший, проникся к англичанину почти дружескими чувствами. Молодому человеку вернули все его вещи и позволяли свободно перемещаться по кораблю не только во время вахты.

Хитрец Ши Суэй пользовался этим правом в полной мере. С Чунмин они теперь были неразлучны как воры, скованные одной цепью. Понимая друг друга с полуслова, Ши Суэй и Чунмин легко претворяли в жизнь мелкие, но рискованные мероприятия. Например, игру в «освобождение принцессы». «Освобождение» заключалось в следующем: пока Ши Суэй странной белой косточкой вскрывал «дверь тюрьмы», которую изображала решетка на винном погребе, Чунмин «стояла на стрёме», то есть на трапе, ведущем на верхнюю палубу. Пока Ши Суэй «освобождал принцессу» – бутылку рома, Чунмин следила, не идут ли пираты в трюм.

- Запомни, птаха, правильное говорить: «горизонт измеряется в румбах», а не «в градусах», - рассказывал Ши Суэй с видом знатока, пока Чунмин рассматривала его морской компас.

- В градусах измеряется крепость, - добавлял молодой человек, украдкой отпивая из горлышка только что освобожденной «принцессы».

Сейчас, вспоминая о своих проделках под предводительством молодого авантюриста, Чунмин улыбалась. Никто и никогда на её памяти, не умел вертеть людьми так, как этот обаятельный паренёк в алой пиратской косынке. Впрочем, нельзя не отметить, что Ши Суэй не вмешивал её в то, что, по его мнению, было опасно. Он был единственным другом Чунмин, а она – единственным его другом. Будучи старше её на шестнадцать лет, Ши Суэй относился к девочке как к сестренке. Во многом благодаря этому, обратный путь из Фузан остался одним из лучших воспоминаний Чунмин.

По прибытии в Сингапур молодой штурман покинул их джонку. Благодаря протекции капитана Фенга, англичанин приобрел себе корабль, набрал команду и стал одним из пиратских капитанов, бороздящих Малаккский пролив. Ши Суэй и Сяо Фенг создали что-то вроде союза. Иногда они вместе выходили в море охотиться на богатые китайские и японские джонки. Чунмин же, никогда не покидавшая корабль Фенга, всегда сопровождала их. Девочка росла и уже могла понять, что её друг далеко не ангел и может быть весьма опасен. Он грабил как все и убивал, если приходилось. Но все же Чунмин не теряла ощущения, что Ши Суэй хороший человек. Как правило, после очередного захвата капитаны и их помощники собирались в каюте капитана Фенга. Они пили рисовую водку, договаривались о долях добычи, планировали очередной абордаж и обсуждали свои «темные дела». В особо отвратительных местах этого обсуждения Ши Суэй не забывал оборачиваться к Чунмин сидящей возле него и, изобразив серьезное лицо, грозить ей пальцем: «Это очень плохо, птаха. Никогда не поступай так!» Такой «метод воспитания» вызывал громкий хохот у окружающих их мужланов, но Чунмин мотала на ус. Она росла среди жестокости и убийств, и никто не учил её различать добро и зло. Поэтому её выводы относительно жизни часто оказывались весьма оригинальными.

Уильям слушал её рассказ, отмечая про себя, что Чунмин воспринимала пиратство не как преступление, а как обычный род занятия. Она лишь выделяла среди людей с этим родом занятия хороших и плохих. И делала это своим оригинальным способом. Он заключался в следующем: того, кому причинялся вред, можно было считать хорошим и жалеть, того, кто сам причинял вред, следовало избегать и по возможности от него защищаться.

Чунмин часто видела, как рубят, бьют и калечат, а так же последствия всего этого. Кое-что она испытала на собственном опыте. Попытка сотворить что-то подобное своими руками, даже ради собственной защиты, являлась для неё практически невозможной задачей. Чунмин опасалась Сяо Фенга, он был плохим, потому что причинял боль ей и другим людям. Ши Суэй не творил ужасов на её глазах. И, пожалуй, только благодаря ему, девочка видела хоть что-то хорошее и умудрилась остаться нормальным человеком. Чунмин привыкла, что слову изменяют чаще, чем женщинам, она видела жизнь без прикрас, и не ждала от людей многого.

Уильям вспомнил, что тоже когда-то считал капитана Джека Воробья, то есть капитана Ши Суэй, своим другом и хорошим человеком. Даже терзаемый ревностью и обидой, Уилл не мог закрыть глаза на факт, что Джек помог вырвать Элизабет из лап Барбоссы два года назад. И что именно его самопожертвованию Уилл, Элизабет и остальные остались жить. Однако воспоминание о причине этого благородного поступка подавило в нем добрые чувства.

- Прошло семь лет, - сказала Чунмин, - По истечении седьмого года Фенг и Ши Суэй поссорились. Фенг утверждал, что англичанин подлый вор и похитил у него ценную вещь. Ши Суэй больше не приходил на наш корабль. Более того, Фенг гонялся за ним по всему Южно-Китайскому морю, от Сингапура до Сайгона. Он очень злился на меня, за то, что Ши Суэй всегда ускользал от него. Капитан Фенг считал, что удача отвернулась от него, потому

что я не желаю больше помогать ему, подружившись с его врагом. Но, к сожалению, я не могла влиять на удачливость Ши Суэй.

Чунмин вздохнула, она задумалась и машинально потеряла запястья.

- Фенг бил тебя? – спросил Уильям, догадавшись о том, что сейчас ей вспомнилось. Девушка не ответила, опустив голову. Все было понятно и без слов.

- В тайне я радовалась, что мой друг оставался неуловимым, - продолжила Чунмин, - Однажды я узнала, что стало причиной раздора. Как-то Сяо Фенг и Ши Суэй захватили богатый корабль. Владелец корабля предложил им выкуп за свою жизнь – необычную карту. Он рассказал, что на ней отмечены опасности, ожидающие мореплавателей в океане. Но главное, что следовало из этой легенды – компас Ши Суэй когда-то принадлежали тому же мастеру, что и карта. Фенг оставил её себе, убив владельца. После он стал утверждать, что и компас Ши Суэй принадлежит ему. Я помнила, что компас всегда был при Ши Суэй. Ведь именно с его помощью, англичанин семь лет назад привел наш корабль в Сингапур. Сяо Фенг забыл о благодарности. Узнав, что капитан подготовил хитрую ловушку для моего друга, я решила предупредить его. Обманув матросов, которые следили за мной, я первый раз покинула корабль Фенга, без его ведома. Наша джонка была тайно пришвартована неподалеку от джонки Ши Суэй, в соседней бухте. Это дало мне возможность быстро добраться до корабля Ши Суэй и... вернуться назад. Сяо Фенг собирался напасть утром. Я пришла к Ши Суэй ночью. Рассказав ему все, я поняла, что теперь он уйдет навсегда и вернется в свою страну. Бой состоялся в ту же ночь, едва я успела вернуться на джонку Сяо Фенга. Напав неожиданно, Ши Суэй разгромил «Ин Цзяо». Он забрал всю добычу Фенга и ушел из Сингапура навсегда. Старый «Ин Цзяо» был потоплен, чтобы предотвратить погоню, а всех кто уцелел – часть команды, капитана и меня - Ши Суэй отправил в сторону берега на шлюпке...

Чунмин снова замолчала, и Уильям заметил, что по её щеке скатилась слезинка. - Ты храбрая девушка, - сказал он, пытаясь подбодрить её.

- Смотрите, мы проговорили всю ночь, - девушка, обернувшись к окну. Она старалась незаметно утереть глаза. Утро заглядывало в окно каюты и рассеивало темноту еще робкими лучами солнца.

- Сейчас придет Тиа Далма, и она будет не довольна, что я не давала вам спать всю ночь, - Чунмин улыбнулась и поднялась на ноги. Уилл не хотел её отпускать, но Чунмин требовался отдых, а ему время, чтобы осмыслить все, что он узнал из её рассказа. Молодой человек был уверен, что Чунмин что-то не договорила, и из-за этого сейчас уходит, пряча глаза.

- Ты еще вернешься? – спросил он вдруг.

- Конечно, если вам это нужно, - ответила Чунмин, грустно улыбнувшись, и вышла, прихватив с собой погашенный фонарь.

***

Шло время. Уилл удивительно быстро выздоравливал, и вскоре «Калипсо» снова вышла в море. Рана зарастала, и нитки были сняты. Как только Уилл смог ходить, он пожелал принимать участи в корабельных работах наравне со всеми. Не смотря на то, что повязка еще перетягивала его грудь, да и ранение временами отзывалось ноющей болью, он вернулся на палубу.

Чунмин продолжала изучение морского дела, и неожиданно у неё даже обнаружился своеобразный талант. Привыкшая с детства лазить по мачтам, она бесстрашно забиралась на любую высоту и вскоре справлялась с парусами не хуже любого бывалого моряка. Кроме того, китайка относилась к кораблю, словно к живому существу. Выполняя работу, она тихо разговаривала с ним на своем языке и никогда не обижалась «на корабль», если ей не удавалось что-нибудь выполнить правильно. Иногда казалось, что она сама ощущает себя частью такелажа. Барбосса, глядя на неё, крутил пальцем у виска, а команда тихо посмеивалась. Впрочем, смешки умолкали, стоило Уиллу выразительно взглянуть на шутников.

Теперь постигать корабельную науку Чунмин помогал Тёрнер-младший, всегда оказывающийся рядом в трудную минуту. Девушка воспринимала его

внимание и помощь с благодарностью, а мистер Гиббс вздохнул спокойно, расставшись, наконец, с должностью воспитателя. Старик с улыбкой наблюдал за тем, как Уилл, не умевший когда-то отличить форштевень от фальшборта, рассказывал симпатичной девушке то, чему научился сам. Пожалуй, только слепой мог не заметить взаимную привязанность этих двоих. Барбосса это обстоятельство игнорировал, а Тиа Далма наблюдала издали. Она не вмешивалась, но вид у неё в последнее время становился довольно хмурым.

В свободное время, Уильям и Чунмин рассказывали друг другу истории из своей жизни. Уильям поведал ей о себе, совершенно не беспокоясь за обстоятельство, что его отец был пиратом. Чунмин догадалась, что его невеста «та храбрая госпожа, что похитила карту Фенга» и известие о том, что Элизабет была убита Барбоссой, её искренне расстроило. Уильям не стал рассказывать подробно о причине их путешествия и капитане Воробье. Молодой человек упомянул только, что, выкрыв карту Фенга, они хотели спасти давнего друга, но безуспешно. Барбосса обманул их, заманил в ловушку, и теперь приходилось подчиняться его воле, до поры.

Все чаще с удивлением Уильям замечал, что образ Элизабет словно расплывается в его памяти. Обида, отравлявшая ему жизнь, отступала, поскольку обижаться на судьбу рядом с Чунмин, было просто глупо. Казалось, она совершенно не считала ужасным то, что происходило в её жизни раньше. Она никого не винила и даже находила то, чему можно было порадоваться. Несомненно, тому, кто был с ней добр, она была преданна до самоотверженности. Это подкупало. Очень. Рядом с ней Уильям чувствовал себя удивительно спокойно и уверенно. Он ощущал ответственность, но совершенно другого рода. Чунмин стала ему настоящим другом, и эта дружба потеснила живым душевным теплом уже привычное чувство одиночества. Более того, иногда ему казалось, и он почти верил, что Чунмин испытывает к нему более сильные чувства, чем к другу. Однажды те же чувства он обнаружил и у себя. Совесть, конечно, напомнила ему о Элизабет, но разум ответил на эти напоминания мыслью, за которую Уилл не мог себя не презирать: «Она же умерла».

Впрочем, при всем своем расположении и даже какой-то доверчивости Чунмин держалась на расстоянии. Она была близко и далеко одновременно. Она словно прятала истинные чувства за привычной покорностью и трудолюбием. И однажды Уильям узнал, что за печаль таилась в её душе.

***

Выполнив очередную перевязку, Чунмин стояла в его каюте, собирая мазь и грязную корпию. Теперь Уильям занимал закуток, что прежде принадлежал Чунмин, а сама она переселилась к Далме. Ведьма, которая была чем-то занята в тот момент, доверила перевязку своей компаньонке. Натягивая рубашку, Уильям смотрел на Чунмин.

- Теперь вы почти здоровы, Вилиам, - сказала Чунмин, в зеркальном отражении Уильям увидел ее, как прежде, милую улыбку.

Да, эта девушка не была аристократкой, но у неё была своя грациозность. И какая-то спокойная хрупкая красота. Девочка с длинными темными волосами заплетенными в косу, она так трогательно была ему предана. Совесть попыталась, что-то напомнить, но её уже никто не услышал.

Уильям подошел к Чунмин почти вплотную и положил ей руки на плечи. Девушка вздрогнула и напряженно замерла. Медленно она подняла голову, в тусклом металлическом зеркале размыто отражалось её побледневшее лицо. Уильям прикоснулся к её шее, провел рукой по плечу, задев воротник изумрудного кимоно, отстраняя ткань, вскользь касаясь губами обнаженной кожи. Уильям не узнавал сам себя, ему и в голову не приходило позволить что-то подобное с Элизабет. Впервые в жизни он осознавал, что его любят. Осознание этого делало его намного смелее и давало ощущение права поступать так, как сейчас. В этой полутемной каюте не было ни леди, ни преданного ей рыцаря, были только мужчина и женщина. Чунмин была привлекательна своей хрупкостью и незащищенностью. Элизабет тоже казалась

ему такой. Давно. Теперь Уильям был почти уверен, что во многом не знал свою невесту.

Медленно он развернул Чунмин к себе лицом, она не поднимала глаз.

- Взгляни на меня, - попросил он, приподняв её голову за подбородок. Она выполнила его просьбу. Уильям пришел в замешательство. Нет, влюбленные девушки так не смотрят. Она никогда не говорила ему о своих чувствах, но, привыкнув к её расположению, Уилл почти уверился в её заинтересованности. Сейчас же в её глазах была только пустота и разочарование. Руки протестующе упирались ему в плечи. Уильям отпустил её, на него словно вылили ведро холодной воды. Внезапно она схватила пистолет, что был оставлен Уиллом на сундуке, и приставила дуло к его груди.

- Не трогайте меня! - сказала она угрожающе, рука дрожала.

Уильям смотрел на неё непонимающе, но девушка явно была настроена серьезно, хотя и колебалась. Чунмин не задумываясь, нажала бы на курок, будь на месте Уилла капитан Сяо Фенг. Выстрелить в того, кого она считала другом, оказалось гораздо труднее. Воспользовавшись этим, Уилл резко вырвал оружие у неё из рук. Горько усмехнувшись, Чунмин отступила к стене.

- Пожалуйста, не делайте этого, - попросила она, глядя в сторону, - Вы ведь не такой как он...

- Прости, - Уилл попробовал загладить еще неосознанную вину, - Я не хотел испугать тебя.

И тут он понял, почему Чунмин так испугалась. Конечно, как он мог не подумать. Вряд ли Чунмин оставалась рядом с Сяо Фенгом по доброй воле и кто знает, что он с ней сделал. А сделал он видимо многое.

- Сяо Фенг... принуждал тебя?.. - спросил он у неё.

Чунмин закрыла лицо руками.

- Да, - выдохнула она, - С тех пор как Ши Суэй покинул наши моря. Тогда капитан понял, кто предупредил его врага. Он пришел в ярость...

Когда Чунмин предупредила Ши Суэй о планах Сяо Фенга, ей стало очевидно, что друг её навсегда покинет Сингапур. Это был её шанс. Ши Суэй был родом из Фузан, той страны, о которой Чунмин мечтала с детства. Упустить эту возможность она не могла. Набравшись храбрости, впервые в жизни она осмелилась попросить:

- Ши, возьми меня с собой!

Её друг ответил не сразу, смерив её задумчивым взглядом.

- Я не буду в тягость, ведь я уже была в таком долгом плавании, - убеждала Чунмин.

- Тебе уже не семь лет, птаха, - ответил он, наконец, - пожалуй, моя команда не вытерпит такого соседства целый год, смекаешь? Знаешь, я не думаю, что Фенг узнает, кто меня предупредил. Он ведь верит, что ты его талисман, верно?

Чунмин понуро кивнула...

- А значит, он не причинит тебе вреда, - закончил Ши Суэй, попытавшись улыбнуться, - Спасибо за предупреждение. Я спас когда-то тебя, а сегодня ты спасла меня.

Провожая её, Ши Суэй чувствовал себя скверно. Совесть его была не спокойна. И все же он надеялся, что Сяо Фенг не причинит вреда, девочке, от которой зависела его суеверная удача. Ведь столько лет пират не трогал её. Ши Суэй лишь надеялся и конечно не мог знать, что Фенг догадается о предательстве Чунмин без чьих-либо рассказов. Что, догадавшись обо всем, он избьет её, цинично расспрашивая сколько раз она переспала со смазливym англичанином и каковы были отзывы о её талантах в постели. Когда Фенг вышвырнет её из шлюпки, причалившей к берегу, Чунмин попытается сопротивляться. Она попытается сбежать, но её поймут, и пока Сяо Фенг будет срывать с неё одежду, его команда обыденно разожжет на пляже костер, не обращая никакого внимания на то, что с ней сделает их капитан. И никто за неё не заступится. И что утром Чунмин сбежит в неизвестном направлении, прикрывая избитое, поруганное тело обрывками одежды... Ши Суэй не мог всего этого знать. Не мог и не хотел. В тот момент он не был готов взять на себя ответственность за кого-то кроме себя и предпочел надежду риску.

Люди Фенга нашли Чунмин на третий день, в какой-то рыбацкой деревушке из нескольких домишек. Никто из крестьян не захотел ей помогать. Все сторонились девушки в изорванной одежде. Сяо Фенг жестоко отомстил им «за то, что они сделали с моим счастливым зверьком». Деревню сожгли, и Фенг сказал Чунмин, что так будет с каждым, кто попытается помочь ей сбежать.

Этот рассказ поверг Уильяма в шок, он стоял не в силах сдвинуться с места, а девушка рассказывала дальше. То, что угнетало её столько лет, требовало выхода на свободу.

Взрослея, Чунмин поняла, что, взяв её с собой, Ши Суэй все равно не смог бы её спасти. Он был пиратом, и не мог заботиться о ней. Фузан была лишь мечтой. Чунмин видела испанцев, англичан и понимала, что реальный мир был одинаково жесток на всех берегах океана. Она запретила себе винить Ши Суэй в том, что с ней произошло.

Те семь лет, что он провел в Сингапуре, были единственным воспоминанием, которое поддерживало в ней веру в людей. Как ни странно, после произошедшего с ней, Чунмин перестала бояться Сяо Фенга. В ней словно бы сломалась какая-то пружина, которая держала её в постоянном страхе и напряжении. Девушка поняла, что Фенг не всемогущ, и что она нужна ему, а потому имеет над ним власть. Капитан Фенг все так же верил, что Чунмин приносит ему удачу. И она пользовалась этим, чтобы советовать ему, пускаться в самые рискованные предприятия. Самое удивительное, что Сяо Фенгу действительно везло, и как ни старалась Чунмин, он выбирался из всех передраг.

Но если Чунмин и приносила удачу, то только не себе. Люди, которые находились рядом с ней действительно оставались в живых, даже тучи развеивались над горизонтом, если девушка была на корабле. Но самой Чунмин от этой удачи доставалось очень мало. Фенг прекратил унижать её, по крайней мере, он перестал делать это постоянно. По местным меркам Чунмин становилась красивой девушкой, и Сяо Фенг не отказывал себе в удовольствии время от времени притаскивать её к себе по ночам, правда теперь без побоев и угроз. Он даже проявлял щедрость, отдавая ей одежду и побрякушки с ограбленных кораблей. Чунмин приходилось смывать с дорогих тканей кровь и чинить прорехи оставленные оружием, но другого все равно ничего не было, и она носила эти вещи, понимая, что матросы сняли их с такой же девчонки как она. Затаиться и ждать – вот все что она могла.

- Почему ты не ушла тогда с Элизабет?

- Я осталась, чтобы убить капитана Фенга. Он не оставил бы меня в покое, догнал бы ваш корабль, и уничтожил бы всех. Он говорил: «Так будет со всеми, кто захочет помочь тебе»... Он лежал без сознания, я хотела воткнуть шпильку ему в шею... и не смогла... так же как сейчас...

- Сяо Фенг мертв, - глухо сказал Уильям, до конца осознав, что ей пришлось пережить за все эти годы, - Он больше тебя не тронет.

Уилл не представлял, как утешать женщин в такой ситуации. Он уже не решился обнять Чунмин, но вдруг она сама проявила доверие. Склонившись ему на грудь, она вцепилась в его рубашку, спрятав лицо.

- Хочешь, я научу тебя фехтовать? – спросил он, вздохнув, и усмехнувшись над самим собой, добавил, - У меня в этом деле большой опыт...

- Да, - ответила Чунмин, взглянув на него, - Я очень хочу! Я должна уметь защищать себя.

Глава 9. За все надо платить

Капитан Воробей шел вперед, не зная устали, уже Джонс знает сколько времени. Следить за временем в Прорве - дело безнадежное. Время существовало наверху. Здесь же судить о том, сколько в мире живых прошло дней или месяцев можно было, пожалуй, только по рассыпающимся в прах корабельным останкам, да по разваливающимся человеческим телам.

За все время похода мисс Свон и капитана Воробья в сторону так называемой «Гавани Проклятых» разваливающиеся человеческие тела встречались им на пути не раз. Поэтому Джек предпочитал идти короткими перебежками, изредка поглядывая на компас, не желая демонстрировать спасительный навигационный прибор другим утопленникам.

Элизабет, по началу предпочитавшая гордо вышагивать на почтенном расстоянии от капитана, теперь плелась у него за спиной и старалась ни на шаг от него не отставать. Эта разительная перемена произошла после нескольких весьма неприятных для мисс Свон эпизодов. Первый был связан с открытием, что даже под безопасной на вид соляной поверхностью могут скрываться очень недружелюбные существа. В мире живых нечто подобное называют зыбучими песками. Здесь же костлявые пальцы, скрытых в песке существ, хватают тебя за ноги и тащат вниз, в соль, сопровождая эти действия неприятным урчанием.

Как только ноги провалились в зыбь, Элизабет ощутила нечто похожее на укусы, даже сквозь кожу сапог. Не в силах сделать хотя бы шаг, она оставалась на месте, вставая в соляную поверхность. Джек шел дальше. Не смотря на нарастающее беспокойство, гордая дочь губернатора не собиралась звать на помощь. Она крепилась и пыталась выкарабкаться самостоятельно, но, увязнув по пояс, поняла, что не выберется сама.

- Джек! - неуверенно позвала девушка. За свою не очень долгую жизнь ей мало доводилось пугаться по настоящему. Бояться чего-то конкретного проще, чем чего-то неизвестного. Сейчас это неизвестное холодными тисками сжимало её ноги и неотвратно тащило под землю. Элизабет понимала, что глупо чего-то бояться, когда ты уже умерла, она вообще не считала себя трусихой, но сейчас ей стало действительно страшно.

Капитан Воробей совершенно не собирался навязывать свое общество мисс Свон. Не заметив, что случилось с Элизабет, Джек успел уйти уже довольно далеко, когда услышал её окрик.

- Говорю как специалист, цыпа, - ответил пират поучительным тоном, - если ты нашла интересное бесхозное имущество и собираешься его реквизиловать, незачем вопить об этом на всю Чертову Прорву. Видишь ли, утопленники очень ревностно...

- Джек!! – донеслось снова из-за спины.

- Ну, если уж так понравилось, возьми с собой, - все так же, не оборачиваясь, разрешил Воробей, вынимая компас. - Только быстрее, пока не заметили.

Стрелка на картушке шатнулась и указала в сторону, откуда доносился голос мисс Свон. Джек недоуменно обернулся.

- Джек, помоги!! - Элизабет, отчаянно цепляясь за сыпучую поверхность, медленно и верно погружалась в соль.

К счастью, зыбь простиралась не широко. Через пару мгновений, распластавшись на безопасной твердой земле, Джек смог схватить мисс Свон под руки, и изо всех сил потянуть её обратно на поверхность. В тот момент Элизабет была рада его «объятиям» как никогда и, пытаясь отбрыкиваться от хватающих её костистых лап, она вцепилась в плечи Джека как кошка. Зыбь

отзывалась протестующим рыком, не желая выпускать добычу, но уже через минуту, Элизабет и капитан Воробей отползли на безопасное расстояние от недовольно рычащей воронки, оставшейся в земле, и бессильно упали на соляном песке.

- Поздравляю, мисс Свон! – саркастично произнес капитан, - Вам посчастливилось НЕ познакомиться с соляниками.

- Кто они? – злобно спросила Элизабет. Тон Джека бережил и без того уязвленную произошедшим гордость, и голос её дрожал. Немного придя в себя, девушка приняла спокойный вид и попыталась осмотреть поцарапанную ногу, оставшуюся без сапога.

- Понятия не имею, - отозвался Джек. Он уже устроился на боку и с интересом наблюдал за действиями мисс Свон. Небольшие, бескровные ранки, оставленные когтями или костлявыми пальцами, похоже, не болели.

- Эти твари могут утащить под землю целый корабль величиной с «Жемчужину». Здесь вообще опасно разгуливать просто так... если, вы заметили? – Джек проникательно заглянул в её глаза. Будь у совести возможность, она бы посмотрела на Элизабет именно так. Чувствуя себя виноватой в душе за то, что так глупо попала в ловушку, мисс Свон ответила скептическим взглядом и принялась отряхивать штанину от соли. Признать свою вину вслух? Нет, это было выше её сил. Впрочем, похоже, капитан Воробей уже смягчился.

- Возможно, соляники - это те, кто погиб в зыбучих песках... – предположил он беспечно, подсаживаясь поближе к ней.

- Кстати, надеюсь, мерзавцы не сломали тебе что-нибудь? – спросил он с улыбкой, снова переходя на «ты», и не дожидаясь ответа, потянулся к лодыжке мисс Свон, чтобы удостовериться во всем собственноручно.

- Не стоит беспокоиться, - язвительно ответила Элизабет. Она быстро вскочила на ноги, избегая его прикосновения, и в тот же момент ей пришлось пригнуться, чтобы избежать удара чего-то мягкого и темного, вылетевшего из углубления, оставшегося в соли после её спасения. С легким стуком предмет шлепнулся неподалеку от них. Джек же проследивший этот полет взглядом, радостно сообщил:

- Смотри-ка, твой сапог не пришелся им по вкусу!

Даже не удостоив капитана взглядом, мисс Свон гордо направилась к тому, что выкинул соляник.

- Что же, раз с тобой все в порядке... Привал окончен! – хмуро наблюдая, как Элизабет пытается натянуть покореженный сапог, капитан Воробей поднялся на ноги и зашагал по соляной пустыне.

- Могла бы и «спасибо» сказать. Заноза! – ворчал Джек, проходя мимо Элизабет. Он недовольно морщил нос и постарался «проворчать» эту фразу достаточно громко, чтобы она достигла ушей самоуверенной девицы. Элизабет пристыжено смотрела ему вслед. Она, конечно, не поспешила за ним с благодарностями, но не могла не признать, его правоту. С тех пор мисс Свон старалась держаться поближе к Джеку и не рисковать понапрасну, прислушиваясь к его советам. Еще одно происшествие окончательно убедило её в верности такого решения. Когда они прошагали еще сколько-то миль им встретилась «Воющая леди».

Равномерный морской гул Прорвы перекрыли режущие слух звуки. Не крики, и не стоны, скорее это были вопли. Истеричные женские вопли, в которых обыкновенный визг «от души» перемежался с отборными портовыми ругательствами и всеми возможными проклятиями, призываемыми на головы «проклятых мерзавцев». И хотя источник звука еще только показался на горизонте, судя по воплям, он стремительно приближался. Впрочем, какими бы пугающими не были эти крики, Элизабет и сама умела отлично визжать, поэтому она легко определила, что дама, голосившая у горизонта, скорее была рассержена, чем напугана. Мисс Свон почти не испугалась и лишь недоуменно переводила взгляд то на темную точку, принимающую очертания разбитого корабля, то на Джека. Он же в отличие от Элизабет явно был осведомлен больше или уже имел опыт встречи с этим судном, а, потому, не говоря ни

слова, капитан Воробей некоторое время вертел головой в разных направлениях, а затем просто побежал. Элизабет, несколько удивленной таким поворотом событий, ничего не оставалось, как последовать его примеру.

- Там что-то опасное? – крикнула мисс Свон вслед капитану.

- Это как посмотреть, цыпа! – отозвался он на бегу, – Но смотреть я бы тебе не советовал!

Наученная встречей с соляниками, Элизабет решила довериться опыту Джека и прибавила ходу, не задавая больше вопросов. Как оказалось, бежали они не бесцельно, а к перевернутой лодке наполовину закопанной в соль. Судя по разбросанным вокруг веслам и черепам, это была шлюпка, которая так и не смогла кого-то спасти. В её боку зияла пробоина, которую Джек дополнительно расширил, выбив пару досок ногой. Элизабет недоверчиво заглянула в темноту образовавшейся брешы.

- Надеюсь, там внутри никого нет... – пробормотал капитан Воробей. Он взглянул на мисс Свон и, кивнув на брешь, спросил:

- Дамы вперед?

Элизабет отрицательно замотала головой и отступила на шаг. Со стороны приближавшегося корабля донеслось очередное завывание и Джек, не тратя время на дальнейшие уговоры, мгновенно протиснулся в щель. Элизабет, собравшаяся было последовать за ним, вдруг остановилась.

- Это же глупо, нам все равно ничего нельзя сделать, – пробормотала она, снова взглянув на горизонт. Мисс Свон совершенно не хотелось прятаться под тесной лодкой вдвоем с пиратом.

- Долой посторонних! – из-под шлюпки послышался голос Джека, а затем из пробоины выпали череп и несколько костей, – А здесь довольно мило. Забирайся, цыпа, тут нет ни единой живой души!

Со стороны корабля опять донеслись крики:

- Проклятые негодяи! Да как вы смеее так обращаться с порядочной женщиной! Я вам покажу плохую примету, мерзавцы!

Услышав это, Элизабет тут же вспомнила свое знакомство с двумя скелетами, претендовавшими на её глаза, и более не раздумывая, нырнула в пробоину шлюпки.

- Добро пожаловать на борт, Лиззи! – раздался радушный голос вблизи её уха.

Внутри лодка оказалось немного просторнее, чем казалась снаружи. Тем не менее, Элизабет и Джеку приходилось лежать почти вплотную друг к другу, и его всклокоченная шевелюра почти касалась её лица. В полутьме мисс Свон различила ободряющую улыбку капитана Воробья. Джек лукаво подмигнул Элизабет и приник к небольшой щелке в борту, обращенном к приближающемуся кораблю. Стараясь не зацепиться волосами за доски, Элизабет кое-как устроилась на животе. Мучимая любопытством, она последовала примеру Джека - заглянула в щель между досок, придвинувшись к своду перевернутого брюха вплотную и отчасти потеснив капитана Воробья плечом.

- Джентльмены, леди, займите места в укрытии, – провозгласил Джек шепотом, – Спешите видеть! Первый и, надеюсь, последний раз на нашем пути. Проездом в неизвестном направлении «Вопящая леди»!

Как рассмотрела Элизабет, это милое название, а вернее прозвище, носила странная посудина, с обломанными мачтами и напрочь лишенная кия. Она, видимо, не набралась «при жизни» сил, чтобы гордо парить как взорванные боевые корабли вроде «Перехватчика», а потому просто тащилась по земле, оставляя за своим плоским брюхом внушительную борозду. Впрочем, тащилась она не сама по себе, а благодаря усилию почти сотни утопленников, привязанных к фордунам³⁹, штагам⁴⁰ и бакштагам еще державшимся на её бортах. Налегая грудью на перетягивающие их тела тросы, оступаясь и

³⁹ Фордун - снасть стоячего такелажа, являющаяся креплением стеньг. Нижние концы фордунов крепятся к бортам судна, позади вант.

⁴⁰ Штаги - снасти стоячего такелажа, поддерживающие в диаметральной плоскости вертикальные рангоутные деревья - мачты, стеньги и пр.

бранясь, моряки двигали с места огромную махину корабля. Их старания подстегивались длинным кнутом, которым размахивал «надсмотрщик», сидящий на обломке бушприта. С ужасом Элизабет заметила среди тягловых утопленников несколько женщин.

- Давайте, пошевеливайтесь! - кричал «погонщик», прищелкивая кнутом, - Корабли долго носили ваши треклятые туши, послужите теперь и вы кораблю! И вы красоти! Вперед! Веселее!

- Надеюсь, они ничего не чувствуют? - прошептала Элизабет.

- Жаль их? - усмехнулся капитан Воробей, - Некоторые из них здесь очень давно и им действительно уже все равно.

- Впрочем, боль это не самое неприятное, - добавил он, - Этот пройдоха своим кнутом может и голову снести.

Элизабет взглянула на Джека. Капитан Воробей выглядел совершенно серьезным, он неотрывно следил за приближением «Вопящей леди», явно выжидая и оценивая насколько они безопасно укрыты от её утопленников.

- Ты был среди них? - недоверчиво спросила Элизабет, и ей отчего-то стало не по себе. Джек обернулся к ней и, помедлив секунду, вместо ответа отстранил на груди рубашку. Было темно, но мисс Свон находилась достаточно близко, чтобы рассмотреть косой широкий след, пересекающий его грудь от правого плеча до левой руки.

- При жизни этот корабль назывался по-другому, - сказал пират, вновь прикинув к щели, - Оказавшись в Прорве, его капитан - отчаянный игрок и шулер, завел на своей посудине что-то вроде передвижной таверны. Теперь в ней собирается все окрестное, безкорабельное отрепье. Сюда же притаскивают дамочек, которых угораздило утонуть. Смекаешь, цыпа, откуда идет название этой забегаловки?

Вопрос Джека остался без ответа, потому что Элизабет рассмотрела форштевень надвигающегося на них корабля и поняла, откуда происходит его странное прозвище и женские крики. На месте носовой фигуры, там, где обычно красуются упитанные деревянные девицы, была прикручена веревками вполне настоящая, еще молодая, яростно бранящаяся тетка. Судя по запасу ругательств и остаткам безвкусного наряда, мадам когда-то вела весьма бурную жизнь в каком-нибудь портовом заведении. Двое пиратов, не переставших заливать в свои дырявые животы ром, свешивались с бортов и щекотали саблями пышные формы беспрестанно проклинаящей их дамочки. На ней же в дополнение ко всем неприятностям не было ничего кроме панталон и корсета. Пока мисс Свон приходила в себя от увиденного, показались борта корабля и стало понятно, что «тягловые» утопленники были не единственными, кто передвигал «Вопящую леди». В дыры, зияющие в её бортах, просовывались всех мастей весла, багры и просто шесты, которыми множество скрытых от взора «каторжников» двигало вперед свою сухопутную галеру. Корабль сильно обветшал, и в нескольких местах его шпангоуты⁴¹ обнажились, напоминая ребра скелета. Насколько это было возможно, Элизабет смогла рассмотреть сновавших на нижних палубах утопленников, они хрипло кричали какие-то тосты, чокаясь темными бутылками, ругались, начинали тыкать друг в друга саблями, а потом пытались выдернуть их лезвия, застрявшие в ребрах. В общем, вели себя почти так же, как и при жизни. Элизабет обратила внимание на парочку мертвецов, которые играли в кости, устроившись на пустом лафете пушки. «Вопящая леди» приблизилась к их лодке достаточно близко, и слова игроков вполне можно было различить:

- Ставлю корсет! - крикнул один из них, сотрясая кружку с костями возле плечевой головы.

- А я юбку! - отозвался его безрукий партнер.

---

⁴¹ Шпангоут — ребро судового остова (от голл. «шпант» — ребро + «гоут» — дерево. На малых деревянных судах делают из деревьев, имеющих уже естественную кривизну; на больших собирают из отдельных кусков дерева — *футоксов*; на металлических — из угольников, приклепанных к обшивке. Шпангоут имеет правую и левую части — правый и левый *тимберсы*; каждый из тимберсов делится на нижнюю часть — *флортимберс* и верхнюю — *топтимберс*.

Замерев, Элизабет рассмотрела в темноте нижней палубы «Вопящей леди» еще одну женщину, привязанную к основанию мачты.

- Везет тебе, безрукий! – рывкнул плешивый утопленник, когда кости выпали на лафит. Выигравший довольно хрюкнул и направился в глубь палубы, откуда через мгновение раздался визг, а затем вылетела оборванная дамская юбка.

- Ну, вы! Не разбрасывайте добро! – урезонил кто-то из глубины корабля.

- Нравиться? Возьми себе! – хохотнул плешивый, обернувшись на голос.

Не в силах вымолвить от возмущения ни слова Элизабет взглянула на Джека.

- Распространенная игра, – беззаботно пояснил капитан Воробей, словно почувствовав её взгляд, – Игра в кости на раздевание. Побеждает тот, кто снимет с цыпочки последние перышки. Он же забирает красоту себе, и делает с ней, что захочет.

- Это жестоко! – прошептала Элизабет.

- Скорее аморально и бесполезно, – поправил её Джек, – Вот играть с шулером на свободу, действительно жестоко...

Элизабет ответила недоуменным взглядом.

- Видишь ли, – пояснил Джек, – Команда этого чудесного заведения предпочитает пить ром, а в тягловых целях они используют тех, кто попался им на пути. Каждому, кто оказался в их лапах, предлагают сыграть на свободу. Ставки просты. Выигравший распивает ром с командой, проигравший становится беговой лошадкой этого «экипажа».

- Так что игра на раздевание, это сущая ерунда. Хотя... нужно будет как-нибудь уговорить Тёрнера сыграть... – добавил Джек как бы про себя, хитро взглянув на мисс Свон.

Не успела Элизабет обернуться к нему, чтобы благородно возмутиться по поводу последнего заявления, как со стороны «Вопящей леди» раздался крик:

- Стоять, салаги! Справа по борту засыпанный баркас⁴²! Спускайтесь и подберите его весла!

Шесты и весла перестали скрести по земле, и пираты «Вопящей леди» начали прыгивать с бортов, чтобы подобрать весла, разбросанные вокруг шлюпки, под которой прятались Элизабет и Джек. Послышались шаги и, обернувшись в сторону пробоины, Элизабет увидела костлявые ноги остановившиеся неподалеку:

- Как думаешь, – спросил тоненький и немного трусоватый голос, – там внутри есть что-нибудь?

- Что спрашиваешь? – ответил ему грубый бас, – Возьми да посмотри.

- Зараза! – досадливо прошипел Джек за спиной у Элизабет.

Костлявый пират теперь направился к пробоине, а мисс Свон, перевернувшись на бок, вытянула ноги, стараясь, чтобы её колени не попадали в пятно света, проникавшего в пробоину. Девушка отодвинулась бы еще дальше, но для этого потребовалось бы вжать в борт оставшегося за её спиной Джека. Все еще считая себя, порядочной девицей и верной невестой, мисс Свон предпочла готовиться к бою, стараясь нащупать рукоять своей сабли. Вдруг она услышала у своего уха шепот:

- Извини, цыпа, но мне в последнее время совершенно не везет в кости!

С этими словами капитан Воробей, зажал ей рот одной рукой, а другой обхватил за талию и прижал к себе, оттаскивая от полосы света как можно дальше. Элизабет даже не успела вскрикнуть, судорожно вцепившись в его руку, она инстинктивно попыталась вырваться.

- Ну и что там? – послышался все тот же бас. Элизабет замерла, позволив Джеку вжаться вместе с ней в борт баркаса противоположный пробоине.

---

⁴² Баркас – самое большое гребное судно, чернорабочее, для завоза якоря и перевозки людей и тяжестей; один или два бывают при каждом военном судне; весел на баркасе по 20 и более.

- Похоже, что ничего! – ответил трусоватый голос с кряхтением, видимо, его обладатель пытался заглянуть внутрь лодки, - Может быть, перевернем её? Вдвоем.

- Вот еще! – басу явно не хотелось напрягаться, - Будем переворачивать все дырявые скорлупины в этом проклятом месте? Бери, что поближе и давай обратный ход. На корабле нас ждет отличный ром и свеженькая девица!

- Новенькая? – ободрился трусоватый голос, напрочь забывая о лодке. С облегчением Элизабет заметила, что хозяин костлявых ног направился прочь.

- Ага, говорят, утопилась, потому что жених не вернулся из моря... - рассказывал удаляющийся бас.

- Дура, – беззлобно посочувствовал вдалеке трусоватый.

- И не говори! – усмехнулся его приятель.

Через некоторое время «Вопящая леди» снова начала свой путь. Как только Джек отпустил её, Элизабет захотелось закричать, выскочить из-под лодки, устроить скандал. Однако здравый смысл, не позволил сделать этого, ведь «Вопящая леди» еще не удалилась на безопасное расстояние, а оказаться на месте свеженькой утопленницы совершенно не хотелось.

Скрежет весел и вопли дамы, привязанной на носу, постепенно затихали. Джек и Элизабет лежали рядом в полутьме, и он все еще обнимал её за талию. Возмущение странным образом куда-то испарялось. Мисс Свон было и стыдно и приятно одновременно, Джек молчал. «Он опять, как ни странно, спас тебя, дуручка?» - спросил внутренний голос Элизабет. Заметив, что «Вопящей леди» больше не слышно, девушка тут же выбралась на поверхность. Элизабет злилась на свою беспомощность, ведь без этого возмутителя спокойствия её души идти дальше она не могла. Тем более теперь, когда была абсолютно уверена, что спасительный компас укажет нужное направление только в его руках. Джек, видимо, тоже понимал, что никуда она от него не денется, а потому выбирался из щели вполне не торопливо. Он обстоятельно и долго отряхивался от соли, поправлял свою прическу, косынку и многочисленные побрякушки в волосах, абсолютно игнорируя Элизабет, стоящую подле него и недовольно скрестившую руки на груди. Решив, наконец, что выглядит вполне достойно, Джек улыбнулся своей спутнице, блеснув золотым зубом.

- Прошу вас, капитан Воробей! – Элизабет язвительно изобразила полупоклон, пропуская его вперед. Наслаждаясь её бессильной яростью, Джек тут же подыграл ей: все так же неторопливо, с важным видом он открыл компас, взглянул на стрелку и, нахмутив брови, просипел басом: «Все за мной!», и только затем, снова зашагал вперед.

Итак, Джек шел впереди Элизабет, уткнувшись в свой компас и общаясь с мисс Свон в основном фразами: «вперед», «за мной» и «не отставай». Она же следовала за ним, отблагодарив за помощь тем, что была теперь осторожной и больше не попадала в соляники. Теперь путешествие проходило на удивление спокойно, обитатели Чертовой Прорвы, словно куда-то все попрятались. Немногие утопленники, что встретились им на пути, сбегали сами, не доставляя никаких хлопот. Один бархан сменялся другим и Элизабет даже начала скучать. Наконец, за следующей соляной насыпью открылся вид на обширную котловину. Остановившись рядом с капитаном Воробьем, Элизабет с интересом рассматривала корабли всех эпох и конструкций, которые лежали, стояли, парили, нарушая мерный рокот волнующегося над ними моря скрипом старого дерева. Неизвестно откуда поднявшийся ветер трепал обрывки парусов, а волны в вышине так же как везде в Чертовой Прорве безразлично шумели над всем, и все же их темно-изумрудная толща словно подсвечивалась изнутри, оставляя надежду, что где-то наверху светит солнце мира живых. Стоя на краю котловины, Джек еще раз взглянул на стрелку компаса и, победно усмехнулся. Они стояли над Гаванью Проклятых.

- Пришли, - подмигнул Джек Элизабет, она же не стала скрывать вполне искренней улыбки. Цель была близка, и каждый из них, положив руку на не стучащее сердце, готов был признать, что друг без друга они не достигли бы Гавани.

Пока капитан сверялся с компасом, внимание мисс Свон привлек небольшой круглый камень лежавший неподалеку от места, где она стояла. Неизвестные силы медленно подняли его над землей и словно вытолкнули вверх, навстречу волнам шумящим над Прорвой, в которых он благополучно исчез с легким всплеском спустя некоторое время. С другими камнями, ракушками и мелкими корабельными обломками, разбросанными на склонах котлована, происходило то же самое. Ускоряясь по мере приближения к воде, они поднимались в высоту и плюхались в волны.

- Интересно, - пробормотал Джек, наблюдая за этим процессом. В следующий момент он несколько раз подпрыгнул на месте, подняв клуб соляной пыли. Наблюдая за его действиями и сосредоточенной миной, Элизабет кашлянула в кулак, скрывая смех. Впрочем, прыжки не принесли ожидаемого результата. Неведомая сила не помогала. Даже здесь так просто на поверхность им было не выбраться. Со вздохом, капитан Воробей вновь окинул взглядом Гавань Проклятых, надеясь найти какую-нибудь подсказку для дальнейших действий. Мертвые остовы полуразрушенных кораблей казались совершенно безлюдными, однако никакого намека на способ выхода из Чертовой Прорвы не было. Элизабет так же раздумывала о возможном варианте спасения, вдруг Джек схватил её за руку и, выругавшись, бесцеремонно потащил за собой по склону котлована.

- Что происходит? – недоумевала Элизабет, её ноги соскальзывали на осыпающейся поверхности, и она едва не падала, пока пират тащил её к корме разбитого брига.

- У компаса, оказывается, есть чувство юмора, цыпа, – сказал Джек серьезно, - Смотри.

С этими словами он поманил её к застопоренному в бархане, огромному перу руля, из-за которого спустя мгновение они вместе выглянули. Из-за остовов парящих кораблей, показался галеон с оконечностью носа, похожей на зубы гигантского аллигатора. Джек скривился, словно проглотил какую-то гадость и передернулся всем телом. Не сводя глаз с обросшего водорослями корабля, потрясенная Элизабет молчала. Возвышаясь над корабельными останками, над Гаванью Проклятых парил сам «Летучий Голландец».

- Они нас не заметили, - сказала девушка уверенно, взглянув на Джека. В тот же самый момент корма скрывавшего их брига дрогнула и со страшным стоном поднялась вверх, открыв Элизабет и капитану Воробью обзор на тех, кто стоял по другую сторону корабля.

- Заметили, - констатировал капитан Воробей, узнавая изуродованные морем лица рыболодов с корабля Джонса. Нахмурившись, Элизабет с решительным видом выхватила саблю:

- Мы не сдадимся! – воскликнула она твердо, и в ту же секунду в её сторону было направлено все оружие, которое только было при себе у утопленников.

- Смотрите-ка! Какие храбрые рыбёшки попадают среди обломков кораблекрушений! – прохрипел сквозь жабры акулмордый пират, обнажая все три ряда заостренных зубов, и кивнув в сторону мисс Свон. Утопленники захохотали, обступив их со всех сторон. Лихорадочно соображая, Джек стоял за спиной у Элизабет, оценивая взглядом остроту проржавевших клинков, направленных в их сторону, и понимая, что пора обдумывать приветственную речь для капитана Дейви Джонса.

«Чертов компас! Хороший рецепт освобождения он нам припас», - пронеслось в голове у Джека, - «Что ж, неприятно, но предсказуемо». Капитан Воробей уже знал, как поступить, но Элизабет явно намеревалась «не сдаваться» и могла испортить задуманное. Даже не попытавшись выхватить саблю, Джек поправил на голове свою потрепанную треуголку и с самым невозмутимым видом выступил вперед, отстранив мисс Свон за спину.

- Тише, Лиззи! - обратился он к ней увещательным тоном и незаметно пихнул в бок локтем.

- Это ведь друзья капитана Джонса, а у нас к нему одно выгодное дельце, - продолжил Джек, - Очень выгодное дельце.

Как ни в чем небывало, он приблизился к злобно оскалившемуся акулморду, почти упершись грудью в протянутый клинок.

- Что еще за дельце? И кто ты такой? – прохрипел утопленник, гневно раздувая жабры.

- Я капитан Джек Воробей, - усмехнулся пират, не навязчиво отталкивая ржавую сталь от своей груди, - Смекаешь?

- Эта дама со мной, джентльмены, и если вы уберете оружие и будете вежливы, - произнес он, обводя всех приветливым взглядом, - она не причинит вам ни малейшего вреда. А какое у меня дельце к вашему капитану, дело не вашего ума, а вашего капитана. Так что, не трата времени понапрасну, лучше проводите-ка нас к нему.

Акулмордый отозвался свирепым рыком. Остальные пытались переварить фразу, сказанную Джеком.

- Мы же в свою очередь, будем вести себя мирно, - пообещал капитан Воробей, обернувшись к Элизабет. Девушка недоверчиво слушала его речь, все еще держа саблю в руках. Мертвецы, окружавшие их, никак не внушали убежденности в том, что с ними можно договорится. Пират с акульей мордой, видимо, был среди них главным, и остальные рыболоуды ждали только его приказания, чтобы набросится на «рыбешек».

- Убери оружие, Элизабет, оно не поможет - шепотом сказал Джек Элизабет, и продолжил улыбаться акулморду. Все еще мучимая сомнениями мисс Свон, подчинилась.

- Хорошо, - осклабилс акулмордый, - вас проводят, капитан.

И тут же подхватив Элизабет и Джека под руки, рыболоуды потащили их за собой.

Как оказалось, в некоторых случаях быть мертвым даже удобно. Особенно, если нужно доставить добычу на корабль, зависший над землей. Поскольку Элизабет и Джек были мертвы так же, как и пираты Джонса, они мгновенно провалились сквозь пространство следом за своими конвоирами. Ощущение твердой поверхности на мгновение исчезло, но через секунду их ноги уже подкосились, резко опустившись на палубу «Летучего Голландца». Ощувив полет «в никуда» Элизабет зажмурилась, а когда взглянула снова, то увидела стоящего перед ними монстра. Представление о капитане Дейви Джонсе мисс Свон имела весьма общее. Она судила о нем по деликатным рассказам Уилла Тёрнера и по увиденным ею пиратам с «Летучего Голландца». Как оказалось, капитан «Голландца» был чудовищем, не больше, чем его команда. Главное же, что поражало в нем больше всего – удивительно пронизательные и человеческие для такого существа глаза.

Капитан «Голландца» взирал на них со шканцев⁴³ с безразличным спокойствием. И Джек прекрасно знал, что спокойствие это опасно, так же как и затишье перед бурей. Не торопясь, капитан легендарного корабля-призрака раскурил коралловую трубку и выдохнул струйку сизоватого дыма, шевеля склизкими щупальцами своей «бороды». Казалось, чтобы посмотреть на «улов», на палубу вылезли все утопленники Джонса. Джек знал, что где-то среди них должен быть и Прихлоп-Билл, но его было не видно. Однако, обводя взглядом собравшихся вокруг рыболоудов, капитан Воробей все же заметил кое-что важное - то, что творилось за бортом «Летучего Голландца».

Корабли парили над Гаванью не беспорядочно, как казалось сначала. Они собрались вокруг «Летучего», точно так же как и пираты-мертвецы собрались вокруг капитана Джонса. Одно из этих судов Джек видел раньше, и тогда оно лежало в пустыне, а не парило как сейчас. Капитан Воробей вспомнил, что владелец этой посуды отличался на редкость вспыльчивым и

---

⁴³ Шканцы – самый верхний помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры и устанавливались компасы. Позднее шканцами называли часть верхней палубы военного корабля между грот- и бизань-мачтами. Шканцы считались почетным местом на корабле: там зачитывались перед строем манифесты, приказы, приговоры. На шканцах запрещалось садиться и курить всем, кроме командира (капитана) корабля и флагамена.

опасным нравом. Через секунду пират понял, на что он может поставить в этой игре. То, что он замыслил, было рискованно, но свобода и жизнь того стоили.

- Эти проклятые души требовали проводить их к вам, капитан! – обратился к Джонсу акулomorphic пират.

- У них к вам какое-то дело, – ухмыльнулся он, кивнув на Элизабет и Джека, которых уже вытолкнули на середину палубы. Сабли у пленников изъяли сразу же, потому пираты Джонса даже не пытались удерживать их. Безоружным «проклятым душам», окруженным сотней свирепых монстров на высоте нескольких десятков футов, бежать было затруднительно. И все же эта ограниченная свобода давала небольшое преимущество, которым Джек не преминул тут же воспользоваться.

- Дейви! – воскликнул он так радостно, как будто встретил давнего и очень хорошего друга.

- Как дела на королевской службе? – продолжал Джек светскую беседу, бесстрашно делая шаг навстречу морскому дьяволу, – Я вижу у бывшего коммодора Норрингтона и Бекетта большие планы, раз ты пришел поднимать целую эскадру...

Дейви Джонс злобно прищурил водянистые глаза, и в тот же момент утопленники направили в сторону Джека сабли и ножи. Джек остановился и обвел беспокойным взглядом собравшихся вокруг полулюдей-полурыб. Они бездействовали, ожидая реакции своего капитана, и лишь корчили угрожающие рожи, сжимая в руках оружие.

- Джек Воробей, – протянул капитан Джонс, выдыхая имя своего бывшего должника, вместе с табачным дымом, – Ты отдал должок. Однако выяснилось, что расплата твоя была не соразмерна вреду, который ты сумел нанести...

- Может, оторвем для начала ему голову, за то, что он сделал? – предложил с готовностью высокий утопленник ужасающего вида, что стоял рядом с Джонсом, – А лучше сначала его девке, а потом ему.

Утопленник был тем самым, знаменитым боцманом и нетерпеливо сжимал в лапах тот самый, знаменитый кнут. Джек догадывался, за что ему хотят оторвать голову, такие настроения означали одно – морской дьявол и его команда действительно были на крючке у Бекетта и Ост-Индийской компании. Элизабет с беспокойством озиралась на протянутые к ней клинки сабель и, сделав шаг к капитану Воробью, встала у него за спиной. Джек поспешил продолжить разговор:

- Кстати, я как раз хотел, возместить этот ущерб. Сделать небольшое взаимовыгодное предложение, которое заключается в следующем: ты отпускаешь меня и мою женщину с миром и «Черной Жемчужиной», а я добуду для тебя то, что у тебя украли.

- Ты украл, – спокойно и грозно констатировал Джонс, тоном не предвещающим ничего хорошего.

- Это всего лишь нюансы, – ответил Джек тоном означающим «ну, какая сейчас разница, верно?».

- Подумай! – продолжал он, – Сердце, в обмен на какой-то старый корабль и девчонку.

Явно сомневаясь в выгодности такого обмена, Дейви Джонс выбивал табак из трубки о клешню, что заменяла ему левую руку.

- Значит, ты хочешь, выменять «Черную Жемчужину» и девчонку на Сердце? А твою жизнь я должен вернуть просто так? – осведомился, наконец, Джонс с напускным изумлением и прищелкнул языком. Джек изобразил, что на секунду задумался и, просяив, ответил:

- Да!

Чувствуя, что переговоры идут в нужном направлении, он заметно ободрился.

- Посуди сам, – продолжил капитан Воробей доверительным тоном, – ведь ты не можешь сойти на сушу... и, наверняка, должен держать подальше от Порт-Ройала своих ребят, верно? Будь я проклят третий раз, если Бекетт этого не предусмотрел. При всем моем неуважении к нему, эту сухопутную крысу

трудно назвать дураком. Однако живые, тебе не служат, а значит, вернувшись к жизни, я смогу навестить мистера Катлера, совершенно не нарушая вашего договора, смекаешь? Так что тебе очень выгодно вернуть мне жизнь, я бы сказал, необходимо. Ради пользы дела. Что же касается самой услуги, то за неё я всего лишь прошу отдать мне в вечное пользование мой же корабль и одну единственную девицу! - Джек осмелел настолько, что возвел очи горе, намекая, что риск при возвращении Сердца несоизмерим, с тем, что он просит. Наблюдая это, Джонс размышлял, набивая свою трубку заново.

- Что-то свихнулось в этом мире, - проговорил, наконец, морской дьявол и тряхнул обросшей щупальцами головой, изображая изумление, - Прохвост Джек Воробей собрался совершить доброе дело?

- Капитан Джек Воробей – деликатно поправил пират.

- Предположим, - согласился Дейви Джонс, - я дам тебе, то, что ты хочешь. Однако, зная тебя, предполагаю, что могут возникнуть недоразумения. Как в прошлый раз.

Джонс сделал многозначительную паузу и продолжил:

- Я дам то, что ты хочешь, но под залог. Что ты предложишь?

Капитан Воробей задумался. Утопленники, окружавшие его и Элизабет, хихикали. Они знали, что предложить ему было нечего. Ведь он так же как они сами, целиком и полностью принадлежал Дейви со всеми своими потрохами. Соображая как быть, Джек изображал, что отчаянно пытается что-то найти в карманах кителя. Джонс следил за ним с насмешкой, Элизабет с надеждой. Вскоре Джек понял, что ситуация зашла в тупик. Отдавать компас, пусть и не совсем гладко работающий, смертельно не хотелось. Капитану Воробью действительно нечего было предложить в залог. Или все же было?..

- Видишь ли, - пожал плечами Джек, взглянув на Джонса, - При мне сейчас ничего нет, кроме вздорной девчонки... Может залогом послужит честное слово? Ей богу, я решил стать честным парнем. А залог – Бог с ним?

Джонс жестоко рассмеялся, взор его сверкнул и обратился к Элизабет:

- Вздорная девчонка, говоришь? Сгодиться...

- Что?! - такого Элизабет не ожидала, она взглянула на капитана Воробья, надеясь на протест с его стороны, однако Джек лишь нервно улыбнулся и заметил предупреждающим тоном:

- Это очень-очень вздорная девчонка, ты даже не представляешь насколько...

Но Джонс явно не собирался изменять своего решения, по такой ничтожной причине. Капитан «Летучего Голландца», до сих пор стоявший в некотором отдалении, неторопливо приблизился к бывшему капитану «Черной Жемчужины» и заглянул в его глаза. От этого взгляда Джек почувствовал внутри себя жуткий холод. Выдохнув ему в лицо дым, морской дьявол довольно произнес, словно отвечая своим мыслям:

- Да, она то, что нужно!

- Кстати, она штурман, - добавил Джек, совершенно другим тоном, нежели прежде. Капитан «Голландца», рассматривавший возмущенную Элизабет, обернулся на его голос.

- Если хочешь взять девчонку, бери! – усмехнулся Воробей, принимая вновь беспечный вид, - Но дай тогда мне взамен кого-нибудь другого, в любом случае, я не смогу вести корабль один.

- Ну, ты же капитан Джек Воробей, - совершенно серьезно ответил ему морской дьявол, подловив Джека на его обычном бахвальстве. Пираты-утопленники, стоящие вокруг, отреагировали на шутку капитана одобряющим гулом.

- Штурман? – продолжил Джонс, обходя Элизабет вокруг, - Это теперь так называется? А я всегда считал, что бабы на корабле плохая примета, и их лучше выкидывать за борт, сразу или чуть погодя...

Утопленники захохотали.

- Так что, можешь считать, я оказываю тебе услугу, - продолжил Дейви, обращаясь к Джеку, - Совершенно бескорыстно заметить. Но раз уж сегодня день

добрых дел, я намерен быть благосклонным и дальше. Я дам тебе своего человека. Да ты ведь и знаком с ним уже. С Прихлопом-Биллом?

Джек обернулся, и увидел Билла, которого уже вытолкнули вперед. С момента последней встречи с Джеком Прихлоп еще более потерял человеческий облик. Не сдержавшись, капитан Воробей поморщился. Откуда-то из-за спины раздался голос Джонса:

- Так значит, по рукам? – с интересом осведомился морской дьявол.

- Что же, за все надо платить, – сказал капитан Воробей в полголоса. Он взглянул на Элизабет, и попытался усмехнуться, но получилось как-то уж слишком мрачно. Потрясенная и возмущенная девушка не сводила с него взгляда горящего гневом.

- Идет! – Джек согласился настолько беззаботно, на сколько позволил его талант притворщика, и протянул Джонсу руку. Мокрая склизкая щупальца обвила ладонь, оставляя холодный и липкий след.

Утопленники тут же схватили Элизабет под руки и рванули в сторону, где толпилась команда Джонса. Даже сквозь рукава рубашки она ощущала прикосновение их холодных изуродованных конечностей. От осознания собственной беспомощности, униженности и разочарования в человеке, которому она почти начала доверять, голову Элизабет словно окутывал туман. Однако вскоре горькая усмешка на её лице, сменилась выражением полным презрения, и если бы мисс Свон могла, она бы прогнала насквозь этим взглядом негодяя, который только что заложил её как вещь в ломбарде. Джонс же смотрел в глаза Джека и говорил:

- Капитан Джек Воробей, я отдаю тебе корабль «Черная Жемчужина» во временное пользование и возвращаю твою жизнь, с тем, чтобы ты вернул Сердце! Мой человек будет с тобой. Когда дело будет завершено, Прихлоп вернется на «Летучий Голландец», а ты сможешь забрать леди и корабль «Черная Жемчужина» в вечное пользование. Договор скреплен!

С этими словами Джонс резко отпустил руку Джека, и тот едва не упал, потеряв равновесие. Стараясь не встречаться взглядом с Элизабет, Джек хмуро наблюдал, как Прихлоп-Билл перешел на его сторону и встал рядом.

- Кстати, Воробей, – уточнил Джонс, прищелкнув языком по своему обыкновению, – Если Сердце пронзят, ты станешь, свободным от этого договора. А мы все отправимся в Чёртову Прорву. И я, и «Голландец», и «Черная Жемчужина», и твой штурман тоже.

- Я запомню, – отозвался Джек.

Капитан Джонс и капитан Воробей стояли друг против друга. Один с довольной усмешкой закусывал мундштук своей трубки, другой с непроницаемым видом ждал результата игры, в которую ему пришлось вступить.

Постукивая крабовой лапой, заменявшей ногу, Дейви Джонс, приблизился к Элизабет, удерживаемой двумя утопленниками.

- Добро пожаловать на борт, леди! – приветствовал морской дьявол, подмигивая Элизабет, – Оставьте пока её на палубе, пусть посмотрит! Поднимаемся!

И как только он отдал это приказание, тут же со всех сторон раздались крики. Задрав головы, мертвецы завопили сиплыми голосами: «Вверх! Вверх! Вверх!». «Летучий Голландец» дрогнул. Элизабет взглянула на шумящееверху море. Над уходившими в высоту, позеленевшими мачтами «Голландца», в изумрудной толще очень быстро вращалось что-то огромное, белесое. Волны, набега друг на друга, сталкивались, закручивались в водоворот, создав, наконец, огромную воронку. Поднялся ветер, и «Летучий Голландец» резко устремился навстречу бешено крутящемуся потоку. Они падали... вверх.

Как только «Голландец» был втянут водоворотом, Элизабет показалось, что она вновь тонет, как тогда в Хэй Мин. Но в этот раз она не дышала и не ощущала ни страха смерти, ни боли от нехватки воздуха, только невыносимое давление и всепоглощающий холод. Солнце, просвечивающее сквозь волны Гавани Проклятых, только мерещилось. На самом деле в её глубинах стояла непроглядная тьма. Сквозь неё Элизабет различала огоньки, которые несли

глубоководные создания. Они расплывались в разные стороны, напуганные «огромной рыбой», которая рвалась вверх из самых темных глубин. Водоросли, сносимые массой воды с рей «Летучего Голландца», падали вниз, касались лица и запутываясь в волосах. Наконец, глубина начала светлеть, море нехотя ослабляло хватку, и это было знаком, что поверхность близко. По прошествии несколько минут «Летучий Голландец» прорвал водную границу и, подняв тучу брызг, всплыл на поверхность в мире живых.

Потоки воды падали с парусов и рей, вода сочилась из пушечных портов и бежала со шпигатов⁴⁴, унося с собой попавшихся по пути рыбешек и части обшивки. Джек стоял не далеко от Элизабет, мокрый, бледный и непривычно серьезный. Его и Прихлопа, в отличие от мисс Свон, никто не держал. Девушка покосилась на капитана Воробья, надеясь, что он хотя бы немного сожалеет о том, что сделал. Но, похоже, Джека её судьба уже не волновала. Капитан Воробей неотрывно следил, как из воды, вспенивая волны, один за другим всплывают затонувшие когда-то корабли. Рваные паруса, сгнившие мачты, обросшие водорослями и ракушками. Даже сейчас Джек узнавал некоторые из них и понимал, что все корабли, какие поднял из Прорвы Дейви Джонс, когда-то бороздили моря под руководством самых отъявленных и знаменитых головорезов. Капитан Воробей видел, как погибшие команды вставали на палубах и салютовали Джонсу, готовые идти за ним. «Интересно, куда это он собрался?» - думал Джек.

Вода вспенивалась то слева, то справа по борту, выпуская из глубины один корабль за другим. Джек не сводил с них глаз. Элизабет же думала, что он ожидает появления своей ненаглядной «Жемчужины». Неожиданно, она поймала себя на мысли, что хочет скорее спуститься на нижнюю палубу, и не видеть этой долгожданной встречи. Однако утопленники не торопились утащить её в трюм, ожидая приказа капитана, и единственное, что могла сделать Элизабет - отвернуться к противоположному борту.

Впрочем, то, что она там увидела, заставило её зажмуриться и снова обернуться в сторону Джека. У противоположного борта «Летучего Голландца», хлюпая присосками, задевающими за доски, вились знакомые гигантские щупальца. Теперь Элизабет догадалась, что за существо создало водоворот, поднявший со дна Чертовой Прорвы корабли. Выполняв очередной приказ своего хозяина, Кракен жался к борту «Летучего Голландца» словно верный пес.

«Черная Жемчужина» поднялась последней. Она шла справа по борту «Голландца», полоща еще целыми темными парусами. Потрепанный жизнью и подводными течениями черный фрегат выглядел еще мрачнее, чем во времена командования проклятого Барбоссы. Кораллы и полипы облепили корпус «Жемчужины», дыры проломленных Кракеном пушечных портов зияли чернотой, и потоки воды хлестали с палубы. На корабле никого не было, и штурвал ходил сам по себе, со слабым поскрипыванием управляя движением фрегата. Корпус отзывался ему в тон. Наконец, «Жемчужина» остановилась, прижавшись вплотную к правому борту «Летучего Голландца».

Словно в забытии Джек смотрел на свой корабль.

- Не узнаешь свою любимицу? - спросил Джонс, изобразив на спрутообразном лице глубочайшее удивление.

- В прошлый раз было хуже, - заявил Джек, стараясь говорить оптимистично.

- Тогда, прошу вас, капитан Воробей, подняться на борт, - проговорил Джонс, со всей издевательской любезностью, на которую был способен.

Джек стоял, словно не решаясь сделать шаг навстречу своему любимому кораблю, вдруг он обернулся к Элизабет. Холодный взгляд мисс Свон был устремлен сквозь него, так, словно бы Джека и вовсе не существовало.

- А! - протянул Джонс, подмигнув боцману, - Голубкам, видимо, нужно попрощаться. Ну-ка ребята, пустите леди, дайте ей возможность обнять напоследок её капитана.

---

⁴⁴ Шпигат – отверстия в палубе для удаления забортной воды.

Разразившись громким хохотом, утопленники с готовностью отпустили Элизабет, вытолкнув её навстречу капитану Воробью. Предвкушая веселое представление, команда «Летучего Голландца» толпилась на палубе. Моряки выглядывали друг из-за друга, отпуская шуточки и улюлюкая. Джек смотрел на Элизабет, настрой у неё был явно не дружелюбный. Вид мисс Свон выражал мысль: «Попробуй только тронь!», однако, словно ничего не замечая, Джек Воробей широко улыбнулся и сделал шаг ей на встречу:

- Цыпа! – воскликнул он скорбно и всплеснул руками, - Нас разлучают обстоятельства, но каждый день я буду думать только о тебе! Я верю, что морские джентльмены будут предельно вежливы.

Утопленники захохотали громче, стуча клешнями и шлепая перепончатыми лапами. Насколько они будут вежливы, становилось понятно по их похабным улыбкам. Не ответив ни слова, Элизабет оценивала расстояние между ней и Джеком. Наконец, сделав еще один шаг, капитан Воробей оказался в досягаемости.

- Предатель! – воскликнула Элизабет, замахнувшись. Пожалуй, он заслужил эту пощечину.

Однако не получил её.

Перехватив запястье разъяренной девушки, капитан Воробей насмешливо прошептал:

- Кто бы говорил?!

Джек резко притянул её к себе. Элизабет рванулась изо всех сил, но освободиться из рук, удерживавших не раз тяжелый штурвал, было невозможно. Вынужденная уткнуться подбородком ему в плечо, Элизабет услышала рядом со своим ухом шепот:

- Один из нас должен оставаться на свободе! Я вернусь. Мы оба будем жить, - твердо и без тени иронии говорил Джек.

- Долго и счастливо, - продолжил он чуть насмешливо, и, немного помедлив, совершенно серьезно добавил: - Любимая.

Гнев сменился недоумением настолько быстро, что у мисс Свон подкосились ноги. Еще держа её в объятиях, Джек почувствовал в груди

гулкий, болезненный удар. Один, потом другой, третий. Сердце билось, медленно привыкая работать вновь, разгоняя, застоявшуюся кровь в венах. Ветер прикоснулся к лицу. Легкие развернулись, втянув в себя первый глоток воздуха. Он был холодным, с запахом соли, отравленный рыбной вонью тел разлагающихся пиратов Джонса. Тепло возвращалось вместе с чувствительностью и казалось, что тело колет тысяча невидимых иголок. Джек ощутил, что девушка в его объятиях, была холодна как лед. От её мокрых волос, с запутавшимися в них водорослями, исходил запах моря. Капитан Воробей понимал, что Дейви Джонс оставит Элизабет утопленницей. Впрочем, на «Летучем Голландце», погружающемся под воду, иначе было нельзя. Сбравшись с силами, Джек почти оттолкнул девушку от себя. Изумленная его словами, мисс Свон вновь взглянула на капитана Воробья и увидела его совершенно серьезное лицо, однако через мгновение он уже принял свой привычный чокнутый вид.

- Ну, хватит! – рявкнул Джонс, - Убирайся с моего корабля, Джек Воробей!

Бросив последний, беглый взгляд на Элизабет, Джек взмошел на борт «Черной Жемчужины». Прихлоп-Билл последовал за ним.

- Выходим из гавани! Эй, Молот, убери девчонку с палубы! – командовал Джонс. По прошествии несколько минут на всех кораблях поднялась невообразимая суeta. «Черная Жемчужина» отходила от «Голландца». Корабли эскадры мертвых выстраивались в колонну, разворачивали еще целые паруса и медленно тянулись к узкому выходу из Гавани Проклятых, постепенно погружаясь в морские волны следом за «Летучим Голландцем». Кракен тоже исчез в глубине, и как только последний корабль погрузился в волны, «Черная Жемчужина» осталась в Гавани Проклятых совершенно одна.

Глава 10. Грэт Санд

«Калипсо» уверенно разрезала носом волны, и шла на всех парусах под бакштагом. Палуба была надраена едва ли не до блеска, паруса поставлены, курс задан, и мистер Гиббс больше держался за штурвал, чем удерживал его. Уильям заметил, что с тех пор как Чунмин оказалась на их корабле, ни погода, ни ветер не доставляли им никаких хлопот, словно в подтверждение её рассказу. Шторма проходили мимо, иногда задевая их курс краем грозовых туч, но это не служило серьезной помехой. Что касается других морских разбойников, которых в избытке хватало и у побережья Африки, и у Мадагаскара, то они совершенно не лъстились на их джонку, словно вовсе её не замечали. Команда «Калипсо», измотанная многими перипетиями во время плавания в Сингапур, на обратном пути получила возможность немного расслабиться.

Рагетти и Пинтел загорали, развалившись на лафетах⁴⁵ палубных пушек и лениво наблюдая за «дуэлью» Чунмин и Тёрнера-младшего.

- Я делаю выпад, ты отбиваешь, сначала так, затем сюда и я останусь без оружия, - объяснял Уилл, показывая Чунмин нужное движение. Внимательно наблюдая за ним, девушка старалась повторить то, что он показывал, как можно точнее.

Здраво рассудив, что запоминать сейчас все термины и названия приемов фехтования нет никакого смысла, Уильям решил уделить большее внимание освоению практической части. Это позволило бы Чунмин сдержать первый натиск противника, отбить опасные удары, а в лучшем случае разоружить или ранить нападавшего, и затем, заполучить возможность для бегства. Потому особое внимание Тёрнер-младший уделял защите, в основном показывая своей ученице возможные варианты контрударов. Пинтел и Рагетти, наблюдая за ними, втихаря делали ставки на то, кто из фехтовальщиков сегодня поранится первым.

Раньше к ним вообще не решались подойти близко. В походных условиях учиться приходилось на незащищенных клинках, что было опасно. Сяо Фенг

---

⁴⁵ Лафет - часть артиллерийского орудия, на которой закрепляется ствол.

никогда не подпускал Чунмин к оружию, понимая, что рано или поздно оно будет обращено против него. Не имея никакого опыта в фехтовании, Чунмин по началу было трудно даже удержать саблю под ударом, и пару раз, не рассчитав силу, Уилл выбивал клинок из её руки. На первом же занятии упущенная сабля просвистела в свободном полете в сторону кают и воткнулась в палубу прямо у ног спускающегося с юта капитана Барбоссы. Получив от него выговор в весьма цветастых фразеологизмах, фехтовальщики договорились заматывать клинки сабель тряпьем. Однако под многократными ударами тряпки быстро разлезлись на нитки и, в конце концов, пришлось фехтовать открытыми клинками. К счастью для всех, к тому времени умение Чунмин в фехтовании стало значительно лучше.

Как и ожидал Уильям, труднее всего девушке было наносить удары противнику. Особенно если этим противником был он сам. Поняв, что эффективной атаки у неё не получается, Уилл решил пойти на тактическую хитрость. Встав за спиной у Чунмин и, взяв её за запястье, Уильям стал направлять её клинок своей рукой. Делая такой совместный выпад в сторону воображаемого противника, Уилл сказал:

- Отбивай удар и сразу рази! Представь, что перед тобой... Сяо Фенг.

Чунмин изумленно вскинула брови и взглянула на Уилла, но через мгновение у неё получился вполне не плохой удар. Метода помогла, с каждым разом атаки стали даваться девушке все лучше. Чунмин поняла, что фехтовать можно просто для удовольствия, не испытывая к противнику ненависти. Начинались такие дружеские поединки в основном одинаково, Уилл коварно вытаскивал шпильку из волос Чунмин, после чего она гонялась за ним по палубе, смеясь, и на ходу вспоминая показанные им приемы фехтования. Он же мальчишески дразнил её: увертывался от не очень умелых ударов и ухитрялся подергать за косу, или издевательски размахивал похищенной шпилькой словно кинжалом.

Помимо достижений в фехтовании, Уильям замечал про себя, что Чунмин постепенно переставала дичиться. Чтобы показать удар или движение, ему иногда приходилось прикасаться к своей ученице. По началу она вздрагивала и старалась выполнить все правильно с таким рвением, словно стремилась избежать повторного прикосновения. Однако, привыкнув вскоре полностью доверять своему учителю, Чунмин стала относиться к нему совершенно спокойно. Она словно оттаивала, постепенно приучаясь не только защищать себя, но и доверять людям.

Иногда Уильям Тёрнер вспоминал другие уроки фехтования.

Едва дождавшись следующего дня после бегства капитана Воробья, Уильям Тёрнер отправился просить руки мисс Элизабет Сwon. Губернатор Сwon взглянул на молодого человека почти обреченно. Вздыхнув, он оставил право принять решение за дочерью, а сам покинул комнату, дав наконец-то влюблённым возможность обниматься и целоваться без свидетелей и теперь уже на вполне законных основаниях.

Буквально на следующий день Элизабет заявила, что хочет учиться сражаться на шпагах, мотивировав свое стремление опасностью пиратских набегов на приморские города. Памятуя о похищении дочери, губернатор безропотно и сразу же согласился на эту затею, предложив выписать лучшего преподавателя из Англии, но девушка категорически отказалась учиться у кого-либо кроме своего жениха. Уильям же был несколько удивлен такому выбору. Его действительно считали не плохим фехтовальщиком, но умение его основывалось больше на чутье, смекалке и ловкости, чем на теоретических знаниях. Основным навыкам и терминам его научил старый пьянчуга, который когда-то давно преподавал фехтование знати, теперь его единственным учеником был бедный кузнец. Впрочем, Уилл не остался в долгу, он выковал в подарок для своего учителя прекрасную шпагу, которая стоила намного дороже оказанных услуг. Растроганный старик рыдал на плече ученика, утверждая, что сохранит шпагу как реликвию для своих детей. Однако намерение это было благополучно забыто в ближайшей таверне, и подарок Уилла был попросту пропит.

Первое и все последующие занятия мисс Элизабет проходили, конечно же, в доме губернатора. Выбрав подходящий зал, мисс Свон явилась в него, неся две рапиры⁴⁶ и будучи одетой в мужской костюм – рубашку и кюлоты⁴⁷. Оценив восхищенно-изумленный взгляд своего жениха, она кокетливо рассмеялась и спросила:

- А вы, Уильям Тёрнер, рассчитывали, что я появлюсь в кринолине и корсете?

Уильям улыбнулся и ответил комплиментом:

- Тебе не нужно сражаться, ты и так всех сразишь своей красотой. Но если уж ты хочешь учиться фехтовать, тебе стоило выбрать более умелого мастера...

- Ну, уж нет, мой будущий муж, - возразила девушка с хитрой улыбкой, подходя вплотную к Уильяму.

- Я не хочу учиться фехтовать. Я хочу научиться драться! - продолжила она, взглянув на него с восхищением, и сунув ему в руку одну из рапир, - Драться, так же как и ты, мой пират!

Последняя фраза отозвалась в душе Уилла странным эхом: «Мой пират?.. пират?.. пират...» Впрочем, девушка, что стояла рядом, казалась настолько восхитительной, что обращать внимание на эти мысли не хотелось совершенно.

В отличие, от Чунмин, которая всячески избегала прикосновений, Элизабет напротив, часто просила, что бы Уилл показал ей то или иное движение, поправил, если она что-то делает неправильно. Её несколько не смущали его прикосновения, скорее уж было наоборот. Их занятия проходили в течение года, почти каждый день, по два-три часа. Это было время, когда они оставались совершенно одни, наедине. И Элизабет, словно играя с огнем, не упускала возможность излить на юношу весь запас кокетства, какой у неё имелся. Для победы в поединках она пользовалась не только полученными уже навыками сражения, но и женскими чарами. Уиллу же оставалось раз за разом терпеть поражения и укорять её со смехом:

- Нечестно!

Элизабет не боялась наносить удары, она училась азартно, требуя показывать ей более сложные элементы. За время их занятий не только она научилась фехтованию. Придумав пару новых ударов, Уилл тоже повысил свое мастерство... и еще больше выдержку.

Тёрнер-младший понимал, если Элизабет влюблена настолько, что готова вот-вот потерять голову, то ему нужно держать себя в руках в два раза крепче. Уилл искренне уважал губернатора Свона, и обмануть его доверие, обесчестив его дочь в его же собственном доме, он был не способен. Даже учитывая грядущую свадьбу. А потому, они просто фехтовали, нарушая отношения учителя и ученицы не более чем на пару поцелуев.

Вспоминая все это, Уильям стоял у борта «Калипсо», ожидая Чунмин на очередное занятие. Девушка выбралась из палубного люка, ей вслед с камбуза доносились притворно-слёзные просьбы мистера Гиббса сбить саблей чайку, на ужин для команды:

- У вас получится мисс, только не попадите в капитана! – почти плача, от смеха закончил боцман и его фраза, потонула в хохоте Пинтела и Рагетти, последний сидел на мачте, будучи вперёдсмотрящим.

Уильям обернулся, Чунмин приближалась к нему, на ходу заматывая косу на затылке и закалывая её шпилькой.

- Я могла застать вас врасплох, если бы вы не обернулись! – сообщила девушка, улыбнувшись Уильяму.

- Да, ты застала меня врасплох... - задумчиво ответил он. Когда они приблизилась, Уилл сделал шаг к Чунмин и, коснувшись рукой её щеки, взглянул девушке в лицо.

---

⁴⁶ Рапира - длинная гибкая шпага для фехтования, с конца VII в.

⁴⁷ Кюлоты (французское culotte) – короткие, застегивающиеся под коленом штаны, которые имели право носить только аристократы.

«Да», - подумал Уильям, - «Все это прошло. Теперь, мне не зачем им мстить. Сердце иногда играет странные шутки. Я верну отца, а они пусть сделают выбор сами. Оба».

Ни слова больше не говоря, он склонился к удивленной Чунмин. Она не отступила, не попыталась сбежать, лишь чуть приподняла голову ему навстречу. Губы уже чувствовали его дыхание...

- Земля! Земля! - завопил на мачте Рагетти.

Уилл вздрогнул и обернулся к подпрыгивающему на такелаже одноглазому пирату.

- Остров! - кричал тот, указывая пальцем в сторону туманной темной полосы, показавшейся на горизонте. Барбосса на юте обернулся в ту сторону и навел на горизонт подозрную трубу, а затем скомандовал Коттону:

- Лево руля!

Широко распахнув дверь, из кают появилась Тиа Далма, Гиббс и Пинтел выглянули в палубный люк. Уильям обернулся к Чунмин, но её уж не было рядом.

Тиа Далма поднялась на капитанский мостик. Ветер трепал её косматые волосы, а подвески из ракушек, пришитые к её платью, тихо перестукивались. Взглянув на полосу берега, ведьма улыбнулась.

- Как ты поступишь с девчонкой? - спросил её как бы невзначай Барбосса, - Она теперь мешает...

- Разве ты не замечаешь? - ответила ведьма вопросом на вопрос и лукаво усмехнулась, - Добрая погода, сопутствующий ветер, отступающие прочь шторма?

Барбосса промолчал, конечно, он не мог этого не заметить.

- Она и есть та удача, которую должна была принести Калипсо, - продолжила Далма, - Ведь Вильям сам выбрал такое название для корабля. Все получилось так, как я тебе и говорила. Калипсо принесла ему удачу, значит, она поможет ему одолеть и Кракена.

Капитан ответил на её слова невнятным бормотанием, в котором упоминались «морочащие голову шарлатанки».

- Девушка будет нужна, пока наш план не осуществлен, - объясняла колдунья, растягивая слова и глядя на пирата самыми преданными глазами, - После, я о ней позабочусь.

Барбосса насмешливо хмыкнул, представляя себе, что уготовила Далма Чунмин. Он прекрасно знал, насколько может быть хитра и опасна стоящая рядом чертовка. В её хрупком на вид и ощупь теле жил несгибаемый и удивительно живучий дух. И хотя Барбосса искренне считал, что все её «штучки» и пророчества, не более чем сказки для простачков, он прекрасно знал какой коварной она может быть, какой силой обольщения может обладать её певучий голос, её взгляд и прикосновение смуглых рук.

- Мальчишка о чем-нибудь подозревает?

- Его жажда мести с некоторых пор остыла, - усмехнулась Тиа, не отрываясь, она смотрела в одну точку на горизонте.

Барбосса покосился на Далму, лицо её приобрело демоническое выражение:

- Вильям целиком в наших руках, - продолжала ведьма убежденно, - Тиа знает, как направить чистую душу на нужную дорожку. Эта девушка нам еще пригодится. Ведь он добрый мальчик, и не захочет, чтобы ей причинили вред.

Взор ведьмы горел, Барбосса прекрасно помнил, как она обожала «играть» с чистыми и не очень душами. Понимая человеческие слабости как никто, темнокожая колдунья сразу определила, как заставить присоединиться к походу в Сингапур оставшуюся в живых часть команды «Черной Жемчужины». Набирать людей на Тортуге было слишком рискованно. Да и кто бы захотел пускаться в такое долгое плавание только ради древнего куска пергамента? Появление выживших после крушения «Жемчужины» стало подарком судьбы.

Тиа Далма мгновенно поддержала идею Уильяма вернуть к жизни Джека Воробья, а, почувствовав особую заинтересованность в этом Элизабет, специально обратилась к ней с вопросом лично. Согласие Элизабет заставило

Уильяма Тёрнера отправится вместе со всеми, хотя именно ему хотелось этого меньше всего. Таким образом, команда «Черной Жемчужины» получила надежду на возвращение Джека, а Далма и Барбосса получили все средства для осуществления своих планов.

Пока Барбосса гостил у Тиа Далмы и приходил в себя после неожиданного возвращения к жизни, ведьма угождала ему, как могла. Она отпаивала его ромом, угощала яблоками и вообще была весьма ласкова. Когда же пират достиг нужной степени расположенности, колдунья предложила ему новую опасную авантюру. Тиа Далма рассказала Барбоссе о карте сингапурского штурмана и о Сердце Дейви Джонса, не забыв упомянуть, что, приобретя эти артефакты, капитан станет повелевать морями и заполучит безграничную власть, а так же сможет раз и навсегда избавиться от угрозы оказаться в Чертовой Прорве.

- Ты будешь беспрепятственно ходить по морям! - горячо шептала ведьма на ухо пирату. Капитан Барбосса снисходительно слушал эти уговоры, отдыхая после обеда. Вальяжно развалившись на её постели, он прикрывал глаза, словно довольный кот. Лежащая рядом ведьма лаково перебирала пуговицы на его камзоле и продолжала:

- Морской дьявол никогда не встанет на твоём пути, он никогда не сможет противиться твоей воле.

Такое предложение не могло не заинтересовать Барбоссу. Он приоткрыл один глаз и, прищурившись, взглянул на устроившуюся рядом с ним чертовку. По довольному виду Тиа было件нятно, что она уже прекрасно знала его ответ. И все же, как мерзавец умудренный опытом, Гектор Барбосса отлично знал, что прежде чем соглашаться с Тиа Далмой следует спросить:

- И что же ты захочешь за эту чудесную идею?

Тиа Далма просияла:

- Безделицу, - ответила она, - Сердце Джонса должно держать на суше, ведь он не может ступить на землю. Я хочу, чтобы ты отдал Сердце Джонса мне, на хранение...

- Отлично! - такой вариант оплаты понравился Барбоссе. Он был не против доверить Сердце Тиа Далме. Пожалуй, он и сам не придумал бы места лучшего, чем болота своей темнокожей любовницы.

- Это еще не все, - предупредила ведьма, уже более жестким тоном, - В предстоящее плавание, ты возьмешь в команду тех людей, каких укажу тебе я.

Барбосса нахмурился. Это требование было уже более странным, а все странное не внушало капитану Барбоссе доверия. Особенно после истории с кладом на Исла де Муерто.

Когда спасшиеся с «Черной Жемчужины» рассказали подробности гибели их корабля и капитана, Барбосса испытал бурю эмоций. С одной стороны он был рад гибели своего непримиримого врага, с другой стороны был расстроен тем, что не смог прикончить Джека лично. И конечно, злость старого пирата оттого, что «Жемчужина» тоже теперь покоится на морском дне, была безграничной. Кроме того, его совсем не радовало вмешательство Ост-Индийской компании, ведь это значительно усложняло его затею. Одно дело искать зарытый в песке сундук, и совсем другое - связаться с Ост-Индийской компанией, которая по предположению Элизабет Свон захватила Сердце. И все же, не смотря ни на что, Тиа сумела убедить пирата и в этот раз.

- Сердце вернется к нам, - спокойно сказала Тиа, наблюдая, как Барбосса меряет шагами её крохотную хижину, - Ты видел белокурую девушку?

- Еще бы! - отозвался недовольный капитан, вспоминая свое знакомство с этой «белокурой девушкой», - Только её мне и не доставало!

Барбосса грозно сверкал глазами, готовясь указать ведьме кратчайший путь к морскому дьяволу. Но Далму его злоба не смущала, твердым тоном ведьма продолжала:

- Мисс Лизабет хочет найти Джека Воробья. Слезы в её глазах это сказали. Она пойдет за Джеком Воробьем даже на Край Света. Она пойдет за Воробьем, а Вильям пойдет за ней. Девушка достанет для нас карту, а когда

Чертова Прорва поглотит её, Вильям с готовностью отправится за Сердцем Джонса. Но сначала, он должен будет одолеть морской ужас – Кракена, - Тиа Далма сделала эффектную паузу и грозно продолжила, - Вильям Тёрнер тот, кто избран морской девой, она поможет ему во всем. Я предвижу это!

Не особо веря в рассказы о предвидении, Барбосса все же отправился в плавание к Сингапуру. Не зависимо от того предвидела ли Тиа Далма грядущие события или просто хорошо знала человеческую натуру, все вышло именно так, как она и говорила. Слова ведьмы начали сбываться, и сейчас, когда «Калипсо» уже почти достигла острова Бермуда, Барбоссе не терпелось поскорее узнать, как именно Уильям Тёрнер сможет одолеть любимого монстра Дейви Джонса.

***

Заходящее солнце заглядывало сквозь расщелину между отвесными скалами, и эскадра морского дьявола триумфально выходила в открытое море, скользя по красным отблескам заката, словно по парадной ковровой дорожке. Джек смотрел вслед уходящим кораблям, а компас, лежащий на его ладони, уверенно указывал в сторону скрывающейся под водой эскадры мертвых.

Гавань Проклятых она же Ханг Чжоу напоминала овальное, глубокое озеро, окруженное со всех сторон голыми скалами. Сообщаясь с океаном только одним узким выходом, Гавань была идеальным убежищем для «Летучего Голландца», ведь помимо отличной защищенности, темные волны её таили невероятную глубину, уходящую в самую Чертову Прорву. Буркнув под нос ругательство, Джек захлопнул крышку компаса и покосился на все еще бурлящие волны в центре Ханг Чжоу. Попастись в щупальца Кракена повторно не входило в планы капитана Воробья. Если память его не подводила, то согласно сингапурской карте Фенга, неподалёку от Гавани Проклятых находился мелководный пролив весьма подходящий для безопасной стоянки и обдумывания дальнейших действий, и как только «Черная Жемчужина» уловила ветер, Джек направил её к выходу из Гавани.

Сейчас он был даже благодарен судьбе за то, что Кракен потопил его корабль с поставленными парусами. Иначе, прежде чем поймать ветер, капитану и его единственному помощнику пришлось бы очень долго ползать по мачтам, вводя в искушение агрессивного кальмара. Когда «Жемчужина» вошла в безопасный пролив, и встала на рейде, Джек начал осмотр повреждений нанесенных ей в последнем бою и на морском дне. Как бы ни утешал себя капитан Воробей, его корабль был в плачевном состоянии. Помимо проломленных пушечных портов и кормы, развороченной орудиями «Летучего Голландца», сильно пострадали нижние палубы и шпиль⁴⁸ у грот-мачты. Взглянув на ржавые цепи шпилья, Джек решил, что уберет их при первой же возможности. Вспоминания о том, как он яростно освобождал руку, до последнего момента надеясь выиграть у смерти, стояли в его воображении живой картиной. От воспоминаний впрочем, отвлекала непрерывающаяся капель с непросохших еще парусов.

Обойдя весь корабль, Джек нахмурил брови. Все что он смог увидеть, говорило об одном - чтобы привести «Черную Жемчужину» в порядок, усилий двух человек явно было не достаточно. А так же потребуется не один день, чтобы уложить сброшенные с лафетов пушки, вернуть на место выбитые двери и переборки и просмолить заново корпус.

- В трюме все перевернуто, как и везде, но течи нет, - крикнул Прихлоп, появляясь из палубного люка. Билл хромая подошел к капитану, совсем не отреагировавшему на эту, в общем-то, радостную новость.

- Да, Джек, с тех пор как ты отдал должок Джонсу, прошло полтора года, - сказал Прихлоп, рассматривая вместе с Джеком разросшуюся повсюду на палубе морскую растительность, - Не думал, что когда-нибудь вернусь сюда.

- Полтора?.. - переспросил капитан Воробей, не обратив внимания на последнюю фразу Прихлопа, - А мне показалось, что две недели.

---

⁴⁸ Шпиль – судовая лебёдка.

- В Чертовой Прорве время чувствуется совсем не так, как наверху. Верно? - усмехнулся Билл.

Джек ничего не ответил, все что случилось, никак не располагало к хорошему настроению. Хотелось выпить, но даже этого капитан Воробей не мог сделать, поскольку еще в Чертовой Прорве выяснил – на борту «Черной Жемчужины» не осталось ни единой бутылки рома. То же самое касалось провизии, пороха, всех навигационных приборов и карт, что помогали прокладывать курс, когда бунтовал компас.

Осмотр корабля требовал от Джека признать, что геройствовать в такой ситуации полнейшее безумие. Предлагая Джонсу свою сделку, капитан Воробей совсем не собирался охотиться за Бекеттом и возвращать Сердце в случае, если бы Джонс отдал ему и корабль и Элизабет. Но морской дьявол оказался прозорлив, и оставил девушку заложницей. И это обстоятельство, как не странно, никак не давало капитану Воробью покоя. Прежде бы он с легкостью оставил Элизабет на «Голландце» навсегда, оправдав себя тем, что она его убила, сама была мертва, да и самое разумное, что можно было сейчас сделать – это позаботиться о себе и корабле, выбравшись с этого проклятого острова. И все-таки, Джек не спешил направить корабль в море. Компас упрямо показывал в сторону ушедшей эскадры Джонса. И сейчас капитан Воробей точно знал, чего он хочет. «Что же, «Жемчужина» в вечном пользовании – это отличное приобретение», - усмехнулся Джек, оправдав, наконец, смещение в своей душе, - «Ну и конечно, я хочу, чтобы чертов компас начал работать, а значит, нужно вернуть Лиззи-Занозу».

Джеку нужно было время, чтобы придумать план как добыть Сердце Джонса. Его размышления прервал Прихлоп:

- Джек! Какой-то корабль входит в пролив!

***

Достигнув острова Бермуда, капитан Барбосса провел джонку в мелководный пролив Грэт Санд, указанный на сингапурской карте, и как только с «Калипсо» открылся вид на бухту, которая по иронии судьбы называлась Порт-Ройял, всеобщему удивлению не было предела. Неподалеку от берега, на рейде стояла «Черная Жемчужина». В сгущающихся сумерках черный фрегат выглядел весьма зловеще.

Ошеломленный Барбосса прищурился и, стараясь не выказывать волнения, незаметно протер линзу подзорной трубы. Остальная команда, словно в забытии, столпилась у борта джонки. Мистер Гиббс, многое повидавший на своем веку, обернулся к присутствующим и предположил: «Может это мираж?» Само собой эти слова никто не заметил. Рагетти таращил глаза так, что его деревянный протез выпал. Пинтел пытался креститься. Коттон конечно молчал. Воцарившаяся на минуту тишина была прервана ушлым попугаем, который, видимо выражая мысли хозяина, выдал вдруг что-то настолько нецензурное, что все обернулись.

Не понимая всеобщего удивления, Чунмин с интересом наблюдала за всей этой сценой. Уильям, не говоря ни слова, с мрачным видом смотрел на приближающийся черный фрегат. Тиа Далма, стоявшая в отдалении, тоже не сводила глаз с воскресшего корабля, и, казалось бы, чего-то выжидала.

- Ну что, бездельники! – окрик Барбоссы мгновенно вывел всех из ступора, - Давайте, попробуем, каков на ощупь этот мираж. Приготовить abordажные крюки!

«Черная Жемчужина» возвышалась над прижавшейся к ней «Калипсо» темной громадой, но даже в полутьме нельзя было не заметить её ухоженности, разросшиеся по бортам полипы и кораллы, и заброшенный вид в целом. Забыв от нетерпения о предосторожностях, капитан Барбосса, вместе с командой поднялся на борт давно вожаемого им корабля.

- Да, - протянул он, окинув взглядом палубу и словно не замечая царящего вокруг бардака, - Вот это настоящий подарок судьбы! И главное, никого на борту!

- Интересно, откуда она здесь? – спросил Уильям, словно обращаясь сам к себе. Чунмин следовала за ним, внимательно рассматривая все вокруг.

- Интереснее, *почему* она здесь... - вмешалась Тиа Далма, прислушиваясь к каждому скрипу. Гиббс и Коттон держались рядом с Барбоссой. Пинтел и Рагетти плелись в качестве замыкающих с саблями наперевес в дрожащих руках.

Барбосса между тем приблизился к дверям, приваленным к входу в кают-компанию. Он отбросил покосившиеся створки от входа, и тут же почувствовал, как к его шее прикоснулась холодная сталь.

- Джек Воробей... - разочарованно произнес Барбосса, - Ты просто неприлично живуч!

- Как и ты... - парировал Джек его иронию, покачав головой. Чувствуя укол сабли, Барбосса был вынужден сделать шаг назад. Увидев появившегося в дверном проеме «погибшего» капитана Воробья, все раскрыли рты, а он холодно улыбаясь, продолжил, обращаясь к Барбоссе:

- И кстати, *капитан* Джек Воробей. Не забывай, Барбосса, это все еще мой корабль.

- Еще не поздно это исправить – ответил старый пират, со зловещей ухмылкой направляя в сторону Воробья пистолет. Далее последовало несколько восклицаний, каждое из которых выражало совершенно разные чувства.

- Проклятье! – обрадовано воскликнул мистер Гиббс, не веря своим глазам, - Джек, ты ли это?!

- Капитан? – удивленно узнал Пинтел и тут же получил по ребрам от Рагетти, кивнувшего на Барбоссу.

- Барбосса! – твердо окликнула Тиа Далма, приближаясь к старому пирату и кладя ему руку на плечо - Не стоит устраивать кровопролитие. Сейчас.

К неописуемому удивлению капитана Воробья, Барбосса замер на секунду, лицо его перекосилось от злости, но, сделав над собой усилие, он убрал пистолет и с плохо скрываемой иронией сказал:

- Приятно все же встретить старого друга! Но еще было бы приятнее не встретить...

Дождавшись, когда Барбосса уберет оружие, Джек опустил саблю и, спрятав её в ножны, с самым радушным видом обратился к приблизившейся ведьме:

- Тиа! Как обычно, где ты, там всякая чертовщина. Отлично выглядишь. Ты вообще не меняешься. Никогда.

Окинув взглядом тех, кто собрался на палубе «Жемчужины», Джек с досадой заметил обезьяну Барбоссы, уже примостившуюся на вантах, и Уильяма Тёрнера. Но не успел капитан Воробей подумать об Уилле какую-нибудь гадость, как незнакомая девушка-китаянка, стоящая рядом с Тёрнером-младшим, вдруг просветлела от радости и воскликнула:

- Ши?! Ши Суэй! Это ты!

В следующий момент Джек уже снял её со своей шеи и удивленно узнал в ней ту, кого не чаял когда-нибудь увидеть:

- Птаха? – поразился он, рассмотрев знакомые черты в лице Чунмин.

- Откуда ты здесь? Неужели ты угнала у Фенга его корабль и прибыла сюда проведать старого друга? – удивлялся Джек, и, предвидя ярость Барбоссы, добавил – А, понимаю, так вот кто оказывается капитан всей этой шайки!

Не обманув его ожиданий, Барбосса скрежетал зубами от злости, сдерживаемый Тиа Далмой, а Джек с упоением продолжал:

- Я смотрю, из пташки ты превратилась в хорошенькую цыпочку! – говорил он с видом знатока, окинув Чунмин взглядом с ног до головы. Девушка улыбнулась:

- Ши, ты совсем не изменился.

Хитро прищурившись, Тиа Далма наблюдала за этой сценой, не забывая поглядывать на Уильяма Тёрнера. Тот же в свою очередь хмурился все больше и уже хотел, видимо, напомнить о себе, как взгляд его привлек человек,

притаившийся в полутьме проема кают-компания, а потому оставшийся незамеченным. Это лицо было ужасно изуродовано, но Уилл узнал его.

- Отец? – поразился Уильям, - Ты здесь?

С замиранием сердца молодой человек сделал шаг на встречу Прихлопу. Билл, сутулясь, вышел на свет. В сумерках его изувеченность была не так заметна, что впрочем, не помешало, кое-кому ахнуть, кое-кому выругаться, а суеверному Гиббсу незаметно поплевать через плечо.

- Да, Уильям, - самодовольно заявил Джек, все еще глядя на Чунмин, - Я вытащил твоего отца, так что можешь сказать мне спасибо!

- Спасибо! – Уильям искренне был благодарен, однако вскоре его радость сменилась недоумением, в отличие от Джека Прихлоп явно оставался утопленником.

- Но как? – не переставал удивляться Тёрнер-младший, рассматривая отца, - Джек жив, а ты нет? Почему Дейви Джонс отпустил тебя?

- Джонс отпустил меня лишь временно, - ответил Прихлоп, глядя на возмужавшего сына, с печальной обреченностью, - Я должен был заменить штурмана Джека.

Предвидя дальнейший вопрос Уилла, капитан Воробей обеспокоено обернулся к отцу и сыну, но было уже поздно.

- Штурмана? - переспросил Уильям.

- Да, - ответил Прихлоп, не замечая жестикуляций Джека, который за спиной у Тёрнера-младшего усиленно делал ему знаки молчать, - Джонс отпустит её, когда я вернусь на «Летучий Голландец».

- Её? – констатировал Уильям, оборачиваясь к Джеку, и его холодный тон не предвещал ничего хорошего. Капитан Воробей изобразил на лице полнейшее недоумение.

- Кого? – якобы не понял он.

- Где Элизабет? – жестко спросил Уилл.

- Ах, Элизабет... - ответил Джек, понимая, что отвертеться не удастся, - Видишь ли, Уильям, ей придется немного задержаться на «Летучем Голландце». Как справедливо заметил твой отец, до его возвращения.

- Значит, ты выменял свою шкуру и это старое корыто на мою невесту? – все так же холодно продолжал Уильям, делая шаг к капитану Воробью.

- И еще на твоего отца... - напомнил Джек.

- Который снова должен будет вернуться в рабство на «Летучий Голландец», - парировал Уильям.

- Тебе не угодить, - надулся Джек.

- Что это с тобой, Джек? - иронично спросил Уильям, продолжая наступать, - Ты не смог простить девушке того, что она обвела тебя вокруг пальца? А ты не задумывался, что она могла уже раскаться в том, что совершила?

Уилл конечно имел в виду то, что он видел после боя с Кракеном. Он намекал на поцелуй Элизабет и последовавшую за этим добровольную гибель капитана Воробья. Однако Джек, знавший немного больше его, все понял иначе. Приподняв бровь, пират холодно взглянул в лицо наступающего соперника, затем как бы невзначай обвел взглядом место вероятного боя, попутно оценив недоуменные физиономии собравшихся и окружающую обстановку. Отступив на шаг, капитан Воробей положил руку на рукоять сабли. Барбосса с интересом наблюдал за действиями Уилла и Джека, жестом остановив готового вмешаться мистера Гиббса. Пораженный заявлением сына Прихлоп не двигался с места, Тиа Далма следила за обеспокоенной Чунмин.

- Что же, - жестко начал Джек, сбросив маску беспечности, - Если уж на то пошло, то мне бы не пришлось менять свою шкуру на твою невесту, если бы ты лучше следил за своей невестой.

Они выхватили клинки одновременно. Сабли зазвенели, а Барбосса азартно пихнул в бок растерянного Рагетти и сказал:

- Ставлю на Тёрнера двадцать лан⁴⁹!

---

⁴⁹ Лан – китайская серебряная монета.

- Ага, а я на Воробья - поддержал Рагетти с торжественным видом - Свой глаз!

Барбосса поморщился.

- Хотя, если бы ты за ней следил, вряд ли бы ей удалось меня поцеловать и приковать к шпилью, - продолжал Джек, считая, что ему уже нечего скрывать, - Если бы не её идея оставить меня на корабле, мы все разгуливали бы по Чёртовой Прорве, верно? Так что, ты должен быть ей благодарен!

Однако, вместо того, чтобы атаковать с новой силой Уилл вдруг отступил, увернувшись от удара, и пораженно воззрился на капитана Воробья. Джек заметил на лицах всех присутствующих глубочайшее удивление и тоже застыл на месте, так и не воспользовавшись полученным преимуществом. Гиббс, Рагетти, Пинтел, Коттон, Уилл и Чунмин смотрели на него в немом шоке. Вдруг это внезапно образовавшееся гробовое молчание нарушил громкий хохот Барбоссы.

- Ты лжешь, - мрачно сказал Уильям, глядя на Джека теперь уже не просто с гневом, а с ненавистью.

Сообразив, что только что выдал себя с потрохами, Джек поднял саблю, готовясь продолжить бой, и зло ответил:

- Увы, на сей раз, я откровенен как младенец. А ты решил, что я герой-самоубийца? Увы, это не так. Бедняжка Элизабет, видимо, боялась разбить тебе сердце, - иронизировал Джек, наслаждаясь злостью в глазах соперника.

Теперь они рубились почти отчаянно, Уилл забыл обо всех правилах, а Джек, не смотря на то, что фехтовал не слишком хорошо, сдерживал его натиск со всей жестокостью, на какую был способен. Они откидывали друг друга к бортам, стараясь достать противника не только клинком, но и кулаками. Окружающим приходилось расступаться, чтобы не попасть под мелькающие сабли или пролетающие кофель-нагели⁵⁰, которые Джек и Уилл швыряли друг в друга, не обращая внимания на ругательства мистера Гиббса, наплевавшего на фыркание Барбоссы:

- Чёрт подери, парни! Джек! Ты только что воскрес! Уильям! Не дурите!

Его никто не слышал, сейчас у капитана Воробья и Уилла Тёрнера как никогда были схожие планы, каждый желал одного - убить противника.

- Я знаю Элизабет, она бы не смогла! - гневно огрызнулся Уильям, когда клинок его сабли сошелся крест на крест с саблей Джека.

- Пожалуй, у Лиззи доброе сердце, - согласился Джек с жесткой усмешкой, - Однако поверь мне, приятель, она *смогла* это сделать. Похоже, ты её плохо знаешь?..

Уилл оттолкнул Джека прочь, и едва не потеряв равновесие, капитан Воробей отступил на пару шагов, и оценивающе взглянул на противника. Тот попытался отдышаться и не спешил атаковать. Утерев об рукав поцарапанную в драке ладонь, Джек перевел взгляд на след оставшийся на ткани и улыбнулся. Жизнь билась в его венах алым теплом, и давала о себе знать усталостью и пощипыванием в ранке. Тёрнер тоже успел получить свое. Капитан Воробей наблюдал, как Уильям приложил ладонь к разбитой скуле и взглянул на кровавый след, оставшийся на руке. Чунмин, неотрывно следившая за каждым действием дуэлянтов, пожалуй, волновалась больше всех. Тиа Далма, незаметно вставшая рядом с ней, успела поймать девушку за руку, когда воспользовавшись внезапной передышкой, Чунмин хотела бросится защищать того, кто первым попадет под удар.

- Она мне ничего не сказала... - выдохнул Уильям, обращаясь словно сам к себе.

- Знаешь, Уильям, - тон капитана Воробья приобрел философско-насмешливый оттенок, - Красоткам иногда нужно немного понимания, сердечного тепла, тогда они с тобой откровенны, и не бросаются за борт.

---

⁵⁰ Кофель-нагель — деревянный или металлический стержень с рукоятью на верхнем конце, вставляемый в гнездо кофель-планки (деревянного или металлического бруса с отверстиями) для завёртывания на него снастей бегучего такелажа.

Обезьян Барбоссы запрыгал по такелажу, бешено вереща, словно подстрекая к продолжению распри.

- Не тебе меня учить, пират, - жестко оборвал Уильям, направив острие сабли в грудь Джеку, - Твоей сердечности вполне хватило на то, чтобы оставить ребенка, спасшего твою шкуру, в лапах редкостного мерзавца. Ты никогда не задумывался о том, что стало с ней?..

С этими словами Уильям кивнул на Чунмин, бившуюся в руках Далмы. Девушка на мгновение замерла и побледнела. Джек же, на секунду утратив всю свою притворную невозмутимость, взглянул на неё и в тот же момент Уильям выбил саблю из рук противника. Далее все произошло очень быстро. Проследив за полетом своего клинка, с выражением глубокой досады на лице, капитан Воробей остановился взглядом на поясе Рагетти, стоявшего неподалеку. Рванувшись к нему, Джек одним махом выхватил пистолет, заткнутый за пояс одноглазого недотёпы. Никто и ахнуть не успел, как пират нажал на курок, направив дуло почти в упор, в грудь Тёрнера-младшего.

Раздался щелчок, но выстрела не последовало. Не понимая как же так может быть, Джек уставился на пистолет.

- А я его и не заряжал... - совершенно некстати вставил реплику ошалевший Рагетти.

Уильям рванулся к Воробью, занеся саблю для последнего удара.

- Ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь, пират, - произнес он хладнокровно, - Все две секунды!

Чунмин появилась неизвестно откуда. Каким-то образом выкрутившись из рук чернокожей колдуньи, девушка отчаянно бросилась к дерущимся и, подбежав к Уиллу, схватилась рукой прямо за клинок его сабли. Сделав невероятное усилие, Уильям все же успел остановить руку, но острая сталь уже скользнула в её ладони. Все замерли. Еще не замечая боли, Чунмин крикнула:

- Не надо Вилиам! Смерть Ши Суэй не спасет вашу Элизабет!

Кровь капала на палубу сквозь её пальцы. Видя это, Джек судорожно сглотнул, Уильям тоже не отводил взгляда от её окровавленной руки.

- Птаха, - сказал Джек тихо, незаметно уходя из-под направления удара сабли, и взяв девушку за запястье, - Разожми руку. Только не торопись, вот так.

Чунмин медленно отпустила клинок, оставив на нем кровавый след. Уильям выдохнул. Приходя в себя, он чувствовал, как одним махом гнев отпустил его, а от напряжения тело трясет мелкая дрожь. Когда Чунмин разжала руку, Уильям отпустил саблю, и сделал шаг к девушке, надеясь узнать, как она. Но Джек, словно специально опередил его и, взглянув на ладонь Чунмин, тут же позвал Тиа Далму, которая, протиснувшись между Уиллом и Чунмин, окончательно оттеснила молодого человека в сторону. Шваркнув саблей об ножны, Уилл последний раз мрачно взглянул на Джека и Чунмин и удалился в сторону штормтрапа.

- Чертова девчонка, все испортила, - проворчал Барбосса. Рагетти обернулся к нему и с улыбкой протянул ладонь, не иначе рассчитывая на двадцать лан, но вместо выигрыша схлопотал подзатыльник.

- Что-то мы загостились, - протянул старый пират, обводя грозным взглядом, свою команду. Затем, обратившись к Джеку, он сказал – Пора и честь знать! Спасибо за гостеприимство, капитан Воробей.

Шутовски отвесив поклон, Барбосса приказал всем спускаться на «Калипсо».

***

По прошествии нескольких минут капитан Воробей стоял в разрушенной кают-компании⁵¹ «Черной Жемчужины» и настроение у него было скверное,

⁵¹ Кают-компания - общее помещение для командного состава судна, служащее столовой, местом собраний и отдыха. У Джека как у капитана должна быть своя каюта. Но, в связи с тем, что на пиратском судне Джек единственный «офицер» и один составляет весь командный состав, он вполне мог жить прямо в кают-компании. Его собственная каюта могла быть заперта или объединена с кают-компанией.

как никогда. Оцарапанная рука саднила от морской соли, которая проникала повсюду вместе с влажностью. Сбросив еще не высохший китель на поверхность стола, Джек окинул кислым взглядом это предполагаемое место ночлега. Когда-то добротный дубовый стол, служивший для разворачивания больших карт, теперь не внушал доверия по причине долгого пребывания в воде. Однако укладываться спать прямо на сырой палубе хотелось еще меньше. Как только визитеры с «Калипсо» убрались прочь, Билл отправился в кубрик⁵², как и положено матросу. Честно говоря, Джеку было все равно, как устроится его старый приятель, ему как утопленнику было проще.

Что же касается капитана Воробья, то его оживший организм был голоден, и громко напоминал об этом урчанием в желудке. Кроме того, Джек никак не мог избавиться от вопросов, которые теперь все время вертелись у него в голове и напрочь прогоняли сон. «Какого морского черта, они здесь делают?» - думал капитан, пытаясь определить причину, по которой собиравшийся, а потом передумавший его спасти Барбосса вдруг объявился в Грэт Санд. «Забавно, зачем Джонсу целая эскадра?» - задавался он вопросом, вспоминая об Элизабет. «Значит, Бекетт все же пустил в ход Сердце. Узнать бы, где он его прячет...», - прыгала его мысль к следующей проблеме. «Интересно, Барбосса специально не стал отгонять свою посудину, чтобы подействовать мне на нервы?» - на этой мысли поток неразрешимых вопросов внезапно прекратился, поскольку обоняние капитана Воробья уловило приятный запах камбуза, доносившийся со стороны «Калипсо». Гиббс явно уже состряпал ужин, Джек вспомнил приготавливаемые им кулинарные «изыски» и посочувствовал команде «Калипсо». Впрочем, сейчас бы он не отказался и от этой стряпни.

Сквозь гигантскую брешь в корме ветер предательски доносил ароматы чего-то съедобного и желудок капитана Воробья с еще более громким урчанием согласился с хозяином, что без бутылки хорошего рома во всех сложностях ему не разобраться. Кроме того, порезанная рука начинала ныть все больше и потому, во имя спасения от гангрены и голода, капитан Воробей поднялся на палубу и, перегнувшись через планшир, взглянул вниз. Джонка стояла очень удобно, почти упершись в борт «Черной Жемчужины» грот-реем. На палубе никого не было видно, лишь сквозь решетку палубного люка еще пробивался свет, и доносились голоса. Дождавшись, когда по его расчетам команда «Калипсо» уgomонится и отправится на боковую, Джек начал спускаться по бортовому трапу, приближаясь к грот-рею джонки.

***

Тем временем, осмотрев рану и решив, что промывания и смазывания мазью вполне достаточно для выздоровления, Тиа Далма накладывала повязку на раненую руку Чунмин, что-то бормоча себе под нос. Ведьма заматывала ранение, не особо нежничая и временами Чунмин морщилась от боли. Наконец, закончив, Тиа испытующе посмотрела на девушку, а затем зажала её раненую ладонь в своих руках и на секунду закрыла глаза.

- Не больно теперь? - неожиданно ласково спросила ведьма.

Чунмин кивнула, и ответила удивленным взглядом. Боль в порезе действительно словно угасла, однако вид у помогающей ей женщины был совершенно не сочувствующий. Прищурившись, Тиа Далма рассматривала Чунмин так, словно видела её впервые. Черные глаза колдуньи как будто заглядывали в самую душу, это был тяжелый и пугающий взгляд, но Чунмин не отвела глаз. Довольно улыбнувшись, Далма проворковала:

- Ты сильная.

- Я вижу твою судьбу, - сказала Тиа, отпуская ладонь Чунмин, - Она не простая. Сделать то, на что отважилась ты, может только человек способный многое пережить. Таких людей ждет большое будущее. Хочешь, я расскажу тебе о нём, а?

---

⁵² Кубрик - жилое помещение для команды на военных кораблях и гражданских судах.

Не дожидаясь ответа, Тиа Далма взяла правую руку Чунмин и взглянула на её ладонь. Помолчав некоторое время, Тиа пристально рассматривала линии на ладони девушки, водила по ним пальцем, хмурила брови, и хитро усмехалась. Наконец, снова взглянув на девушку, ведьма произнесла:

- Я вижу, на твоём пути было много страданий, и линии на твоей ладони говорят мне, что у тебя печальная судьба.

На лице Чунмин отразилось недоверие, но руку она не отняла, и, воспользовавшись этим, Тиа Далма продолжала:

- Верить мне или нет дело твое. Я расскажу тебе о прошлом, и ты сама увидишь, лгу я или нет.

Не дожидаясь ответа, Тиа снова взглянула на ладонь Чунмин и начала задумчиво рассказывать «о прошлом».

- Я вижу предательство, - говорила ведьма задумчиво, - человек, который был тебе дорог, однажды предал тебя, он вызвал гнев другого человека, и с тобой случилось несчастье?

Опять на мгновение взглянув в глаза Чунмин, ведьма прочла в них, что эффект произведен и девушка готова её слушать дальше.

- Мужчины, верно? - продолжила Тиа Далма вкрадчиво. Чунмин молчала. Едва заметно улыбнувшись, Тиа вновь нахмурилась и провозгласила:

- Один покинул тебя, а другой надругался. Ты приносишь победу и удачу мужчинам, но они ничего не отдают тебе взамен. И все же, твое сердце тронуло тепло. Это хорошо!

Улыбнувшись вновь, Тиа Далма взглянула на Чунмин и, заметив румянец смущения у неё на щеках, перешла к главной части «предсказания».

- Но, увы! - покачала она разочарованно головой, - Я не вижу в твоей жизни счастья.

- Тот, кому ты готова отдать свое сердце, покинет тебя, - заговорила ведьма твердо, - Из-за другой женщины. Его будет влечь более могущественная сила, неотвратимая и соблазнительная как приворотное зелье. Твои надежды разрушаться, если ты не избавишься от этого чувства. Иначе ты не сможешь уйти, ты сама не захочешь, и станешь его вещью...

Чунмин вырвала руку и отступила на шаг:

- Ты говоришь страшные слова, - сказала девушка, изумленно глядя на Далму, - Но меня уже трудно напугать. Я не верю тебе...

- Не веришь, или не хочешь верить? - промурлыкала вновь Далма.

Чунмин не ответила и вышла из каюты, она должна была найти Уилла.

«Что же, Вильям» - думала довольная ведьма, глядя, как захлопнулась дверь за Чунмин, - «Вы оба будете принадлежать мне. Предсказания всегда получались у Тиа Далмы, особенно, когда она знает, что нужно говорить». «Откуда ты меня знаешь?» - припомнила ведьма удивленный вопрос, заданный Уиллом при их первой встрече. «Ах, Вильям», - подумала Тиа, и коварная улыбка озарила её лицо, - «Ты так похож на своего отца».

Вытащив из-за корсажа маленький флакончик темного стекла, наполненный мелким порошком, Далма с удовольствием вертела его в руках и предавалась своим мыслям. Она была довольна разыгранным представлением. Отправив однажды Чунмин делать перевязку в каюту Уилла Тёрнера Тиа Далма не пожалела об этом. То, что она смогла подслушать тогда под дверью, оказалось очень полезным. Убедившись в тот раз, что Уильям равнодушен к Чунмин, Далма хотела узнать насколько девушка готова ответить ему взаимностью. И сегодняшнее представление дало ей понять, что девчонка уже слишком привязана к молодому Тёрнеру и не сможет оставить его. А значит, когда Тиа Далма завладеет душой Уилла, Чунмин легко можно будет использовать как талисман и она снова станет «счастливым зверьком», но на сей раз для Уильяма Тёрнера.

«Ты будешь принадлежать мне, Вильям», - улыбаясь, размышляла Тиа Далма, - «Ты станешь моим и душой, и телом, и удача этой девушки тоже будет принадлежать мне. Сила вашей любви станет силой Тиа Далмы».

Обдумывая все это, Далма не переставала рассматривать темный флакончик, чувствуя, что держит в руках жизнь и счастье двух людей, зависящие от этой маленькой склянки.

***

Когда Джек уже спускался по снастям паруса, из кают «Калипсо» вышла Чунмин. Взглянув на перевязанную руку, девушка вздохнула, взволнованно обвела взглядом палубу джонки и, не заметив скрытого парусом Джека, отправилась на корму. Соскочив на палубу почти бесшумно, капитан Воробей, крадучись и озираясь, направился к палубному люку. Если обоняние его не подводило, камбуз был где-то в той стороне. Джек чувствовал себя совершенно как дома, будучи уверен, что если Гиббс его и застанет «в гостях», то не станет поднимать шума. В конце концов, боцман мог бы и сам сообразить, что живому человеку нужно питаться и подкинуть своему бывшему капитану по старой дружбе что-нибудь на разживу.

Приблизившись к решетке, Джек заметил в темноте нижней палубы мельтешение, а через секунду раздались знакомые голоса. Судя по всему, Пинтел и Рагетти снова навестили камбуз внеурочное время, воспользовавшись крепким сном Гиббса после очередного возлияния.

- Господи прости, больше не буду! Пинтел, за воровство полагается прогон через строй⁵³! – причитал в темноте знакомый совестливый голос Рагетти.

- Какой еще строй, кретин! – прервал его Пинтел, – Тут команды то, раз-два и обчелся, если только Барбосса лично снизойдет до наказания твоей шкуры!

- Это его шаги? – не унимался Рагетти, позвякивая чем-то стеклянным.

- Тихо, болван, – огрызнулся Пинтел, – Может и не заметит!

Выслушав эти излияния, Джек усмехнулся и как можно тяжелее затопал по палубе, подражая походке Барбоссы. На нижней палубе нервно притихли. Для пущей убедительности нужно было завершить образ и, обведя взглядом такелаж, капитан Воробей с улыбкой заметил того, кого искал. Обезьянка Барбоссы с интересом наблюдала за действиями ненавистного тезки, сидя на рангоуте. Не долго думая, Джек скорчил ей рожу, на что обезьяна тут же ответила возмущенным криком. Перемахнув в несколько прыжков с рея на палубу, она рванула по направлению к каютам, громко вереща.

- Ябеда, – удовлетворенно комментировал в полголоса Джек. На нижней палубе двое воришек побежали по направлению к кубрику, бросив по дороге что-то стеклянное. Дождавшись, когда их топот затихнет, капитан Воробей отодвинул палубную решетку и спрыгнул внутрь.

***

Уильям стоял на капитанском мостике «Калипсо» и смотрел на волны спящей бухты, за его спиной, покачиваясь, над джонкой нависала «Черная Жемчужина». Уилл пришел сюда сразу после возвращения с «Жемчужины», чтобы в одиночестве осмыслить то, что он так неожиданно узнал. Мысль о том, что Элизабет убила Джека, казалась еще более нереальной, чем предположение, что она его любила. То, что Уильям так долго расценивал как просьбу или как награду, оказалось коварным отвлекающим маневром, и такой бабник как Джек, конечно, не мог на него не попасться. Все это означало, что Элизабет просто спасала себя, Уилла и команду, а её стремление вернуть к жизни капитана Воробья, было вызвано чувством вины. И надо отдать должное, Элизабет смогла спасти того, кого отправила на смерть.

Осмыслив все это, Уильям понял, насколько сильно он мог заблуждаться все это время. «Что если она все же любит меня?» – подумал молодой человек, и это предположение показалось ему громом среди ясного неба. В своих сомнениях и подозрениях он настолько уверился в её измене, что теперь пришел в ужас от того насколько мог быть несправедлив. Он так долго добивался расположения Элизабет, она согласилась стать его женой, и вот теперь мысль о том, что его чувство взаимно, вызывает не радость, а

---

⁵³ Прогон через строй – вид наказания, когда виновного заставляют проходить между двумя шеренгами матросов вооруженных розгами. Длина строя могла варьироваться.

растерянность. Уилл ощущал внутри себя какую-то пустоту. Ему казалось, что все это время он любил совсем другую девушку, которая не могла так хладнокровно совершить то, что сделала Элизабет. Как ни старался Уильям, он не мог понять такого поступка. «Уж лучше бы она его действительно любила», - подумал он, - «Это было бы больнее, но понятнее».

Тем не менее, каковы бы ни были теперь его чувства, Уилл осознавал, что его долг помочь ей, ведь он и Элизабет по-прежнему обручены. Он обязан был вырвать её из лап Дейви Джонса как честный человек и хотя бы из чувства благодарности. Если Джек Воробей смог выбраться из Прорвы и выторговать у морского дьявола свою жизнь, значит Элизабет тоже можно спасти и вернуть к жизни. Она вернется, все наладится, они смогут наконец-то пожениться, как и собирались, и... он потеряет Чунмин навсегда.

- Может быть, я не должна вмешиваться, - раздался вдруг знакомый голос у него за спиной, - Но иногда грусть, разделенная на двоих, становится вдвое меньше.

Уилл обернулся, сердце гулко забилося в груди. Она словно материализовалась из его мыслей. Не решаясь подойти ближе и нарушить невидимую границу отчуждения, Чунмин стояла в нескольких шагах от него, и смотрела приветливо и чуть печально. Заметив повязку на её руке, Уильям спросил:

- Зачем ты сделала это? Ведь ты пострадала из-за него. Он тебя предал.

- Да, - согласилась Чунмин. Ободренная его вопросом, она подошла ближе.

- Возможно, вы правы, - продолжила девушка, задумчиво взглянув в лицо Уиллу, - И все же я не виню Ши Суэй. Ведь он спас меня, и возненавидеть его, значит возненавидеть все хорошее, что было в моей жизни. Я просто не смогла бы жить дальше.

Уильям не мог не признать, что по-своему она права, и возразить ей нечего. Он молчал, а девушка заговорила снова:

- Теперь, я думаю, что я и должна была остаться, - сказала Чунмин, переведя взгляд на волны за бортом, - Ведь Ши Суэй и есть тот друг, которого вы хотели спасти из Хей Мин?

Уильям кивнул. А ведь и правда, именно Чунмин вывела Элизабет с джонки Фенга и помогла им завладеть картой. Кто знает, смогли бы они осуществить свой дерзкий замысел, если бы не её помощь. Кроме того, если бы Чунмин не осталась тогда в Сингапуре, они никогда бы не встретились. Поймав её взгляд, Уилл подумал, что сейчас она думает о том же. Хотя, скорее всего, ему просто хотелось, чтобы так было.

- Элизабет была для меня всем, - сказал устало Уильям, облокотившись о планшир фальшборта, - Моей жизнью, моей мечтой. Я всегда знал, для кого живу, и что мне делать. Но теперь все иначе. Два года назад я знал совсем другую Элизабет, теперь мне кажется, что я не знаю её вовсе...

Уильям рассказал Чунмин все, что с ними произошло во время их скитаний и приключений. Об аресте прямо на свадьбе; о Дейви Джонсе; о том, как они пытались завладеть сердцем морского дьявола, чтобы спастись; о затоплении «Черной Жемчужины» Кракеном. Наконец Уилл упомянул и то, о чем он так и не успел поговорить с Элизабет:

- Я видел их вдвоем, у того злополучного шпиля, и не мог понять, за что она так поступила со мной. Я считал, что она предала меня, - сказал он жестко, - а оказалось, она просто хотела спасти всех нас...

- И за этот поцелуй Джек заплатил жизнью, - добавил Уилл с мрачной усмешкой. Чунмин слушала его, не решаясь, что-нибудь сказать.

Рассказывая об их решении плыть в Сингапур и путешествии, о твердости, которую проявила Элизабет в этом плавании, Уильям понимал, что, в сущности, она всегда была другой. В отличие от него, она почти любила эту странную и вольную жизнь. Паруса и мачты. Это было очевидно, но он день за днем не замечал этого, все еще надеясь на что-то, все еще прячась от себя.

Чунмин присела рядом с Уиллом на планшире и внимательно выслушивала каждое его слово. Небо начинало уже светлеть у горизонта, когда

рассказ Уильяма был окончен. На некоторое время все охватила тишина, нарушаемая лишь плеском воды, да поскрипыванием корпусов «Калипсо» и «Черной Жемчужины», которые мирно спали под боком друг у друга и покачивались на волнах. Вдруг Чунмин взяла руку Уильяма в свои ладони и сказала:

- Не вини невесту, Вилиам, слушай то, что говорит твое сердце, а не обида, - она улыбнулась. Впервые за все время их путешествия она обратилась к нему так доверительно, на «ты».

- Спасибо тебе за твою доброту, - сказал он ей, наконец, и осмелился погладить её по щеке. Пожалуй, если бы не эта маленькая хрупкая девочка ему было бы сейчас намного хуже.

Девушка опустила глаза, слова словно вырвались сами:

- У меня ведь нет никого ближе, Вилиам. Ты мне очень дорог...

Осознав, что сказала, Чунмин, вскочила с планшира и хотела убежать, но Уилл успел поймать её за руку. Взглянув на неё с надеждой и изумлением, он ответил:

- Пожалуйста, не уходи сейчас! Ты мне так нужна...

Не пытаясь больше сбежать, девушка позволила ему обнять себя. Она склонилась головой на его плечо, и Уильям понимал, он ни за что не сможет её оставить. Чтобы не решила судьба, он должен позаботиться об этой девушке. Он сделает всё, чтобы жизнь Чунмин больше не омрачалась негодьями вроде Фенга. Возможно, когда все их перипетии закончатся, ему удастся уговорить будущего тестя, дать девушке место горничной в губернаторском доме. «Она привыкнет к новой жизни, встретит хорошего человека, полюбит его, выйдет замуж... и все это будет происходить на моих глазах», - думал Уилл. В душе его словно что-то перевернулось. Молодой человек осознал вдруг – он не сможет с этим смириться. Чунмин была нужна ему самому, и отдавать её другому он не хотел.

- Что с тобой? – удивилась Чунмин его резко помрачневшему виду.

Уильям смотрел на неё и боролся сам с собой. Да, Элизабет вернется, она станет его женой, как он и обещал, но сейчас её еще не было в мире живых. Уильям понимал, что не должен так поступать, что это не честно, и даже как-то по-пиратски. Но так же он понимал, что если сейчас упустит этот момент, то будет сожалеть о нём всю жизнь. Уильям погладил Чунмин по волосам.

- Прости меня, птаха, - прошептал Уилл, неожиданно для себя назвав её так же, как Джек. Уже предугадав его намерение, она затрепетала, чувствуя, как сердце колотится, словно бешеное. И все же Чунмин взглянула в его глаза, желая ощутить чувство, которое ей никогда не доводилось испытывать прежде. Уильям поцеловал её нежно, почти осторожно. Замерев в его объятиях, Чунмин впервые осознавала, что, значит, поцелуй любимого человека.

Глава 11. На службе его величества

- Утопленник-Билл!

- Билл-Прихлоп!

Вопли Пинтела и Рагетти разрывали тишину, отзываясь в не проспавшейся голове Джека похмельной болью. Поморщившись, капитан Воробей открыл один глаз. Перед его носом стояла бутылка-луковица, в которой еще оставалось немного содержимого. Как раз чтобы хватило на лечение мигрени.

Вчерашний продовольственный набег Джека оказался весьма удачным. Во-первых, его никто не заметил, во-вторых, Пинтел и Рагетти оказали ему неоценимую услугу, реквизирав пару бутылок рома из винного погреба и бросив их на дороге во время бегства от «Барбоссы». Прихватив этот трофей, Джек навестил камбуз и разжился там отличным куском солонины под храп дрыхнувшего Гиббса. Затем капитан Воробей совершенно беспрепятственно вернулся на «Жемчужину», где и отметил свой победоносный поход скромным ужином в обществе самого себя. Приговорив почти две бутылки алкоголя, Джек вскоре согрелся, избавился от навязчивых вопросов, мельтешивших в голове, и

уснул на столе, свернувшись калачиком на собственном кителе. Судя по качеству похмельного синдрома, ром оказался забористым. Джек принял вертикальное положение, с удивлением услышав грохот разбившейся на полу бутылки, которую он неосознанно прижимал во сне к груди.

С палубы доносилось бормотание, видимо пиратам удалось докричаться до Тёрнера-старшего, и тот выполз наверх узнать, что им нужно:

- Соблаговоли доложить своему капитану, - велеречиво произнес Рагетти, - О том, что капитан Барбосса приглашает его сегодня отобедать на «Калипсо»!

Джек мотнул головой и, поморщившись от звона в ушах, осушил недопитую бутылку с ромом.

Билл появился в дверях, отметив про себя, что вид у ожившего капитана был не важный. Джек сидел на столе, ссутулившись, и с выражением глубокой задумчивости прикладывал прохладную бутылку ко лбу. Сапоги его почему-то были сняты и стояли под столом, привалившись друг к другу мягкими голенищами.

- Джек, капитан Барбосса... - начал Билл.

- Я слышал, - сказал капитан Воробей задумчиво, - Что же, пожалуй, не стоит отказываться от приглашения к обеду. Особенно когда есть возможность сократить, таким образом, запасы неприятеля.

Размышляя так, Джек ступил на пол, и изображение окружающего интерьера шатнулось его в глазах. Приняв устойчивое положение, капитан направился искать свои сапоги. Поскольку на «Черной Жемчужине» не было ни рома, ни провизии, капитан Воробей отправился на «Калипсо» несмотря на убеждение, что на корабле врага выпивка горька. Впрочем, вздохнув, Джек утешился тем, что собрался отплатить Барбоссе черной неблагодарностью. А именно, не удостоить старого недруга ответным приглашением на «Жемчужину».

Когда полуденные склянки⁵⁴ отбили восемь раз, капитан Джек Воробей в сопровождении Прихлопа-Билла вступил на палубу «Калипсо». Утро выдалось не самым приятным, но вид у капитана «Черной Жемчужины» оставался неунывающим. Все такой же живописно потрепанный, но ни в коем случае не жалкий он горделиво вышагивал следом за Пинтелом и беспокоился лишь о том, чтобы предательское урчание в животе не достигло ушей Барбоссы.

Капитан «Калипсо» восседал в бывшей каюте Сяо Фенга во главе импровизированного стола, составленного из нескольких ящиков положенных друг на друга. Видимо для парадности, ящики эти были застланы цветастой и достаточно засаленной шалью⁵⁵, заменившей скатерть. Деревянные миски с каким-то дымящимся варевом и глиняные кружки с ромом хаотично перемешивались с фруктами вокруг тушки зажаренной птицы, возлежащей на золотом блюде из коллекции Сяо Фенга. Джек заметил, что помимо его и Прихлопа на званном обеде будет присутствовать вся команда «Калипсо», включая Пинтела и Рагетти. Странное чувство охватило капитана Воробья при взгляде на знакомые физиономии Коттона, Гиббса, и двух недотеп, доставшихся ему в наследство от Барбоссы. Судя по рассказу Элизабет, это были те самые люди, которые бескорыстно пожелали отправиться на Край Света, чтобы спасти его. Но коварство Барбоссы изменило первоначальный план, и возможно теперь бывшая команда капитана Воробья была по другую сторону баррикады. Расположившись на сундуках и ящиках вокруг «стола», несостоявшиеся спасители налегали на похлебку и ром. Обед был в разгаре.

Тиа Далма обносила собравшихся в капитанской каюте «средством от усталости и печали». Пройдя к показавшимся в дверях гостям, ведьма

⁵⁴ Склянки - морские песочные часы. В старину на судах были получасовые склянки вместо часов, отсюда выражение "склянки бить", то есть бить в колокол или рынду каждые полчаса, так что склянкой называют получас. Каждый час обозначается двойным ударом (в оба края колокола), полчаса одиночным. Восемь склянок значит: полдень, полночь, четыре часа или восемь часов.

⁵⁵ Шаль - большой платок, изготовлявшийся в Тибете и Индии из шерсти кашмирских коз; привозились в Европу.

лучезарно улыбнулась Джеку, показав зачерненные зубы, и протянула капитану кружку с ромом. Темнокожая колдунья выглядела как кошка, выжидающая у норки мыш. «Тиа Далма в своей любимой роли», - подумал Джек, наблюдая, каким взглядом одарила ведьма Уилла Тёрнера, пройдя мимо него. Однако Тёрнер-младший, старательно не замечая её кокетства, стоял у переборки, погруженный в свои мысли. Ссадина на его щеке, видимо уже подлеченная «сердобольной» Далмой, напомнила Джеку о его, еще болевшей царапине, которую ему пришлось залить ромом и замотать обрывком кушака. Несмотря на то, что Тёрнер выглядел усталым и не выспавшимся, вид у него был слишком решительный. И это значило, что в предстоящем разговоре он собирается сказать кое-что и от себя.

Уилл стоял рядом с Чунмин. Она сонно тёрла глаза и всякий раз, когда Уильям склонялся к столу, девушка старалась не смотреть на него, заметно смущаясь и усиленно скрывая улыбку. Наблюдая эту картину, Джек усмехнулся про себя и подумал: «Ого! А евнух-то оказывается совсем не евнух. Молодец, птаха!». Мысль эта подействовала на него весьма ободряюще. Барбосса между тем жестом пригласил гостей к столу. Затем он поднял свою кружку и тоном «да будет земля ему пухом» провозгласил:

- За здоровье капитана Воробья!

Джек ответил невозмутимо:

- За тех, кого не принимают даже в ад!

Барбосса хмыкнул, и быстро осушив кружки, капитаны разом грохнули ими об стол. Решив, что приветствие прошло вполне миролюбиво, Джек подсел к обедающим, намереваясь уделить должное внимание жареной птице и бутылкам с ромом, и совершенно не замечая, что Прихлоп не благотворно влияет на аппетит присутствующих. Смерив Билла перепуганным взглядом, Рагетти сглотнул, а затем поставил поднятую было кружку на место. «Хорошо, что сегодня не рыбная похлёбка», - пробормотал он чуть слышно и более толстокожий Пинтел едва не подавился бананом. Барбоссу же вид Прихлопа несколько не смущал, жадно вдохнув аромат зеленого яблока, старый пират, смачно хрупнув, откусил огромный кусок.

- Итак, - заметил капитан Барбосса, продолжая жевать, - раз уж судьба распорядилась, что все мы были в некотором отдалении от родных краёв, я думаю, всем нам интересно узнать, что здесь произошло пока нас не было. Пожалуй, капитан Воробей вы не будете возражать, если ваш... помощник... расскажет нам последние новости?

Джек, конечно, был непротив. Ему самому со вчерашнего вечера не терпелось расспросить Прихлопа о том, что происходило в Карибском море, за время пока он и Элизабет брели по Чёртовой Прорве. Однако внезапное появление «Калипсо» нарушило его планы. Окинув хитрым взглядом присутствующих, капитан Воробей кивнул, понимая впрочем, что желание услышать о последних событиях не единственная причина внезапного гостеприимства Барбоссы.

Прихлоп смотрел исподлобья, явно чувствуя себя ярмарочным уродцем. Пинтел с отсутствующим видом разбалтывал ром, глядя на дно своей кружки. Рагетти тщательно протирал свой деревянный глаз. Остальные же нашли мужество взглянуть на изуродованного морем пирата.

- Отец, - обратился к нему Уилл, - ведь ты ходил в море с Джонсом, ты должен знать, что сейчас происходит. У кого сейчас его Сердце?

Джек выжидающе смотрел на своего друга. Где, а вернее у кого, сейчас находится Сердце Дейви Джонса он догадывался и сам, но услышать от очевидца событий, как именно Каттлер Бекетт подловил капитана Летучего Голландца на крючок, было весьма интересно.

- Тот человек, - начал Билл, - встретил нас у коралловых рифов. Капитан Джонс поднял «Голландец», чтобы забрать грешные души с корабля, севшего на мель. Это было судно Ост-Индийской Торговой Компании. Я и сейчас помню их флаг и огромную брешь в борту. Сразу же отправиться на дно им не дал только риф, который они зацепили носом. Волны качали обломки и трупы, а те, кто выжил на корабле, проклинали небо, землю, и себя. Джонс

приказал доставить тех, кто уцелел, и тут мы услышали чей-то торжествующий голос, сквозь ночь и грозу кто-то крикнул: «Дейви Джонс! Твое Сердце здесь!» За разбитым кораблем дрейфовал другой, трехмачтовик, он был огромный, похожий на линкор. Потушенные под покровом ночи и дождя огни не позволили нам сразу заметить его. Теперь же его матросы зажигали факелы и кормовые фонари. Корабль стоял, развернувшись к нам правым бортом и направив на нас свои пушки. Я видел, что Джонс нахмурился и приказал команде остановиться. Между тем, выжившие на разбитом судне бросились к левому борту своей накренившейся посуды. Они кричали. Разное. Кто-то просил о помощи, умолял не бросать их, кто-то посылал проклятия лорду Бекетту и Норрингтону.

- Чтобы вызвать Джонса, Бекетт приказал расстрелять свой же корабль, принадлежавший Торговой Компании? – предположил пораженный Уильям.

- Видимо так и было, – подтвердил Билл его догадку, – Джонс отправился на переговоры. Один. Я не знаю, о чем он говорил с тем, кого ты назвал Бекеттом, но он видимо заставил Джонса заключить с ним что-то вроде договора. Наш капитан был в ярости, когда вернулся на «Голландец». Команде расстрелянного брига Торговой Компании Бекетт не стал помогать, он отдал всех Дейви Джонсу, но никому из них капитан даже не предложил идти на службу. Их просто перебили.

Пиратам не было жаль матросов британского флота, Тиа Далма усиленно сдерживала улыбку, и Билл заметил что, пожалуй, только девушка-китаянка, сидевшая рядом с Уиллом, была под впечатлением от услышанного.

- О чем Бекетт просил Джонса? – снова нетерпеливо встрял Уилл. Барбосса поморщился, инициатива, постоянно проявляемая Тёрнером-младшим, явно действовала ему на нервы.

- С тех пор, мы словно поступили на службу его королевского величества. Мы топили корабли, – ответил Прихлоп, – Все, на какие нам указывали. Это были не только пиратские корабли. Теперь каждый, кто хочет беспрепятственно ходить по Карибскому морю должен негласно платить дань в казну губернатора Ямайки. Это касается даже Берегового братства. Видимо уничтожение пиратов под корень не входило в планы лорда Бекетта. Грабежи торговых судов происходят, и по сей день, как прежде. И только суда Торговой Компании ходят во всех направлениях без опаски, их трогать запрещено. Так же как и все остальные, пираты должны выплачивать Бекетту дань – часть от добычи.

- Это же эксплуататорство! – воскликнул Рагетти. Пинтел поспешно закивал и впервые в жизни с уважением посмотрел на тощего друга. Определенно, поступки Бекетта оскорбляли их самые лучшие чувства.

- Братство платит негодяю Бекетту! Уму не постижимо! – возмутился Гиббс, – Да где же справедливость в этом мире?! И никто до сих пор не прикончил этого подлого пирата?

Билл грустно улыбнулся и продолжил:

- Конечно, по началу было много недовольных. Но Дейви Джонсу вместе с Кракеном очень быстро удалось сломить сопротивление.

- Но как лорд Бекетт может контролировать Джонса? – спросил мистер Гиббс, – Он что, поселился на «Летучем Голландце»?

- У лорда Бекетта на море есть посредник, – ответил Билл, – Все приказы он отдает через Норрингтона. Он же собирает дань и топит суда вместе с Джонсом. Потом обо всем происходящем коммодор сообщает лорду. Джонс не трогает Норрингтона по уговору, что если от него не придет известия хотя бы день, Бекетт пронзит сердце.

- Да, – протянул Барбосса, прищурившись, – думаю, за эти полтора года кое-кто очень хорошо погрел руки.

- Джонс и сейчас скрипит зубами от злости, – продолжал Прихлоп-Билл, – А в день, когда Бекетт подцепил его на крючок, наш капитан извергал такие проклятия, что рыбы расплывались в страхе прочь. Сам Бекетт, как я слышал, стал губернатором Ямайки. Он все время сидит на суше в Порт-Ройале и не выходит в море.

- Весьма предусмотрительно, - тихо прокомментировал Джек, отпивая ром из кружки и мрачно о чем-то раздумывая.

- Что!? – возмущенно воскликнул Уилл. Джек обернулся к нему, приподняв бровь.

- Лорд Бекетт теперь губернатор? – все еще не верил Уильям.

- Да, - подтвердил его отец, - Так правительство отметило его заслуги. Ведь пираты не трогают суда Ост-Индийской Компании. Да и вообще... пиратство чахнет.

В каюте воцарилось почти поминальное молчание.

- А что стало с губернатором Своном? – наконец снова спросил Уильям.

- К сожалению, этого я не знаю, сынок, - ответил Прихлоп, взглянув на него. Это прозвучало так трогательно и неуместно, Барбосса хмыкнул, Далма улыбнулась, а Уилл покраснел.

- Что же, - жизнерадостно подытожил капитан Воробей, - Исходя из твоего рассказа Билл, всех нас ждет гостеприимная встреча! А теперь, джентльмены и леди, раз вы утолили свое любопытство, настал и ваш черед рассказать кое-что старине Джеку. Как говорят: дашь на дашь. Судя по вашим удивленным физиономиям вчера, вы шли к этому острову совсем не за тем, чтобы оказать дружескую помощь мне, так ведь?

Произнеся эту речь, Джек обвел внимательным взглядом свою бывшую команду, и кое-кто из присутствующих начал не менее внимательно рассматривать пол.

- Ты прав, и не прав, Джек Воробей, - ответила ему Тиа Далма, взяв инициативу в свои руки, - Твои люди пришли ко мне, и они были убиты горем.

Выражая всем своим видом самую серьезность, Тиа продолжала:

- Я предвидела, что это случится. Злые люди завладели Сердцем морского дьявола, и с тех пор нам всем грозила и грозит опасность, Джек. Да, мы отправились, чтобы спасти тебя. Но спасти тебя мы могли только одним способом – добыв Сердце Дейви Джонса.

От Джека не укрылось, что при этих словах Уилл удивленно приподнял бровь. Несомненно, то, что молодой человек слышал изначально, отличалось от того, что говорила Далма сейчас. Впрочем, благодаря мисс Свон Джек прекрасно знал детали первоначального плана. И конечно его не могло не заинтересовать, отчего Уильям Тёрнер при всей своей патологической честности не уличил колдунью во лжи и промолчал. Барбосса, как и следовало ожидать, не высказывал к излагаемой версии никаких нареканий и выражал полное согласие с Тиа Далмой. Желая узнать замыслы противников, Джек продолжал слушать её рассказ:

- Вернув Джонсу то, чего он лишился, мы вернули бы не только тебя, Джек, но и покой всему океану. Однако судьба оказалась благосклонна к тебе вновь. И теперь мы должны лишь обезопасить всех нас...

- Освободить Элизабет... и тебя, отец, - добавил Уильям, - Джек, я думаю, ты...

К чему он клонит, было понятно, и капитан Воробей, тут же перешел «в наступление».

- Такая забота обо мне и судьбах Карибского моря! - произнес Джек как можно проникновеннее, - Я тронут, правда. Однако если ты, Уильям, хочешь спасти свою ненаглядную зазнобу, а заодно с ней и весь мир от несправедливости, преодолеть все преграды и повести наконец-то красотку к алтарю, то...

- Знаю, - сухо прервал его Уилл, с усмешкой, - то, ты мне не помощник, тебя ведь интересует нажива? Не так ли?

- Совершенно верно, мой друг, - не растерялся Джек, расплываясь в улыбке, - Я вижу, ты начинаешь усваивать концепцию.

- У меня есть, что тебе предложить, - успокоительно парировал Уильям.

- Да? – изумился капитан Воробей, уже начиная находить эту игру интересной, - И что же это? Надеюсь, оно дорого стоит?

Барбосса с интересом наблюдал за их словесной дуэлью, не переставая обгрызать уже второе яблоко.

- Не сомневайся, Джек, ведь речь о твоей драгоценной свободе... - сказал Уильям едва ли не с презрением, выделив слово «драгоценной».

Заинтригованный по самую треуголку Джек, слушал его с совершенно искренним вниманием, ожидая узнать, что же на сей раз придумал неугомонный Уильям.

- Ты снова влез в долги, Джек, верно? - продолжал молодой человек, - Или Джонс отпустил тебя совершенно бескорыстно?

«Но ведь я капитан Джек Воробей», - хотелось ответить пирату и насладиться изумлением в глазах соперника. Фраза подходила к ситуации как никогда, и все же отчаянно сожалея о ней, Джек сдержался. Стратегия требовала сейчас промолчать. «Не хочу тебя огорчать, приятель», - подумал капитан, непроизвольно улыбнувшись, - «но ты не далек от истины, моя жизнь досталась мне совершенно даром. Хотя кое-какой должок у меня и имеется».

Расценив улыбку капитана как подтверждение своей догадки, Уильям продолжал совершенно серьезно:

- Послушай Джек, ты сможешь мне... нам... получить Сердце и избавишься от долга, подумай об этом.

«Да нет, приятель» - усмехнулся про себя капитан, - «Скорее уж ты сможешь мне». Убедившись в намерениях Уильяма, капитан Воробей готов был вступить с ним в соглашение, однако, кроме Тёрнера-младшего в деле участвовали другие, более коварные игроки, у которых (Джек не сомневался) были свои мотивы. И эти мотивы нужно было выяснить, хотя бы приблизительно.

- Что же Уильям, с тобой все понятно. Тебя ведет великая сила любви! - продекламировал Джек, картинно скривившись как от кислоты, замечая впрочем, что от этих слов Уилл помрачнел, а Чунмин опустила голову.

- Однако я так же был бы рад узнать, что же заставило самого капитана Барбоссу встать на путь истинный? Не ужели виды загробного мира так отвратили тебя от черных делишек, и ты решил стать праведником? - обратился Джек к своему вечному противнику, даже не скрывая издевательской ухмылки.

«Каналья!» - выругался мысленно Барбосса, стараясь сохранять внешнее хладнокровие.

«Я знал, что ты меня обожаешь» - ответил про себя Джек, прекрасно читая все эмоции по лицу старого пирата.

- Ты зришь в корень, приятель! - подтвердил Барбосса, стараясь выглядеть как можно невиннее, - Я пират, Джек, так же как и ты. И мне не по нутру когда некий законник берет с меня плату! Я хочу ходить по морю свободно, черт подери!

«И на моей Черной Жемчужине, не иначе» - подумал Джек.

«На *моей* Черной Жемчужине» - мысленно подтвердил Барбосса, а в слух добавил:

- В конце концов, ведь это твой подарок Тиа Далме помог мне вернуться из мира мертвых, так что я благодарен тебе Джек!

Воззрившись недоуменно на обезьяну, скакавшую на плече Барбоссы, капитан Воробей сморщил нос и, тихо выругавшись сквозь зубы, сказал:

- В таком случае, пожалуй, я выслушаю ваши соображения, джентльмены. У тебя не иначе уже есть план, Уильям?

- Есть, - ответил молодой человек скромно, но не без гордости, - Однако прежде чем отправится к Бекетту, мы должны обезвредить Кракена...

- Обезвредить Кракена! - восхитился Джек тоном, каким восхищаются поделкой любимого, но беспутного ребенка.

- Не иначе мистер Тёрнер возьмет зверушку Джонса на бордаж? - не удержался капитан Воробей от сарказма и, подмигнув, обратился к Барбоссе, - Да это будет зрелище, на которое захочется взглянуть... со стороны.

Отправив в окно огрызок, скептически настроенный Барбосса сделал знак Пинтелу и Рагетти, и те мигом начали убирать со стола кружки и миски, освобождая поверхность.

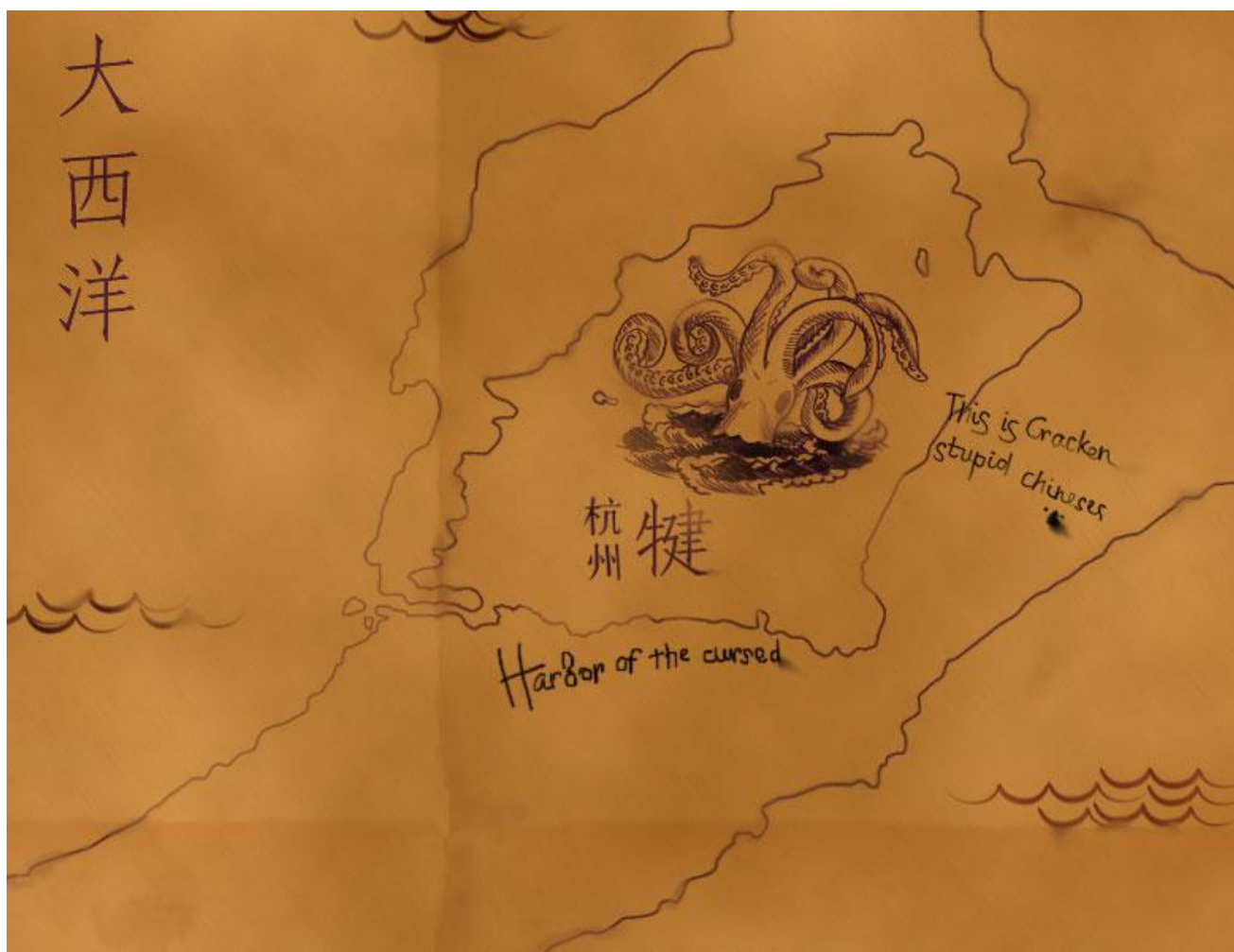
- Абордажа не потребуется, - ответил Уилл, с усмешкой, в тон Джеку, - А вот ваша помощь, капитан, придется очень кстати.

- Кстати, - подхватил Джек, - раз уж мы теперь снова заодно, хочу заметить, что Дейви Джонс ушел вчера с этого острова, прихватив с собой не только одну небезызвестную авантюристку, но и целую эскадру мертвецов. Собирались они явно не на пикник. Так что, думаю, зверушка скоро последует за своим хозяином.

- Что же, - ответил ему Уилл, оставаясь совершенно серьезным и наблюдая за потрепанным пергаментным свитком, разворачиваемым Барбоссой на освобожденном столе, - Тогда нам стоит поторопиться.

Глава 12. Охота на кальмара

Склеенная из множества кусков пергамента карта Фенга отображала весь мировой океан. Барбосса долго разворачивал многократно сложенный огромный лист, пока не отыскал место, на котором изображалось Саргассово море и Бермудский архипелаг. Разом, сгрудившись над столом, пираты с интересом глазели на пожелтевший пергамент. Потемневшими от времени чернилами на нём были обрисованы острова, нанесены надписи на разных языках. Тонкие китайские иероглифы, написанные рукой предыдущих владельцев, перекрывались корявым почерком самого Барбоссы. Пометки, рисунки и впечатляющее изображение гигантской твари с множеством щупалец, сплетающимися клубками. Рассматривая изображение Кракена, капитан Джек Воробей заключил, что сей «портрет» явно рисовался не с натуры и не по памяти. Не будучи лично знакомым со зверюгой, художник сильно ей польстил. Пираты хмурили лбы, рассматривая карту, и это говорило о том, что они теряются в догадках, и не понимают о чем пойдет речь.

- Итак, мистер Тёрнер, - обратился к Уиллу Барбосса, - Я надеюсь теперь, вы огласите наконец-то ваш гениальный план!

Пропустив мимо ушей эту колкость, Уильям невозмутимо начал:

- Судя по карте, Кракен обитает в этой гавани. Ханг Чжоу, Гавань Проклятых...

- Название мне уже не нравится, - тихо пробурчал Гиббс.

- Сообщается она с морем только одним тесным проходом между скал. Здесь, - Уильям указал на тонкую канавку пролива, - фарватер⁵⁶ узкий. Когда мы шли в Грэт Санд, я обратил внимание на расщелину в скалах. Это ведь и есть вход в Гавань Проклятых?

Обернувшись к Барбоссе, Уилл взглядом попросил подтверждения. Прищурившись, старый морской волк кивнул, и молодой человек продолжил:

- Судя по всему, в этой расщелине не очень глубоко. Мы нагрузим «Калипсо» камнями, и затопим на выходе из Ханг Чжоу. Кракен окажется запертым и не сможет прийти, когда Джонс призовет его.

В каюте повисло тягостное молчание. Пинтел и Рагетти, Коттон и Гиббс смотрели на Уилла с немим ужасом.

- Это лучшее, что мы можем сейчас сделать, - ответил молодой человек на их вопрошающие взгляды, - Я понимаю, что дело будет опасным для тех, кто пойдет в пролив на «Калипсо», потому я хотел, чтобы вы все присутствовали на этом совете и знали, что нам предстоит.

Его честность не произвела на команду ни малейшего впечатления. То, что он предлагал, не укладывалось в их головах, но смущало пиратов вовсе не предстоящая операция, а средство её исполнения. Додуматься до «убийства» корабля! Никто из них не был способен на это. Барбосса, также несколько ошарашенный заявлением Уильяма, сохранял невозмутимый вид, мысленно обозвав Тёрнера-младшего «сухопутным щенком». Прикинув что-то про себя, Джек нарушил молчание первым:

- Что же план не плох, - искренне сказал пират, - И, по всей видимости, для осуществления сего дерзкого замысла тебе нужны орудия «Черной Жемчужины», что отправят вашу скорлупку на дно, верно?

Достаточно было взглянуть в довольно-хитрую физиономию Джека, чтобы понять, насколько он непротив сделать это.

- Верно, - невозмутимо согласился Уильям.

- Да вы рехнулись мистер Тёрнер, если всерьез считаете, что я позволю Джеку Воробью утопить *мой* корабль! Пусть даже и такой! - искренне возмутился Барбосса, наконец, напомнив о себе.

- Это только корабль, - констатировал Уилл, и Джеку его тон неприятно напомнил аналогичную фразу, сказанную им самим и при других обстоятельствах.

- В мире достаточно других кораблей, - продолжил невозмутимо молодой человек, взглянув на Барбоссу, и тот внезапно ответил ухмылкой.

- А вот в этом вы правы, мистер Тёрнер, - согласился старый пират, обратившись взглядом к Джеку, а затем поднялся из-за стола и направился к корзине с бутылками рома. «Зараза!» - мысленно выругался капитан Воробей.

- Да, план не плох, - поспешил он вновь встрять в разговор, с наивной улыбкой, - однако, хочу уточнить один нюанс...

Барбосса хмыкнул, доставая бутылку из корзины, и зубами вытащил пробку из горлышка. Джек же вновь обратился к Уильяму с робкой надеждой в голосе:

- Ответь мне, Уилл, затопив вашу посудину, вы все собираетесь остаться здесь, навсегда? Меня терзают смутные подозрения...

- Джек, Джек, - дружески обратился к нему Барбосса, по отечески обнимая капитана Воробья за плечи. - Ты же не бросишь старых друзей, когда у тебя такой замечательный, просторный корабль? И кажется у тебя проблемы

---

⁵⁶ Фарватер - свободный от подводных и надводных опасностей проход для судов, огражденный знаками.

с командой?... Прихлоп конечно хороший моряк... был. Но даже стоя пятерых, он не заменит целую команду...

Выдавив дружескую улыбку, Джек, передернулся и, сбросив со своего плеча цепкую лапу Барбоссы, снова обратился к Уиллу:

- Знаешь, Уилл, я поторопился, - сказал капитан «Черной Жемчужины» - Мне не нравится твоя идея...

Остатки дня прошли в приготовлениях. Барбосса гонял Пинтела, Рагетти, Гиббса и Коттона. Провиант, ром, все более-менее ценное и полезное было перенесено с «Калипсо» на «Черную Жемчужину». Затем, чтобы утяжелить джонку, на её борт с берега втащили крупные валуны и корабль осел почти до шпигатов.

Джек и Уилл корпели над картой Сяо Фенга, пытаясь в споре определить истину – место, наиболее выгодное, для затопления джонки. Это вопрос был весьма важен, ведь от того насколько крепко «Калипсо» засядет на скалах, зависел весь успех предприятия. Вопрос о том, есть ли у Кракена другая лазейка из его логова, возник один раз. После минутного молчания и задумчивого рассматривания физиономий друг друга, Джек и Уилл совместно решили, что «скорее всего, другой лазейки нет».

Тиа Далма перебралась на «Черную Жемчужину» и разместилась вместе со всеми своими пожитками в пустом грузовом отсеке на нижней палубе, который видимо когда-то был чем-то вроде каюты для младших офицеров. Чунмин переселился вместе с ней, помогая колдунье перетаскивать её хлам и свои немногочисленные вещи. Кое-как устроив быт и распахав по углам кубрика шмотки, команда собралась на общий сбор на верхней палубе «Черной Жемчужины».

Первый же вопрос импровизированного военного совета напрашивался сам собой. Едва оказавшись снова на одном корабле, и Барбосса, и Джек начали бурно выяснять, кто именно отныне является капитаном их сборного экипажа. Но если Джеку и принадлежал корабль, по выражению старого пирата «загаженный до неприличия», то уступать права на скарб, доставленный с «Калипсо», Барбосса никак не собирался. Джек же, называя себя капитаном, был не против наложить лапу и на ценности, унаследованные от Сяо Фенга. Мнение команды тоже разделилось. Коттон и Гиббс приняли сторону своего бывшего капитана, а Пинтел и Рагетти явно поддерживали Барбоссу. Дело пахло массовой дракой, когда Уилл вмешался и развел спорщиков в разные стороны при помощи своей сабли. В результате всеми было принято то, что предложил Тёрнер-младший. Джек Воробей считался капитаном «Черной Жемчужины», и получал некоторую часть из сокровищ Сяо Фенга за помощь в охоте на Кракена и возвращении Сердца Дейви Джонса. Однако доля Джека должна была быть не больше чем у всех прочих, поскольку хоть он и считался сейчас капитаном, но к захвату сокровищ Сяо Фенга не имел никакого отношения. Барбосса отныне должен был считаться старшим помощником капитана Воробья. Вздыхнув, Джек согласился с этим предложением. Барбосса же конечно был не доволен, но почему-то тоже не стал длить спор, рассчитывая видимо отыгаться позже.

Разрешив, наконец, вопросы командного состава, пираты занялись непосредственным обсуждением деталей плана. Под угрозой отказа от участия в деле Джек потребовал, чтобы на «Черной Жемчужине» остались Прихлоп, Гиббс и Коттон. Соответственно в число героев с «Калипсо» должны были войти Уилл Тёрнер, сам Барбосса, Пинтел и Рагетти. Таким образом, команды количественно разделились бы поровну, исключая, конечно же, женщин.

Гиббс и Коттон были рады, что остаются на «Жемчужине», а Пинтел и Рагетти совсем не желали оказаться на «Калипсо». Совершенно не ощущая себя героями, он вопили: «Почему всегда мы?», и прекратили ныть, только когда на них цыкнул Барбосса. Старый пират тоже не жаждал лезть в чертову расщелину, но как капитан джонки, он не мог избежать этой участи, а потому, сохраняя репутацию, не выказывал никакого беспокойства.

Последним пунктом обсуждения явились шлюпки «Калипсо», которые так же решено было разделить. Лодчонка, что осталась еще от «Шень»

досталась «Черной Жемчужине», шлюпку же, что принадлежала самой «Калипсо» оставалась при ней же. Наконец, когда все роли и обязанности в предстоящем сражении были распределены, капитан Воробей командовал отбой, дабы все встретили завтрашнюю битву на свежую голову. Услышав приказ, теперь уже вновь своего капитана, мистер Гиббс на правах боцмана принялся подгонять пиратов, уныло спускавшихся в кубрик:

- В гробу отоспимся... - ворчал в ответ Пинтел.

- Господь зачтет тебе твою храбрость, - попытался ободрить его Гиббс, но эффект получился обратный.

- Ага, тебе хорошо рассуждать! - сорвался в ответ толстяк.

- А нам, в случае неудачи, на гроб можно не рассчитывать, - подлил масла в огонь дрожащий Рагетти, наблюдая как Коттон красноречиво шевелил пальцами, явно изображая щупальца Кракена, а затем тягуче причмокнул губами, в точности скопировав звук отдираемой от плоти гигантской присоски.

- Хватит! - рявкнул мистер Гиббс на гримасничающего рулевого, - У них и так душа в пятках...

- Впрочем, как и у всех нас... - добавил боцман, когда все, наконец, спустились в кубрик и, воровато глянув в сторону шканцев, пират быстро приложился к своей спасительной маленькой фляжке с ромом.

Чунмин остановила Уилла у трапа, удержав его за обшлаг⁵⁷ рукава:

- Вилиам, мне нужно пойти с вами, - твёрдо сказала она, - Ты же веришь в меня? Ты знаешь, что я могу помочь...

- Нет, - покачал головой Уилл, не дослушав её просьбу, - Останься на «Жемчужине», наша затея слишком опасная и тебе не нужно рисковать...

- Вилиам, - прошептала она, и в её взгляде отразилось все беспокойство, какое она сейчас за него испытывала, - пожалуйста...

- Нет, - Уилл был непреклонен, - останься с Джеком. Ему тоже понадобится удача. Ведь наши жизни будут зависеть от меткости пушек его «Жемчужины».

Девушка понимающе кивнула, но спокойнее ей явно не стало.

- Нам нужно всего лишь затопить корабль, - ободряюще сказал Уильям, отчаянно запрещая себе обнять её, - Кракен не так уж и страшен. Я уже два раза уходил из его щупалец.

- Я вернусь, обещаю! - сказал он горячо. Стоять рядом, не смея даже взять её за руку, было не выносимо. Не сказав больше ни слова, Уилл быстрым шагом направился в орлопдек⁵⁸, не переставая молча проклинать себя и всю сложившуюся ситуацию.

Лучи солнца, поднимавшегося над океанскими волнами, ласкали паруса двух кораблей, входивших в узкую расщелину, за которой скрывалась Гавань Проклятых. Как бы Джек не желал понаблюдать за гибелью «Калипсо» со стороны и с расстояния пушечного выстрела, избежать повторного прохода по скалистому коридору ему не удалось. Капитан Воробей прекрасно знал, что все отмели расщелины были слишком широки, чтобы небольшая джонка смогла перегородить их полностью. А потому и Уиллу, и Джеку осталось только признать наилучшим местом для затопления «Калипсо» непосредственно выход из расщелины в Гавань Проклятых.

Только здесь проход между скалистыми стенами был достаточно узок, а значит, шансы на успех затеи возрастали. Однако расположение его было таково, что осуществить план Уилла, можно было лишь, войдя в расщелину следом за «Калипсо». Примостившись в небольшом затоне всего лишь в трёх сотнях футов от затопливаемого корабля, «Черная Жемчужина» должна была продырявить несколькими залпами бок джонки и, подобрав команду «Калипсо», убираться из расщелины подобра-поздорову как можно быстрее. Задача казалась практически невыполнимой. Ведь помимо разъяренного Кракена, оставалась опасность разворота в самом затоне. Джек прекрасно понимал, что, по сути, они лезут в глотку к дьяволу. Разворот фрегата против

⁵⁷ Обшлаг – нарукавный отворот камзола.

⁵⁸ Орлопдек – палуба в твиндеке (межпалубном пространстве на судне), где размещается кубрик.

ветра в таком тесном месте, когда в команде только шесть человек, а под боком ворочается Кракен – это не самая обыденная задача. Однако сдаваться было не в правилах капитана Джека Воробья. Веря в свою удачу (и отчасти в удачу Чунмин), он уверенно направлял свой фрегат следом за джонкой Барбоссы, предвкушая одно из тех приключений, перед какими составляют завещание, а после долго и со вкусом рассказывают все подробности случившегося в тавернах за кружечкой рома.

«Калипсо» вошла в расщелину значительно раньше. По договоренности с капитаном Воробьем, к моменту появления в затоне «Черной Жемчужины» джонка уже должна была пройти в Гавань и развернуться, перегородив выход из неё. Выполнив все это, немногочисленная команда «Калипсо» должна была спуститься в шлюпку и ждать «Черную Жемчужину» в затоне, которая, развернувшись оверштаг⁵⁹ и подобрав их на борт, затопила бы джонку несколькими бортовыми залпами, пройдя мимо неё.

Все шло, как и планировалось. Справляясь с встречным ветром «Калипсо» вошла в Гавань, протиснувшись меж скал. Барбосса держал штурвал, а Пинтел, Рагетти и Уильям тянули паруса, разворачивая их, чтобы дать джонке увалиться под ветер. «Калипсо» двигалась очень медленно, словно крадучись, это было и хорошо и плохо одновременно. Хорошо оттого, что снижался риск налететь на скалы раньше времени. Плохо, потому что Пинтел и Рагетти, дрожа от страха, начинали слишком уж активно строить всяческие «успокоительные» предположения, что еще больше действовало всем на нервы:

- А может быть, его там нет? - предположил с надеждой Рагетти. - Откуда нам знать, что он еще там? Может, он уже давно уплыл следом за хозяином, как и говорил капитан. То есть, как и говорил Джек Воробей, - поспешил исправитьс одноглазый.

- А вот когда протянет свои щупальца, тогда и узнаешь там он или нет! Помалкивай лучше! - зловеще прошипел Пинтел, проклиная болтливость своего друга.

До капитанского мостика было не так уж и далеко, и Барбосса вполне мог слышать их диалог. Впрочем, казалось, капитан не обращал на них никакого внимания. Как выяснилось позже, это только казалось, и Пинтел беспокоился не напрасно.

Благополучно справившись с манёвром, «Калипсо» была развернута должным образом. Ветер, рвущийся в расщелину сквозь узкий просвет в скалах, тут же снес джонку ближе к скалам, и теперь волны качали корабль, грозя ударить его носом или кормой о камни. Уилл поднялся на капитанский мостик к Барбоссе:

- Что же, мистер Тёрнер, - сказал старый пират, передавая подозрную трубу Уильяму, - Было бы чертовски обидно рисковать головой понапрасну. Не помешало бы убедиться, что Кракен там, а?

Уилл, рассматривавший водную гладь, обернулся к капитану. Барбосса был прав. Затопить корабль, и оставить при этом Кракена на свободе было бы весьма глупо. Мысленно ругая себя за промашку, Уилл взглянул на шлюпку, уже предполагая, что ему делать. Между тем, Барбосса проследил его взгляд, и, угадав намерения Тёрнера-младшего, усмехнулся и обернулся в сторону палубы.

- Эй вы, каналы! – гаркнул старый пират, окрикая сгрудившихся у борта Пинтела и Рагетти.

Мгновенно обернувшись, те вопросительно посмотрели на Барбоссу и, как по команде указали пальцами, друг на друга.

- Вы оба, - злорадно подтвердил Барбосса.

Через минуту Пинтел и Рагетти гребли к центру Гавани на шлюпке, которой собирался воспользоваться Уильям.

- Ну, зачем я связался с Барбоссой! – бурчал Пинтел, налегая на весла и нервно оглядываясь по сторонам. В лучах восходящего солнца окружающий

⁵⁹ Разворот оверштаг - поворот парусного судна на новый галс против ветра, при котором нос судна пересекает направление (линию) ветра.

пейзаж казался бы даже умиротворяющим, если б не гробовая тишина вокруг, напоминающая о страшном чудовище, от которого все живое предпочитает держаться подальше.

- Посмотрите, там ли Кракен! Только не шумите! Заметите, что-нибудь сразу же возвращайтесь назад! – передразнивал Пинтел предупреждения Уилла Тёрнера, продолжая работать веслами.

- И какого черта, тебя дернуло умничать?! – огрызнулся он на одноглазого приятеля, сидевшего на носу их лодки. Рагетти, который как раз и должен был рассматривать глубины Гавани Проклятых, восседал с застывшим выражением на лице и, казалось, уже ничего не замечал вокруг.

- Верь, друг, и вера победит страх твой, – ответил он замогильным голосом в ответ на претензии Пинтела. По отрешенному виду Рагетти было понятно, что в мыслях он уже готов к встрече с вечностью.

- Прекрати читать мне проповеди! – огрызнулся Пинтел, явно не разделявший такую покорность судьбе. Вдруг, бросив весла, он встал в шлюпке во весь рост, и та опасно качнулась.

- Пропадите вы все! – крикнул пират, развернувшись в сторону «Калипсо» и погрозил кулаком, - Я не собираюсь подыхать здесь!

- Подожди, друг! – воскликнул Рагетти, разом выходя из ступора и хватаясь за борта раскачавшейся шлюпки, - Не бросай меня! А-а-а! Шлюпка!

Пинтел решил выпрыгнуть и, как и следовало ожидать, лодка, выведенная из равновесия его плотной фигурой, перевернулась. С шумным всплеском оба пирата вывалились за борт.

- Кретины! Не хватало только, чтобы они разбудили эту тварь, – прорычал сквозь зубы Барбосса, наблюдая барахтающихся в воде в подозрную трубу. Капитан хотел добавить еще пару крепких словечек в адрес своих подчиненных, но через мгновение об этом пришлось забыть.

Вода вокруг перевернутой шлюпки вспенилась, и нечто гладкое и белесое промелькнуло в глубине, однако Пинтел и Рагетти этого уже не замечали. Ругаясь, они держались на плаву, увлеченно мутузя друг друга и отплёвываясь от поднятых ими же брызг. Между тем на «Калипсо» Барбосса опустил подозрную трубу, а Уилл прошептал:

- Началось.

Покачиваясь и блестя на солнце слизистой плотью, гигантское щупальце медленно воздвигалось над пиратами. Через секунду оно обрушилось на перевернутую шлюпку и разнесло её в щепки. Мгновенно забыв о ссоре, и оглашая Гавань громкими воплями, Пинтел и Рагетти рванули обратно к кораблю, подгоняемые волнами, поднятыми Кракеном.

- Уходим! – приказал Барбосса.

- А они?! – возмутился Уилл, напоминая про Рагетти и Пинтела.

- Вы хотите дождаться их или Кракена, мистер Тёрнер?! Шлюпки у нас теперь нет, так что живо в воду! – рычал Барбосса. Искренне надеясь, что оба пирата успеют спастись, Уилл последовал за капитаном без лишних возражений.

Тем временем, Пинтел и Рагетти наперегонки плыли к «Калипсо», пытаясь одолеть волны, поднятые многочисленными щупальцами монстра, которые, извивались, пытаясь поймать их словно назойливых мух. Вздывая и обрушивая щупальца, Кракен безуспешно пытался уничтожить слишком мелкую добычу, все больше приходя в ярость. Волнение и впрямь поднялось не шуточное. «Калипсо» кидало, словно лёгкую скорлупку, не смотря на якорь. Едва удерживаясь на ногах, Уилл и Барбосса, как можно быстрее, старались добраться до левого борта джонки.

Внезапно, взмыв на очередной волне, «Калипсо» накренилась сначала на левей борт, затем её резко качнуло в сторону правого, а затем с силой ударило о скалы. Уже почти достигнув борта Уилл и Барбосса, едва успели схватиться за леера, чтобы не упасть. У них за спиной, к крикам Пинтела и Рагетти добавился утробный рык преследовавшей их гигантской твари.

Между тем «Черная Жемчужина» уже входила в затон. Фрегат еще не поравнялся с джонкой, как, услышав знакомый рёв, Джек понял – события

явно развиваются не по намеченному плану. С капитанского мостика капитан Воробей уже мог рассмотреть, что «Калипсо» прибилась к скалам и перегородила выход из Гавани, как и было условлено. А вот о гигантских щупальцах, что виднелись сейчас даже из-за скалистой гряды, они явно не договаривались. Судя по поднымавшемуся волнению, зверюшка Джонса что-то увлеченно ловила по всей Гавани Проклятых, а джонку било о камни так, что она могла разлететься в щепки, так и не выполнив уготованного ей предназначения. Наведя подозрную трубу на палубу «Калипсо», и стараясь не замечать вьющихся над скалами щупалец, Джек рассмотрел Барбоссу и Уилла спешно взбирающихся на планшир левого борта. Не собираясь больше медлить, Джек крикнул:

- Гиббс!

Голова боцмана тут же показалась в отверстии палубного люка.

- Готовь орудия по левому борту! – приказал Джек, - Мы дадим залп, сразу как поравняемся с ними...

- Кэп, мы готовили правую батарею, - начал мистер Гиббс, с лёгкой тревогой в голосе.

- На левой у нас сейчас всего пара пушек. То есть левая, мягко говоря, в раздразе...

- Не сомневаюсь, Гиббс, что ты постарайся не промахнуться, - отозвался Джек тоном, не терпящим возражений.

- А как же мистер Тёрнер и... остальные? – боцман умолк впервые осознав, что сейчас под дулами пушек «Жемчужины» находятся все, кого Джек пожалел бы в последнюю очередь. Ну, может быть только Уилл Тёрнер, не входил в их число.

- Готовь орудия, Гиббс, план придется немного изменить, – непривычно жестко ответил Джек и взглянул на паруса, которые уже ставили по его приказу, чтобы повысить скорость «Жемчужины» перед разворотом. Чунмин тоже была здесь. Научившись обращаться с такелажем, девушка не могла оставаться сейчас в стороне, и как настоящий матрос, бесстрашно и быстро перебиралась по реям, помогая Прихлопу и Коттону. Поняв, что дело принимает вполне серьёзный оборот, Гиббс между тем уже скрылся на нижней палубе.

- Разворот оверштаг выполняем сразу после залпа! Команду «Калипсо» подберем в развороте! – крикнул Джек, предупреждая всех сразу, и мрачно добавил в полголоса, - Если будет, кого подбирать...

Как и предупреждал мистер Гиббс, на левой батарее «Жемчужины» была только пара боеспособных пушек. Остальные, согласно изначальному плану, установили по правому борту, а еще две вытащили в кают-компанию. Корма была все равно разбита, и по выражению Джека этой брешью было «не грех воспользоваться, чтобы прикрыть зад во время отступления». Из-за малочисленности команды боцману приходилось справляться с орудиями в одиночку. С беспокойством следя за быстро приближающейся джонкой, Гиббс заряжал, наводил и торопливо подталкивать пушки к разбитым портам, приговаривая:

- Давайте же, девочки! Не подведите старину Гиббса!

«Черная Жемчужина» уже поравнялась с «Калипсо». Наконец, Джек услышал голос боцмана, донесшийся с нижней палубы:

- Готово, кэп!!

Напряженно выждав еще секунду, капитан Воробей скомандовал:

- Залп!

Грохот орудий «Черной Жемчужины» усилился, отразившись от скалистых стен, и почти оглушил выпрыгнувших за борт Уилла и Барбоссу. Капитан «Калипсо» сиганул в воду первым, потеряв на ходу шляпу. Уильям последовал за ним следом, и уже слышал свист летящих ядер. На мгновение, скрывшись в волнах после падения, Уильям вынырнул, судорожно глотая воздух и стараясь удержаться на плаву. Со стороны «Калипсо» раздался скрип разбиваемого дерева и снастей.

Едва Барбосса и Уилл успели спрыгнуть за борт, как корпус джонки сотряс сильнейший удар. Оба ядра попали в цель и почти одновременно прошли её борт и палубу, сметая переборки. Разворотив нутро корабля, заряды продырявили «Калипсо» брюхо, и, получив сразу две пробоины ниже ватерлинии, она начала стремительно набирать воду, кренясь в сторону Гавани.

- Отлично, крошки! – обрадовался мистер Гиббс, совершенно не ожидая от себя такой меткости. Боцман похлопал по горячим бокам, откатившихся от портов орудий, и взволнованно бросился к палубному люку, ожидая очередных приказов капитана. Можно было попытаться сделать еще один залп, но «Жемчужина» шла теперь уже слишком быстро, утратив выгодную огневую позицию. Более того, Кракен тоже не терял времени. Словно почувствовав западню, монстр явно приближался к выходу из Гавани, продолжая угрожающе реветь. Пора было уносить отсюда киль и паруса. И как можно быстрее.

Джек резко крутанул штурвал, заставив корабль начать разворот. Ветер, сменивший теперь направление по отношению к ним, несколько замедлял движение «Жемчужины», накренившейся в развороте на левый бок, но пока скорость еще не была потеряна слишком сильно, и капитан Воробей крикнул:

- Отдать якорь по левому борту!

Уже спустившиеся с мачт Коттон и Прихлоп переглянулись с Гиббсом. То, что задумал Джек, было очевидно. Даже сопливый юнга понял бы, что развернуться оверштаг как положено, теперь у них нет ни времени, ни возможности. Отдав якорь на ходу, они встанут на другой галс почти мгновенно. Через минуту мистер Гиббс уже выбил стопор, и толстый канат засвистел в клюзе⁶⁰ вытягиваемый тяжелым якорем, ухнувшим в воду. «Черная Жемчужина» дернулась, на ходу натянув якорный канат, сильно накренилась на борт и заскользила по волнам в заносе, по инерции преодолевая дувший навстречу ветер. Джек отпустил штурвал, и тот завращался, подчиняясь перу руля, вывернутому сопротивлением воды. Корабль развернуло так резко, что

⁶⁰ Клюз — отверстие в борту для якорной цепи.

Чунмин и пираты не удержалась на ногах, а обезьяна Барбоссы внезапно обнаружилась на грот-мачте. Она едва не свалилась оттуда и теперь верещала запутавшись в такелаже. Попугай Коттона, как злостный паникер, метался над палубой, поддерживая вопли мартышки выкриками: «Полундра!».

Едва дав фрегату развернуться, и, как только теперь уже бакштаг-ветер ударил в паруса, Джек навалился всем телом на штурвал, удерживая его, и крикнул:

- Отпустить якорный канат!

Коттон бросился к натянувшемуся жвака-галсу⁶¹. Через мгновение якорный канат, освобожденный от хватки его крюка, плюхнулся в воду следом за оставшимся в глубине якорем.

Между тем Пинтел и Рагетти достигли тонущей «Калипсо».

- Подождите нас! - кричали бедолаги, видя, что ждать их никто не станет. Щупальца Кракена уже нависли над джонкой и продолжили молотить теперь уже по палубе. Рагетти и Пинтел карабкались к борту по накрёнутой поверхности не переставая вопить. Мгновенно обломав рангоут мачт «Калипсо», Кракен налетел на них, словно на пики. Уильям обернулся к погибающему кораблю как раз, чтобы увидеть как щупальца монстра обвили джонку. Кальмар уже добрался до выхода из Гавани Проклятых, но тонущая «Калипсо» помешала ему вырваться в проход к открытому морю. Быстро набрав воду, джонка затонула уже почти наполовину, а камни, заложенные в трюм, сделали её достаточно тяжелой. Кракен пытался проскользнуть, сдвинуть препятствие, обвивая джонку щупальцами, но все было бесполезно, и монстр ревел, вновь и вновь натыкаясь на мачты.

Глотая воду обеими пробоинами, «Калипсо» погружалась в глубину и тянула Уилла к себе. Пытаясь преодолеть силу потока, стремящегося к джонке, Тёрнер плыл изо всех сил. Впереди его, всего в какой-нибудь полусотне футов «Жемчужина» сбросила якорь и натужно скрипя, начала разворот оверштаг. Кракен ревел за спиной, и Уилл понял – никто не станет подбирать их в такой ситуации. И все же оставалась еще маленькая надежда. Выбиваясь из сил, он отчаянно поплыл навстречу «Жемчужине», надеясь хотя бы самостоятельно ухватиться за шлюпку, привязанную в кормовой части корабля. Фрегат был уже совсем близко, и до шлюпки, следовавшей за ним, оставалось совсем немного. Однако, как ни старался Уильям, волна поднятая «Жемчужиной» отбросила его в сторону. Глядя вслед корме, возвышавшегося над ним уходящего фрегата, Уильям понял, что Джек за ними уже не вернётся.

Цепляясь за фальшборт, Чунмин удалось подняться на ноги. Ухватившись за планшир, она взглянула за борт и увидела, как «Жемчужина» прошла мимо гибнущей джонки. Гигантская тварь билась о «Калипсо», опутывая её щупальцами, но джонка прочно держалась за скалы, преграждая монстру путь. Двое оборванных пиратов, которые вечно были посмешищем для всех и так не хотели идти на «Калипсо», перелезли через борт джонки и, увертываясь от скользящих по корпусу корабля щупалец, с криками плюхнулись в воду.

Чунмин напряженно всмотрелась в мечущиеся волны. Барбосса плыл в отдалении от фрегата, и явно не успел бы добраться до «Жемчужины». Его шляпа одиноко качалась на волнах, унесенная течением. Девушка с беспокойством обвела затонувшим взглядом, она искала Уильяма. Стараясь не думать о самом страшном, она отчаянно надеялась, что он все же успел выпрыгнуть до залпа и жив. Наконец, она заметила его. Уилл уже почти успел доплыть до шлюпки, привязанной у кормы. Еще немного и он сможет схватиться за борт. Чунмин уже хотела бежать к корме, чтобы помочь своему другу, но тут новая волна отбросила Уильяма от лодки, позволив ему лишь скользнуть рукой по борту.

«Черная Жемчужина» уходила, ведомая спасительным ветром. Помогать же утопающим явно никто не собирался.

---

⁶¹ Жвака-галс - кусок цепи со специальным крюком (глаголь-гаком). Цепь жвака-галса прикреплена внутри судна к набору корпуса (обычно к кильсону). А к глаголь-гаку прикреплен уже якорный канат (или цепь).

- Коттон, на мостик! Встанешь за штурвал! Гиббс, к орудиям в кают-компанию, - раздался сверху голос Джека. Не теряя больше ни секунды, Чунмин бросилась на капитанский мостик. Но капитан уже почти бегом спускался ей на встречу, размахивая подзорной трубой.

- Ши!.. - воскликнула девушка.

- Не сейчас, птаха, - отстранил её капитан Воробей.

- Проклятье! - выругался Гиббс, потирая ушибленный о брашпиль⁶² бок. Мимо боцмана довольно резво пронёсся Коттон. Не смотря на почтительный возраст, сейчас жилистый пират действительно готов был самоотверженно бороться с опасностями ради своего капитана, так, как и обещал когда-то его попугай.

- Нужен еще один залп, Гиббс, - обратился Джек, к приближающемуся боцману, - Ударим с кормовых орудий по скалам, дабы зверюшка не вздумала сунуться за нами.

- Отличная идея, кэп! - поддержал Гиббс, устремляясь за Джеком в кают-компанию, - Надаем поганцу по щупальцам!

Чунмин остановилась в растерянности, но через секунду она решительно поспешила в кают-компанию следом за пиратами. Однако судьба Уилла беспокоила не только её. Билл-Прихлоп еще недавно стоявший у борта, тоже шел следом за ней.

Не надеясь на помощь капитана Воробья, Уилл все же боролся с волнами, сносившими его к джонке. Кракен, не сдавался, и все еще пытался хотя бы дотянуться до тех, кто нарушил его покой. Уилл не смотрел на щупальца, не отвлекался, тем не менее, почти чувствовал их движение над собой и в воде. Главное, что сейчас интересовало Уилла это обломок мачты, качавшийся на волнах.

Не смотря на хорошую встряску, вся команда «Калипсо» еще была жива. Молодой человек слышал голоса Рагетти и Пинтела где-то слева, а Барбосса за его спиной чуть поодаль басил, ругая Джека Воробья. Все они явно стремились к злополучному обломку, как неожиданно залпы «Жемчужины» ударили по скалам.

Джек знал что делал, замеченная им при первом выходе из Гавани трещина в скале сейчас оказала им большую помощь. Огромный кусок откололся и тяжело погрузился в воду, придавив собой несколько щупалец. Взрыв еще громче, Кракен рванулся обратно в Гавань, теперь уже пытаясь освободиться от придавившего его камня.

- Ага! Не понравилось! - торжествовал мистер Гиббс, переглянувшись с Джеком, и наблюдая отступление монстра. Чунмин же видела только, как волна, снова поднятая куском скалы, не дала Уиллу уцепиться за мачту.

- Ши! - снова обратилась она к Джеку, - Их нужно вытащить!

Голос её дрожал от волнения, но говорила она все же непривычно твердо. Джек промолчал, не отводя взгляда от бреши в корме, но победная улыбка внезапно исчезла с его лица.

- Не стал бы я останавливать теперь «Жемчужину», - ответил он после некоторого замешательства, и, прищурившись, продолжил, - Кто знает, куда отправилась наша зверюшка, на дно или искать другую лазейку?..

- Все равно! - не унималась девушка. Глаза её горели. Она не собиралась отступать. Только не сейчас. Джек ответил ей строгим взглядом, и скрестил руки на груди.

- Она права, - заговорил вдруг Прихлоп-Билл. Капитан Воробей обернулся и встретился с бывшим приятелем взглядом. Водянистые глаза уопленника словно ожили. Билл всегда был не многословен, но сейчас похоже он готов был сказать очень многое:

- Джек! Там мой сын... - прохрипел пират.

- Я сама спущусь в шлюпку, - поспешила продолжить Чунмин.

- Я пойду с ней... - снова вмешался Билл.

---

⁶² Брашпиль – судовая лебедка, для подъема якоря. Гиббс выбивал из него стопор, и при развороте беднягу ударило о брашпиль.

Джек смерил их суровым взглядом, рисковать Прихлопом он хотел меньше всего:

- А разрешение капитана тебе уже не требуется, а Прихлоп? – спросил он со злой иронией, - Может тебе не терпится вернуть еще и Барбоссу?..

Чунмин не могла понять, что так потрясло стоявшего рядом с ней человека. Но Прихлоп вдруг совершенно изменился в лице, и выражение покорности судьбе, запечатлевшееся в его чертах как не снимаемая маска, вдруг исчезло. Казалось, что даже его покосившаяся и сутулая фигура распрямилась.

- Я за все расплатился, Джек... - ответил он мрачно.

- Ши! – вмешалась Чунмин, предупредив назревающую ссору, из-за которой они теряли время, - Я прошу тебя! Я прошу тебя всего лишь второй раз!

Почти с отчаянием она взглянула на непреклонного Джека. Гиббс, недоумевая, воззрился на капитана.

Джек снова отвернулся к бреши в корме, и, сохраняя непроницаемый вид, сказал:

- Возьми шлюпку, птаха... Прихлоп, ты с ней. Гиббс, поможешь им спуститься.

Ухватившись за канат, удерживающий шлюпку у борта, Чунмин соскользнула вниз, Билл сразу же последовал следом за ней, а Гиббс отвязал от рыма⁶³ канат, как только они оказались в шлюпке. Лодка тут же отстала от идущей к выходу в море «Черной Жемчужины», и, налегая на весла, Прихлоп направил шлюпку обратно в затон.

Они вернулись вовремя. Кракен все же исчез в глубине, но волнение, поднятое им, почти вымотало команду с «Калипсо», хотя они еще и держались на плаву, их силы начинали истощаться. Пинтелу и Рагетти удалось таки поймать обломок мачты, но, похоже, они не собирались помогать ни Уильяму Тёрнеру, ни капитану Барбоссе и гребли в совершенно противоположную сторону. Уилл ощущал тяжесть вымокшей одежды все явственнее. Она тянула его на дно, и становилось все труднее бороться с волнами, которые раз за разом накрывали его с головой.

- Вилиам! – послышался вдруг знакомый голос. Морская вода, все время попадавшая в глаза и уши, не способствовала четкому восприятию, но Уилл все же смог рассмотреть тех, кто плыл к ним в шлюпке. Чунмин звала его, сидя на носу, а отец втаскивал на борт Рагетти. Пинтел тоже карабкался следом за одноглазым приятелем. «Черная Жемчужина» еще виднелась, далеко, уже у выхода из скалистого коридора. Она явно не собиралась ждать их и продолжала идти на всех парусах. Из последних сил Уильям поплыл в сторону лодки. Чунмин протянула ему весло и рисковала вывалиться за борт. Вместе с Пинтелом ей удалось вытащить Уилла из воды. Барбосса проклинал Воробья в нескольких саженях от них. Он плыл следом, сжимая в руке какой-то мятый предмет, и через некоторое время бывший капитан «Калипсо» тоже перевалился через борт спасательного судёнышка. Предмет, который Барбосса не выпустил из рук даже под угрозой утопления, при ближайшем рассмотрении оказался тем, во что превратилась его некогда эффектная шляпа с пером. Выругавшись, старый пират отжал шляпу и, безуспешно попытавшись придать ей прежнюю узнаваемую форму, бросил её на дно шлюпки, а потом взялся за весла вместе со всеми.

Как только все спасаемые оказались на борту, уключины закрипели с удвоенной силой, и лодка направилась к выходу в море следом за ушедшей «Черной Жемчужиной». Пинтел с Рагетти, которым не досталось весел, тоже не остались в стороне и помогли общему делу ладонями. Уж кто-кто, а они старались как можно быстрее и дальше убраться от Гавани Проклятых. Чунмин, оставаясь на носу шлюпки, рядом с Уильямом и напряженно смотрела вперед. Никто не проронил ни слова, пока в полном молчании они не приблизились к

---

⁶³ Рим — металлическое кольцо для закрепления тросов, блоков, стопоров, швартовых концов и т. п. Рымы устанавливаются на палубе и на фальшборте судов, в носовой и кормовой оконечностях шлюпок, а также на причалах и набережных.

выходу из скалистого коридора, уже не ожидая увидеть «Черную Жемчужину». Однако как бы плохо они не успели уже подумать о капитане Джеке, его фрегат все же ждал их.

Гиббс и Коттон уже ставили паруса, когда Чунмин, Прихлоп и команда погибшей «Калипсо» забрались на борт.

- Три тысячи морских чертей! - вскричал Барбосса, потрясая бесформенной шляпой и направляясь в сторону капитанского мостика, - Джек Воробей! Ты хотел отправить нас всех на тот свет?!

- Ты отвык от залпов настоящих пушек, *старпом?* – холодно осведомился Джек, демонстративно облокотившись на штурвал, и совершенно игнорируя его гнев, - И капитан Джек Воробей, сейчас ты на моем корабле, смекаешь?

Разъяренный Барбосса остановился на полпути и, понимая, что ничего уже не поделаешь, резко изменил курс, направившись на нижние палубы. Он продолжал ругаться, но уже в полголоса и на самого себя. Новоявленный старпом не иначе собирался повидать Тиа Далму, которая даже не вышла встретить своего «друга», а капитан Воробей продолжал с невозмутимым видом стоять у штурвала, всем своим видом показывая, что любые разговоры на тему его капитанства закрыты. Джек явно не собирался церемониться с когда-то его предавшими пиратами. Рагетти и Пинтел притихли и постарались, как можно незаметнее, исчезнуть с глаз. Уилл же, переводя дух, наблюдал за сценой дележа корабля и пытался отжать полы своего жилета. Конечно, раз уж Барбосса и Джек оказались вместе на одной палубе – добра не жди, но сейчас у них не было другого выхода. Ведь, как говорил Джек, важно на самом деле только то, что человек может, и чего он не может, а сейчас они все не могли обойтись друг без друга.

Глава 13. Чёрное честолюбие

Лорд Катлер Бекетт, сменивший Уэзерби Свона на посту губернатора Ямайки, сидел в кабинете своего предшественника и тщательно подсчитывал доход. Долг, честь, совесть. Что могут стоить эти слова, когда речь заходит о наживе и жажде славы? Обещая губернатору Свону разыскать его пропавшую дочь, шеф Ост-Индийской компании бессовестно вел свои дела его руками, а когда отчаявшийся отец понял, что его просто используют и взбунтовался, лорд Бекетт легко добился его смещения с должности «за казнокрадство и пособничество пиратам», а затем безжалостно отправил несчастного старика за решетку. После этого уже ничто не могло помешать интригану, занять место в губернаторском кабинете и проворачивать свои замыслы уже собственноручно. Вооруженный лишь остро отточенным пером, с помощью закона и под его прикрытием, Катлер мог теперь распоряжаться чужими жизнями без каких-либо помех.

Самодовольная ухмылка почти не сходила с лица шефа Ост-Индийской Торговой Компании, и для радужного настроения были веские причины. Дела шли как никогда хорошо. Казна пополнялась, пираты присмирели, и Торговая Компания властвовала безраздельно. Бывший коммодор Норрингтон ходил по Карибскому морю, наводя ужас своей эскадрой, и «боролся с пиратством» практически не делая ни единого пушечного залпа. И что было особо приятно, все эти заслуги не оставались незамеченными королем. Катлера это конечно нисколько не удивляло. Особенно, учитывая количество усилий, которые он приложил к тому, чтобы о его заслугах стало известно властям. Заняв пост губернатора, лорд Бекетт не забыл и Джеймса Норрингтона, попутно со своим назначением вернув его службу и даже поспособствовав ему в получении чина адмирала.

Поздравляя бывшего коммодора, новоявленный губернатор вручил ему в подарок замечательную шпагу. Принимая её, Джеймс не мог не отметить про себя особую бережливость и чувство юмора нового губернатора. Адмирал Норрингтон хорошо знал этот клинок. Ведь он сам отдал его когда-то Уильяму Тёрнеру, своему более удачливому сопернику. И вот эта шпага вновь оказалась в руках Джеймса, после того как её прежний хозяин в бесполезных попытках

отыскать компас Джека Воробья лишился не только шпаги, но и надежды на реабилитацию перед законом.

Клинок был хорош. И все же он был чужим. Так же как и каперское свидетельство, что позволило Джеймсу Норрингтону вернуться в Порт-Ройял и заполучить адмиральский мундир. Конечно, бывший коммодор уже давно научился не обращать внимания на голос совести. Совесть, по его мнению, была теперь слишком дорогим удовольствием, однако, не смотря на это успокоительное убеждение, Джеймс чувствовал себя далеко не таким счастливым, как в день, когда положил на стол перед лордом Бекеттом пульсирующий холстяной мешочек. Изначально многочисленные морские сражения с пиратами, которые неизменно заканчивались победами, доставляли Джеймсу невероятное чувство торжества. Он искренне считал, что справедливость восторжествовала, и выполнял свой долг с еще пущим рвением. Тем не менее, вскоре его постигло жестокое разочарование. Это произошло, как только открылись истинные намерения Катлера Бекетта.

Получив первое распоряжение «взыскать сборы в казну Порт-Ройяла», Джеймс понял, что практически ничем не отличается от разбойников, за которыми он якобы охотится, а на самом деле собирает с них дань. Через некоторое время Норрингтон не смог не признать, что полтора года назад, будучи одним из бродяг Тортуги он оставался более честным человеком и не терял уважения к самому себе. Вернувшись же на службу, он стал настоящим вором и пиратом. Даже сражения уже не радовали его. Тем более что их становилось все меньше.

Слухи разносились по островам Карибского моря со скоростью урагана, и вскоре с ямайской эскадрой не связывались даже самые ярые противники Бекетта. Сплетники быстро объяснили, что непобедимость адмирала Норрингтона вызвана тем, что он продал душу Дейви Джонсу, и может приказать ему утащить на дно любой корабль. А разве можно сопротивляться самому морскому дьяволу? Когда все самые непокорные отправились кормить рыб или Кракена, и пираты, и честные капитаны, боясь эскадры Норрингтона как огня, предпочли платить пресловутые сборы. Имя Норрингтона упоминалось исключительно как ругательство на каждом углу, и не только на Тортуге. Пираты никогда и не упоминали друг при друге о фактах унижительных выплат, предпочитая просто смачно сплёвывать или вставлять в разговор пару крепких ругательств. Как не удивительно, но Катлеру Бекетту удалось остаться в тени. О мистической афере с Сердцем Дейви Джонса никто не узнал, и потому все домыслы касались только Норрингтона.

Благодаря стараниям ямайской эскадры и Дейви Джонса Бекетту удалось сколотить себе приличное состояние. Сумма, ежемесячно поступающая в казну губернатора Порт-Ройяла, была значительна, и с таким богатством вполне можно было вернуться в Англию, забыть об изнуряющем климате южных колоний и нереспектабельном происхождении. Придирчиво рассматривая себя утром перед зеркалом, лорд-губернатор сдувал пылинки с безупречного камзола и самодовольно раздумывал о том, что, пожалуй, теперь многие знатные девицы не откажутся пройти с ним под руку по парку Сент-Джеймского дворца. Он уже представлял себе выгодный брак со скромной и глупенькой девушкой без запросов и новомодных идей в голове, имеющей знатное происхождение и хорошее приданое. Внушительное состояние вполне позволяло теперь выгодно жениться, не беспокоясь из-за низкого роста. И забыть раз и навсегда о насмешках по поводу купленного титула. Предаваясь этим приятным мыслям, Катлер Бекетт даже позволял себе улыбнуться. Впрочем, безоблачный горизонт мечтаний губернатора все чаще омрачался совсем не весёлыми мыслями.

Как ни странно причиной беспокойства лорда Катлера все чаще становилось поведение его же сообщника, адмирала Норрингтона. В последнее время Джеймс вел себя весьма неподобающе. Он затевал уличные дебоши в нетрезвом виде, гонял зря офицеров, бранился, и все больше приобретал совсем не адмиральский вид. Конечно, Катлера Бекетта волновал вовсе не моральный облик морского офицера высшего порядка. Гораздо

больше его беспокоил пьяный бред, который нес Джеймс, все чаще надираясь в портовых кабаках. Судя по докладам Мерсера, байки, которые во хмелю рассказывал адмирал Норрингтон, были весьма впечатляющи. Особенно эффектными были рассказы о морском дьяволе и «Летучем Голландце». К счастью (и для Норрингтона тоже) простолюдины больше доверяли собственным домыслам. От того, кто якобы продал душу дьяволу, предпочитали пугливо сторониться, не особо вслушиваясь в его рассказы. Никто не верил в то, что все эти истории основывались на реальных событиях. И все же внезапная болтливость адмирала не могла не беспокоить губернатора Бекетта. Особенно учитывая то, что в нескольких последних рассказах фигурировало и его имя.

Судя по всему, Норрингтона совсем не радовала слава, которая теперь ему сопутствовала, и он активно пытался разделить её с Бекеттом. Это стремление заставляло Катлера все чаще задумываться о средстве, которое позволило бы взять распоясавшегося сообщника под контроль. Джеймс был опасным свидетелем, но избавиться от него сейчас Катлер не мог. Ведь Норрингтон знал тайну его могущества и был посредником в делах с Джонсом. Он был нужен и видимо именно этот факт способствовал развязанному поведению Джеймса еще больше.

Впрочем, безнаказанность была не единственной причиной изменений в характере бывшего коммодора. Как адмирал Джеймс не мог не заметить, что за полтора года практически вся команда флагмана его эскадры, так или иначе, отправилась в мир иной. «Картахена»⁶⁴ была тем самым кораблем, на котором Бекетт выходил в море, чтобы заключить сделку с Джонсом, и за время, что прошло с тех пор, многочисленная и вышколенная команда корабля сменилась практически полностью. Конечно, некоторые матросы списывались, получая ранения, или желая бросить службу по старости. Однако с той самой роковой ночи случаи гибели в пьяных драках участились просто неимоверно. Не меньше людей скоропостижно погибало от внезапных заболеваний и подозрительных несчастных случаев. Не проходило и недели, чтобы кто-нибудь из команды не покинул корабль. Офицеры, присутствовавшие на борту в том плавании, все как один списались на берег буквально за месяц, после того как один из лейтенантов был убит «при попытке ограбления».

Все это совсем не способствовало боевому настрою. Матросы поговаривали о проклятии, наложенном на «Картахену», но Джеймс Норрингтон прекрасно знал, что проклятие это именовалось Мерсером. И уж конечно, ему не трудно было догадаться, что рано или поздно придет и его черед.

Зловещая тень наемного убийцы мерещилась за спиной все чаще, но, справляя поминки по чести офицера в очередном кабаке, Джеймсу удавалось на время утопить мрачные мысли в алкогольном дурмане, с которым он больше не считал нужным бороться. Адмирал Норрингтон прекрасно знал, что лорд Бекетт не тронет его, по крайней мере, сейчас. Хотя устранить его при нынешнем образе жизни не составило бы большого труда.

Забвения, которое дарил ром, хватало не надолго, и бывший коммодор часто становился участником уличных или кабацких драк, руководствуясь старой истиной, что лучшая защита – это нападение. Он не сильно ошибался в своих подозрениях, с той лишь разницей, что его шпага обращалась против невинных, задиристых гуляк, а тот, кого он опасался на самом деле, незаметно бродил за ним по пятам, выполняя приказ оберегать его жизнь. Пока оберегать.

До сих пор все выходки сходили Джеймсу с рук. И хотя лорда Бекетта все больше тяготила чрезмерная зависимость от сообщника, прежде чем отправить его в иной мир искупать грешки, в планах губернатора значилось еще одно последнее, но весьма крупное дело.

---

⁶⁴ «Картахена» - испанский военный корабль, захваченный англичанами во время одного из рейдов. Корабль был назван в честь неприступной испанской крепости Картахены. После захвата англичане оставили это название в насмешку.

Приблизительно за неделю до того, как «Черная Жемчужина» поднялась из глубины Чёртовой Прорвы, губернатор Катлер Бекетт вызвал адмирала Норрингтона к себе. Губернатор поприветствовал вошедшего с легкой улыбкой, но не выходя за рамки субординации:

- Адмирал Норрингтон! Прошу вас, проходите.

Боковым зрением Джеймс сразу же заметил тёмную фигуру Мерсера, стоящего у окна. Не удостоив наемника даже взглядом, адмирал прошел в кабинет слегка качающейся походкой и распространяя вокруг себя спиртовое амбре. Норрингтон не собирался дожидаться приглашения присесть и сразу же плюхнулся в кресло, стоящее перед внушительным губернаторским столом. Устроившись поудобнее, адмирал обратился к Бекетту по возможности заинтересованным взглядом и приготовился услышать очередной приказ для морского дьявола.

- Я вызвал вас, чтобы обсудить еще одно поручение, для нашего общего друга, - как всегда издали начал губернатор, игнорируя явные признаки неуважения к своей персоне.

- Дейви Джонсу? - переспросил адмирал, притворяясь, что не понимает.

Конспирация ему уже чертовски надоела, а поскольку еще до обеда Джеймс успел раскупорить бутылку хорошего ирландского виски, то чувствовал себя весьма храбро и независимо. Бекетт устремил на сообщника холодный взгляд, но демонстративно не заметил дерзость и продолжил все так же невозмутимо:

- Как я понимаю, во время вашего последнего дела, вы условились о месте встречи. Не так ли?

- Да, - ответил адмирал, беспардонно вытягивая ноги и сложив руки на груди, он буравил хмурым взглядом сидящего напротив Катлера, - Назначили свидание, через три дня.

- Отлично, - согласился Бекетт, вставая с места и добиваясь того, что достаточно высокий Норрингтон должен был теперь смотреть на него снизу вверх.

- Значит, вы все успеете, - пояснил лорд, откидывая крышку габаритной шкатулки, которая своим размером напоминала скорее ящик. Губернатор вынул из неё аккуратно сложенный лист и небрежно бросил его перед Норрингтоном со словами:

- Завтра ночью, строго секретно, вы получите груз, который должны будете доставить на остров, указанный здесь. Как только, груз будет привезен на «Королеву Елизавету», вам надлежит немедленно выйти на неё в море и отправиться к месту встречи с нашим общим другом.

- Дабы передать ему сначала привет от вас? Он по вам уже наверно заскучал, - съязвил Джеймс, но Бекетт оставался подозрительно непробиваемым и, уже не скрывая лёгкой улыбки, уселся на свое место вновь.

- Нашему другу, вы передадите приказ. Немедленно собрать эскадру из пятнадцати, а лучше двадцати кораблей - лучших из тех, что когда-либо бороздили моря. Думаю, с его возможностями это не будет затруднительно.

«Целая эскадра мертвых?», - удивился Джеймс. Это было уже интересно. Перестав полировать ногти о камзол, Норрингтон настороженно воззрился на лорда Бекетта.

- Пока же наш друг будет выполнять это условие, вы должны отправиться на остров, указанный на карте и оставить груз там, где поставлена метка, - продолжал разъяснять губернатор, подвинув к Джеймсу карту, и Норрингтону ничего не оставалось, как сделать вид, что он внимательно её рассматривает. Наконец, решив, что минутного созерцания вполне достаточно, адмирал лениво осведомился:

- Что дальше?

Слушая дальнейший монолог Бекетта, Норрингтон стремительно трезвел. То, что решил затеять Катлер, не шло ни в какое сравнение с его предыдущими интригами. Сомнения насчет груза, который нужно будет спрятать на острове, развеивались как дым, оставляя полную уверенность, что эта авантюра наверняка будет финальной.

- Вы плохо выглядите, адмирал, - с притворным беспокойством заметил Катлер, закончив излагать свое «поручение» и глядя в побледневшее лицо Джеймса, - вам нужно меньше пить.

Норрингтон сжал кулаки.

- Решили скрыть делишки, губернатор? - спросил он вдруг довольно грубым тоном совсем не вяжущимся с субординацией. Норрингтон резко поднялся с кресла и, опершись руками на стол, склонился почти к лицу Бекетта.

- Я не стану в этом участвовать. Запомните это, Катлер! С меня хватит!

Мерсер отреагировал мгновенно и через секунду адмирал уже почувствовал прикосновение холодного клинка к своему горлу:

- Спокойно, мистер Норрингтон, - рекомендовал наемник, мерзко ухмыляясь, - Сядьте на место.

Повинуясь нажиму отточенной стали, Джеймс опустился в кресло, всеми силами души ненавидя губернатора и его верного «пса».

- Да что это с вами, адмирал? - изумлялся между тем Бекетт с легкой иронией в голосе, - В вас проснулась совесть? Насколько я помню, вы сами ввязались в это дело, бывший коммодор. Вам было выгодно, вы предали нескольких невинных людей, чтобы иметь возможность вернуть свое положение. Но три человека, не сравнятся с сотнями, верно?

Джеймс резко встал на ноги, не собираясь больше его выслушивать, и свысока посмотрел на Бекетта. Воспоминание об Элизабет Свон и Уилле Тёрнере мгновенно возникло в его воображении.

- Я предал двоих... - отрезал Норрингтон, мрачно улыбнувшись и, исключая из списка Джека Воробья. Считая, что разговор окончен, адмирал направился к выходу.

- Неужели? - удивился ему вдогонку Бекетт, - А мне казалось, что такой совестливый человек помнит Джона Брайтена? Или, по-вашему, та история не была предательством?

Джеймс остановился, спиной чувствуя торжествующий взгляд губернатора.

- О чем это вы, губернатор? Где бы ни был Джон Брайтен теперь, он мёртв. Да и за сроком давности уже ничего нельзя доказать. Кроме того, - произнес адмирал, оборачиваясь вновь к Бекетту, - ведь вам самому не выгодно слишком часто вспоминать о том деле, я прав?

- Я вижу, вы заинтересовались, - ответил Бекетт, - Насчет срока давности вы, конечно, правы. Но, видите ли, я ужасный аккуратист и могу хранить важные документы годами. Разбираясь как-то с бумагами, я наткнулся на кое-что интересное.

Не торопясь, наслаждаясь напряженностью момента, Бекетт вновь откинул крышку своей шкатулки-ящика и извлек несколько потрепанных и пожелтевших листов.

- Офицерский патент на имя Джона Брайтена, - прочитал Бекетт на первом из листов.

- Этот Брайтен, если верить данному документу, был назначен капитаном на линкоре «Разящий». Разве вы не помните этого Джеймса? Вы ведь служили на «Разящем», в то же время.

Норрингтон молчал, и несколько секунд тишину нарушало лишь тиканье больших напольных часов, совпадающее с биением сердца.

- Что же, возможно вы не помните его, - невозмутимо предположил Бекетт.

- Джона Брайтена назначили капитаном на вашем судне. Правда, он пробыл им не долго. Всего несколько часов, если не ошибаюсь. А потом он пропал или дезертировал. Странно, правда? Получить назначение и исчезнуть в тот же день. Так подумали все, и я в том числе думал так, пока не нашел еще одну бумагу...

Безразличным взглядом Джеймс проследил, как лорд Бекетт развернул еще один лист, на котором было написано всего несколько строк. Норрингтон

знал все, что там написано, даже после стольких лет этот клочок бумаги, испещренный несколько размытыми строчками, он узнал бы из сотни.

- Я, Джеймс Норрингтон, лейтенант линейного корабля «Разящий» подтверждаю, что человек, называющий себя капитаном Джоном Брайтеном, мне не знаком, - прочитал лорд Бекетт и, воззрившись на Джеймса, констатировал, - И здесь стоит ваша подпись адмирал. Это свидетельство, а так же еще пять свидетельств от других лейтенантов вашего корабля, позволили отправить капитана Брайтена на каторгу. После того как его личность не была подтверждена лейтенантами линкора, капитаном которого он себя называл. Джона Брайтена приняли за беглого пирата Воробья клеймили и отправили на каторгу.

Джеймс смотрел на губернатора с нескрываемым презрением, но сказать ему было нечего. Между тем, наслаждаясь своим триумфом, лорд Бекетт продолжал:

- Это, конечно, была досадная ошибка. Ведь разыскиваемый в то время пират Воробей был лет на двадцать старше вашего капитана, правда беднягу Джона так разукрасили на допросе, что его родная мать не отличила бы от преступника...

- Это была ваша идея, - прервал его, наконец, Норрингтон, - Это вам нужно было отправить кого-то на каторгу, чтобы прикрыть побег приговоренного. Ведь это не очень хорошо для начала карьеры, когда прямо из-под конвоя семи остолопов сбегают заключенные! А мы - пьяные идиоты - согласились на ваши уговоры. В то время как вам было просто выгодно получить свидетелей, которые не будут много болтать и не потребуют денег за свою ложь!

Джеймс бросался обвинениями без страха, не делая усилий к понижению голоса. Лорд Катлер же лишь ухмылялся. Реакция адмирала была ожидаемой, и лорд Бекетт был готов к ней. Мерсер стоял по правую руку от него, красноречиво держась за эфес шпаги, а караул у губернаторской двери был уже полчаса как отпущен. А значит, лишних свидетелей не было.

- Конечно, - неожиданно согласился с обвинениями губернатор, - Я выбрал вас. Тех, кому было выгодно устранить этого, как вы говорили тогда, «выскачку» с пути. Я не планировал этого, просто оказался в нужное время в нужном месте. Я всего лишь выполнял свой долг, в то время как вы лишили невинного человека права на нормальную жизнь. Я бы не смог сделать этого без ваших показаний. Если бы не ваше лжесвидетельство, Джеймс, капитан Джон Брайтен никогда бы не стал капитаном Джеком Воробьем. Если помните, недавно я даже попытался восстановить справедливость, предложив ему каперское разрешение. Забавно, вы и здесь умудрились занять его место. Видите Джеймс, все не без греха, а потому думайте лучше о ваших делишках. Доказать ваше лжесвидетельство вполне возможно и сейчас, а в историю с Дейви Джонсом никто не поверит. Уж таков наш просвещенный век, никто не воспринимает легенды всерьез. Потому, я советую вам, привести себя в порядок, вспомнить о том, благодаря кому вы здесь и в точности выполнить то, что я вам поручил. Вы свободны, адмирал.

Поставив этой фразой точку в разговоре, Бекетт склонился над бумагами, показывая, что приём окончен. Сжимая от злости кулаки, Норрингтон вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Вернувшись на «Картахену» первым делом Джеймс приложился к спасительной бутылке с виски, но алкоголь только усугубил плохое настроение. Взглянув с презрением на почти пустую стеклянную емкость, адмирал запустил ей в переборку и повалился на стул, обхватив гудевшую голову руками. Давняя история Джона Брайтена, вернулась неожиданно. В памяти вновь всплыло забытое воспоминание, возникнув в воображении, словно живая картина.

***

Все началось с глупой шутки пятнадцать лет назад.

Хмурый английский вечер опускался на засыпающий Бристоль. Линкор «Разящий» стоял в порту уже почти две недели. Команда его выполняла

рутинную работу, периодически выпрашивая у капитана разрешение прогуляться в порту. Гардемарины изнывали от муштры, мичманы занимались хозяйственными делами, а лейтенанты гоняли всех остальных и с нетерпением ждали возможности снова выйти в море. В то время Джеймс Норрингтон был одним из восьми лейтенантов на «Разящем». Имена своих сослуживцев он помнил и сейчас. Первый лейтенант⁶⁵ Ричард Пикард – тридцатилетний, высокомерный карьерист; простодушный Джордж Хадд; конопатый Томас Рикетт; весельчак Алан Рейнолдс; мрачный и самый старший из них Хью Трейдер; совсем еще мальчишка Питер Уотер и ровесник Джеймса Джон Брайтен. Всем им в то время довелось служить под командованием сурового Чарльза Гарднера. Пожилой и седовласый капитан, побывавший во многих боях, руководил своими подчинёнными, никому не давая спуска, и поддерживая на корабле строгую воинскую дисциплину. Однако это не мешало некоторым еще не достаточно степенным служакам затевать проказы и даже оставаться в результате безнаказанными. Как правило, идейным вдохновителем всех проделок неизменно становился лейтенант Брайтен. Именно он умел спланировать все так, чтобы до сурового Гарднера не дошло лишнего, а объект шутки оказывался в такой конфузной ситуации, что сам ни за что не пошел бы жаловаться капитану или первому лейтенанту.

Нужно отметить, что между первым лейтенантом и Брайтеном с переменным успехом велась своя маленькая война. Дело в том, что Ричард Пикард был невозможно щепетилен во всем, что касалось формы, устава и порядка. Любые отклонения от эталона, то есть от него самого, считались едва ли не попыткой опорочить честь всего Королевского флота. Его парик всегда был безупречен, на кителе не было ни единой лишней морщинки, а пуговицы блестели на солнце, наводя на мысли о том, что хозяин тратит некоторое время на их полировку. Джеймс отчасти подражал первому лейтенанту, но делал это не слишком явно, поскольку большинство предпочитало высмеивать Пикарда за этот чрезмерный аккуратизм.

Что касается Джона Брайтена, то он был менее всех исполнителен в поддержании безупречности вида морского офицера. И главное прегрешение его было в том, что, совершенно игнорируя требования, Джон ненавидел носить парик. В море это правило исполнялось не так строго. Но стоило

---

⁶⁵ Первый лейтенант – помощник капитана.

кораблю встать на якорь в порту, как первый лейтенант Пикард начинал ходить за Брайеном как хвост, одолевая его постоянными замечаниями по поводу злополучного парика. Не удивительно, что к концу второй недели стоянки в Бристоле у Джона созрел план мести и следующим объектом шутки должен был стать именно вредный первый лейтенант. Хадд, Рикетт, Рейнолдс и Уотер поддержали идею Брайена с большим энтузиазмом. Каждому из них придирчивый Пикард уже успел насолить в свое время не раз. Хью Трейдер был не в восторге от этой затеи, но в силу вечной зависти к первому лейтенанту поддержал общий план. Норрингтон в большей мере опасался гнева капитана как самый дисциплинированный из всех. Однако он тоже присоединился к большинству, не желая стать следующим объектом подшучивания.

Итак, проделка была спланирована, и даже, для пущего эффекта, приурочена к знаменательной дате в жизни первого лейтенанта. Как оказалось, педанту Пикарду тоже не было чуждо человеческое. Выяснилось, что Ричард Пикард собирался жениться. В скором времени он планировал навестить свою благоверную с целью сделать ей предложение, и конечно, ради этого события он собирался надеть парадный мундир, приведенный в самый безупречный вид. Искренне посочувствовав несчастной девушке, лейтенанты-заговорщики решили внести свою лепту в сватовство их угнетателя. В ночь перед торжественным походом первого лейтенанта за невестой, Рикетт и Уотер должны были прокрасться в его каюту и, пока первый лейтенант спал, забрать его мундир, парик, саблю и кортик. Затем, все вместе лейтенанты собирались отправиться в ближайший кабак, для того чтобы провести торжественное омовение похищенного мундира в доброй порции ямайского рома. Завершить вечер шутники собирались, хорошенько прополоскав китель в луже, вываляв в пыли парик, и вымазав оружие в смоле, так, чтобы на утро ни саблю, ни кортик невозможно было вытащить из ножен. Устроив все это, нужно было незаметно вернуть имущество первого лейтенанта в каюту и со счастливыми улыбками заснуть, ожидая результата своей проделки.

Джеймс предчувствовал неладное с самого начала. Джон Брайен не смог участвовать в деле лично, поскольку именно в ночь перед сватовством Пикарда он должен был нести вахту. Джон, казалось, был искренне разочарован таким поворотом событий, но момент для шутки был слишком удачен, чтобы его упустить. Потому Брайен пожелал приятелям удачи, пообещав прикрыть их отсутствие на корабле, в случае если капитан начнет кого-то из них искать.

Итак, мундир и оружие были удачно похищены из каюты первого лейтенанта, и, попрощавшись с Джоном, оставшимся скучать на вахте, компания направилась в порт. Джеймс хорошо помнил, как преобразился в ту ночь парадный китель аккуратиста Пикарда. Даже сейчас Норрингтон не мог не улыбнуться, вспоминая, как некая Дженни - мамзель из портовой таверны, не переставая хихикать, увлеченно поливала мундир первого лейтенанта своими дешевыми духами, стараясь угодить новым знакомым офицерам. Девушка так увлеклась, что не пожалела даже помады ради общего дела и старательно оставила на обшлагах и воротничке многочисленные «поцелуи». Кроме того, согласно намеченному плану мундир был «обмыт» ромом, не миновав так же и лужи. В общем, к завершению «увольнительной», некогда безупречный китель и парик первого лейтенанта выглядели так, словно бы их хозяин неделю не вылезал из сточной канавы, проводя там время в обществе многочисленных девиц и изрядных порций алкоголя. И Джеймс не мог не признать, что и сам приложил к этому немалые усилия. Выпив пару кружек, он уже не стоял в стороне и веселился вместе со всеми. Наконец, весьма довольные результатом и будучи не вполне трезвы, приятели направились обратно на свой корабль, предвкушая, какой сюрприз ожидает Ричарда Пикарда следующим утром. Однако сюрприз ожидал их и прямо по возвращении.

Во-первых, Пикард не спал. Во-вторых, не спала почти вся команда линкора, разыскивая злодеев, обокравших первого помощника капитана. В-третьих, капитан Гарднер так же бодрствовал и очень интересовался, куда

исчез практически весь офицерский состав корабля, а потому лишь только гуляки вступили на борт, их повязали, предъявив обвинение в краже, порче имущества старшего по званию и в том, что они самовольно покинули корабль. Джон Брайтен присутствовал здесь же, но его причастность к проделке видимо не могли доказать, а поскольку он оставался на вахте, то имел вполне приличное алиби и через некоторое время его оставили в покое.

У всех остальных же шансов оправдаться не было совершенно. Ситуация усугубилась тем, что, как оказалось, следующим утром на «Разящий» собрался прибыть сам адмирал эскадры. А значит, вся команда должна была участвовать в торжественном построении перед ним. Само собой, ни о каких отлучках к невесте не могло быть и речи. Весьма озадаченные этим обстоятельством, и уже получившие приличный нагоняй от капитана провинившиеся лейтенанты в весьма суровых выражениях обратились за разъяснениями к Брайтену.

Джон не собирался оправдываться. Он рассказал, что нарочный от адмирала явился сразу, как только они ушли. Нарочный приказал разбудить капитана и сообщить ему, что флотское руководство собирается почтить линкор «Разящий» своим присутствием завтра утром. Само собой Пикард был разбужен тоже. Он сразу же хватился своего кителя и первым делом обратился к вахтенному офицеру. Джон рассказал, что он изворачивался, как мог, утверждая, что ничего не видел и не знает, куда делся его мундир. Не сумев добиться от него толка, первый лейтенант отправился напрямик к капитану и заявил о краже. Через минуту весь корабль был поднят как по тревоге. Джон говорил, что надеялся на то, что его друзья вернуться пораньше и смогут незаметно подsunуть китель на место, но они слишком задержались.

На следующий день построение прошло вполне обыденно, за исключением небольшого инцидента. Первый лейтенант Ричард Пикард явился перед адмиралом мокрым с головы до ног, в свежееотмытом мундире и парике. На удивленный вопрос командующего флотом: «Что с ним случилось?», хмурый капитан Гарднер дал объяснение, будто доблестный первый лейтенант буквально только что, спас из воды мичмана Гиббса, который не присутствует на построении, в связи с приключившимся с ним несчастьем. Лейтенанты стояли вытянувшись в струну, усиленно удерживая дыхание, но не из-за священного трепета перед начальством, а из опасений, что еще не выветрившиеся винные пары достигнут чуткого адмиральского носа.

Адмирал ничего не заметил. Он даже остался весьма довольным доблестью своих подчиненных, чего нельзя было сказать о капитане Гарднере и первом лейтенанте Пикарде. По окончании построения, Пикард просто рвал и метал, требуя возмездия, и Гарднер был не из тех людей, которые оказывают снисхождение. Приговор его был достаточно суров, но еще более унизителен. Каждому из участников ночного загула, было положено, в качестве взыскания, десять ударов веревочной «кошкой»⁶⁶, на верхней палубе, в присутствии всей команды.

Порка офицеров – дело редкое. А уже тем более, когда подобному взысканию подвергаются сразу шестеро. Джеймс и сейчас помнил то чувство щемящего стыда, когда они, снимая тонкие офицерские рубашки, поочередно становились к грот-мачте под взглядами всей команды. Громко отсчитывая каждый удар, боцман хорошенько отвесил по обнаженной спине назначенные десять каждому из провинившихся. Джеймс перенес экзекуцию стоически, не издав ни звука, в полной тишине он слышал лишь свист хлестких ударов, обжигавших его спину. Лейтенант Брайтен был здесь же. Ему не назначили взыскания, он должен был лишь смотреть, как наказывают его товарищей. Джон не сознался в своей причастности к произошедшему, но Норрингтон мог

---

⁶⁶ В реестре наказаний матросов военных флотов прошлого фигурирует забытое в наши дни избиение линьками и плетьюми, которые именовались «кошками». Они представляли собой плетку из пенькового троса, имевшую от семи до тринадцати косичек, но чаще - девять. Каждая из косичек заканчивалась узлом, на котором было от двух до десяти шлагов. «Кошки» подразделялись на простые и воровские. Последние были более тяжелыми. Ими секли за кражу. В зависимости от проступка, матрос в наказание мог получить от одной до двенадцати дюжин.

даже отчасти понять его. Окажись он на месте Брайтена, то поступил бы точно так же. И все же, именно этот инцидент стал причиной того, что лейтенант Брайтен однажды получил пиратское клеймо.

Шрамов не осталось, ведь веревочные удары не так жестоки, как удары кнута. Команда держала насмешки при себе, разумно посчитав, что ссора сразу с шестью офицерами им невыгодна. Инцидент так и мог считаться лишь неприятным происшествием, если бы не обстоятельства последовавшие сразу за ним.

Чуть меньше чем через неделю после злополучного построения стало известно, что первый лейтенант Пикард получил повышение по службе и покидает «Разящий» для того чтобы стать капитаном на одном из новеньких фрегатов, только что спущенных на воду. Это можно было считать радостным событием, ведь кроме избавления от злопамятного Пикарда, оно несло надежду на освобожденную им должность одному из лейтенантов. Однако радости на лицах младших офицеров не наблюдалось.

Хью Трейдер взирал теперь на Джона Брайтена с откровенной ненавистью. Как самый старший из лейтенантов Трейдер уже давно мечтал о должности помощника капитана, но Гарднер не спешил повышать его в чине, все так же оставляя на прежней должности. Трейдеру уже шел тридцать первый год, и постепенно уязвленное честолюбие начинало преобразовываться в злобу, изливаемую на более удачливых сослуживцев. Лейтенант Трейдер открыто утверждал, что не верит ни единому слову Брайтена. Он искренне считал, что Джон сам доложил об их отлучке капитану. Более того, Хью постоянно твердил, что и саму выходку с кителем шутник-Брайтен подстроил специально и так, чтобы самому выйти сухим из этой передрыги. Норрингтона и Хадда так же посещали подобные мысли. Даже Уотер, Рикетт и Рейнолдс, которые были наиболее дружны с Джоном, начали сторониться товарища. Все понимали, что теперь, как единственный, не имеющий дисциплинарного взыскания офицер, лейтенант Брайтен имеет больше всех шансов получить должность первого лейтенанта. Казалось, что расчет Джона был очевидным, и все же Джеймс не мог не признать, что Брайтен не пошел бы на столь откровенное предательство.

Да, пожалуй, из офицеров он был самым недисциплинированным. В нем было много странностей и привычек не свойственных дворянскому сословию, благодаря которым он легко находил общий язык с матросней. Лейтенант Джон Брайтен умел добиваться подчинения не только розгами, но и убеждением и даже отчасти дружбой, умудряясь при этом не выходить за рамки субординации. Ему удавалось заслужить уважение, не смотря на то, что многие матросы и мичманы по возрасту были намного старше его.

Если говорить о военной выправке, фехтовании, и прочем наследии военно-морского корпуса, то у Норрингтона иногда создавалось впечатление, что Брайтен не посещал там ни единого занятия. На памяти Джеймса таких неумех отчисляли без жалости или прививали им тягу к знаниям при помощи порки. И все же, не смотря на все это, Норрингтон признавал, что лейтенант Джон Брайтен был бы хорошим командиром. Стратегию, тактику и морское дело он знал как никто, и Гарднер не раз отмечал это. Лейтенанту Брайтену не нужно было проворачивать хитрые авантюры, чтобы заполучить должность, которая по чести и так должна была достаться ему.

В общем, через день после ухода Пикарда, капитан Гарднер собрался в адмиралтейство, приказав Джону сопровождать себя. Сомнений в том, что должность достанется ему, уже ни у кого не возникало. Лейтенанты ждали известия о назначении как данности, постепенно смиряясь с ситуацией. Однако новость, которую они узнали через пару часов, превзошла все ожидания. Место первого лейтенанта по-прежнему оставалось вакантным, однако сменился сам капитан. Чарльз Гарднер заявил в адмиралтействе о своей отставке, настоятельно рекомендовав вместо себя лейтенанта Джона Брайтена. Ситуация была необычной, и все же уступив поручительству заслуженного и опытного капитана, а так же старой дружбе, адмирал подписал назначение. Так, в двадцать два года Джон Брайтен стал капитаном линкора «Разящий».

В день получения Брайеном капитанского назначения и нового офицерского патента, Гарднер сдал своему молодому преемнику дела и торжественно передал ему командование кораблем перед выстроенными на палубе офицерами и матросами. Джон явился в новом кителе сшитом хоть и добротно, но явно наспех. Норрингтон помнил, как, теперь уже капитан, Брайтон прошелся между двумя шеренгами матросов, сдерживая затаенную улыбку. Его явно просто распирало самодовольство. Хитро поглядывая на своих подчиненных, он отчаянно попытался скопировать суровую мину Гарднера, пару раз кашлянув и насупив брови. Но выглядело это, по мнению Джеймса, не слишком убедительно.

Лейтенант Норрингтон сохранял хладнокровие и безразлично-невозмутимый вид, замечая впрочем, что некоторые из приятелей Джона хотя и выглядели намного кислее, чем прежде, но теперь явно надеялись на все еще вакантную должность первого лейтенанта. И только Трейдер никак не мог сдержать жёлчи и бросал на нового командира мрачные взгляды исподлобья. Матросы же были вполне довольны сменой власти и, не скрывая этого, громко поприветствовали нового капитана. Когда же Гарднер покинул «Разящий» навсегда, сойдя на берег, Хью Трейдер, наконец, дал себе волю:

- Интересно, - сказал он философским тоном, обратившись к Джеймсу, стоявшему рядом с ним, - Похоже, должность капитана теперь может занять любой салага. Как вы думаете, Джеймс, насколько плохо это скажется на авторитете флота Британии?

Несомненно, колкость была сказана с расчетом на то, что она достигнет слуха Брайена, который как раз проходил достаточно близко, направляясь на капитанский мостик. Хью Трейдеру вполне удалось добиться своего. Джеймс не успел даже придумать достойный и безопасный ответ, как, неожиданно, словно что-то вспомнив, капитан Брайтен остановился на месте и, резко изменив направление, подошел к своим лейтенантам.

- Что же, друзья мои, - начал он вполне миролюбиво, окинув сослуживцев невинным взглядом, - Думаю, не только для меня стало неожиданностью моё назначение. Гарднер решил, что я лучше всех подхожу на эту должность, не объясняя причин. Он сказал лишь, что выбирал по заслугам, а в заслугах мы все приблизительно равны.

Затем, тяжело вздохнув, Джон вдруг взглянул на Хью и сокрушенно продолжил:

- Не скажу, что был против такого решения. Но в душе... где-то очень глубоко... я болел за тебя, Хью, как бы плохо это не сказалось на авторитете британского флота!

Взглянув за плечо побледневшему от ярости Трейдеру, Норрингтон увидел, как Рейнолдс и Хадд отчаянно проглотив смешки, закашлялись в кулаки.

«Я болел за тебя». А ведь Джеймс почти забыл эту присказку. Он вспомнил её, лишь, когда капитан Джек Воробей, не в меру расхрабдившийся от своей безнаказанности, позволил себе издевательски сочувствовать отвергнутому невестой противнику. Джеймс тогда хорошо рассмотрел физиономию пирата, и все же он узнал в нём бывшего сослуживца только по этой фразе. Спустя пятнадцать лет в Джеке Воробье почти ничего не осталось от Джона Брайена, молодого капитана линкора «Разящий».

В тот же день назначения, согласно устоявшейся традиции⁶⁷, команда линкора получила разрешение на увольнительную. Все желающие могли отправиться в город, с тем, чтобы выпить за здоровье своего нового капитана. На корабле оставались лишь те, кому не повезло нести вахту.

Капитан Брайен так же собирался отправиться в город. Он, конечно, мог присоединиться к застолью в обществе своих офицеров, однако Джон явно предпочитал Элю⁶⁸ вино вдовы Клико⁶⁹, а болтовне просолённых служак

⁶⁷ Традиция мною выдумана.

⁶⁸ Эль - сорт пива. Pale-ale, готовится из светлого солода, отличается хмелевым вкусом.

⁶⁹ Марка шампанского

объятия очередной своей миловидной знакомой. Джон казался вполне счастливым и довольным жизнью, и у него было с кем отметить свое назначение. Уходя в эту увольнительную вместе с другими лейтенантами, Джеймс видел Брайтена в последний раз.

Они обосновались в небольшой таверне не далеко от порта. Место было не самым лучшим, но в нем хотя бы не было матросов с их линкора, которые теперь радостно чокались за здоровье капитана Брайтена в каждом втором близлежащем кабаке. Это обстоятельство в основном и определило выбор лейтенантов. Хозяин старался угодить благородным гостям как мог, и вино полилось рекой, развязывая языки и проявляя скрываемые мысли. Питер Уотер явно поставил себе задачу выпить как можно больше и в скором времени он уже заснул на столе, переоценив свои возможности. Томас Рикетт и Алан Рейнолдс оказались более стойкими или менее огорченными, а потому они все еще сохраняли способность вести беседу с Норрингтоном и Трейдером, которые и сами уже изрядно «приняли на грудь». Джеймс сидел, мрачно глядя в свою кружку. Его нетрезвое состояние усугублялось неприятной тягучей тоской.

- Забудьте обиду, Хью, - убеждал лейтенант Рикетт, - Теперь уже ничего не изменить.

- Я уверен, Джон будет хорошим капитаном, - добавил он, уже плохо ворочая языком, однако, вздохнув, Томас вновь отпил вина.

- Вы, Рикетт, видимо все еще рассчитываете на должность первого лейтенанта, при вашем друге? - осведомился Трейдер, не хорошо усмехнувшись.

- Джон, хорош-ий человек! - неожиданно отозвался почти уснувший лейтенант Уотер.

- Я верю Брайтену... мы же сами... пришли поздно... вы не правы, Трейдер... сами хотите первым лейтенантом... - бубнил Питер на уровне столешницы, постепенно затихая во сне.

Презрительно взглянув на совсем захмелевшего мальчишку, Трейдер обвел гневным взглядом Рикетта, Норрингтона и Рейнолдса, а затем продолжил:

- А не кажется ли вам, господа офицеры, что служить под командованием такого бесчестного типа, не достойно дворянина?

Как ни странно, ему никто не возразил. Все только молчали, и Джеймс хорошо это помнил. Так же он помнил, что, не смотря на молчание, мысленно был согласен с Питером Уотером. Они сами были виноваты в наложенном на них взыскании. Капитан Гарднер поступил правильно. Но кроме этого Джеймс понимал, что сам был ни чем не хуже Джона, и только злополучная шутка помешала ему занять должность капитана. Уязвленное честолюбие не дало ему тогда высказаться против, и лейтенант Трейдер продолжил «лить яд»:

- Да, я желал получить чин первого лейтенанта, а кто из нас не желал этого? Знаю только одно, господа. Будь на месте Брайтена любой из вас, я выпил бы за его здоровье с большим удовольствием.

С этими словами он выплеснул остатки выпивки прямо на пол, а затем крикнул трактирщику:

- Еще вина!

- Ну и что же нам теперь сделать? Убить его? - мрачно пошутил Рейнолдс.

- Глупость, - отозвался Норрингтон, его начинал раздражать этот разговор.

- Прошу прощения, господа офицеры, - услышали они вдруг и обратили взгляды к говорившему.

- Я случайно слышал ваш разговор, - вкрадчиво уточнил молодой человек лет двадцати не высокого роста. Все время их разговора он видимо сидел за соседним столом, тщательно прислушиваясь к их разговору, и стал «случайным» свидетелем всего сказанного. Неброско одетый он напомнил Норрингтону чиновников не высокого ранга, что появляются и исчезают как тени в самый неподходящий момент. Молодой человек был действительно неприметен.

- Кто вы, черт вас дерит? – нелюбезно отозвался Трейдер, напившийся уже до состояния готовности к драке.

- Моё имя вам вряд ли что-то скажет, джентльмены, - ответил спокойно незнакомец, - Я тот, кто сможет вам помочь.

- Наёмный убийца? – с усмешкой предположил Алан Рейнолдс.

- Лучше, - улыбнулся их сосед, подходя к ним - Я агент Ост-Индийской Торговой Компании, моё имя Бекетт. Моя прямая обязанность избавлять мир от пиратов, зарящихся на чужое.

Затем, мистер Бекетт предложил им выгодную сделку. Он говорил, что это будет отличная шутка, которая заключалась в том, что каждому из лейтенантов, нужно было написать лжесвидетельство об опознании капитана Джона Брайтена. Им ничего не нужно было делать, только не подтвердить личность своего капитана в нескольких строках и поставить подпись. Джеймсу казалось, что Бекетт пообещал тогда, что Брайтена отпустят утром. Джона должны были просто хорошенько проучить, указав ему истинное место, а после выпустить. Впрочем, возможно Джеймс сам придумал себе это.

Трейдер должно быть первым понял тогда о чем на самом деле идет речь. Он нацарапал своё свидетельство первым, а затем передал перо Норрингтону со словами:

- Давайте, Джеймс, один росчерк пера и вы станете нашим капитаном. Вы, а не этот выскочка.

И Джеймс написал. Далее подписи поставили Рейнолдс и Рикетт. Уотер, к тому времени уже давно спал, склонившись головой на стол, и Джеймс составил свидетельство вместо него, а остальные кое-как вразумили мальчишку написать на нем свое имя. Свидетельство от Джорджа Хадда, который тогда стоял на вахте и не пошел с ними, так же пришлось полностью написали самим. Наконец, получив все бумаги, агент Торговой Компании откланялся. Узнав, куда направился Джон Брайтен, он вышел из таверны, а лейтенанты собрались вернуться на свой корабль.

Все стало ясно, когда Джон не вернулся следующим утром. Осознав, что совершили преступление, лейтенанты договорились обо всем молчать. Благо, что Уотер ничего не помнил, а Хадд ничего не знал.

Командованию, конечно же, вскоре стало известно об исчезновении нового капитана. Его искали, но безуспешно, а после, не долго думая, Джону Брайтену заочно предъявили обвинение в дезертирстве. Адмирал категорически отказался передавать вдруг освободившуюся должность какому-либо еще безответственному мальчишке, и Джеймсу так и не довелось тогда стать капитаном «Разящего». Должность занял совсем другой человек, пожилой неврастеник, обожавший лесть. Он тут же назначил Хью Трейдера своим первым лейтенантом.

Норрингтон так и не узнал тогда, куда пропал Брайтен. Он не знал, как проходил его арест, как его клеймили. С того утра Джеймс решил считать его погибшим и не вспоминать больше о листке с размытыми строчками. День форы, данный Норрингтоном бывшему сослуживцу как возможность начать новую жизнь, была своеобразной попыткой успокоить совесть, внезапно встревоженную неожиданной встречей. Однако Джон уже не был Джоном, а давно разочаровавшийся в «честной жизни» Джек Воробей оставил эту возможность не использованной. И размеренная жизнь commodora Норрингтона вскоре пошла под откос.

После гибели «Черной Жемчужины» у Острова Креста Джеймс вздохнул свободно. Чёрное честолюбие, восторжествовавшее пятнадцать лет назад, победило вновь. С той лишь разницей, что теперь Норрингтон был не хозяином положения, а его заложником...

- Адмирал? – раздался вдруг обеспокоенный голос из-за дверей его каюты, - Что-то разбилось? Вы в порядке?

Джеймс пришел в себя. Он поднялся, одернул помятый мундир и, пригладив растрепанные волосы, ответил невидимому собеседнику:

- Все в порядке, капитан Уотер! Распорядитесь сообщить капитану «Королевы Елизаветы», что я жду его у себя.

Глава 14. Живые и мёртвые

Элизабет сама себе напоминала русалку. Она сидела в темном затопленном отсеке «Летучего Голландца» на полу. Изумрудная полумгла освещалась лишь призрачным свечением, исходившим от обшивки и переборок мертвого корабля. Длинные волосы окутывали её словно облако, медленно следуя за каждым поворотом головы. Рыбки, заплывавшие в небольшие щели в бортах, принимали её шевелюру за куст водорослей, и девушке не раз приходилось отмахиваться от назойливой морской живности, облюбовавшей ее волосы в качестве укрытия.

Сразу же, как только Джек перешел на «Черную Жемчужину», пираты Джонса оттащили оставленную им заложницу в тесный отсек, который располагался на юте корабля. Дейви Джонс посчитал это небольшое помещение самым надежным местом заключения. Он хотел сохранить пленницу в целости, поскольку она была единственным его шансом получить обратно украденное Сердце, и вместе с ним свободу. Поскольку клетки для арестованных предназначались для еще не умерших «новобранцев», которых запирали там по несколько десятков человек, с девицей среди них могло случиться все что угодно. Освободить же для заложницы отдельную клетку Джонс не собирался.

Элизабет была только рада. В одиночестве она могла без помех подумать обо всем случившемся, и размышлениям её не мешало абсолютно ничего. В отсеке, где поместили мисс Свон, не было даже того, за что можно было ухватиться при погружении или подъеме «Голландца». А потому, при первом же спуске под воду, когда она соскользнула по наклоненным доскам пола прямо навстречу бурлящему потоку, заполнявшему её отсек, Элизабет пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы не запаниковать.

«Летучий Голландец» проделывал свой путь под водой. Элизабет сидела посреди своей темницы, обхватив колени руками. Она старалась держаться подальше от шевелящихся щупальцев морских полипов и прочей дряни, что обжила бортовые переборки. Как ни старалась мисс Свон, она не смогла сейчас придумать ни плана побега, ни дальнейших действий. Воспоминание о прощании с капитаном «Черной Жемчужины» затмевало собой все, но попытки вызвать в себе праведный гнев почему-то заканчивались неудачей. Еще на палубе «Летучего Голландца», когда капитан Джонс издевательски позволил «голубкам» попрощаться, Элизабет готова была лишить Джека жизни заново. Тогда она действительно хотела его убить, но не сейчас. Капитан Воробей смог изменить её отношение к себе всего лишь парой фраз.

Мисс Свон понимала, как должно быть, трудно было ему сказать те слова, и как он не хотел, чтобы она думала о нем плохо, если решился сказать их. Осознавая это, Элизабет не могла гневаться. Напротив, чувство внутреннего торжества все сильнее охватывало её, когда она вспоминала их прощание.

«Как он сделал это», - думала Элизабет, - «Он признался, но не в своей слабости». Он вовсе не ждал благоговейно приговора суровой возлюбленной. Сумев вложить все, что чувствовал, только в одно слово, Джек просто потребовал доверия и разом смог уничтожить в её сердце всю подозрительность и гнев.

Теперь девушка была почти уверена, в том, о чем догадывалась уже давно и в том, чего ей в тайне очень хотелось. Невероятно, капитан Джек Воробей обещал вернуться за ней. Невозможно, он сказал, «любимая», а она поверила ему. «Может быть, я действительно, что-то значу для него?» - задавалась вопросом белокурая лицемерка, прекрасно зная ответ. «Конечно, я тогда дала ему повод», - скромно признавалась она себе, не без удовольствия вспоминая свою «спасательную» выходку с кандалами. «Но неужели он воспринял все всерьез?» - опять спрашивала она сама себя, пряча слишком довольную улыбку. «Но ведь я не могу ответить ему взаимностью», - увещевала она сама себя, тут же находя оправдание: «Но наверно, я должна дать ему шанс, ведь он действительно добряк, и было бы жестоко никак не поддержать его добрых намерений». Рассуждая так, Элизабет чувствовала

почти умиротворение. Пленница Дейви Джонса, запертая на «Летучем Голландце» без шансов когда-нибудь вернуть себе жизнь и свободу, кусала губы, пытаясь сдержать счастливую улыбку. Одним словом, мисс Свон выглядела так, словно ей только что сделал предложение сам принц Уэльский.

«Его слова не могли быть ложью», - рассуждала мисс Свон, чувствуя душевный подъем, - «Ведь, Джеку незачем было лгать мне. Что он получил бы от этого обмана?» Но её внутренний голос, знал ответ и на этот вопрос: «Только надежду, что ты поверишь ему, что когда-нибудь дашь ему шанс!» - нашептывал он ей.

Наслаждаясь своими догадками, Элизабет избегала только одного - она не позволяла себе слишком пристально заглядывать в собственную душу. Вместо этого, она наконец-то позволила себе признать, что Джек действительно, как она говорила, добряк. Вместе с этим она смогла взглянуть на его поступки несколько иначе. Теперь со спокойной совестью она решила для себя, что хотя его выходки и отличаются эксцентричностью, непредсказуемостью и рискованностью, его способность находить выход из самых невероятных ситуаций, не может не вызывать уважения и возможно даже восхищения. Теперь, предварительно дав себе слово, что её новое отношение навсегда останется для Джека тайной, мисс Свон наслаждаться этими чувствами.

Увы, эти воспоминания были единственным утешением Элизабет.

Удивительно, но за несколько дней, что мисс Свон находилась в плену, к ней ни разу никто не приходил. Никто не заботился о пленнице, равно как и никто не угрожал. Ей не приносили еду или воду, которые ей, конечно, были не нужны, а Джонс, похоже, вообще забыл о ней. В отсеке, где сидела девушка, не было даже двери, в которую можно было бы возмущенно поколотить для развлечения или попытаться открыть. Вернее дверь была, но она так хорошо и быстро вросла в стену, что определить её место расположения Элизабет теперь уже не могла.

«Летучий Голландец» стремительно рассекал подводные глубины, стремясь к неизвестной цели. Тени, изредка заслоняющие узкие щели в его бортах, напоминали мисс Свон и о других кораблях, что следовали сейчас за «Голландцем», как хищная стая за грозным вожаком.

Как смогла заметить пленница, её темница находилась прямо над каютой капитана Джонса и непосредственно под палубой капитанского мостика. Такой вывод был сделан Элизабет благодаря узнаваемым глухим постукиваниям крабовой лапы, которые раздавались то над её головой, то доносились из-под пола. Каждый раз, когда морской дьявол взбирался на капитанский мостик, его тяжелая поступь разносилась, едва ли не по всему кораблю, заставляя моллюсков и актинии, распустившиеся на переборках, пугливо сжиматься. Элизабет и самой становилось не по себе от этих мерных и неторопливых шагов. Но еще более не по себе ей было, когда «Голландец» поднимался на поверхность, и Джонс возвращался в свою каюту. Однажды, в полной могильной тишине корабля, из-под ветхих палубных досок, донеслась тихая переливчатая мелодия - старомодный печальный мотив, которого Элизабет никогда не слышала прежде. Едва уловимые звуки походили на голос музыкальной шкатулки, который казался слишком призрачным и нереальным для такого нечеловеческого места. Отжимая воду из волос, Элизабет замерла на месте, прислушиваясь. Стараясь не потерять этой мелодии из-за случайно скрипнувших досок, девушка осторожно приблизилась к щели, ведущей насквозь в каюту капитана, и, распластавшись прямо на полу, прильнула к щели ухом. Но, к сожалению, мелодия уже утихла. Она прозвучала лишь единожды и, через некоторое время, Элизабет почти уверилась, что услышанное было лишь плодом её воображения.

По ощущениям заложницы, с тех пор как она оказалась на «Летучем Голландце», прошло не более трех дней. На третьи сутки пути «Летучий» выплыл из глубины и встал на рейде у небольшого островка и, как только это произошло, Элизабет воспользовалась удачным расположением своей темницы в полной мере. Проще говоря, как только корабль Джонса поднялся выше

уровня моря, мисс Свон без зазрения совести начала использовать любую возможность для подслушивания, и очень скоро была в курсе всего, что происходило на капитанском мостике. Ей удалось выяснить, что остров, у которого они остановились, называется Исла де Кулебра⁷⁰, и что это именно то место, у которого должна состояться встреча эскадры мертвых с мистером Норрингтоном.

Элизабет не знала, радоваться ей этой новости или нет. Обида на бывшего коммодора, оставившего их без последнего шанса на спасение, была очень сильна. Его поступок имел слишком много последствий, чтобы просто забыть о нём, но с другой стороны девушка была непротив выбраться с проклятого корабля. А потому, мысль о том, чтобы привлечь внимание Джеймса просьбой о помощи, сейчас показалась мисс Элизабет очень соблазнительной. Мучимая сомнениями и решив про себя не раз, что ожидание в полном бездействии является самой ужасной карой, пленница едва дождалась конца дня.

Она бродила в своем отсеке вдоль корабельного борта, обращенного к морю, пытаясь заглядывать в щели, чтобы разглядеть приближающийся к ним корабль. Наконец, он показался, и Элизабет узнала его. Эта была «Старушка Бетти», как её шутливо прозвали капитаны ямайской эскадры. Некогда величественный, а ныне слишком одряхлевший фрегат «Королева Елизавета» встал на рейде неподалёку от них и спустил на воду шлюпку, которая тут же направилась в сторону «Летучего Голландца».

Наконец, услышав из-под пола тяжкую поступь морского дьявола и шаги множества людей следовавших за ним, Элизабет тут же прикинула к щели ведущей в каюту капитана Джонса. Пытаясь рассмотреть тех, кто собрался у него, мисс Свон заметила внушительную шляпу морского дьявола, узнаваемо возвышавшуюся над вошедшими. Джонс прошел в глубь и встал почти под тем местом, где его пленница, отделенная только тонкой потолочной переборкой, притаилась в верхнем деке⁷¹.

Со всех сторон, капитана Джонса окружали пираты. Судя по остаткам разложившихся одежд, все они принадлежали разным народам и временам, и были капитанами с поднятых из Чёртовой Прорвы судов. Норрингтон появился последним, бывшая невеста едва узнала его.

Джеймс сильно изменился с тех пор как был подобран капитаном Джеком Воробьем на Тортуге. Он вновь носил синий морской мундир, который Элизабет определила как адмиральский, и имел при себе весьма знакомую шпагу. Несомненно, лорд Бекетт вернул его на службу и, судя по всему, весьма успешно. Но теперь мисс Свон понимала как никогда – от бывшего Джеймса Норрингтона, охотно верившего ей, не осталось и следа. Отказавшись от мысли просить его помощи, Элизабет вся обратилась в слух, ожидая узнать хотя бы, зачем был созван этот совет живых и мёртвых.

Между тем, не торопясь, адмирал прошел между расступившимися пиратами, оценивая рассматривая едва ли не каждого. В этот момент, он отчего-то напомнил Элизабет посетителя в музее. Впрочем, Норрингтон явно испытывал отвращение ко всем присутствующим. Собственно, как и присутствующие к нему.

- Осматриваете новобранцев, мистер Норрингтон? – поинтересовался морской дьявол, принимаясь вновь попыхивать своей трубкой. Дым от неё предательски поднялся к потолку, затмевая для Элизабет картину происходящего.

- Корабли отборные, капитаны тоже, – с деланным усердием похвалился Джонс, явно не нуждаясь ни в чьем одобрении, – Все как вы приказывали, мистер.

- Адмирал... – поправил его Джеймс абсолютно безразличным голосом, – Адмирал Норрингтон. Я вижу, мистер Джонс, вы постарались на славу. Не судите меня за любопытство, не всякий день увидишь столько легендарных разбойников, собравшихся ради общего дела.

⁷⁰ Исла де Кулебра – остров змей (исп.)

⁷¹ Дек – пространство между двумя палубами на корабле.

Пираты, явно не одобряли этого высказывания, но Джонс успокоил недовольство одним взглядом. Выпустив клуб дыма, он не желал продлевать светскую беседу, и ждал только услышать, наконец, подробности об этом самом деле. Элизабет ожидала тоже.

- Итак, - начал Норрингтон, - я думаю, губернатор Бекетт будет весьма доволен, вашими стараниями, мистер Джонс. Теперь, когда выполнено первое условие нашего уговора, я должен сообщить вам дальнейший план действий.

Услышав слова «губернатор Бекетт» Элизабет замерла, не в силах пошевелиться, а Джеймс, сделав небольшую эффектную паузу, продолжил:

- Губернатор Бекетт приказывает вам следующее: ровно через день после отплытия «Королевы Елизаветы» с Исла де Кулебра вы и ваша эскадра должны отправляться в сторону Ямайки. Лорд Бекетт приказывает вам и вашей эскадре напасть и разграбить Порт-Ройял.

Элизабет показалось, что холод корабельных досок пробирает её насквозь. словно лишившись последних сил, она лежала на полу своего отсека, отказываясь осознавать то, что сказал Джеймс. Среди пиратов поднялся гул одобрения. Видимо слухи о богатствах ямайской столицы достигли уже и Чертовой Прорвы. Джонс же, совершенно не удивился такому приказу, и продолжал внимательно слушать посредника своего работодателя.

- По прибытии на Ямайку вы вступите в бой, - продолжал Джеймс, подходя к кормовому окну и апатично рассматривая вид за ним, - С моей эскадрой и гарнизоном форта. Сопротивление будет чисто символическим, об этом я позабочусь. В обязательном порядке вы должны потопить «Королеву Елизавету», а остальные корабли можете отправлять на дно по вашему усмотрению, но линкоры «Картахена», «Эндевор» и «Либертина» должны остаться на плаву. Их нужно сохранить. Постарайтесь так же не особо калечить их команды. После того как сопротивление моей эскадры будет сломлено, ваша команда может высадиться в городе.

Джеймс умолк.

- Это все? - спросил Джонс спокойным тоном так, словно его попросили всего лишь совершить погружение «Голландца» на дно. Норрингтон ответил через секунду, все так же, не отрываясь от окна:

- В городе вы должны устроить погром. Ваши команды могут грабить горожан и форт, но главное что вы должны сделать - ворваться в губернаторское казначейство. Это обязательно. После, можете убираться прочь. Да, и еще... к дому самого губернатора, вы не должны подходить, ни при каких условиях.

Элизабет не видела, но была уверена, что, задав следующий вопрос, Дейви Джонс ухмыльнулся:

- А казначейство, надо полагать, уже ограблено самим губернатором? И денежки в надежном месте?

Проигнорировав этот вопрос, Норрингтон обернулся к морскому дьяволу и твердо закончил:

- Когда вы завершите все в Порт-Ройяле, губернатор приказывает вам отправиться на близлежащие к Ямайке острова, вы знаете какие. Ваша эскадра должна будет присоединиться к моим уцелевшим кораблям, чтобы устроить карательный поход на Тортугу.

Услышав это Дейви Джонс, рассмеялся и тут же нахально отозвался предположением:

- Конечно, ведь правительству нет разницы, напали на город живые пираты или мертвые?

- Совершенно верно, - ответил ему Джеймс, становясь напротив морского дьявола.

- Да, кстати, - сказал он вдруг, желая, видимо, оставить последнее слово за собой, - Все, что ваши люди возьмут в городе, вы должны будете сдать на «Картахену», сразу же после похода на Тортугу.

Эти слова Элизабет уже едва расслышала. С трудом, преодолев охватившую её слабость, девушка села на полу своей темницы. Голова словно разрывалась: «Порт-Ройял. Лорд Бекетт – губернатор. Что он сделал с отцом? А

что станет с Джеком? Ведь отправившись к Бекетту, он попадет в самое пекло? А если не отправится, его все равно убьют на Тортуге, куда он точно вернется в любом случае» Девушка растерянно потерла лоб. Еще не зная, что предпринять, она вновь прильнула к щели в полу.

- Что же Порт-Ройял, так Порт-Ройял, - миролюбиво согласился Дейви Джонс с Норрингтоном, вновь раскуривая трубку.

Морской дьявол смотрел на адмирала-пирата, и его лица не было видно за полями огромной шляпы. Но вдруг, выдохнув очередное облачко дыма, человек-спрут поднял голову к потолку кают-компания и посмотрел в упор на Элизабет. Девушка пришла в ужас и тут же отшатнулась прочь от щели. Сквозь доски он не смог бы её увидеть, но сейчас мисс Свон была уверена – Джонс знал, что она их подслушивала. В момент, когда он взглянул вверх, ей показалось, что он посмотрел прямо в её глаза. Элизабет ничего не успела предпринять, как в ту же минуту переборка под ней разошлась и девушка с криком провалилась в кают-компанию.

Элизабет обрушилась прямо на головы собравшимся внизу мертвецам. При этом она очень удачно упала прямо кому-то из них на руки. Взглянув в лицо того, кто успел её подхватить, Элизабет потеряла дар речи со страха, вызвав этим у поймавшего её пирата полный восторг:

- Леди! Какая честь для меня! – развязано рассмеялся полусгнивший «кавалер», улыбаясь во весь рот.

Едва ли его теперь можно было узнать, но молодецки закрученные усы и окладистая борода выдавали в нем некогда весьма известную личность, и Элизабет вспомнила, кого напоминало ей это обезображенное лицо. В её «книжках про пиратов» были картинки.

- Но неприлично так обращаться к даме, - галантно продолжил пират, склоняясь к самому лицу перепуганной девушки, - Позвольте мне представиться! Сэр Морган⁷² к вашим услугам, леди! Но таким крошкам как вы, я разрешаю называть себя просто Генри! А теперь познакомьтесь с остальными! Франсуа, держи!

Мисс Свон не успела даже пискнуть в протест, как, сказав это, сэр Генри легко перебросил её на руки другому рыжебородому мертвецу.

- Франсуа Л'Оллоне⁷³, мадемуазель! – тут же представился кривой на один глаз пират, гнусавя с французским акцентом. По виду он казался настоящим мерзавцем, а его лицо и тело были располосовано множеством шрамов. Подхватив Элизабет, он сипло рассмеялся и перебросил девушку в руки своему соседу, коренастому верзиле.

- Контр-адмирал Френсис Кналлейс⁷⁴, мисс! – прорычал тот, неприятно сжав её в объятиях, но Элизабет уже пришла в себя. Отчаянно рванувшись из его грубых лап, мисс Свон удалось освободиться, тут же упав на пол. Далее она не видела, кто поднял её за шиворот и поставил на ноги. В следующий момент Элизабет уже начали трясти и швырять друг к другу с угрожающими криками:

- Подслушивала, дрянь?!

- Выпустим ей кишки, да и дело с концом!

- А хороша крошка, как жаль, что я мертв!

Элизабет, взвизгивая, отбивалась от окруживших её мертвецов. В душе она понимала, что это представление длится лишь до тех пор, пока позволяет Дейви Джонс. Он же не мог не понимать, что капитан Джек Воробей захочет обменять Сердце на «свою женщину», только в случае, если она останется в целости и сохранности. В этот момент Элизабет надеялась на свою ценность в качестве заложницы, как никогда. Но Дейви Джонс не спешил прекратить веселье своих капитанов, продолжая безразлично наблюдать за всем со

⁷² Генри Морган (1635 – 1688 гг.) – возможно один из наиболее выдающихся пиратов и корсаров, получил рыцарский титул и должность губернатора Ямайки.

⁷³ Франсуа Л'Оллоне (Жан-Давид Нау) – французский пират, один из самых жестоких.

⁷⁴ Френсис Кналлейс (Англия, около 1585) – контр-адмирал флота Френсиса Дрейка во время похода в Восточную Индию, известно о значительных разногласиях между Кналлейсом и Дрейком.

стороны. Неожиданно Элизабет услышала голос Джеймса Норрингтона. Стараясь не выдавать волнения, бывший коммодор осведомился как можно более не заинтересованно:

- Капитан Джонс, откуда у вас на борту... эта женщина?

Морской Дьявол ответил ему совершенно спокойно:

- Это не ваше дело, мистер Норрингтон. А вы наверно уже хотите забрать её? Если это так, то на сей раз я вам откажу...

Выдохнув струйку дыма прямо в лицо адмирала, морской дьявол продолжил, едва ли не со злорадством:

- Ведь мы не заключали с лордом Бекеттом договора о выдаче пленников.

Между тем, Элизабет уже подтащили к Джонсу, и поставили лицом к лицу с ним. Гордо вскинув голову, в попытке убрать с лица растрепанные волосы, Элизабет взглянула на Норрингтона со всем презрением, на какое была способна, но Джеймс остался хладнокровен:

- Никогда не поздно внести в договор новые пункты, - пробормотал он себе под нос, выдержав её взгляд. Тем временем Джонс издевательски обратился к своей пленнице:

- Что же нам теперь с вами делать, леди?

- Отдайте её мне, - раздался вдруг знакомый голос у неё за спиной. Элизабет узнала его, не смотря на примешивающиеся к словам булькающие звуки. Еще не видя того, кто произнес это требование, девушка замерла от ужаса. Да, его появление среди этих отборных головорезов было вполне предсказуемо. Мисс Свон заставила себя обернуться. Лицо было еще узнаваемым, хотя и сильно обожжено. Но, не смотря на это, бывшая «наложница» узнала своего «хозяина». В свое время, она слишком хорошо рассмотрела негодяя, чтобы не узнать его сейчас. Капитан Сяо Фенг стоял в толпе мертвых капитанов, скрестив руки на груди и не сводя взгляда с когда-то ускользнувшей от него добычи. Джонс заинтересованно прищурил водянистые глаза. Он явно уже оценил все произошедшее, через секунду, вынув коралловый мундштук своей трубки из беззубой щели рта, он задумчиво повторил:

- В Порт-Ройял, так в Порт-Ройял...

Мокрые щупальца скользнули по лицу Элизабет, заставив её поморщиться.

- Леди получит тот, кто в сражении у Порт-Ройяла убьет капитана Джека Воробья, - провозгласил, наконец, Джонс. Душа Элизабет ушла в пятки.

- Я думал, капитан Воробей мертв, - мрачно сказал Норрингтон.

- Думайте лучше о вашем походе на Тортугу, - ответил ему морской дьявол, спокойный словно штиль.

Глава 15. Шкатулка без медальона

«Летучий Голландец» словно разрастался сам по себе, постепенно превращаясь в настоящую плавучую крепость. Изнутри он оказался еще больше, чем представлялось снаружи. Элизабет убедилась в этом лично, когда двое рыболодов потащили её в трюм по темным нижним палубам и трапам. Но, в конце концов, вырвавшись из их грубых лап и одарив утопленников гневным взглядом, мисс Свон добилась возможности идти без чьей-либо помощи и теперь шагала среди своего конвоя с видом пленной Жанны д'Арк.

После того как заложница «проломила» потолок капитанской каюты, Дейви Джонс решил, что до поры до времени новым местом заключения любопытной девицы все же станет арестантская клетка. Именно туда теперь и вели Элизабет. Временами, тыкая ржавыми клинками в её спину, скалящиеся монстры подгоняли заложницу вперед. Она же шла, совершенно игнорируя их недружелюбие и сохраняя королевскую осанку. Элизабет размышляла о своеобразном чувстве юмора Дейви Джонса. Видимо, морской дьявол действительно ненавидел женщин вообще и её в частности раз из всех присутствующих в кают-компании головорезов, он приказал «сопровождать» её

в трюм самому неприятному для Элизабет типу – Сяо Фенгу. Китайский пират напротив был весьма доволен этим обстоятельством.

Недобро ухмыляясь, он шел впереди неё, освещая путь коптящим факелом. Световые блики от пламени танцевали на влажном дереве корабельного остова и остатках обшивки, заставляя моллюсков сжиматься и закрывать створки раковин. Шпангоуты «Летучего Голландца» торчали словно ребра, а мутная зеленая вода, затопившая трюм почти по колено, напоминала содержимое желудка гигантского монстра. На мгновение Элизабет показалось, что она спускается в брюхо Кракена. С трудом отогнав прочь эту мысль, она пробиралась следом за Фенгом между бочками, плавающими в трюме, стараясь не размышлять над тем, что еще могло плавать в этой мерзкой тинистой воде.

Укрепив факел на стене, Сяо Фенг громыхнул изъеденным солью засовом и отворил лязгающую дверь клетки. С видом гостеприимного хозяина жестом он предложил пленнице войти внутрь. Презрительно взглянув на пирата, Элизабет прошла мимо и уже сделала шаг внутрь своего узилища, как вдруг её схватили за волосы и с силой выволокли обратно. Через мгновение с перекошенным от ярости лицом Фенг уже грубо прижал девушку к переборке.

- Воровка! – прошипел Сяо ей на ухо.

- Не смейте прикасаться ко мне! – дерзко заявила Элизабет, приходя в себя, - Я не принадлежу вам, пока жив капитан Джек Воробей!

Сказав это, она рассчитывала напомнить о приказе Джонса, поскольку, потеряв над собой контроль, капитан Фенг явно забыл о словах своего хозяина. Бесстрашно посмотрев в глаза изуродованного утопленника, Элизабет выдержала его горящий гневом взгляд. Ей только оставалось надеяться, что её напоминание не окажется теперь для Сяо Фенга пустым звуком.

- Пока жив! – уточнил Сяо у её уха неестественно любезным тоном, - Вы даже не представляете, мисс, какое удовольствие доставит мне его смерть!

После этого, Фенг с силой втолкнул Элизабет в клетку и запер дверь. Едва не ударившись лбом о решетку, девушка уцепилась за прутья и с облегчением почувствовала себя почти в безопасности.

- К сожалению, я так и не смог ощутить тепла твоего тела и теперь уже не смогу, - цинично сожалел капитан из-за дверной решетки, - Но, будучи запертой в Чертовой Прорве, ты скрасишь мне годы и годы ожидания Страшного суда. Обещаю, того, кого ты называешь Воробьем, убью я.

Элизабет обернулась к пирату, рыболоуды наблюдали за ними, ухмыляясь.

- Я бы пожала руку тому, кто вас убил! – бесстрашно заявила пленница, поднимаясь на ноги.

- К сожалению, для вас – это невозможно, - ухмыльнулся Фенг и, тут же помрачнев, продолжил:

- Не скрою, ваше бегство меня разгневало, я отправился в погоню. Ваша жалкая джонка была настигнута не далеко от Суматры. Но, к сожалению, я не смог найти ни вас, мисс, ни то, что вы у меня украли. Я нашел свою смерть. Признаю, это был достойное сражение, но пожать руку моему убийце никому больше не удастся.

- Тот юноша был храбрецом, - произнес китаец почти с уважением, - Теперь он мёртв.

- А имя его должно быть вам знакомо? – предположил вдруг Фенг, - Окружающие называли его Тёрнером.

Если бы Элизабет была жива, она бы побледнела. Но сейчас она только смогла отступить на шаг в глубь клетки, пораженная тем, что сказал её враг.

- До встречи, мисс - попрощался Фенг, - До скорой встречи.

С этими словами капитан Сяо Фенг снял со стены чадающий факел и направился к трапу. Рыболоуды последовали за ним, поднимая в затопленном трюме волнение. Через несколько минут пятно света от факела исчезло в верхнем деке, и Элизабет осталась в темноте, едва разгоняемой вечерними отсветами солнца, проникающими сверху в дыру между палубными досками.

Прислонившись спиной к решетке, Элизабет молчала. Тяжесть появившаяся в её груди, словно клонила к земле. Мысль о том, что Уилл может

быть давно убит, совсем не приходила в её голову. Более того, она вообще забыла о своем нареченном. Скорее даже она намеренно не хотела вспоминать о нем. словно отгораживаясь от чувства вины перед тем, кому обещала своё сердце, за то, что так долго обманывала его, за то, что отстранялась от него и за то, что все чаще думала не о нём.

Теперь же стыдиться было не перед кем. Но отчего-то лучше от этого Элизабет не стало. Напротив, она впервые по настоящему почувствовала себя предательницей. Не нужно было особой наблюдательности, чтобы понять – если и был среди них человек самый не заинтересованный в путешествии к Чёртовой Прорве, это был Уилл Тёрнер. И все же, не смотря ни на что, верный своей невесте Уилл отправился в это плавание. Только ради неё. И вот теперь он мёртв.

«Уилл мёртв? Этого не может быть... Этого не должно было случиться, только не с ним. Он не мог!» – мысленно протестовала Элизабет, почувствовав себя вдруг маленькой и беззащитной. Она не трусила, нет. Она не трусила даже в детстве. Она не привыкла бояться, сгибаться перед опасностями, отступать. И причиной тому отчасти был верный Уилл, который приучил её к мысли, что он всегда где-то рядом и всегда придет на помощь. Теперь же, Элизабет как никогда прежде чувствовала, что осталась совершенно одна, не смотря на то, что она все же надеялась на возвращение Джека.

Мисс Свон хотелось плакать. Из-за Уилла, из-за себя и немножечко из-за Джека. Но слёз не было. Чтобы облегчить душу, она должна была вернуться к жизни. Надежда же на спасение угасала с каждой секундой. Ведь как бы то ни было, мисс Свон понимала, что надежда эта слишком призрачна. Уилл теперь больше никогда не сможет помочь ей, а Джек... Джек даже если и искренне желает спасти её то, слишком много смертельных опасностей предстоит ему преодолеть на обратном пути на «Летучий Голландец». Тем более теперь, когда Дейви Джонс натравил на него всю свою эскадру. Элизабет не была уверена, захочет ли пират подвергнуть свою вновь обретенную жизнь такому риску.

Все это значило одно – отныне освобождение с «Летучего Голландца» было только в её собственных руках. Собравшись с мыслями, девушка смогла справиться с тоской подрывавшей её силы. Она не собиралась сдаваться и теперь нашла для себя новую цель – побег.

Намерение сбежать с «Летучего Голландца» не дожидаясь чьей-либо помощи, было тем более актуально, учитывая, что Дейви Джонс пообещал Элизабет своим пиратам в качестве награды. Правда, бежать было некуда. Даже если бы Элизабет и удалось какими-нибудь ухищрениями выбраться из трюма, единственным местом, где она могла укрыться, был близлежащий Исла де Кулебра. Само собой, в первую очередь Дейви Джонс приказал бы искать заложницу там, а несколько тысяч уопленников его эскадры мгновенно перебрали бы островок по камешку.

Кроме того, название этого клочка земли говорило само за себя. Выяснять, действительно ли змеи являются его полноправными хозяевами, Элизабет совершенно не хотелось. Размыслив, таким образом, мисс Свон пришла к выводу, что лучшим моментом для побега остаётся прибытие «Летучего» в Порт-Ройял. В конце концов, она прожила в этом городе более десяти лет своей жизни. Воспользоваться неразберихой в бою, украсть шлюпку и добраться до берега, когда пираты подойдут к городу – вот был лучший вариант, который она видела. Девушка была уверена, что затеряться в городе будет проще, Бекетт её появления наверняка не ожидает, а Джонсу тогда уже будет не до неё. Отчасти Элизабет надеялась, что Джек тоже окажется где-нибудь поблизости, и вместе они смогут выкрутиться. И еще, ей очень хотелось разыскать своего отца.

Наметившийся было план, обнадежил пленницу, но два обстоятельства по-прежнему не давали ей покоя. Побег с «Голландца» возвращал ей свободу, но не жизнь. Кроме того, даже чтобы пробраться к шлюпке, нужно было для начала выбраться из трюма.

Ход мыслей мисс Свон прервал приказ Джонса донёсшийся сверху, следом за постукиванием его крабовой ноги:

- Готовьтесь к бою!
- Будет исполнено капитан! Зададим им жару! – слышался в ответ знакомый злобный рык акуломордого верзилы.
- Вот и шанс, мистер Джонс, показать, на что способна ваша эскадра, – резюмировал безразличный голос, и Элизабет узнала Норрингтона, – Надеюсь, этот бриг не сможет от вас уйти?

Ответа не последовало, но видимо, Дейви Джонс вообще не удостоивал ответом подобные вопросы. Вместо этого до Элизабет донеслось насмешливое ворчание все того же акуломорда и неуклюжий топот, перекрывающий уже удаляющиеся голоса Моргана, Л'Оллоне и других, который указывал на то, что команда «Голландца» уже бросилась выполнять приказ капитана.

Какому-то судну явно не повезло подойти к Исла де Кулебра слишком близко и стать свидетелем слишком многого. Несомненно «Летучий Голландец», да и другие корабли готовились к бою. Корпус разворачивался и вода, бившая в борт, хлестала под напором во все щели. Кряхтение такелажа и дерева в темноте казалось особо зловещим. Слово обладая своим голосом и страдающей душой, привязанной к полусгнившему остову, корабль-призрак проклинал свою судьбу.

Схватившись на ощупь за решетку своей клетки, Элизабет старалась не упасть в воду, когда корпус сотрясли удары ядер из орудий оборонявшихся. Сражение не заняло много времени.

Сначала сверху раздавался грохот и мелькали всполохи залпов, скрежет металла мешался со скрипом разбиваемого ядрами дерева и криками гибнущих. Затем всё стихло. «Голландец» погрузился в неестественную тишину, и Элизабет поняла, что морской дьявол и его команда направились на захваченное судно, чтобы вершить суд и подбивать слабые души идти в добровольное рабство. Пытаясь найти хоть какую-то возможность узнать, какой корабль стал жертвой нападения, Элизабет напряженно вслушивалась в темноту, поднимая голову к пролому в палубе, который уже почти не давал света. Но расслышать что-то из трюма было не возможно. Все, что улавливало её ухо – это журчание воды и падение капель с потолка.

Сколько прошло времени, Элизабет не знала, но это ожидание показалось ей вечностью. Наконец, свет факелов разорвал темноту затхлого трюма, и, тяжело шлёпая лапами по покосившейся лестнице трапа, все те же рыболуды спустились трюм второй раз за этот вечер.

Инстинктивно Элизабет отошла в глубь клетки. Рыболуды тащили обессиливших от ужаса пленников под локти и через мгновение, издевательски хохоча, почти швырнули их в арестантскую, где сидела заложница.

- А это ваша персональная каюта, сеньоры! Посидите-ка пока здесь, продажные душонки! – злорадно гнусавил один из них, выглядывая из раковины, поглотившей его голову.

- Вам тут не будет скучно! – поддержал другой, многозначительно взглянув на мисс Свон, которую все еще не заметили её «соседи», хватавшиеся за решетку. Услышав это, Элизабет вопросительно изогнула бровь и замерла, дабы не произвести ни единого обнаруживающего её звука.

- Я... Я не хочу умирать!! – сорвался вдруг на крик один из пленников, трясаясь всем телом. Его товарищ по несчастью тоже дрожал, но не проронил ни звука. Черноволосый и высокий он словно застыл, не позволяя себе обнажить эмоции.

- Ну-ну, сеньоры! – пригрозил утопленник-ракушка, и злобно ударил своим клинком по двери клетки, – Никто не хотел! Пойдем отсюда, Хосе, и оставь им один факел. Пусть полубоятся.

Хохотнув своей шутке, «ракушка» направился к трапу пока Хосе не без злорадства исполнял его просьбу. Элизабет молча наблюдала за пленниками, оказавшимися с ней в одной «каюте». Те же пожирая глазами трепет спасительного пламени, застыли у решетки, так и не обернувшись к девушке. Проявивший слабость моряк в промокшей насквозь парусиновой рубашке теперь тихонько скулил, шмыгая носом и пытаясь произносить какие-то молитвы.

Приблизительно минуту, был слышен лишь его голос да треск факела, воткнутого в стену.

- Проклятая баба! – огрызнулся вдруг его сосед, - Все из-за неё. Угробила «Гарпию» и сама подохла! Дернуло же её идти сюда. Надеюсь, черти устроят ей хороший прием в преисподней! Как бы я хотел быть среди них!

- Анамария... Анамария... - отозвался вдруг его товарищ, с трудом говоря сквозь дрожь, - Она говорила, что заплатила им... заплатила она! Они не должны были... за что они нас?!

- Заткнись! – огрызнулся черноволосый, - Ты пожелал оказаться здесь сам, так же как и я.

Сказав это, пират устало отвернулся от дверной решетки и встретился взглядом с Элизабет.

- А это еще кто? - через мгновение пленник уже сделал шаг навстречу Элизабет, желая рассмотреть её лучше. На лице его отразилось нечто среднее между удивлением и радостью. Увидеть в арестантской клетке «Летучего Голландца» женщину, он явно не ожидал.

- Так вот, почему нам не должно было быть скучно, - усмехнулся он в полголоса.

- Д-девка... - заикаясь, выдавил его товарищ, тоже рассмотрев Элизабет. От удивления, он уже забыл о своих переживаниях и, все еще икая, уставился на мисс Свон.

Элизабет оценивающе смерила их обоих взглядом, лихорадочно соображая, что ей теперь делать. Пленники не догадывались, что оказавшаяся с ними в одной клетке девушка мертва и уже с интересом рассматривали все, что не скрывала её промокшая до нитки рубашка. Вдруг, не дожидаясь пока они окончательно придут в себя, Элизабет резко нарушила молчание:

- Я тебе не девка, дружок!

Голос её сам собой стал твердым, по-мальчишески задиристым и наглым. Таким же, когда полтора года назад, впервые переодевшись в мужской наряд, мисс Свон отправилась разыскивать капитана Джека Воробья.

- Я Лиззи-Заноза с «Черной Жемчужины»! На Тортуге все собаки знают нашего капитана - Джека Воробья, а ты разве не знаешь? – поинтересовалась она почти издевательски.

«Господи, что я говорю!» - думала Элизабет, продолжая все так же невозмутимо смотреть на ошалевших пиратов. Она сложила руки на груди, ненавязчиво мешая наглым взглядам рассматривать её тело под мокрой рубашкой. Элизабет пришлось немного изменить былую роль, но справлялась она с ней, по-видимому, не плохо. «Продажные души» остановились и переглянулись. Какое-никакое размышление вытеснило с их лиц затравленное выражение и вернуло более ли менее человеческий вид. Наконец, словно что-то припоминая, черноволосый переспросил:

- «Черная Жемчужина», говоришь? Как же, помню. Кто её не знает. Только она пошла на дно вместе с капитаном. На Тортуге это всем известно. Даже собакам.

Сказав последнюю фразу, пират неприятно и как-то уж слишком злорадно осклабился, действительно напомнив пса. Внутренне содрогнувшись от этой «улыбки», Элизабет презрительно хмыкнула и шагнула ближе к двери, показывая, что совершенно его не боится:

- Конечно, встреча с «Голландцем» не прошла даром и для нас, - заявила девушка чуть раздраженно, - Иначе как бы я оказалась здесь? Меня взяли в плен, но только с чего вы взяли, что погиб наш капитан?

- Джек Воробей ушёл от Джонса живым? – недоверчиво изумился второй пират, справившись, наконец, с икотой.

- Капитан Джек Воробей! – строго поправила Элизабет.

- Неужели вы не слышали, что ему по силам обвести вокруг пальца кого угодно, будь то хоть Дейви Джонс? – разочарованно спросила она, вальяжно прислонившись спиной к решетке.

Элизабет начинала входить во вкус. Её напор явно изменил их намерения выместить на ней злость за все свои неудачи. Хотя и недоверчиво,

но они все же слушали самоуверенную девицу. И решив воспользоваться этим, девушка поспешила вдохновенно продолжить:

- Послушайте, - сказала она, подражая доверительному тону Джека, - Вам ведь не хочется сгнить в этой клетке заживо?

Не услышав подтверждения, Элизабет решила, что они согласны. «Втроем выбраться из трюма было бы проще» - размышляла мисс Свон.

- Почему бы нам тогда не выбраться отсюда? - поинтересовалась она у пленников, тут же озвучивая свои мысли, - Втроем это сделать будет проще...

Слабый духом пират явно колебался, но его хладнокровный приятель был против инициативы проявляемой не в меру смелой девчонкой.

- Ты то может и в плену... но мы дали клятву! - отмел он её предложение, зло усмехнувшись, - Нам нет пути назад, детка. И я лучше сгнию заживо, чем еще хоть раз в жизни послушаюсь бабу! Поняла?

Не говоря более ни слова, он схватил девушку за воротник и рванул к себе. Ткань неприятно затрещала.

- И раз мы будем гнить вместе, крошка, отныне ты будешь слушаться меня - Брайта-побирушку! И мне плевать на твоего капитана! Будь он хоть трижды жив и изворотлив!

С этими словами он ударил её об решетку и тут же сжал горло. Элизабет не чувствовала боли, да и дышать она все равно не могла, но безумный блеск в глазах Брайта-побирушки не предвещал ничего хорошего. Преодолев инстинктивное желание освободить горло, девушка попыталась ударить негодая. Он же держал её на расстоянии вытянутой руки и только хохотал, ловко увертываясь неуклюжих взмахов её кулачков.

- Тише, детка, - увещевал он издевательски, - Иначе придется свернуть твою тонкую шейку!

Элизабет же не сдавалась и, наконец, попала в цель. Ответный удар был ощутимым, даже не смотря на бесчувственность умершего тела. Отлетев в угол клетки, Элизабет плюхнулась в воду, не удержавшись на ногах и с ненавистью взглянула на посмеявшегося ударить её мерзавца. Он же приближался:

- Для начала я всего лишь проверю, нет ли при тебе чего-нибудь ценного, из того, что принадлежало прежде мне. А то я знаю, таких как ты! И глазом не успеешь моргнуть, как обчистишь до нитки!

Рванув её за шиворот жилета, пират поднял девушку на ноги и тут же начал шарить по её карманам. Его приятель не предпринимал никаких попыток помешать этому. Намерения негодая, схватившего её, не оставляли сомнений. Зажав жертву в угол, и не смотря на яростное сопротивление, Побирушка уже не только обшарил карманы Элизабет, но и успел стащить с неё портупею. Теперь же, гнусно ухмыляясь, он пытался добраться пряжки на ремне, стягивающем её талию.

Неожиданно сквозь прогнившие переборки и толщу палуб в трюм донеслись хриплые крики обитателей мертвого корабля: «Вниз! Вниз! На дно!». «Голландец» дрогнул и резко накренился на нос. Ревущий поток ворвался в трюм, сбивая с ног пленников запертых в клетке. Вода крутилась пенным буруном, сметая на своем пути бочки, обломки кораллов и дерева. Через мгновение волна поглотила чадивший на стене факел и с неимоверной силой отбросила от Элизабет её обидчика.

Оставшись в полной темноте, девушка судорожно вцепилась в решетку, не в силах отпустить прутья. Пираты, тут же забыв о ней, начали бросаться из одного конца в клетки в другой. Тщетно пытались найти выход, они колотили в прутья, звали на помощь, но все было бесполезно. Элизабет забилась в угол, словно кожей ощущая их панику, и только по надрывным крикам понимая, где сейчас находится тот или другой продавшийся Джонсу пират. Элизабет знала - они обречены. Вода неумолимо заливала трюм. Наконец, волна накрыла с головой и её, заглушив, наконец, их вопли уже лишенные чего-либо человеческого.

Всю ночь Элизабет просидела в углу клетки, зажмурившись и больше всего на свете желая, чтобы трупы погибших оставались в противоположной ей стороне. На рассвете же в трюм опять явились двое рыболовов. Когда они

затопали по трапу, Элизабет всё еще сидела, забившись в угол и не желая открывать глаза, словно надеясь, что клетка, трупы и гниющий корабль растворятся, как кошмарный сон, но плеск воды подсказывал, что пираты Джонса спустились в трюм и уже шлепают к двери арестантской клетки.

- Эй, сеньорита! – окликнул её гнусавый голос, после того как лязгнул замок. Элизабет открыла, наконец, глаза и взглянула на позвавшего её монстра. Вода каким-то образом ушла, оставив трюм как прежде затопленным на половину. Видимо «Летучий Голландец» снова поднялся на поверхность.

- Капитан Джонс приказал доставить тебя в его каюту, - объяснил своё появление давешний человек-ракушка, - Поднимайся! И поживее!

С трудом, встав на ноги, мисс Свон сделала шаг к двери, понимая, что сил на сопротивление у неё теперь почти не осталось.

- Глянь, Хосе, - сказал ракушка, кивнув куда-то в угол клетки, - А новички-то всё еще дрыхнут!

Элизабет словно потянуло обернуться. Но она тут же пожалела о своём любопытстве, содрогнувшись от увиденного. Брайт-Побирушка плавал в глубине зеленоватой мути лицом вниз и на поверхности виднелся лишь его тёмный затылок. Его товарищ по несчастью дрейфовал рядом, зацепившись кушаком за крюк для кандалов, и выставив из воды живот. Тяжело передвигая ногами в воде, и хватаясь за решетку, мисс Свон постаралась добраться до выхода из камеры, как можно быстрее.

Шатаясь, мисс Свон преодолевала один трап за другим. Перед глазами плыло, а из-за долгого ночного сидения на корточках, ноги почти не слушались. Рыболоуды же, видимо помня её гордый демарш накануне, даже не пытались ей помогать, и предоставили девушке возможность спотыкаться столько, сколько ей «захочется». Дейви Джонс ждал её в дверях своей каюты. Утренний свет косыми полосами падал в щели палубного настила и сочился сквозь заросшие тиной кормовые оконца, оставляя влажные блики на слизистом спрутообразном лице хозяина морей.

- Доставили, как вы приказывали, капитан, - доложил Хосе и его приятель-ракушка, тут же толкнул Элизабет навстречу морскому дьяволу.

- Прошу вас, леди, быть моей гостьей, - предложил тот почти с поклоном. Не смотря на столь галантный приём, любезность его явно была напускной – точно такой же, что и в его разговоре с Норрингтоном.

Понимая, что над ней просто издеваются, девушка так же осознавала, что вернуться сейчас в трюм ей хочется меньше всего. Еще ночью она решила не злить Джонса лишний раз, для того чтобы суметь добраться до Порт-Ройяла в целости и невредимости. Притворной покорностью она могла бы усыпить бдительность своих врагов и дать себе возможность сбежать. Но сейчас, уже сделав шаг к двери, Элизабет нехотя задержалась на пороге, обратив внимание на некоторую деталь «интерьера».

По обеим сторонам проёма каюты Джонса из косяков вырастали две кисти рук. Крючковатые, покрытые моллюсками лапы не шевелились. Их хозяин давно сросся со стеной, и его конечности использовались теперь как скобы для поддержания засова капитанского жилища, который для надежности, еще и приковывался к вросшим запястьям проржавевшими кандалами. Огромная каюта Джонса служила для приёма гостей «Летучего Голландца». По крайней мере, это было то самое место, куда накануне мисс Свон провалилась сквозь потолок.

Между тем замешательство заложницы внезапно вывело морского дьявола из себя. От любезности не осталось и следа почти мгновенно и, сделав к ней пару шагов, Джонс обвил запястье Элизабет щупальцем, заменившем руку и с силой втащил девушку внутрь.

- Мне больно! – машинально процедила сквозь зубы мисс Свон, дернув руку. Но общепринятый приём освобождения не сработал, и морской дьявол только едва заметно ухмыльнулся уголком рта:

- Я не джентльмен, леди! – бросил он ей презрительно, - А вы – маленькая лгунья!

- Сидите здесь и ведите себя тихо, - рекомендовал ей Джонс. Щупальца его бороды мерзко извивались на расстоянии нескольких дюймов⁷⁵ от её лица. Не выдержав этого зрелища, Элизабет поморщилась, но всё же нашла в себе силы встретиться дерзким взглядом с водянистыми глазами чудовища.

- Я, как радушный хозяин предоставляю вам лучшую возможность из имеющихся, - спокойно объяснял Джонс, - Надеюсь, вы уже осознали всю прелесть пребывания в трюме?

Наслаждаясь внушаемым ей отвращением, морской дьявол внимательно изучал лицо пленницы со злорадной улыбкой. Элизабет же молчала, сжав зубы.

- Жду ответа, леди! - потребовал «радушный хозяин», хорошенько встряхнув её.

- Да... - нехотя выдавила девушка, оставив попытки вырваться.

- Отлично, - подобрел капитан Джонс, - Я не хотел быть бестактным, леди. Вы слишком ценный груз, чтобы допускать к вам кого попало. Но если вы будете вести себя плохо, все может измениться...

Сказав это, Джонс швырнул её в каюту. Элизабет совсем не ожидала такого. Занемевшие ноги не успели сразу отреагировать на это грубое действие и подкосились, едва сделав по инерции пару шагов. Споткнувшись, она рухнула на пол, увлекая за собой скамейку. Перевернувшись, та ударила обо что-то массивное и трубчатое, возвышавшееся поблизости и гулкий, тоскливый звук огласил каюту. Откуда-то сверху на пол посыпались безделушки, монетки, вещи. Но Элизабет это уже не интересовало. Оказавшись на полу, она услышала, как в голове у неё загудело в тон задетому скамьей органу. Хохот рыболодов потонул в этом нарастающем звуке, и через мгновение к безжизненному состоянию мисс Свон, добавилось еще и потеря сознания.

Обратно её вернула мелодия. Тихие печальные переливы звуков, сливались в старинный мотив, и Элизабет открыла глаза. Она всё так же лежала на полу, а перед её носом позвякивала приоткрывшаяся от падения с органа музыкальная шкатулка. Мелодия была знакомой, той самой, что недавно послышалась пленнице из-под палубного настила, когда она еще сидела в верхнем деке. Приняв сидячее положение, мисс Свон сжала ладонями все еще гудевшую голову. Взглянув на тренькающую музыкальную шкатулку, девушка раздраженно накрыла рукой её крышку, заставив, наконец, мелодию замолчать. Серебряная безделушка захлопнулась и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом старого дерева.

Придя в себя, Элизабет подтащила разбудившую её вещицу за цепочку и взяла в руки. Вертя в руках свою находку, девушка подумала, что уже видела нечто похожее. На «Летучем Голландце» даже серебро казалось мёртвым. Округлые формы сердцевидной шкатулки тускло светились, словно покрытые восковым налётом. По виду шкатулка казалась очень старой. Кое-где её уже покрыл известняк, мешая толком закрыться, но рельефное изображение печального женского лица на крышке все еще оставалось не тронутым.

Протерев находку об полу жилета, Элизабет открыла её снова и поняла, у кого она видела похожий предмет. Коррозия и морская соль, не пощадили даже благородный металл, но странный знак, нацарапанный иголкой, на внутренней стороне крышки был все еще различим. Открытая вновь шкатулка тут же отозвалась своей тоскливой мелодией, и мисс Свон помнила, где видела такой знак. Он попадался ей не раз на бортах «Шень», в трюме, на мачтах, на штурвале и даже на дверях кают. Игнорируя возмущение Барбоссы, Тиа Далма расчертила этим знаком весь их корабль, пока они плыли в Сингапур. По словам ведьмы, этот непонятный символ приносил удачу и защищал от морского дьявола. У самой же Тиа был очень похожий на шкатулку медальон. Он все время висел у неё на шее, такой же округлый, сердцевидный и тусклый, словно маленький серебристый краб с тесно прижатыми к туловищу клешнями. «Она и есть та женщина, из-за любви к которой Дейви Джонс стал морским дьяволом?» - пораженно догадалась Элизабет. Ту же мысль подтверждало и

---

⁷⁵ Дюйм - английская мера длины, 1 дюйм = 2.54 см. = 25.4 мм

углубление оставленное мастером внутри шкатулки. Место для медальона в точности повторяло его очертания.

«Он еще бережет её подарок?» - подумала девушка, - «Но неужели тот, кто вырезал сердце, всё еще помнит свою давнюю любовь?» Казалось, это не возможно, но хранящая в прогнившей каюте шкатулка, говорила об обратном. Джонс берег эту вещицу. Она лежала на видном месте и Элизабет прекрасно помнила, что морской дьявол всё еще не отказывал себе в удовольствии послушать её тихую мелодию. Это давало надежду. Возможно тот, кто был влюблён, способен понять другого влюбленного человека, оказавшегося в разлуке и взаперти.

Не смотря на отсутствие у Джонса сердца, Элизабет решила попробовать вызвать у него сочувствие, попробовать отыскать то человеческое, что заставляло его все еще хранить подарок былой любви. Она понимала, насколько это был рискованный и дерзкий замысел. Но надежда упросить Дейви Джонса отпустить её добровольно была надеждой не только на свободу, но и на возвращение к жизни.

Вечером, когда Джонс вернулся в свою каюту, его ждало неожиданное зрелище. Пленница, демонстрировавшая утром дерзость и стоическое бесстрашие перед его персоной, смиренно сидела на вновь установленной у органа скамеечке с видом глубочайшей задумчивости и покорности судьбе. Совершенно не поддавшись трогательности этой картины, Джонс с раздражением заметил, что нахальная девица не только расселась на его законном месте, но и, судя по знакомой мелодии, уже добралась до вещи, которую не имели права трогать ни живые, ни мёртвые. Под тихое позвякивание музыкальной шкатулки, она даже не обернулась на приближающийся стук окостеневшей ноги капитана-дьявола.

Элизабет сидела на скамеечке, слегка склонив голову. Высохшие волосы свободно рассыпались по плечам. Ленточка, когда-то собиравшая их в пучок, была безвозвратно утеряна в трюме «Летучего Голландца». Но на столько насколько это было возможно, Элизабет постаралась привести себя в порядок, посвятив пару часов вытаскиванию из волос водорослей и тины. К сожалению, Джонс не держал в каюте зеркала, потому оценить свои старания мисс Свон не могла. И всё же она искренне надеялась, что хотя бы отчасти придала себе вид хрупкой и беззащитной девушки, непонятным образом угодившей на пиратский корабль. Шкатулка лежала на её коленях, продолжая наигрывать мелодию, а за спиной послышался лязг цепей засова, скрип половиц и, наконец, знакомые постукивающие шаги.

Собравшись с духом, Элизабет грациозно обернулась к хозяину каюты. Она взглянула на него снизу вверх с той вежливой приветливостью, с какой ей доводилось взирать на гостей светских гостиных. Джонс же возвышался над ней с тем же суровым видом, оценивающе рассматривая пленницу. Его клешня зловеще щелкнула и мисс Свон поспешила начать разговор:

- Прошу меня простить, капитан Джонс, - заторопилась она виновато, потупив взор, - Я взяла вашу вещь, без позволения. Но её мелодия напомнила мне о моём доме, который я так давно не видела, и о береге Ямайки...

Дейви Джонс хмуро молчал. Всё еще сохраняя вид гостыи в светской гостиной, Элизабет внутренне сжалась. Она уже пожалела, что неосторожно сболтнула про берег, однако вместо какой-нибудь ожидаемой грубости морской дьявол только требовательно потянул к ней клешню. Ждать долго ему не пришлось. Постаравшись как можно более приветливо улыбнуться, мисс Свон тут же накинула цепочку серебряной шкатулки на это подобие руки. Всё в том же полном молчании Джонс приблизился к органу и бережно опустил вещицу на его пористую деревянную поверхность, изъеденную солью. Напряженно следя за каждым его действием, Элизабет с радостью отметила, что в его холодном взгляде отразилось, что-то напоминающее грусть или нежность.

- Шкатулка очень красивая, и, должно быть, очень дорога вам, капитан. Это подарок? - как бы невзначай заметила мисс Свон. И хотя «непринуждённая» беседа шла слишком принужденно и в одностороннем

порядке, а морской дьявол всё так же угрожающе молчал, девушка не унималась и невозмутимо разговаривала с тишиной.

- Вы любили ту женщину, что подарила её? - предположила она осторожно. Капитан Джонс резко обернулся к пленнице всё так же, не проронив ни слова. Теперь он угрожающе насупил «брови», но с удивлением Элизабет заметила в его глазах, не гнев, а скорее боль. Но это выражение исчезло почти мгновенно, и морской дьявол взглянул на пленницу по-прежнему холодно.

Неспешно он раскурил свою коралловую трубку. Белокурое создание смотрело на него огромными карими глазами. Худенькая, совсем еще девчонка сидела на скамеечке, сложив бледные руки на коленях и совершенно по детски теребя полу своего жилета. Прямая осанка, невинный взгляд, изящный поворот головы. Девушка старательно подчеркивала то, что Дейви Джонс, заметил с самого момента её появления. Во времена, когда он был еще жив, пару раз ему довелось отправлять подобных гордых аристократок за борт – прополоскать спесь. Впрочем, казалось, что эта леди совершенно искренна во всем, что говорит, а дерзость ей не свойственна и в помине. Выгляда, как потрепанный ангелок в аду, она смотрела на капитана с молящим спокойствием. И только страх выдавал её с головой.

За прошедшую вечность Дейви Джонс научился даже кожей ощущать эту человеческую слабость, едкую словно щелочь. Девушка держалась смело, и все же она боялась - неизвестности, его и того, что сейчас осмеливалась говорить. Тем не менее, капитан Джонс не собирался прерывать её монолог. Как ни странно, Элизабет действительно удалось разбудить в нем человеческое чувство. Пожалуй, впервые за всё пребывание в океане, морского дьявола посетило любопытство. Именно желание узнать, что же затевала эта «невинная овечка» в пиратском облики, заставило его выслушивать её речи.

Элизабет закусила губу. «Сейчас или еще рано?» - пронеслась мысль в её голове.

- Послушайте, капитан, - начала она горячо, - Всё, что сейчас происходит, кажется какой-то досадной нелепостью.

- Ох, неужели я теперь никогда не увижу его! - прошептала девушка достаточно громко, надеясь, что у Джонса хороший слух.

- О ком это вы, леди? - осведомился, наконец, морской дьявол.

- О том, ради которого я покинула родной дом и свет, - тихо призналась Элизабет, с отсутствующим видом рассматривая плесень в углу каюты.

- Ради кого я оказалась на пиратском корабле, и ради которого я убила капитана Джека Воробья...

Джонс выдохнул облачко сизого дыма и не удержался от скептической улыбки. Прежняя самоуверенность девицы наконец-то прорвалась наружу.

- Да, капитан, это я помогла вам, - горько продолжила заложница, взглянув на Джонса, - Ведь Джек не смог спастись из-за меня! Я приковала его к шпилью грот-мачты. Мне показалось, что Кракен последует за нашей шлюпкой, что мы все погибнем, что погибнет Уилл...

Джонс вопросительно приподнял бровь, и Элизабет поспешила пояснить:

- Уильям Тёрнер, - ответила она тихо, - Он тот, кому я обязана своей жизнью и... кого я люблю...

Неожиданно капитан Джонс раздраженно погасил трубку щупальцем руки, и, заткнув её за пояс, слишком уж ласково спросил, немного наклонившись к Элизабет:

- Так вы любите, леди?

- Да это так, капитан, - заторопилась девушка, беспокоясь, что упускает ситуацию из-под контроля. Бесстрашно она смотрела в его глаза.

- Я погибла в море, но в Чёртовой Прорве мне встретился Джек Воробей, - торопливо рассказывала мисс Свон, - Я просила его о прощении и капитан притворился моим другом. Он сказал, что знает, как вернуться на землю, но обманул меня, оставив здесь заложницей. Поймите, Джек всего лишь отомстил мне за свою гибель, а за одно вернул себе жизнь. Ведь он всем известный

хитрец. Капитан Джек Воробей уже далеко, и он не вернётся. Вам не будет от меня никакого толка.

Элизабет понуро опустила голову, искренне надеясь, что все её слова являются неправдой.

Дейви Джонс презрительно хмыкнул и распрямился. Не говоря ни слова, он направился к двери. Замешкавшись на секунду, мисс Свон вскочила на ноги и последовала за ним.

- Пожалуйста, не уходите! – просила она как можно более жалобно, - Капитан, отпустите меня! Я всего лишь несчастная девушка. Пожалуйста, не разлучайте меня с Уиллом! В вашей власти вернуть счастье двум людям, ведь вы и сами знаете настоящее чувство! Ведь та жертва, на которую пошли вы, не сравнится ни с чем...

Джонс резко остановился и обернулся к Элизабет. Он словно вырос над ней и сейчас показался мисс Свон очень высоким.

- Я знаю?.. - спросил он жестко, - Я знаю лишь, что слова и клятвы женщин лживы, леди! Но даже ради этой лжи многие пойдут на все. Мне не интересно, кого вы любите, и любите ли вообще. Джек Воробей вернется за вами. В этом я уверен, иначе не отпустил бы его. Его душу я видел насквозь, так же как вижу сейчас вашу.

Элизабет опешила, и отступила назад. Её разум все еще возмущался и требовал что-то возразить, но теперь это было совершенно бесполезно.

- Так вы жаждете вновь повидать мистера Тёрнера-младшего? – издевательски поинтересовался капитан «Голландца», сделав шаг к пленнице, - Того самого вора, которого подослал ко мне Воробей и который выкрал ключ от моего сундука? Вы его любили или просто морочили голову так же, как и мне сейчас?

Услышав упоминание о себе в прошедшем времени, Элизабет молчала, придумывая, что же ей теперь предпринять. Её игра была раскрыта полностью.

- Я знаю, что морочили, - ответил между тем за неё Дейви Джонс, - И всё же, спасибо, леди, за то, что побеспокоились о моей выгоде!

Его взгляд переворачивал душу. Элизабет решила использовать последний козырь.

Глава 16. Наследство Ван дер Декена

- Пожалуйста, - прошептала девушка и в её взгляде отразилась подлинная горечь, - Я люблю Уилла! Это правда. И он любит меня. Я уверена, он сейчас в отчаянии... я нужна ему!

Элизабет действительно выглядела огорченной как никогда. Очень кстати всплывшее воспоминание о том, что Уильям погиб, этому весьма поспособствовало. Дейви Джонс остановился, презрительно хмыкнув, но рот его нервно перекосялся.

- Прошу вас, сэр, отпустите меня! Верните мне жизнь! – продолжила молить девушка, и её голос жалобно дрогнул, - Я найду Уилла, мы вместе вернём вам Сердце! Вы не верите мне? Но ведь вы знаете, что такое настоящая любовь, а ваша история не может оставить равнодушным никого, кто был влюблён!

После этих слов и без того зеленая физиономия монстра приобрела по-настоящему болотный оттенок. Его передернуло словно судорогой. Хмуря брови, морской дьявол шевелил губами не в силах сказать что-нибудь, и лишь затаенный низкий рык вырывался из его груди. Понимая, что рискует головой, Элизабет всё же бросилась, словно в омут, очертя голову:

- Ведь ваша возлюбленная – болотная ведьма Тиа Далма? Уилл теперь рядом с этой женщиной! Сэр, вы знаете, как она жестока и опасна! Ведь это из-за неё вы вырезали своё сердце и теперь страдаете...

Закончив последнюю фразу, мисс Свон поняла, что зашла слишком далеко. На мгновение установилась тишина. Рассвирепевший на глазах Дейви Джонс мотнул головой:

- Что известно вам о страданиях?! – рявкнул он, выделяя едва ли не каждое слово.

- Жизнь жестока и меня она не волнует. Я – смерть. Я – море. Я должен быть милосерднее жизни? – спросил он Элизабет, раздраженно взмахнув рукой-щупальцем у неё перед носом. Девушка отступила на шаг. Крабовая нога мертвого пирата глухо ударилась об пол, он наступал.

- Я вырезал сердце от любви?! – спросил он возмущённо, - Женщины обожают преувеличивать свою значимость!

Шаги отбивали по доскам, и его тяжёлая поступь заставляла подрагивать гнилую палубу корабля-призрака. Озираясь по сторонам, Элизабет попятилась назад, не зная, что ей предпринять. Похоже, теперь Дейви Джонс окончательно вышел из себя. Его живая борода извивалась как клубок змей, а глаза горели гневом.

- За свою душу я выменял море и непотопляемый корабль у того, кто занимал моё место прежде. Он вырвал моё Сердце, но дал взамен вечность. Потому что я пожелал освободиться от жизни и всех чувств раз и навсегда! Вы не поняли, леди? Я не хочу никого спасать, я хочу причинять страдания так, как их причиняли мне! Так было и будет, всегда, пока живо моё Сердце. Вы всё еще хотите его вернуть?

Джонс склонился к девушке, гневно морща подобие носа. Отступать было некуда. Ноги подкосились, наткнувшись на скамейку у органа, и Элизабет неуклюже осела на неё. Душа мисс Свон уже давно была в пятках, но, гордо вздернув голову, она презрительно процедила сквозь зубы:

- Вы можете причинять страдания? Но получить власть над той, что любили, не смогли. Вам никогда не освободиться!

В следующее мгновение Элизабет поняла, что дерзость не есть лучший способ скрыть страх. Клешня морского дьявола ударила по клавишам органа, и его трубы отозвались жутким какофоническим аккордом. Джонс прекрасно знал обо всём, что творилось в её душе, но слов было уже не вернуть. Прижавшись спиной к органу, девушка изо всех сил старалась не обращать внимания на щупальца, тянущиеся к её горлу.

- Вы правы, леди. Сердце - лишь кусок мяса, - морской дьявол выдохнул ей в лицо затхлой сыростью, и, насладившись её ужасом, продолжил уже мягче, - А чувства – есть область души, поэтому от них невозможно избавиться. К сожалению, живые редко задумываются об этом. Я тоже не задумывался. Но теперь я вижу ваши души насквозь. Вы лжете ради выгоды, так же как и она. Но меня не провести. Еще надеетесь? Что-то хотите получить: жизнь, вечную молодость, может быть власть над морем? Я исполнил только одно желание против своей воли и с меня хватит. Не пытайтесь убеждать меня дальше, леди.

Не в силах больше видеть его склизкую физиономию, Элизабет отвернулась. У её уха раздавались едва слышные слова:

- Я могу уничтожить вас прямо сейчас! Вернуть вас в Чёртову Прорву, или порадовать моих капитанов подарком. Но я не сделаю ни того, ни другого. Ведь у меня тоже есть желание.

Элизабет ошарашено обернулась к морскому дьяволу, его склизкая кожа подергивалась как от нервного тика:

- Мне нужно посмотреть в глаза чертовке из дельты Ориноко⁷⁶. Сердце поможет воплотить до конца то, о чем она меня когда-то попросила...

- И именно потому вы натравили на капитана Воробья всю вашу эскадру? – не удержалась Элизабет от едкого замечания. Джонс зловеще рассмеялся:

- Беспокойтесь за предателя, леди?

Элизабет возмущенно раскрыла рот, но так и не произнесла ни слова, сообразив, что и так уже сказала слишком много.

---

⁷⁶ Ориноко - река в Южной Америке, в Венесуэле, берет начало на южном склоне Сьерры Паримы, ниже г. Эсмеральды соединяется рукавом Кассиквиаре с р. Рио-Негро, далее течет на С., прорываясь через горные цепи и образуя стремнины и водопады (Майпурес и Атурсес), в нижнем течении поворачивает на Северо-востоке и впадает в Атлантический океан, расширяясь до 22 км. и образуя дельту в 22 тыс. кв. км. Дл. 2225 км.

Продолжая хохотать, капитан возвысился над пленницей, сжавшейся на скамеечке:

- Жаль, если сердце не вернётся ко мне. Но я не боюсь смерти, леди. Сердце нужно всем, кроме меня. Теперь, думаю, наша беседа окончена. Собственно я пришел сказать, что «Летучий Голландец» сейчас же оправится в путь, - предупредил капитан так невозмутимо и почти с заботой, словно секунду назад вовсе не хотел разорвать её на части, - Мы пойдем быстро, как только сможем. Не подходите близко к щелям, леди, иначе окажитесь за бортом раньше времени.

Резко развернувшись, морской дьявол вышел из каюты и захлопнул дверь. Цепь засова лязгнула и Элизабет вновь оказалась совершенно одна.

«Хотя бы попыталась...» - разочарованно подумала девушка. Всё, что ей оставалось теперь - это покорно дожидаться прибытия в Порт-Ройял, усыпляя бдительность Дейви Джонса притворным смирением. К счастью, за время этого напряженного разговора мисс Свон услышала достаточно, и теперь могла скрасить ожидание некоторыми размышлениями. Элизабет очень заинтересовало, что же такого попросила Тиа у Джонса, если он ненавидит её до сих пор.

Хитрое, размалеванное сурьмой личико болотной колдуньи возникло в памяти само собой и пленнице стало не по себе. По мнению мисс Свон, Тиа Далма меньше всего походила на женщину способную внушить такую всепоглощающую страсть. «Хотя именно она и подходит на эту роль», - подумала девушка, рассматривая доски палубного настила, - «Коварная, опасная... такая же, как он». Элизабет завладело убеждение, что ведьма имела какую-то особенную, по настоящему колдовскую власть над мужчинами. Вспоминая то, что она узнала о колдунье за время их плавания в Сингапур и к Чёртовой Прорве, девушка находила всё больше подтверждений своей мысли.

Однажды вечером, когда джонка «Шень» еще бороздила моря, Элизабет застала Тиа Далму на капитанском мостике, рядом с Уильямом, стоявшим тогда у штурвала. Выйдя на палубу, девушка замерла от возмущения, увидев, как, приподнявшись на цыпочки, Тиа что-то нашептывала её жениху, уже почти обнимая его. Более всего мисс Свон поразило то, что Уилл даже не пытался отвергнуть подобные знаки внимания колдуньи. Безропотно слушая всё, что она говорила, с каким-то сонным и отсутствующим видом он стоял у штурвала, позволяя смуглым ладоням соблазнительницы скользить под ворот своей рубашки. Тиа же явно собиралась получить нечто больше, чем объятия. Элизабет готова была поклясться, что еще немного и ведьма бы добилась своего. Она уже потянула Уильяма за руку, пытаясь увести его с мостика, когда мисс Свон вмешалась, не дожидаясь дальнейшего развития событий. «Уилл!» - голос невесты зазвенел над притихшим кораблём и словно разбудил забывшегося рулевого. Тряхнув головой, молодой человек с удивлением взглянул на Далму, повисшую на его шее и, освободившись из её объятий, потёр глаза. Насмешливо взглянув на не вовремя подоспевшую соперницу, ведьма мгновенно исчезла с капитанского мостика. Элизабет же, забыв в тот момент даже о своей душевной тоске, поспешила комментировать «свидание опиратившегося мальчишки и ведьмы» парой едких фраз.

Однако вместо того чтобы устыдиться и покаяться «опиратившийся мальчишка» отреагировал совершенно неожиданно. Уилл ответил невесте лишь мрачным взглядом, а затем и вовсе игнорировал её пару дней. Возмущенная таким поведением, мисс Свон не осталась в долгу. Она дулась неделю...

Вспоминая сейчас всё это, девушка с горечью думала, что тогда из-за той глупой обиды она совсем не заметила главного - даже всегда верный Уильям не смог противиться чарам Далмы, которая в свою очередь пыталась охмурить молодого человека еще не раз. К сожалению, занятость собственной персоной не позволила мисс Свон вовремя связать свои догадки воедино. Ведь уже тогда Элизабет подозревала, что и капитан Барбосса поддался колдовскому очарованию темнокожей ведьмы. Теперь же, открылось, что и Дейви Джонс не избежал этой участи.

Но если Тиа Далма действительно была той, из-за кого Джонс остался без сердца, сколько же ей должно было быть лет? Ведь легенда о «Летучем Голландце» существовала почти век, а между тем, не смотря на весьма экстравагантный облик, Тиа Далму никак нельзя было назвать ветхой старушкой.

«Так было и будет, всегда, пока живо моё Сердце», - вспомнила девушка, слова морского дьявола. Догадка пронзила её, как удар молнии – сердце проклятого капитана удерживало на земле не только самого Джонса, но и его возлюбленную. Она жила пока жил он, пока билось его сердце. Вот, какова была месть отвергнутого любовника. Но, похоже, Далму вовсе не огорчало такое существование, ведь, каким-то не понятным образом она сохраняла молодость. «Молодость – вот о каком желании шла речь», - поняла Элизабет, нервно сжимая у горла воротничок рубашки, - «Но как ей удалось его заставить? Он сказал, что выполнил желание против своей воли, а она лгала ради выгоды...» Мысль оборвалась. Перед Элизабет раскрылись мотивы, по которым ведьма помогала им, и ни о чем другом думать она уже не могла.

***

Тиа Далма стояла над душой уже не меньше четверти часа. Она как тень следовала за Элизабет по всей палубе «Шень», следя за каждым её движением. Она ничего не говорила, только стояла, смотрела и улыбалась. Приторно, снисходительно, и невыносимо раздражающе. Стоило девушке распрямиться, закрепив, наконец, очередной канат, как её взгляд немедленно натёк на ухмыляющуюся физиономию Тиа. С какой целью ведьма делала это, мисс Свон догадывалась. Шли третьи сутки, после того как она застала Уильяма Тернера в объятиях темнокожей шарлатанки. С Уиллом Элизабет не собиралась разговаривать и дальше, а поставить навязчивую колдунью на место необходимо было прямо сейчас. Дождавшись, когда работавший рядом Пинтел отойдет подальше, девушка поинтересовалась с притворной заботой:

- Начинается качка... Ты боишься выпасть за борт, Тиа?

Ведьма обнажила черные зубы и ответила с выражением глубокого самодовольства:

- Море не пугает меня, мисс Лизабет...

- Правда? – удивленно повела бровью девушка, - А я думала это первое твоё путешествие на корабле...

- Дело не в этом, мисс Лизабет... - отвечала ведьма, с довольным видом оборачиваясь к волнам за бортом.

- А в чём? – раздраженно спросила девушка, порядком уставшая от её загадочных фраз. Она уже хотела уйти сама, как вдруг Тиа Далма спросила:

- Хотите сказку, мисс?..

- Что? – поразила девушка, но ведьме явно не требовалось её согласие.

- Все знают, что раз в десять лет морской дьявол Дейви Джонс сходит на землю. Он ищет женщину, которая снимет с него проклятие, согласившись стать его по доброй воле... очень давно, мисс, морской дьявол, пришел к одной женщине, но она отказала ему, и тогда Джонс проклял её. Он угрожал ей. Говорил, что она будет мучаться вместе с ним, вечно, пока он бороздит морские глубины. Но женщина оказалась умнее его.

Элизабет слушала этот рассказ словно заворожённая, и Тиа продолжала рассказывать, теперь уже обернувшись к собеседнице. Слова её с ожесточением и торжеством раздавались над морем:

- Она перехитрила морского дьявола. Стала плакать, притворилась и умоляла не осуждать её на вечность. Женщина сказала, что предпочтёт умереть молодой и прямо сейчас. Джонс засмеялся. Он согласился исполнить эту просьбу. И тогда он вытащил свою шпагу и пронзил грудь жертвы.

Элизабет вздрогнула, словно в грудь её вонзилась холодная сталь.

- Но она не умерла, - мягко продолжила Тиа, всё так же самодовольно улыбаясь. - Прокляв женщину, морской дьявол не мог убить её. Для этого ему нужно было пронзать не её сердце, а своё.

- Но частично её просьбу он всё же выполнил, - продолжила ведьма, сверкая глазами, - отныне она должна была оставаться молодой, пока не умрет, то есть пока не умрет он сам.

- Кто эта женщина? - спросила девушка севшим голосом, но Тиа Далма лишь повела плечиком и наконец-то направилась прочь.

- Откуда мне знать... это всего лишь сказка, мисс Лизабет, помните?

***

Мисс Свон забыла эту историю. Под гнётом невзгод и переживаний стоило ли помнить выдумки какой-то ведьмы? Тогда для неё это была лишь сказка, приправленная ложью. Тиа Далма прекрасно всё рассчитала, ведь лучший способ обмануть - открыть часть правды. Крупицу истины в той истории Элизабет смогла найти только теперь. Тиа действительно говорила о себе. Она не только отвергла Джонса, но и была виновна в том, что он превратился в чудовище.

Теперь всё становилось на места. Несомненно, с самого момента похищения Сердца морского дьявола Тиа Далма чувствовала себя в опасности. Люди могут натворить глупостей, и если Джонс давно уже мертв и другой участи не желает, то Тиа наверняка собирается прожить еще долго. «Далма отправилась в путешествие, что бы получить... Сердце Джонса? Но зачем она помогала спасать Джека?» - задавалась вопросами девушка. «А она ведь и не помогала», - ответила она сама себе, - «Она и Барбосса не хотели спасать Джека. Им нужна была карта Фенга, и только она». «Карта помогла бы Барбоссе ходить по морям без опаски» - Элизабет поднялась со скамеечки и заходила по каюте, взгляд её бесцельно блуждал по окружавшим её предметам, - «Конечно, ведь должна была ведьма как-то уговорить капитана отправиться вместе с ней. Карта стала хорошей приманкой, и Барбосса тоже играл по правилам Тиа. Но Сердце при помощи карты не добудешь? Неужели власть Далмы над Барбоссой так велика, что она смогла убедить его пойти против Ост-Индийской компании, против Джонса и Кракена, или же алчность решила всё?» Элизабет поёжилась. Осознание того, что и она, и Уилл, и вся их команда были лишь пешками в игре хитрой ведьмы, неприятно бредило душу. «Алчность - грех», - вспомнились девушке слова Барбоссы. «Нет, Тиа Далма не смогла бы его убедить» - отвергла своё предположение Элизабет, - «Барбосса слишком осторожен, и рисковать вновь обретенной жизнью бы не стал» Пленница остановилась: «Уилл! Вот кого она собралась отправить к Бекетту. Только Уилл мог бы решиться на эту безумную затею, чтобы вытащить из Прорвы меня... и чтобы спасти отца. Одолеть Бекетта, а возможно и Кракена... бедный Уилл... Должно быть Далма очень злилась, когда он погиб...»

Ничего не замечая вокруг, и полностью поглощенная своими мыслями, Элизабет нарезала по каюте уже не первый круг. Остановиться её заставил чей-то замогильный голос, с трудом попросивший:

- Остановитесь же, мисс... у меня... скоро... голова закружится...

Элизабет застыла на месте, и обвела каюту взглядом, она по-прежнему была совершенно одна.

***

Между тем «Летучий Голландец» качнулся, начиная движение по волнам. Стараясь говорить как можно строже и чувствуя себя на грани помешательства, мисс Свон задала вполне ожидаемый вопрос:

- Кто здесь?

Ей не ответили. Взгляд мисс Свон с беспокойством обводивший предметы в каюте Джонса остановился на уродливой деревянной фигуре, видимо когда-то давно служившей украшением интерьера капитанской каюты. Истукан тупо таращил пустые глазницы в противоположную стену, и признаков желания поговорить не подавал.

- Я схожу с ума... - пробормотала девушка.

- Мы все... рано или поздно сходим... - подтвердил голос.

- Кто вы? - с раздражением мисс Свон развернулась вокруг своей оси, пытаясь понять, где же мог притаиться её собеседник - Покажитесь же!

- Показаться?.. Раньше я мог показаться... теперь я просто засов... - прокряхтел вновь голос. Изумленно вскинув брови, девушка медленно обернулась к двери каюты и подняла глаза к притолоке⁷⁷. Над самым дверным проёмом она различила нечто, что когда-то было человеческим лицом. Со смесью удивления и настороженности Элизабет смотрела на существо, почти слившееся с переборкой. Плечи его давно вросли в обшивку корабля, а грудь заменяло дверное полотно. Пошамкав губами, обитатель «Летучего Голландца» открыл бесцветные глаза и взглянул на стоящую под дверью девицу. Напирающая на нижнюю челюсть притолока, явно мешала ему говорить.

- Так это ваши руки... с другой стороны... - запнулась Элизабет, вспомнив скованные кандалами запястья, - То есть... это вы держите засов от двери?

- Я и есть засов, - с трудом проскрипел древний пират, - Я хранитель двери... уже давно...

Элизабет приблизилась к хранителю и осторожно потыкала пальчиком в дверь. «Может быть, если Джонс и потерял все человеческие чувства, засов еще не до конца одеревенел...»

- Сэр? - позвала она, задрав голову к притолоке, но «засов» уже словно заснул, видимо, сил вернуться в реальный мир хватало ему не надолго.

«Проклятие!» - досадовала девушка, вновь усаживаясь на скамеечку у органа. Время вновь начало тянуться невыносимо долго, но на сей раз, мисс Свон решила не торопиться. До Порт-Ройяла было далеко, и присутствие в каюте относительно живого существа способного говорить хотя бы с трудом радовало её несказанно.

Девушка обратила внимание, что одеревеневший пират все же иногда возвращается в реальный мир. То он кряхтел тоном неотличимым от скрипа корабельной обшивки, то периодически открывал глаза, с удивлением останавливая взгляд на девушке сидевшей у органа. Он явно всё время забывал о её присутствии в каюте. Поразмыслив, мисс Свон решила попробовать использовать это обстоятельство.

«Летучий Голландец» шёл полным ходом, из-за дверей доносились окрики работавших на палубе рыболодов и давно привычное постукивание крабовой лапы. Он в очередной раз открыл глаза, вновь очнувшись от забытья. Внизу стояла... девушка, блондинка. Она приветливо ему улыбалась и весело сказала:

- Наконец-то вы проснулись, сэр! На корабле решительно не с кем поговорить!

- Кто... вы?.. - прохрипел «засов», с трудом попытавшись заставить память работать.

- Я мисс Свон! Мисс Элизабет! Ну же сэр, ведь мы уже познакомились с вами, а вы всё время меня забываете, - тут же укорила девица, выбивая своим звонким голосом последние мысли из его мозгов, - Я гостя капитана Дейви Джонса!

Мертвец всё еще недоверчиво взирал на неё белёсыми глазками. Однако он явно давно не полагался на свою память, тем не менее, шевеля распухшими губами, произнес удивлённо:

- Женщина?.. Здесь?

Но Элизабет не давала ему опомниться:

- Опять эти подозрения, сэр, - рассмеялась она, уперев руки в бока, - Ну припомните же! Я в каюте капитана, и неужели он поместил бы меня сюда, не будь я его другом? А вы снова забыли его приказ о том, что должны оказывать мне гостеприимство?

С надеждой Элизабет наблюдала, за изменением выражения лица вросшего в стену пирата. Он явно не припомнил подобного приказа капитана, но и уточнять, был ли такой приказ на самом деле, не стал бы.

---

⁷⁷ Притолока - верхняя горизонтальная перемычка оконной или дверной коробки, а также боковой, стоячий брус.

- Что вам угодно ... мисс? – наконец, галантно прохрипел «засов». В ответ на это девушка улыбнулась ему самой искренней, счастливой и коварной улыбкой.

***

Кратко пересказав то, что ей удалось узнать от Дейви Джонса, мисс Свон усиленно изображала из себя девушку, имеющую особое расположение капитана. По её мнению, это должно было поспособствовать доверию хранителя двери. Для начала, Элизабет требовалось проверить, насколько её выхода оказалась успешной, и потому она решила попросить у нового знакомого самое невероятное, что можно было представить – рассказ о том, как именно капитан «Летучего Голландца», стал таким, каков он сейчас. Засов молчал несколько секунд, задумчиво прикрыв глаза. Мисс Свон уже начала беспокоиться, что он снова впадет в спячку, но тут пират вздохнул и произнёс:

- Да, я помню, как это произошло. Это сейчас для меня все дни стали одинаковы. Но тогда... я был еще человеком. Мы все были людьми. Это было почти двести лет назад...

Мы ходили на корабле, который назывался, как же он назывался?.. в общем, мы ходили на нём... к Яве, берегам Африки, и к Багамским островам, - засов изо всех сил вспоминал свою былую жизнь, и на его обезображенном лице отражалась такая сосредоточенность, что Элизабет по неволе стало жаль его.

- Там, где другие суда отправлялись в морскую бездну, наш корабль оставался всегда целым и невредимым, словно само море любило нашего капитана. Ни одной царапины, ни пробоины. Мы словно были заговорёнными, и все проделки стихии были нам нипочём. Нашего капитана знали во всех портах, и слава была для него дороже золота. Мы грабили и перевозили грузы. Рабов, ром, шелка и оружие. В далёких плаваниях матросы умирали как мухи, от цинги и болезней, но наш капитан никогда не отступал от заданной цели. Мёртвых скидывали за борт и акулы, шедшие за нашим кораблём не успевали пожирать погибших. Дейви Джонс любил этих рыбёшек и, устраивая очередную пирушку, разговаривал с ними, как с лучшими друзьями.

Хрипло рассмеявшись, засов закашлялся, а затем выдавил нечто похожее на улыбку.

- Капитана Джонса боялись и уважали и никто не перечил, - продолжил он с явной гордостью, - Заслышав стук его деревянной ноги на улицах Тортуги, даже самые отъявленные головорезы склоняли в почтении головы, когда он проходил мимо... в тавернах нам всегда подавали лучшее вино и мясо. Я совсем и забыл, каково оно на вкус...

- Так что было дальше? – прервала его мечтательные воспоминания Элизабет, тут же невинно улыбнувшись, - Как вы оказались здесь?

- Из-за неё... - проскрипел пират, - Всё из-за той ведьмы, мисс! Чем уж она приворожила нашего капитана не известно. Но после того как нас угораздило попасть на её болота, капитан Джонс стал сам не свой. Он изменился, впадал то в печаль, то становился внезапно весел, то убивал какого-нибудь матроса, чтоб выместить злость, то раздавал парням свою долю добычи. А добычи становилось всё меньше, ведь мы крутились около дельты проклятой Ориноко, как на привязи. Но никто не посмел бы упрекнуть капитана. Он мало ел, похудел и почти совершенно перестал спать. Да, подстрелить человека в таком состоянии ему ничего не стоило. Иногда он поднимал меня среди ночи и заставлял записывать целые письма. Я и не знал, что бывают такие нежные слова, мисс. Под страхом смерти, я хранил тайну моего капитана, и всё чаще отвозил письма к проклятой ведьме. Они бы тронули даже каменное сердце, но чертовке всё было мало. И слушая, как я читаю, о его чувствах, она лишь ухмылялась. Иногда она была благосклонна и передавала ему какой-нибудь подарок, а иногда просто выгоняла меня вшаей, не принимая ничего. Но бывало, что она назначала ему встречу, и тогда мы все могли вздохнуть спокойно.

Перед тем как мы стали добычей «Летучего Голландца», капитан Джонс часто бывал у ведьмы. Это погубило его душу окончательно. Всякий раз после возвращения от неё, капитан приказывал сниматься с якоря. Мы выходили в море. Но вместо того, чтобы возобновить разбойничий промысел, мы начинали рыскать по океану, словно разыскивая что-то или кого-то. Не объясняя ничего, капитан стоял на мостике и всматривался в подозрную трубу. Нам он тоже приказывал всматриваться в морскую даль, и все мы висели на вантах и марсах... и глядели. Глядели, пока глаза не начинали слезиться.

- Зачем? Что вы искали? – удивилась Элизабет, чувствуя нечто похожее на сочувствие.

- Корабли, - пояснил пират-засов, горько хмыкнув, - Забыв пиратский кодекс, наш капитан топил корабли наших братьев. Тех, кто задолжал ведьме. Дошло до того, что однажды мы охотились за индейскими каноэ⁷⁸ на болотах. Наш капитан приумножал славу и страх перед черномазой бестией, но и этого ей было мало. Против неё не помогало ничего! Ни угрозы, ни подарки, ни признания! Больше всего ей доставляло удовольствие терзать чужие души! И наш капитан был не единственным, кто знал дорожку к её дому и постели. Я не раз видел это своими глазами, когда приносил ей побрякушки и письма...

Засов зло захихикал, и Элизабет поёжилась, словно от холода.

- И, конечно, вы доложили об этом капитану Джонсу? – выпалила она, презрительно взглянув на притолоку с вмурованной физиономией.

- А, по-вашему, я должен был всё терпеть и спокойно наблюдать, как гибнет душа отличного моряка? Или дожидаться бунта? Я пират, мисс, и носить послания любви мне порядком надоело! Кхем! Кхем!

Задохнувшись в собственных эмоциях, засов чихнул трухой и зашевелил бровями, пытаясь стряхнуть упавшую на глаза водоросль. Элизабет наблюдала за ним, не пытаясь помочь.

- Что же стало потом? – спросила она жёстко.

- Узнав правду, капитан Джонс отправился к своей любовнице без приглашения. Что уж там между ними было, я не знаю. Но вскоре он вернулся злее самого чёрта, и приказал направить наш корабль к берегам Тортуги. По пути под огонь наших пушек попали целых два галеона, гружёных золотом. Мы сражались как дьяволы и получили не малый куш. Вернувшись в родную гавань, каждый из нас мог купить то, чего был лишён так давно. Вино и женщин! Мы кутили три дня без роздыха. И никто тогда не знал, что это были последние наши денёчки... Джонс же сидел на корабле. Он всё слушал ту проклятую шкатулку да перебирал подарки и письма, что в своё время не приняла мерзавка с болот Ориноко. Тогда мне стало казаться, что он помешался. На четвёртый день погода была скверной, но капитан приказал вывести нашу посудину в море. Нас настигла буря. Небо мешалось с морем, а Джонс стоял у штурвала и с безумным хохотом вёл нас в самое её сердце. Парни слишком поздно поняли, что он затеял. Корабль налетел на риф. Я до сих пор помню тот страшный скрежет. Но это было еще не всё. Мы метались по разбитой палубе, а капитан кричал: «Забегали, салаги?! Разве вам не нравилось море? Встречайте его, оно само идет к вам! Подлые трусы! А я готов отныне чувствовать лишь холод воды, потому что мою душу согреет лишь огонь ада! Я готов отдать её за ненужность!» Мы сходили с ума от отчаяния, пытались спастись, но это было еще не всё! Лишь только Джонс прокричал свою безумную речь, из глубины поднялся огромный галеон! Он вырвался прямо из волн, словно из самой преисподней! «Летучий Голландец»... тогда-то мы и увидели его. Не успели мы опомниться, как нас всех повязали жуткие монстры...

Засов осклабился в усмешке, а Элизабет оценив шутку, постаралась не отвести взгляда от его, и без того жуткой, физиономии.

- Нас схватили и выстроили перед существом совсем не похожим на человека, - продолжил между тем замшелый рассказчик, - Существо назвало себя капитаном этого морского катафалка, и предложило нам идти в его

---

⁷⁸ Каноэ - англ. сапое, от исп. сапоа - челнок; заимствование из языка карибских индейцев.

команду. Это был сам Ван дер Декен, проклятый капитан-голландец, обреченный вечно скитаться в морях. Никогда не считал себя трусом, мисс, но в тот момент я трясся как салага после «собачей вахты»! А вот капитан наш не сплеховал. Он вышел навстречу Ван дер Декену и сказал, что готов отдать свою душу в услужение кому угодно, если этот кто-то избавит его от чувства к самой презренной из женщин, а саму её заставит страдать так же, как страдал он. Ван дер Декен засмеялся и ответил: «Ты получишь такую возможность!». Он предложил капитану Джонсу сделку - бессмертие, власть над морем и никакой любви, с условием, что тот всегда будет бороздить морские глубины, а на землю сможет сходить лишь раз в десять лет. Не понять о чем шла речь, мог только круглый идиот! Но Джонсу уже видимо было всё равно. Он согласился и тогда монстр вырвал у него из груди сердце!

Элизабет вдруг отчётливо представилось, как крючковатая лапа разрывает человеческую грудь, ломает кости, а затем вынимает пульсирующий, кровавый комок плоти. Девушка вздрогнула, прогоняя ужасное видение, а засов продолжал:

- Сердце было заперто в сундук. Вместе с вещами, что не приняла возлюбленная нашего капитана. Ван дер Декен сказал, что она будет жить столько, сколько бьётся сердце Джонса, а значит, пока жив он сам. Так капитан Дейви Джонс занял место Ван дер Декена и получил «Летучий Голландец». Сам же Ван дер Декен, избавился от терзавшего его проклятия. Он нашел того, кто добровольно пожелал занять его место, а сам стал свободен... и он, и его команда...

Элизабет не отрываясь с беспокойством, смотрела на бубнившего под потолком пирата, а он уже погружался в забытие от нахлынувшей на него усталости. Такие рассказы были слишком тягостны для него.

- Пожалуйста, продолжайте! – как можно громче потребовала Элизабет. Засов устало открыл глаза:

- Капитан - часть корабля, часть команды, так же, как каждый из нас... мы не выбирали своей участи. Дейви Джонс решил за нас. Мы оказались здесь вместе со своим капитаном, только потому, что служили ему при жизни. Это было не честно...

Засов перевёл дух, теперь продолжать он мог уже с трудом:

- Мы не сразу поняли, что нас ждёт... сначала мне даже понравилось... мы были непобедимы, и море подчинялось нам! Мы могли только взглянуть на корабль и тут же оказывались на нём! Мы наводили ужас, одним своим видом! Но море было сильнее нас. Видите, во что я превратился? А когда-то я был настоящим живым человеком... и даже боялся щекотки...

С этими словами засов закрыл веки. Долгий рассказ слишком утомил его.

- Сэр! Подождите! – Спихватившись, что не достигнута главная договорённость, Элизабет попыталась вернуть его к реальности, но всё было тщетно.

Глава 17. Сплошные неприятности

Вода капала с волос, подбородка, и поднявшийся над морем бриз пробирал холодом тело, нервно дрожащее под вымокшей одеждой. Прихлоп-Билл ободряюще похлопал Уильяма по плечу, а Чунмин, всё еще стоявшая рядом, одарила своего друга робкой улыбкой. Впервые в жизни к Тёрнеру-младшему пришло осознание того, что его спасли. Прежде у него не было тех, на кого он мог бы положиться, но теперь рядом с ним оказалось целых два человека, готовых помочь в трудную минуту. Просто, потому что так было нужно, а не ради выгоды.

Между тем, одолев Барбоссу в словесной дуэли, капитан Воробей уже приказал добавить парусов, чтобы убраться от логова Кракена прочь и как можно скорее. Команда бросилась исполнять этот приказание с особым старанием, не смотря на то, что на «Черной Жемчужине» и так были поставлены почти все имеющиеся паруса, и осталось лишь поднять уцелевший якорь.

- Каков курс, сэр? – бодро осведомился мистер Гиббс со шканцев. Джек тут же подошел к поручням,⁷⁹ ограждающим капитанский мостик, и постучал рукоятью сабли по бутылке с ромом, неизвестно когда уже добытой им из трюма. Позвякивание металла о стекло привлекло внимание всего немногочисленного экипажа. Заметив, что все взгляды устремлены к капитанскому мостику, Джек воодушевленно провозгласил:

- Други! Мы одолели каракатицу и заслужили передышку в родном порту! Мистер Коттон к штурвалу! Держим курс на Тортугу!

- На Тортугу?! Мать честная! – радостно возопил Пинтел, - Уж теперь я получу воздаяние за все лишения!

- Точно! – подхватил его возглас Рагетти, - И все узнают, как мы победили Кракена! Пинтел и Рагетти – победители морских чудовищ!

И два приятеля закружились по палубе, пританцовывая так, словно они уже поддали в одном из портовых кабаков.

Пытаясь унять все ещё не отпустившую нервную дрожь, капитан Воробей наблюдал за суетой своей команды, успокаивая разбушевавшиеся нервы доброй порцией рома. Видимо, его распоряжением были довольны все. Через минуту каждый оказался при своём деле. Коттон без возражений со стороны попугая встал к штурвалу. Гиббс распоряжался отплытием и как обычно подгонял Пинтела и Рагетти, которые всё никак не могли успокоиться. Прихлоп отправился на пушечную палубу, Чунмин взобралась на марс и только у Уилла Тёрнера, похоже, нашлось собственное мнение относительно курса корабля. Именно его-то он и собирался высказать, с решительным видом направившись к капитанскому мостику.

- Джек! – начал Уильям, ещё взбегая по трапу, - Джек, если ты хочешь передохнуть, не лучше ли сделать это на пути в Порт-Ройял?

В голосе молодого Тёрнера явно улавливалось нечто сродни иронии. Капитан Воробей поморщился. Он совсем забыл, что Уилл наверняка считает себя руководителем их благого освободительного похода. Однако лишить Тёрнера этого заблуждения значило преждевременно выдать собственную особую заинтересованность, что могло осложнить дело. Потому, напустив на себя самый невозмутимый вид, Джек приготовился лишь слегка охладить пыл неугомонного Уилла, а заодно направить его усилия в нужное русло.

- А! Уильям! – поприветствовал пират, встречая Тёрнера-младшего с радушной улыбкой, - Тебе бы просушиться, а то простудишься...

- Спасибо за заботу, - съязвил парень, - Не хочу тратить времени напрасно!

Джек, смерил его настороженным взглядом. Недавнее купание среди щупалец любимца Дейви Джонса явно подействовало на бывшего кузнеца перевозбуждающе:

- Если мы отправимся теперь на Тортугу, то потеряем слишком много времени! – возмущенно продолжал Уилл. Капитан Воробей только пожал плечами.

- Ничего, - благодушно заметил он, - Времени нам потребуется не много, а значит, мисс Свон вряд ли удастся довести капитана Джонса до разрыва сердца. Так что ты за него не переживай. Кроме того, скажу как специалист, в Порт-Ройяле нас ждет такая заварушка, в которую не стоит ввязываться в одиночку, смекаешь?

Джек с надеждой взглянул на Тёрнера, но тот, к сожалению, не смекал и продолжал гнуть свою линию:

- А я думал, ты предпочитаешь действовать хитростью и обманом, а открытый честный бой не для тебя. Договориться, а не биться, так, кажется?

- Верно, - согласился Джек, становясь вдруг серьезным, - Ты становишься всё наблюдательней, приятель. И если у тебя есть весомый аргумент, способный прельстить негодяя, владеющего сердцем самого морского

---

⁷⁹ Поручни - перила ограждений верхней палубы, надстроек, мостиков, трапов, машинных площадок и др. Поручни изготавливаются из дерева или металла.

дьявола, а так же план как договориться с гарнизоном форта и эскадрой мистера Норрингтона... так и быть я разверну «Жемчужину» к Ямайке.

Против таких доводов возразить было нечего. Уилл хмурился и молчал. Похоже, суть проблемы, наконец, дошла до его сознания, и через пару секунд, как и ожидал капитан Воробей, Уильям согласился с очевидным, изменив раздражённый тон:

- Что же, ты прав... Нам нужна не только передышка, но и люди. А на Тортуге мы, конечно, найдем тех, кому Ост-Индийская компания успела насолить не меньше чем нам. Значит, нужно держать курс к Тортуге.

- Отлично! – просил Джек, и добавил в след уходящему Уиллу, - Как скажешь...

Тёрнер-младший ретировался с капитанского мостика, Джек же, допив остатки рома из бутылки, мрачно взглянул на опустевшую емкость и тихо пробурчал себе под нос:

- Да, помимо эскадры единомышленников, не помешало бы нам пополнить и запасы провизии...

Не успел пират вздохнуть спокойно и отправить бутылку в море, как над ухом раздался другой язвительный голос:

- Стало быть, ты собрался прибегнуть в помощи Пиратского Братства?

Скрестивший на груди руки, Барбосса являл собой образец скептицизма. «И когда он успел явиться?» - с досадой подумал Джек. Смерив вымокшего старпома удивлённым взглядом, капитан Воробей вытянул подзорную трубу и, как ни в чём не бывало, заявил:

- Да. Согласись, что это отличная идея и даже ты не придумал бы лучше!...

- Конечно, - всё так же скептически подтвердил старый пират, - Только я не знаю ни одного идиота, что захотел бы связаться с тобой по доброй воле.

Капитан перевёл на старпома недоумённый взгляд, всем своим видом выражая мысль, что один из таких идиотов стоит прямо перед ним. Однако сил чтобы язвить, Джек уже не находил, всё, что он сейчас смог, это заметить почти с укоризной:

- Не весёлые слова...

- Впрочем, как и сама ситуация, - тут же съехидничал Барбосса.

- Джек, - увещательно начал старпом, - Положа руку на сердце, я готов признать, что твоему ораторскому таланту нет цены...

Капитан Воробей чуть не выронил подзорную трубу в море, но Барбосса уже уточнил:

- Где-нибудь в цирке... однако, на нашего брата лучше уговоров действует звон золота, ты же знаешь... а у тебя за душой только полусгнивший корабль и пара безделушек, щедро пожалованных мистером Тёрнером. Надеюсь, ты не думаешь, что я оплачу твои безумные идеи?

Джек усмехнулся:

- Если бы я рассчитывал только на золото, Гектор, мы бы с тобой сейчас не разговаривали, верно?

Вспомнив недавний заплыв в Гавани Проклятых, Барбосса мгновенно перестал ухмыляться.

- Но я не из тех, кто бросает друзей в трудную минуту, - вздохнул Джек, - Это моя слабость. Кроме того, чтобы выиграть войну, не нужно подкупать всех солдат, достаточно договориться с командующим, смекаешь?

Недоверчиво всмотревшись в довольную физиономию Воробья, Барбосса ответил на вопрос громким хохотом:

- Нет!.. Ты решил пойти с просьбами о помощи к Хромому?

- А почему нет? – как ни в чём не бывало, пожал плечам Джек, - Если кому и собирать общую сходку, так это ему...

- А ты еще более свихнувшийся, чем я думал... - констатировал старпом, - Таких как ты, Хромой Гарри ест на завтрак, и ты всерьёз считаешь, что он тебя послушает?

- Посмотрим, - усмехнулся в усы Джек, совершенно игнорируя сочувствующую мину старого пирата. Барбосса выжидающе молчал,

рассчитывая на объяснения, но капитан Воробей давно научился хранить секреты. Он лишь загадочно ухмылялся, всем своим видом показывая, что у него есть план, и план беспрояснимый. Так и не дождавшись разъяснений, Барбосса хмыкнул себе под нос и убрался с капитанского мостика, намереваясь видимо улучшить испорченное настроение за счет кого-нибудь из команды. Джек же продолжил все так же невозмутимо рассматривать в подозрную трубу берег удаляющейся Бермуды. Впервые в жизни плана у капитана Воробья не было.

Как не прискорбно было осознавать, но сейчас Барбосса был прав. Хромой Гарри не являлся человеком, которому можно было заговорить зубы, и это Джек знал как никто другой. Среди пиратских капитанов Гарри Тиггс по прозвищу Хромой считался настоящим лордом. На основе слухов и легенд, рассказываемых о нем, какой-нибудь сочинитель смог бы сострять целый многотомный роман. Одни говорили, что когда-то Хромой был адмиралом королевского флота. Другие утверждали, что он прирожденный пират. Третьи клялись, что за всю свою жизнь он потопил не менее пяти сотен кораблей и все сходились на том, что он отпетый негодяй, держащий основную часть своего сказочного состояния в банках Европы.

Гарри Тиггс являлся одним из самых уважаемых головорезов пиратского острова и многие капитаны прибегали к его помощи в трудную минуту, одалживая денег или ссылаясь на его авторитет. Сам же Тиггс уже давно не выходил в море. Его состояние преумножалось за счёт взносов и выплачиваемых процентов, но до сих пор Хромой Гарри считался одним из самых опасных пиратов и продолжал коллекционировать листовки, где указывалась сумма вознаграждения за его голову.

Джек вздохнул. Связываться с Тиггсом ему не хотелось, учитывая не отданные долги и особую благосклонность старого пирата к мадемуазель Жизель. И всё же, как бы то ни было, капитан Воробей понимал, что собрать достаточную силу, способную противостоять эскадре Порт-Ройяла и пиратам Дейви Джонса сможет только влиятельный Гарри Тиггс. Объединить множество разрозненных разбойников даже во имя общего грабежа – не простая задача, а уж для того, чтобы пиратский лорд встал на сторону «благого замысла», нужен еще более весомый аргумент. Именно его то сейчас и искал капитан Воробей, рассматривая невидящим взором недостижимый горизонт. Старик-пират был очень хитёр, и те, кто пытались найти к нему подход, зачастую отыскивали собственную смерть.

Оторвавшись на секунду от полосы горизонта, Джек взглянул на свой неработающий компас. Отныне прибор указывал единственное направление, но по нему можно было хотя бы определить, где сейчас находится Элизабет, а вместе с ней эскадра Дейви Джонса. Судя по направлению, выбранному картушкой, морской дьявол держал курс к Пуэрто-Рико или Тобаго. Это было в совершенно противоположной стороне от нынешнего пути «Черной Жемчужины». «И все-таки интересно, куда, а главное, зачем они направляются?» – размышлял Джек, оставив компас в покое, – «В любом случае, встретить их на пути еще раз было бы гораздо спокойнее, имея в распоряжении более одного корабля...» Мысли снова возвращались к Хромому Гарри и к его возможностям. «Что же, Джек, делать видимо нечего», – мысленно обратился капитан Воробей сам к себе, – «Пират Воробей не сможет договориться с пиратом Тиггсом, значит нужно напомнить пирату Тиггсу те времена, когда корабли были слишком большими, а пират Воробей еще не был пиратом».

За последний шанс хватаются как за соломинку, не взирая на всю его хрупкость, даже если это всего лишь не самые приятные воспоминания двадцатилетней давности. Воспоминания о времени, когда Джек даже не помышлял бороздить моря под чёрным флагом, а Гарри Тиггс оказался одним из немногих людей, которые знали как конец, так и начало истории Джона Брайтена.

***

Симпатичный темноволосый юноша в форме гардемарина, скромно сидел у окна за скобленным деревянным столом в полном одиночестве. Было еще раннее утро. И трактирщик лениво сгребал со стойки бара осколки бутылок, разбитых вчерашними посетителями, а его полногрудая жена пыталась протирать столы, создавая какую-то видимость порядка. Сонные девицы, род занятия которых не оставлял сомнений, потягиваясь, появлялись на лестнице ведущей на верхний этаж и спускались на кухню за порцией горячей воды для умывания. Припозднившийся клиент, видимо, еще не протрезвев, спустился с верхнего этажа и остановился посреди зала, пытаясь вспомнить, где выход на улицу. Между тем, ночные красавицы размазывали остатки сурьмы по векам, протирая глаза, и широко зевали.

Среди этих помятых прелестниц попадались и совсем юные. Они еще сохранили способность краснеть, заметив взгляд мужчины, обращенный на их едва прикрытые тела. Замечая юношу в углу трактира, эти девушки пытались привести в порядок свою одежду, наспех подтягивая плохо зашнурованные корсеты. Но их стыдливости хватало не надолго. Уже через несколько минут, выпархивая из покосившейся двери кухни, мамзели возвращались на верхний этаж, расчетливо покачивая бедрами и не упуская момента кокетливо подмигнуть симпатичному парнишке у окна. Он был достаточно мил и не походил на тех гуляк, что обыкновенно посещали это место. Черные глаза, и непослушная прядь, падавшая на его лоб, вкупе с новеньким морским кителем вполне укладывались в образ прекрасного принца, случайно попавшего на их забытый властями островок.

От заочных знаков внимания, щеки юноши начинали стремительно розоветь. Ему от силы было лет пятнадцать или шестнадцать, и он напоминал тех молодых людей, что теряются в большом мире, недавно покинув родной дом и впервые встречаясь с множеством незнакомых людей.

Сдержав улыбку и спасаясь от авансов трактирных девушек, юный посетитель вздохнул и грустно уставился на пинту темного эля, только что поставленную перед ним хозяином таверны. Сейчас перед гардемаринком стояла серьезная дилемма. В питейном заведении найти воду можно было разве что в поилке для лошадей, а потому предстояло выбирать, являться ли перед командиром своего корабля, источая винные пары, или же погибнуть от жары и жажды. Умирать парню совершенно не хотелось. Рассудив про себя, что, погибнув, он совершит еще большее злодеяние, юноша еще раз вздохнул и отхлебнул из кружки.

Внезапно дверь трактира распахнулась, и на пороге еще не проснувшегося заведения возник мальчишка лет пятнадцати, в парусиновой рубаше и матросский шароварах. Живой, черноглазый и весьма симпатичный паренёк на вид был ровесником раннего посетителя.

- Джекки! Джекки! - девицы тут же окликнули вошедшего, высовывая стройные ножки сквозь перила, - Красавчик, ну взгляни же на нас! Поднимайся к нам! Мы тебя приласкаем!

- Причешем!

- Поцелуем!

Перегибаясь через перила, и заманчиво выставляя при этом на показ свои прелести, девицы красноречиво манили парнишку вверх, не переставая хихикать и задирая юбки.

- Извините, цыпы, - сокрушено ответил юноша, набожно возводя лукавые черные глаза к небу, то есть к грязному трактирному потолку и, сложив руки на груди в молитвенном жесте, - Папаша Коул, то есть святой отец Коул, назначил мне сегодня воздержание.

Девицы прыснули от смеха еще громче:

- Взгляните на этого ангелочка! Иди сюда, отпусти нам наши грехи! Может и на нас снизойдет благодать?!

Юноша же подмигнул девицам и, отправив им в качестве компенсации воздушный поцелуй, уже уцепился заинтересованным взглядом за молодого человека, наблюдавшего за этой сценой из-за столика у окна.

- Пинту эля, Барри! - крикнул мальчишка, направляясь к стойке.

- Кутишь с утра, парень? – отозвался хозяин заведения, смахивая крошки со столешницы и нехотя доставая внушительную жестяную кружку, - А деньги-то у тебя есть?

- Есть, Барри, - заверил посетитель, с хитрой ухмылкой, - Сегодня есть.

Получив свою порцию, юноша направился напрямик к столу, за которым обосновался гардемарин.

- Я вижу, сэр, вы здесь впервые? – осведомился любимец трактирных девиц, обведя взглядом столешницу, - Я подсяду к вам с вашего позволения?

Нахальный мальчишка тут же плюхнулся на один из стульев, и молодому гардемарину ничего не оставалось, как запоздало разрешающе кивнуть.

- Не давно на Исла де Маргарита, сэр? Кстати, я Джек Тейкер, - как ни в чем не бывало начал разговор мальчишка, с обезоруживающей улыбкой.

- Моё имя Джон Брайтен, если угодно, - доброжелательно ответил гардемарин, - Я действительно здесь не давно, всего пару часов...

Парень в парусиновой рубаше кивнул в ответ, принимая знакомство и, нахмурившись, поднял свою кружку:

- За семь футов под килем! – изрёк он, взглянув в окно, в даль, туда, где виднелись корабельные мачты, - И пусть сидит на мели тот, кто не пьёт!

Затем он бодро опрокинул вместительную ёмкость, заливая эль в свой еще тщедушный организм. Молодой гардемарин проследил за ним с нескрываемым удивлением. Через несколько секунд Джон Брайтен неуверенно перевёл взгляд на свою кружку. Видимо, не желая сидеть на мели, он попытался последовать примеру своего нового знакомого, и вскоре понял, что с каждым глотком реальность воспринимается всё менее угрожающей.

Между тем, трактирщик Барри с усмешкой наблюдал со стороны, как Джек Тейкер выглянул из-за края своей кружки, и, убедившись, что его сосед уже ничего не замечает вокруг, быстро выплеснул остатки недопитого в открытое окно. Затем, с видом заправского выпивохи Джек ударил кружкой об стол. Джон Брайтен же вздрогнул и с удивлением уставился на опустевшую ёмкость своего соседа. Сам он не одолел даже половины.

- Морская традиция! – комментировал Джек, - Настоящему моряку не страшны ни море воды, ни море рома. Так говорят на нашем острове...

- Вы моряк?.. – выдавил Джон, переводя дыхание. Духота и алкоголь давили, и китель внезапно стал ужасно тесен и неудобен.

- С тех пор как научился ходить, - глубокомысленно ответил его собеседник, изобразив не по летам суровую физиономию. Барри громко кашлянул и скрылся под барной стойкой.

- А вы, сэр, никак морской офицер, да? – предположил юный Тейкер.

- Да... - смущенно согласился Джон, - То есть, нет, еще нет. Я гардемарин, и сегодня должен поступить под командование капитана Гарднера на линкор «Разящий».

- Гарднер хороший капитан, - одобрил юный моряк.

- Знаете капитана Гарднера? – Джон поражался всё больше, а мальчишка продолжал отвечать с видом бывшего моряка:

- Наслышан. Линкор «Разящий» - гроза пиратства в Карибском море. Он иногда заходит в наш порт. Я слышал, что служить в его команде – большая честь. А для меня большая честь выпить с одним из его офицеров!

Побеседовав еще пол часа о линкоре, капитане и морских традициях, запивая беседу элем, молодые люди перешли на «ты» и вскоре общались, словно старые и добрые друзья. Джек Тейкер проявлял щедрость, угощая нового друга, а Джон Брайтен всё подробнее рассказывал о своей жизни. Он был из обедневших дворян. Отец желал видеть сына морским офицером и с ранних лет отдал его в военно-морской корпус. Выполняя волю родителя, Джон учился навигации, лоции и мореходной астрономии, но особой прелести в военно-морской службе не видел. Получив назначение на линкор «Разящий» Джон Брайтен не смог взойти на его борт в Англии из-за смерти отца, и вынужден был догонять свой корабль на торговом судне. Теперь он поджидал «Разящий» на Исла де Маргарита, куда тот должен был зайти сегодня днём. Джон так же упомянул, что на корабле он никого не знает, и вскоре должен

будет познать все тяготы дальнего плавания, практически забыв, как выглядит берег.

- Послушай, Джонни! - в хмельном голосе Джека слышались заговорщические нотки, - Море, это такая зараза! Это... это как магнит... такая притягивающая штука... ты всё отдаешь ему!.. но когда ты сходишь на берег... ты герой!.. и цыпы... они от тебя без ума!

Усердно помогая изложению своих мыслей жестикуляцией, Джек словно в забытии мечтательно обратился взглядом к открытому окну и мачтам за ним.

- Да, - горько усмехнулся Джон Брайтен, изучая уже дно своей кружки, - Без ума...

- Кстати, Джон! - шёпотом заметил Джек, подмигнув гардемарину, - Тут такие цыпы!..

- Ну, нет! Это не по мне... - совсем засмущался юноша, нервно застегнув верхнюю пуговицу на кителе.

- Брось, друг! «Разящего» еще нет даже на горизонте! А ты сам говорил, что плавание будет долгим. И что же тебе будет приятнее в нём вспоминать? Мою пьяную физиономию или общество обворожительных дам? Давай, будет что рассказать новым приятелям!

И, не дожидаясь ответа товарища, Джек обернулся к балкону, где щебетали местные красотки, и махнул им рукой:

- Эй, крошки!

Щебетание тут же прекратилось, и внимание девушек мгновенно и полностью сосредоточилось на нём.

- Мой друг сегодня уходит в плавание! - сообщил им Джек с хитрой улыбкой, не обращая внимания на протесты товарища.

- Правда? - промурлыкала одна девица, растянув в улыбке пурпурный ротик, другая же прикрыла набеленное личико потрёпанным веером и кокетливо захлопала сильно подведенными глазами:

- Ой, какой миленький!

- Хорошенький!..

- А что предпочитает господин офицер?

Джон Брайтен не успел опомниться, как девицы уже завертели вокруг него, смущая своими намёками и прикосновениями. Совсем оробевший Джон не знал, что им отвечать, юный Тейкер только азартно улыбался и подбадривал соблазнительниц:

- Дамы, надеюсь, вы знаете, что нужно мужчине через пару часов покидающему сушу?

- Мне нужно идти к капитану... - всё слабее протестовал Брайтен, совсем захмелев от изрядной порции выпитого и полураздетых женских тел. Вскоре сопротивление его было сломлено, и молодой человек отправился вверх в сопровождении двух размалёванных блондинок. Еще одна их подружка, задержалась возле Джека.

- Послушай-ка, Кэти, - чуть приглушённым голосом сказал мальчишка, удержав девушку за локоть, - Проследи, чтобы твои товарки позаботились о моём друге в лучшем виде, вот вам вознаграждение. Здесь доля и для тебя.

С этими словами, Джек Тейкер высыпал на стол несколько золотых монет.

- Щедрое вознаграждение, - скептически заметила Кэти, прибирая оплату в карман, - Ну, им-то понятно за что. А мне? Что это вдруг? Чего ты хочешь?

- Ничего противозаконного, крошка. Ты только вынесешь мне его одежду и бумаги... смекаешь?..

- Смекаю, - хмуро отрезала девица, высвобождая тощий локоть из его руки, - Ты что-то задумал Джеки! Да только я не хочу за это отвечать!..

- Дурочка!.. - рассмеялся парень, - Ваше дело лишь развлекать посетителей, и откуда вам знать, в самом деле, кто мог зайти на верхний этаж и взять пожитки вашего клиента?.. Тем более нашему другу останутся и его денежки и мои обноски. Этого вполне достаточно, чтобы найти себе место на другом торговом корабле и отправится домой...

- Зачем тебе его китель?.. – поинтересовалась девица, прищурив хитрые глаза.

- А это, моя милая Кэти, тебе знать ни к чему. Считай, что я плачу тебе за воплощение моего самого дерзкого желания!

Приблизительно через полчаса из портовой таверны вышел темноволосый растрепанный мальчишка в форме гардемарина. Выглядел он совершенно счастливым. Застёгивая на ходу китель, гардемарин с интересом читал на ходу какие-то бумаги.

Мундир пришёлся как раз в пору, и сейчас Джек Тейкер старательно запоминал события и факты, изложенные на нескольких листах, которые удостоверяли отныне, что он дворянин, джентльмен и гардемарин королевского флота Джон Брайтен.

Закончив читать, Джек усмехнулся сам себе и запихнул в карман кителя теперь уже свои документы, а затем, уставился на отражение в поилке для лошадей. В нём с трудом можно было узнать портового мальчишку, облазившего все баркасы и лодки маленькой гавани Исла де Маргарита. Переминаясь с ноги на ногу, Джек привыкал к непривычным ощущениям. В форменной одежде было жарко и тесно, а сапоги ощутимо сжимали ноги. Вглядевшись в отражение, Джек понял, что его лицо совсем не обладало аристократической белизной, с головой выдавая в нём коренного обитателя Карибских островов. Впрочем, мальчишка надеялся, что команда «Разящего» не столь наблюдательна к подобным мелочам. Вода в поилке пришлась как нельзя кстати. И старательно пригладив мокрыми ладонями торчащие вихры, Тейкер стряхнул с кителя пыль и положил ладонь на эфес висевшей на боку сабли. Острая как бритва, настоящая боевая подруга. Рассматривая себя в отражении, самозванец репетировал появление перед будущим капитаном.

Джек знал, что девочки из заведения Барри добросовестно отработают своё вознаграждение, и настоящий Джон Брайтен еще не скоро хватится пропажи. Сейчас юный Тейкер вовсе не думал о его судьбе. Шагая по узким улицам к порту, Джек чувствовал себя победителем, но прежде чем «Разящий» появится в их гавани, он хотел разделить свой триумф вместе со старым приятелем, бывалым капитаном скрипучего баркаса – Гарри Тиггсом.

В те времена, Джек не знал разницы между островами Тортуга рядом с маленькой Исла де Маргарита и Тортуга рядом с Эспаньолой. Два черепаховых острова, на одном из которых целыми днями плескались очень вкусные и дорогие морские черепахи, на другом же Береговое Братство обосновало свою базу. Тогда темноглазый мальчишка Джек Тейкер еще об этом не задумывался. Он любил море и солнечную гавань Исла де Маргариты, заполненную загорелыми до черноты моряками, торговцами, скрипучими кораблями и разношёрстным сбродом, где каждый мог оказаться тем, кто скрывается от властей на далёком острове. Джек любил море, оно манило его с ранних лет и, игнорируя то, что мать категорически не желала, чтобы он стал моряком, мальчишка пропадал в гавани круглые сутки.

О своей матери Джек вспоминал редко. Но в те минуты, когда память предательски возвращалась к былым временам, в воспоминаниях возникала темноволосая, смуглая красавица, стройная как тростник, и такая же не сгибаемая. Её звали Акави, что на индейском диалекте означало «тростинка».

Иногда она рассказывала сынишке на ночь сказку, про храброго война прибывшего из страны за океаном. О том, как он спас индейскую девушку из племени араваков, ставшую пленницей жестоких каннибалов карибов. Так Джек узнал про своих бабушку индейских кровей и деда - испанского конкистадора. Акави же, их дочь, сбежала на Исла де Маргарита в семнадцать лет с английским моряком Грантом Тейкером. О своём отце маленький Джек знал лишь то, что он пропал в море, когда сыну было еще совсем мало лет. Отсутствие отца ни сколько не смущало шустрого мальчишку, Джек не помнил его. Подобная участь была привычной для детей Исла де Маргарита. Море забрало кормильцев из многих семей, и многие из них оставались сиротами. Акави не хотела, чтобы сын повторил судьбу её мужа.

Кто знает, о чем она мечтала каждый день, выходя на морской берег и долго вглядываясь в горизонт. Может быть, она желала, что судьба Джека будет более завидной, чем рыбацкая лодчонка и каторжный труд. Что он будет жить в богатстве и славе и никогда не оставит в одиночестве ту, что когда-нибудь полюбит. Возможно, потому Акави старалась, чтобы её сын вырос образованным человеком.

У молодой и красивой женщины поклонников хватало, но она предпочла ухаживания святого отца Коула. Папаша Коул, как называл его Джек, не отличался красотой и щедростью. Этот худощавый и носатый святоша, молодой, но слишком суровый душой, всем своим видом и сутаной напоминал обгоревшую жердь. В благодарность за благосклонность миссис Тейкер, он изводил Джека чистописанием, географией, математикой и ханжескими проповедями о моральных устоях.

Джек ему не верил. Рассуждая о чистоте души, папаша Коул не считал зазорным задерживаться в их хижине до утра. Мальчишка гораздо более уважал просоленного Гарри Тиггса. Он был охотником за черепахами и часто посещал их хижину, привозя для Акави и Джека кое-какие подарки и отдавая молодой женщине на продажу почти весь свой улов. Юный Тейкер начал увязываться за Тиггсом, как только научился ходить. Суровый Гарри практически заменил ему отца и за пятнадцать лет, проведенных на Маргарите, Джек достаточно освоил морскую науку. Тайком от матери он выходил в море на баркасе Тиггса и стоически принимал все морские трудности. Старательно выполняя приказы капитана, Джек серьезно собирался выйти в дальнее плавание, но Гарри Тиггс отказывался брать мальчишку с собой дальше черепашей Тортуги. Старый морской волк объяснял это тем, что мальчонка еще слишком мал, но сам Джек подозревал, что Гарри намеренно портит ему морскую карьеру в угоду его мамаше.

Среди сверстников Джек ухитрялся верховодить, не обладая ни внушительным телосложением, ни жестоким характером. Его живой и изворотливый ум всегда помогал ему одурачить более сильных и нахальных противников, оставаясь победителем без драки. Это же качество помогало ему среди грубых матросов капитана Тиггса, который лишь посмеивался, видя как хитрый пацанёнок издевается над его остолопами.

Общение с Гарри было настоящей отрадой, но иногда Тиггс исчезал надолго, заявив, что у него есть дела на Тортуге. О какой именно Тортуге шла речь, Джек не подозревал. Он скучал и, оказываясь предоставленным сам себе, развлекался тем, что передразнивал отца Коула, помогал матери и слонялся в гавани с другими мальчишками, поджидая возвращения знакомого баркаса. Однажды привыкнув к морю, Джек уже не мог без него. Юный Тейкер чувствовал себя на суше словно взаперти и тосковал, когда баркас Тиггса уходил из их гавани.

Как-то Джек решил, что когда-нибудь он сам будет капитаном. Что он будет командовать не рыбацким баркасом, а настоящим огромным кораблём, военным или торговым. Кораблём, который даст ему настоящую свободу от суши, нищеты и строгой матери, позволит открывать новые земли и одолевая врагов. В своих мечтах, Джек представлял, как когда-нибудь вернётся домой из дальнего плавания и мать встретит его, настоящего капитана.

С тех пор, не отличаясь особым прилежанием, сын миссис Тейкер охотно впитывал науки и научился терпеливо пропускать мимо ушей пространные проповеди отца Коула. Капитан военного корабля должен знать и географию, и математику, и уметь делать записи в судовом журнале. О порядках заведенных на больших кораблях Джек не раз слышал от Гарри. Откуда капитан Тиггс знал все эти премудрости, Джек не представлял, но охотно слушал его рассказы, запоминая всё, что он говорил, уже тогда готовясь применять эти знания на практике. Мечта окрыляла, но до тех пор, пока однажды юный Тейкер не поделился ей с суровым Тиггсом.

Сидя за столиком в местной таверне, Гарри хохотал так, что посетители недоуменно начали оглядываться. Тогда-то Джек и узнал, что капитанство на военных кораблях это удел дворянского сословия, а салаги вроде него самое

большее могут дослужиться до мичмана, годам к пятидесяти. Такой поворот событий вовсе не входил в планы Джека, и пока Гарри пытался просмеяться, мальчишка лишь сердито хмурился, своей грозной миной вызывая у Тиггса еще большие приступы хохота.

- Если бы на военных кораблях ходили моряки, заслужившие чин кровью и потом, пиратам давно пришел бы конец, парень, - сказал Гарри, наконец, успокоившись, - К счастью, это не так.

Обидевшись на приятеля, Джек ушел из таверны. Он совершенно не собирался отказаться от своей затеи, решив, что добьется своего любой ценой. И словно откликнувшись на его решение, судьба приготовила ему настоящий подарок. Появление Джона Брайтена на Исла де Маргарита стало тем самым шансом, который выдается раз в жизни. Упустить его Джек просто не мог. Заполучив одежду и документы молодого гардемарина, мальчишка сразу же явился к Гарри Тиггсу. Теперь столь желанная дорога была открыта. И плата, которая требовалась для этого, казалась совсем не большой. Всего-то забыть собственное имя, навсегда став другим человеком. Джек Тейкер не считал это большой жертвой, но старый моряк охладил его пыл. Спокойно наблюдая за самоуверенным мальчишкой, расхаживающим по палубе его баркаса, он задал всего лишь один вопрос:

- А как же твоя мать, Джекки?

- А что моя мать?.. - пожав плечами, спросил Джек после некоторого замешательства. Смотреть в глаза Гарри, ему сейчас совсем не хотелось, - У неё есть отец Коул, и потом... я же вернусь...

- Ну-ну, парень... - почему-то усмехнулся Гарри, раскуривая свою трубку.

Вспоминая об этом сейчас, капитан Воробей был почти уверен, в тот момент Тиггс словно знал, что случится с ним дальше. Как бы то ни было, благополучно поступив на службу в команду «Разящего», гардемарин Джон Брайтен никогда больше не вернулся на Исла де Маргарита.

Прослужив семь лет в британском флоте, Джек понял, что это совсем не та свобода, которую он искал, и встреча с Катлером Бекеттом убедила его в этом окончательно. Получив клеймо пирата, Джон Брайтен перестал существовать и уступил место Джеку Воробью. Распрощавшись с маской офицера королевского флота, Джек, тем не менее, не унывал. Повторно приняв чужое имя, а вместе с ним чужую славу и слухи, отныне капитан Воробей должен был оправдывать и преумножать её. Первым же вкладом стал побег из-под конвоя, везущего его на каторгу. Джек явился на Тортугу полный новых надежд. Его ждала другая жизнь, другая свобода и совсем другой корабль не подвластный ни каким адмиралам.

Но это было не всё. Совершив очередной головокружительный виток, судьба преподнесла своему любимцу новый сюрприз. И оказавшись на Тортуге, Джек узнал, что старина Гарри Тиггс является ни кем иным как пиратским лордом, а прозвище под которым бывшего капитана Брайтена отправили на каторгу по иронии судьбы принадлежало другу Гарри Тиггса Гранту Воробью. Тому, кто когда-то давно называл себя Грантом Тейкером.

Джек выяснил, что его отец Грант Тейкер был жив и пиратствовал все эти годы, даже не думая навестить жену и сына. Джек так и не увиделся со своим отцом. К сожалению, не задолго до появления молодого Тейкера на Тортуге, его отец героически сложил голову в пьяной потасовке, возникшей в результате трёхдневного запоя. Пираты громко отмечали бристольский побег атамана из-под охраны семи агентов Ост-Индийской Торговой Компании, затем, как водится, поругались, подрались и сами не заметили, как виновник торжества оказался заколот. Хромой Гарри, застрелил на месте негодяя убившего его друга. Тиггс устроил Воробью пышные похороны и как раз пребывал в траурном настроении, когда ему доложили, что капитан Воробей вновь прибыл на Тортугу и очень желает его видеть!

Как вспоминал Хромой Гарри после, он – головорез, правящий всем тортугским сбродом – в тот момент почти решил бросить пить. Джеку же было не до смеха. Не смотря на весь свой боевой настрой и никогда неунывающую

натуру, новый капитан Воробей был, что называется, гол как сокол. Ни корабля, ни команды, ни связей. И всё же судьба не бросила своего любимца и на этот раз. Больно ударив, она словно заставляла Джека вспомнить о своем существовании, а затем возвращала благосклонность как ревнивая девица, вновь и вновь вытаскивая своего несчастного счастливчика из всех передряг.

Наследство, доставшееся новоявленному пирату от папаши, оказалось не велико. Большинство денег было попросту разворовано ушлой командой, зато старенький флейт⁸⁰ его отца оказался никому не нужен. На нём-то Джек и начал свою пиратскую карьеру, вместе с остатками команды Гранта Воробья. В те времена Джек познакомился с Биллом Тёрнером, узнал о существовании Тиа Далмы и жизнь забурилась как водоворот в Чёртовой Прорве. С тех пор утекло очень много времени. Капитан Джек Воробей затмил своего отца и очень скоро сменил его неповоротливый флейт на самый неповторимый фрегат в истории всего флота «Чёрную Жемчужину». Редкий корабль может похвастаться тем, что несколько раз вернулся с того света.

И сейчас, вновь воскресшая «Жемчужина» снова держала курс на свободный остров Тортуга, где круглые сутки звуки беспорядочной пальбы мешались с бранью, пьяными песнями, криком чаек и скрипом кораблей. Туда, где каждый желал навсегда избавиться от гнёта Ост-Индийской компании.

На протяжении всего пути Джек терпеливо отмечал направления компаса и точки расположения «Чёрной Жемчужины» на карте Сяо Фенга. Представляя приблизительную скорость и направление движения «Голландца», капитан Воробей определил, что за те три дня, что они проторчали на Бермудах, Джонс должен был уже добраться до Пуэрто-Рико. Это, бесполезное на первый взгляд, занятие приводило мысли в порядок и помогало капитану не унывать. Шёл третий день пути. Барбосса, видимо после разговора с Далмой, словно смирился со своей ролью старпома и ограничивался лишь символическим препирательством с капитаном. Не смотря на малочисленность, команда вполне благополучно справлялась с кораблём. Погода благоволила. Пираты слаженно работали под чётким надзором Барбоссы и Гиббса, и лишь один инцидент нарушил спокойствие их путешествия.

Джек стоял на капитанском мостике и уже привычно рассматривал морскую даль, в которую упиралась стрелка на картушке, когда от раздумий его отвлек крик Уильяма Тёрнера:

- Чунмин, держись! Эй, кто-нибудь! Помогите!

Джек тут же взглянул вверх. Уилл стоял на марсовой площадке грот-мачты, и, судя по всему, всеми силами старался удержаться сам и удержать девушку, которая как-то странно обмякла в его руках. Мистер Гиббс уже карабкался к ним по вантам, а Пинтел и Рагетти таращились во все глаза на палубе, задрав головы вверх.

- А ну за работу, олухи! – рыкнул на них Барбосса, - Пока она не свалилась на палубу, ваше дело выбирать шкоты!

Между тем, Гиббсу вместе с Уиллом кое-как удалось спустить бедняжку на палубу. Оказалось, Чунмин по непонятной причине потеряла сознание на марсе⁸¹ и не свалилась на палубу только благодаря Тёрнеру-младшему, который поднимался вместе с ней и успел её удержать. Девушку уложили на палубу, и почти вся команда во главе с капитаном бестолково столпилась над ней, не зная, что теперь делать. Уилл вглядывался в побледневшее лицо Чунмин, и выглядел не лучше неё. Наконец явившаяся Тиа Далма нарушила всеобщее замешательство, и, растолкав бесполезно толпившихся мужчин, привела девчонку в себя, сунув ей под нос склянку с какой-то вонючей дрянью.

- Что случилось? – спросила птаха, открыв наконец, глаза.

- Ты вдруг потеряла сознание... - начал было объяснять Тёрнер, но ведьма прервала его:

---

⁸⁰ Флейт - парусное трехмачтовое грузовое судно, которое строилось в 16-18 веках и входило в состав военных флотов.

⁸¹ Марс, марсовая площадка - служит для разноса стень-вант, для выполнения работ по управлению парусами, а также для наблюдения.

- Бедняжка слишком устала, Вильям, я помогу тебе, дорогая. Идем со мной.

Поддерживая Чунмин под локоток, ведьма повела её в каюту, с видом, не терпящим никаких возражений. Тёрнер-младший обеспокоенно смотрел им вслед, а Барбосса тем временем недовольно проворчал

- Только этого нам не хватало... - провожая взглядом Далму и Чунмин, старый пират зыркнул в сторону капитана Джека и вернулся к понуканию Пинтела и Рагетти.

Капитан Воробей с подозрением покосился на Уилла, всё еще пребывавшего в замешательстве.

- Что? - не понимая, спросил его Тёрнер, заметив этот странный взгляд.

- Да так... - пожал плечами Джек, - Барбосса! Проследи, чтобы пташка больше не поднималась на мачты!

Постепенно все разбрелись, занявшись прежней работой. Капитану совершенно не нравилось то, что происходило с Чунмин. История, в которую они все дружно влипли, высасывала силы и без новых неприятностей. Впрочем ситуация показалась ему даже комичной. Возвращаясь на капитанский мостик, Джек представил себе изумленно-оскорблённое лицо мисс Свон, осознавшей вдруг, что дорогого Уильяма не стоило оставлять надолго одного. Несомненно, такое известие могло пробудить у благородной разбойницы тщательно сдерживаемую тягу к рому и честному, сочувствующему пирату. Ухмыльнувшись, Джек мысленно уже репетировал фразу: «Да, цыпа, как не прискорбно мне это признавать, наш дорогой Уильям оказался не джентльменом. Впрочем, он ведь и не был джентльменом. Так что, ему простительно. Забудь, он не достоин тебя. И знаешь, что я делаю в подобных случаях? Верно. Выпьем?»

Впрочем, подобные догадки посетили явно не только капитана «Черной Жемчужины». Пинтел и Рагетти о чем-то хихикали, бросая на Тёрнера-младшего многозначительные взгляды. Барбосса возводил глаза к небу. Даже Прихлоп понимая вздыхал. Уилл же явно чувствовал себя не в своей тарелке, и с самым непонимающим видом он старался не замечать этого всеобщего оживления. Однако вскоре домыслы были развеяны. Тиа Далма вернулась на палубу и сообщила, что Чунмин всего лишь подхватила какую-то тропическую лихорадку.

- И какие будут приказания, капитан? - поинтересовался Барбосса у нахмурившегося капитана Джека, - Лихорадка может быть опасна для команды. И по пиратскому кодексу любому заболевшему заразной болезнью полагается продолжать свой путь в царство мёртвых на шлюпке. Так что ты намерен делать?

- Не думаю, что эта болезнь опасна для нас, Барбосса - внезапно вмешалась Тиа Далма, - Девушка скоро выздоровеет, я позабочусь о ней.

Капитан Воробей обернулся к ведьме и отметил про себя, что вид у неё был странно довольный. Барбосса, на сей раз, не разделял оптимизма своей подружки и с не скрываемой иронией ожидал от капитана Воробья какого-нибудь неблагоприятного ответа.

- Думаю, ты права, Тиа, - с абсолютным спокойствием выдал Джек, - В таких вещах ты разбираешься как никто. Мы скоро прибудем на Тортугу, а там уже решим, что делать. Ты же Гектор, раз так опасаешься за свое здоровье, можешь нести круглосуточную вахту на капитанском мостике и не спускаться в кубрик вообще.

С этими словами капитан сунул в руки Барбоссе подозрительную трубу и покинул недоумевающего старпома и ведьму, вразвалочку направившись по трапу вниз.

Джек чувствовал острую необходимость немедленно промочить горло ромом. Он подозревал, что длительная вынужденная трезвость влияла на него слишком плохо. В частности, капитан Воробей ощущал себя непривычно совестливым. Чунмин было жаль. Какое-то гложащее сомнение подсказывало, что добром для неё дело не кончится. Впрочем, как и предполагал Джек ром мгновенно

притупил это чувство, позволив также не ощущать колебания шаткой палубы. Гордо мотаясь по нижнему деку и, периодически встречаясь с переборками, капитан Джек достиг искомой двери. Тиа Далма всё еще не вернулась с капитанского мостика, продолжая любезничать с Барбоссой. Этим обстоятельством Джек как раз и собирался воспользоваться. Дело в том, что проклятая царапина, оставленная Тёрнером в недавней драке, всё никак не хотела заживать сама. Она превратилась в болезненный рубец, который промывать ромом становилось всё неприятнее. У Тиа Далмы же наверняка было средство от подобных неприятностей. Только просить ведьму об услуге капитан Воробей не хотел и собирался поступить в лучших пиратских традициях, а именно попросту реквизируют нужную склянку «на время» пока хозяйка отсутствовала в каюте.

Распахнув дверь настежь, Джек появился на пороге, с подозрением заглянув внутрь помещения, словно ожидая встретить там Дейви Джонса. Однако в каюте было пусто, если не считать бесчисленных метёлок засушенных растений, банок с мерзостями, коробочек и гадальных ракушек, разбросанными в самых неожиданных местах. Во всем этом хаосе могла укрыться рота британских солдат, но, судя по тишине, каюта была совершенно свободна для безнаказанного обыска. Через пару секунд Джек приступил к исследованиям запасов Тиа Далмы. Дело осложнялось тем, что он совершенно не представлял, что именно ищет и как выглядит средство, заживляющее раны. От ведьмы можно было ожидать всего. Наконец, закончив поверхностный осмотр и выбрав пару подходящих, по его мнению, склянок, Джек задумчиво уставился на находки. Одна когда-то была шкатулкой, покрытой розовым перламутром, другая - зеленая стеклянная бутылочка с белым веществом внутри. Она не внушала доверия неприятным запахом, просачивающимся даже сквозь пробку. Поморщив нос и принявшись к содержимому розовой шкатулки, Джек пробормотал:

- Жаль что, я не захватил с собой мартышку Барбоссы, - испытывать снадобья нужно было сразу на себе.

Наконец, решившись начать с того, что пахло более приятно, Джек разматал свою ранку и героически окунул палец в содержимое розовой шкатулки.

- Это не то, Ши, - раздался слабый голосок из-за его спины.

Чунмин с интересом наблюдала за Джеком с кушетки. Она выглядела немного лучше, чем несколько минут назад на палубе, но силы видимо всё еще до конца не вернулись к ней.

- Я думал ты спишь... - ответил капитан, торопливо вытерев руку о камзол, - Просто не хотел тебя будить...

Чунмин встала с кушетки и направилась к нему, хотя и не совсем уверенным шагом.

- Тиа сказала, что я скоро поправлюсь. Просто мне не привычен этот климат, - улыбнулась она, закрывая розовую шкатулку и раскупорив зеленую бутылочку, - То, что ты ищешь, находится здесь. Вот эта мазь, которой Тиа исцелила мою руку. А там, какое-то снадобье, которым она каждый вечер растирает тело. Думаю, ей не понравится, если ты без спроса истратишь его на свою царапину.

Джек брезгливо сморщился, представив растирающуюся ведьму, и с подозрением покосился на зеленую бутылочку.

- А по запаху и не скажешь, что там что-то полезное - пробормотал капитан, позволив пташке аккуратно нанести снадобье на его царапину. Девушка улыбнулась, заматывая ему руку чистой корпией и, предоставив себя полностью её заботе, Джек сосредоточился на ромовой анестезии. Наблюдая за Чунмин, капитан Воробей неожиданно отметил про себя, что не так уж она жалко выглядит. По крайней мере, Чунмин совсем не походила на забитую жизнью рабыню. И сейчас Джек полностью согласился с собой, что, оставив её в Сингапуре, всё же был прав. Капитан Фенг не причинил своей счастливой пташке слишком много вреда. А Уильям Тёрнер как обычно сгустил краски,

привычно готовый обвинить пирата во всех грехах. Джек не хотел ничего спрашивать, но слова вырвались, словно сами собой:

- Птаха... просто хотел спросить... ну, ты понимаешь... - Джек замялся, пытаясь шутить и чувствуя, что сейчас это у него не очень получается, - Как ты жила все эти годы? Надеюсь, старичок Фенг не обижал свою госпожу Удачу?..

Чунмин мгновенно стала серьезной. Через секунду она взглянула на Джека так, как не смотрела на него никогда прежде. Капитан Воробей напряженно замер. Он, конечно, ожидал какой-нибудь реакции, шутки, возмущения и даже морально готовился к пощечине. Однако этот понимающе-прощающий взгляд застал его врасплох. Чунмин ничего не говорила, но за это мгновение Джек понял то, о чем не задумывался почти никогда в жизни. Он был не прав.

И случилось невероятное. Вымученная улыбка исчезла, и капитан Джек Воробей опустил голову как нашкодивший мальчишка, и теперь молча рассматривал едва видные полоски шрамов, охватывавших её запястья.

- Я не держу на тебя зла, Ши, - сказала Чунмин, - Сяо Фенг мертв и больше меня не тронет. Всё хорошо, Джек, всё прошло. Я здесь, с тобой и твоими друзьями. Они теперь и мои друзья. А та запуганная пташка умерла вместе с её хозяином.

Повисла гнетущая пауза. Невыносимая. Стараясь разрушить это молчание как можно скорее, беззаботным тоном рассказчика Джек начал:

- А я, видишь ли, угодил в Чёртову Прорву... - он смолк, едва ли не впервые в жизни не сумев подобрать слов.

- И поделом, видимо, - закончил свой рассказ капитан Воробей и мрачно отпил из горлышка початой бутылки.

***

К вечеру Далма сказала, что Чунмин стало хуже. Девушка впала в какое-то странное забытье и теперь лежала в их с Далмой каюте, почти не просыпаясь. Что за странная лихорадка свалила её с ног, ведьма так и не могла объяснить, хотя проводила подле больной почти всё время. Уилл ходил мрачнее тучи, да и сам Джек почти чувствовал, как неприятности сгущались над их головами, словно сезонные дождевые облака.

Тем не менее, не смотря на все трудности, «Черная Жемчужина» благополучно достигла самого разбойничьего острова в Карибском море и снова встала на рейде в его интернациональной гавани. Джек всё чаще отмечал, что испытывает слишком много новых чувств. Вот и сейчас, возвращение на Тортугу совсем его не радовало. Поводов для беспокойства становилось всё больше. Перед выходом в город капитан Воробей задержался в каюте, чтобы отметить очередную точку на карте. Хмурясь, он заметил, что стрелка компаса отклонилась к западу. Эскадра Дейви Джонса сменила курс.

Глава 18. Переговорщики

Уже ближе к ночи капитан Джек Воробей, Барбосса и Уилл Тернер сошли на берег и направились вглубь Тортугских трущоб в поисках Гарри Тиггса. После размышлений и спора кому оставаться на корабле вообще и за капитана в частности, Джек решил, что старпому лучше идти вместе с ним. Уилл само собой навязался с ними, поскольку был уверен, что он самое заинтересованное лицо и обязан участвовать во всех этапах предприятия. Джек не мешал его инициативе. Тёрнер не плохо фехтовал, а в кабаках Тортуги, где постоянно разгорались драки – такой сопровождающий был весьма полезен. Гиббс, временно занявший капитанский мостик, и остальные остались на «Жемчужине». Впрочем, как только неугомонная троица скрылась в порту, рассудительный мистер Гиббс выставил на вахту Прихлопа-Билла, решив, что Билл одним своим видом способен напугать целый взвод неприятеля. Таки образом, пираты со спокойной душой направились в кубрик отмечать благополучное прибытие в родной порт.

Между тем, капитан Джек Воробей и бывший капитан Барбосса шагали по улицам шумного, разгульного городишки. Уилл следовал за ними чуть поодаль, спокойно перешагивая через очередного пьянчугу, выкинутого под

ноги из какого-нибудь кабака. Замечая эту колоритную троицу, многие раскрывали рты. Не часто ведь встретишь на пути трёх покойников разом! Недавно погибший капитан Джек Воробей в компании давно убитого им Барбоссы и копия молодого Билла Тёрнера, убитого самим Барбоссой едва ли не четырнадцать лет назад.

Когда они появились на пороге уже знакомой Уиллу таверны, шумный гогот царивший внутри разом умолк и те, кто оглянулся на вновь вошедших, забыли о обо всём. Потрепав менее наблюдательных соседей за плечо, выпивохи привлекли их внимание к дверному проёму и вскоре уже абсолютно все посетители таращились на слишком узнаваемого пирата, шагающего, как ни в чем не бывало к барной стойке. Барбосса не хотя следовал за Джеком Воробьём, окинув присутствующих взглядом, выражавшим крайнюю свирепость. Уилл тоже не отставал и на всякий случай держал ладонь на рукояти сабли, в то время как кое-кто из ошалевших посетителей пытался перекреститься.

Почти наслаждаясь произведенным эффектом, Джек отреагировал на всеобщее замешательство, театрально развернувшись лицом к публике, как только достиг стойки бара:

- Други! Вам запомнится день, когда на Тортугу вернулся якобы погибший капитан Джек Воробей!

Обведя собравшихся взглядом, капитан Воробей заметил, что всеобщего ликования его слова не вызвали. Пираты продолжали мрачно молчать. В углу неожиданно завывала собака.

- Всем по чарке! – добавил Джек и, на сей раз, реакция последовала незамедлительно.

- Они?.. Оба живы!? – слышался шепот.

- Три тысячи китов! Кракен мне на палубу! Да это ж капитан Воробей! – воскликнули сразу несколько голосов.

- Ба, и капитан Барбосса?! – вспомнил кто-то и про всё больше явившегося старпома.

Одобрительный гул поднялся со всех сторон. Пока капитан Воробей наслаждался всеобщей радостью и недоумением. Барбосса же поймал за шиворот хозяина заведения и доверительно попросил:

- Нам бы перекинуться парой слов с Хромым Гарри.

Доверие Гектора Барбоссы – вещь почти мифологическая. А потому, когда он говорит доверительным тоном, отказывать ему весьма опасно. Кабатчик поспешно закивал и испарился как дух, поспешив исполнить его «просьбу». Джек едва заметно повел бровью, зацепив краем уха этот разговор, и ухмыльнулся, переглянувшись с Барбоссой.

- Кстати, Джек, – заметил в полголоса старпом, – С каких это пор ты так разбогател, что угощаешь всю портовую шваль?

Джек не ответил на вопрос, с напыщенным видом заявив жене хозяина заведения, чтобы она записала трату на его счет, и потребовал себе и своим друзьям лучшую выпивку. Пираты ликовали, приветствуя пробиравшихся мимо них «друзей». Барбосса смотрел волком, подозревая видимо, что счета придется оплачивать ему. Джек Воробей с прежней безмятежностью сиял улыбкой на все приветствия, напрочь разрушая напряженность предстоящего разговора с загадочным Хромым Гарри. Уилл же все больше чувствовал себя участником какой-то абсурдной комедии.

Девицы-разносчицы сновали между разухабистой клиентурой, подавая всем ром. Пираты воздевали кружки в приветственном жесте и, широко раззявя беззубые рты, желали Джеку и Барбоссе семи футов под килем. Вокруг витал смрад перегара, пота и запах множества немывтых тел. Уилл первым протиснулся к свободному столу в самом углу широкой залы таверны и уселся на скамью, всё так же настороженно осматриваясь по сторонам. Барбосса обосновался напротив него. Джек же всё еще мешкал где-то в толпе, уже успев завести беседу с каким-то коротышкой. Присмотревшись, Уилл с удивлением узнал в низкорослом пирате Марти. Того самого отважного Марти, одного из не многих пиратов «Черной Жемчужины» уцелевших в битве с Кракеном у острова

Креста. Уилл и сейчас помнил разгоревшийся скандал в домике Тиа Далмы, когда капитан Барбосса заявил, что в его команде вакантные места палубных зверей уже заняты попугаем и обезьяной. Марти негодовал так, как только позволял его рост, но Барбосса остался неумолим, и так и не взял его в плавание к Сингапуру.

Отклонившись назад, словно переломленный карандаш, Джек внимательно прислушивался к рассказу Марти, временами поглядывая на Уилла и Барбоссу.

- Ты был хорошим матросом, - донеслись до Уилла слова капитана, - А я ценю преданность, в отличие от некоторых. Вижу, дела твои не очень хороши сейчас, видимо с «Морской Гарпией» что-то случилось? Или Анамария оказалась слишком жестокой к своим людям?..

- Это всё Джонс, - послышался ответ Марти.

Уилл весь обратился в слух, однако громкий хохот какой-то девицы, поглотил несколько дальнейших фраз.

- ...это случилось два дня назад, - услышал он окончание предложения.

- Значит, и она тоже погибла, - заключил Джек, под ухом опять захохотали. Уилл поморщился.

- ... их всех перебили. Но я успел спрятаться, еще до прихода нежитей. Мне то было известно, чем грозит их появление...

- Я разобью тебе башку, Билли! – вклинилось снова чье-то хихиканье.

- И ты сам это слышал?.. – уже понизив голос, о чем-то поинтересовался Джек.

- Да, он сказал совершенно точно, потом я выпрыгнул за борт и сидел на том проклятом острове среди змей... Я не знаю зачем, капитан, но они точно собрались в...

Уилл изо всех сил старался расслышать последнее слово, но рядом их соседи собрались прогуляться, и грохот отодвигаемых стульев заглушил всё.

- Пожалуй, у меня на корабле найдётся местечко для тебя, приятель, - только и расслышал Уилл, разрешение Джека.

- Будьте покойны, сэр! Марти не подведет! – с этими словами коротышка исчез в толпе, а капитан Воробей, наконец, зашагал к их столу, где Барбосса цедил уже вторую кружку рома. Уилл же пригубил свою порцию, всем своим видом выражая непричастность к подслушиванию. Между тем, настроение капитана Воробья заметно улучшилось. Похоже, Джек прекрасно знал, что ему нужно делать и теперь ему просто не терпелось переговорить с Гарри Тиггсом.

Усевшись за стол, Воробей открыл вновь свой компас, взглянул на стрелку и тут, прямо из-за его спины задребезжал гнусавый голосок:

- Господа-а пира-атики! Подайте на пропитание ветерану Берегового Братства, потерявшему конечность в службе пиратскому делу!

Грязный нищий, постукивая протезом вместо ноги, канючил о подавании, нахально сунув свою жестяную кружку прямо под нос капитану Воробью. Горбясь, старик прыгал на одной ноге, болтаясь тщедушным телом в огромном рубище, доходившем ему почти до пят. Черные вихры, тронутые сединой, торчали из-под пиратской косынки, а в ухе золотилась серьга. Уилл с удивлением наблюдал за необычным персонажем и понимал, что, несмотря на весьма потрепанный вид, кожа у этого нищего была слишком загорелой, а хитрый глаз блестел из-под косматой брови слишком нахально для простого бродяги.

- А, старый морской черт! - зарычал Барбосса, - Умеешь же ты шутить! Вижу, ты все еще таскаешь старые кости по земле?

- Приветствую адмирала Берегового Братства! - блеснув золотым зубом, осклабился Джек, радушно указав гостю на противоположное себе место за столом.

- Ради такого зрелища стоило таскать кости по земле, - притворно прокряхтел дедок, распрямляясь и мгновенно становясь на голову выше, - Барбосса и Воробей! Зачем же понадобилось столь прославленным и заклтым врагам искать мою скромную персону, да еще и совместно?

Сомнений не оставалось, перед ними стоял знаменитый Хромой Гарри Тиггс. Между тем, пиратский лорд доковылял до скамьи, на которой сидел Уилл:

- А ну-ка двинься, сынок, - приказал он Тернеру, который настороженно наблюдал за каждым его движением. Взгромоздившись на скамью, Гарри стянул с себя рубище, обнаружив под ним цветастую тужурку, не очень чистую рубаху и штаны, заправленные в высокие сапоги из довольно дорогой кожи. Обе его ноги при этом оказались на месте, а деревянный протез всего-навсего оказался пристёгнутым к колену, под длинным рубищем мастерски изображая увечность. Ставив протез с ноги, Хромой задвинул его подальше под стол, вместе с грязным нищенским балахоном и, пригладив седеющие усы, с интересом воззрившись на Барбоссу и Джека. Гордо подбоченившись он восседал за столом, однако от сидевшего рядом Уилла не укрылось, что Тиггс незаметно положил руку на рукоять пистолета заткнутого за цветастый кушак.

- Я слышал, Ост-Индийцы творят злые дела, оставляя жен и детишек сиротами, а их папаш без законного заработка?.. - начал Джек.

- Да уж люди теперь не те, - согласился Тиггс, и одним махом осушил кружку Уилла, - Этот пёс Норрингтон запугал всех честных тружеников моря. Люди говорят, он заключил сделку с самим морским дьяволом и теперь может отправлять любой корабль на дно.

- Неужели? - протянул Джек, встретившись хитрыми глазами с водянистыми глазками старика, - Но ты то в это не веришь?

- Я думаю, ты знаешь что-то об этом дельце, верно Джеки? - Тиггс впился взглядом в него взглядом. Джек с загадочным видом выдерживал паузу. Барбосса помалкивал, поглаживая бороду. Право объясняться с Тиггсом он полностью предоставил Джеку, и вскоре капитан Воробей заговорил, взвешивая каждое слово.

- Норрингтон только пешка, - ответил Джек, - Он хороший пёс и делает то, что скажет хозяин. И пока мистер Норрингтон гоняет вас по морю как зайцев по лесу, его хозяин сидит на суше. Имя Каттлер Бекетт, говорит тебе о чем-нибудь?

- Помню, - жестко согласился пират, и глаза его не хорошо заблестели, - В своё время этот малый сдал агентам двух моих лучших парней. Их повесили в Порт-Ройяле под табличкой: «В назидание пиратам». Хотел бы я повидаться с ним...

Пираты умолкли на мгновение, изображая скорбь на лицах, выразив погибшим собратьям поминовение.

- Так вот, - продолжил Джек, - судьба распорядилась так, что мистер Бекетт заполучил сердце самого Дейви Джонса. И теперь морской дьявол дрожит от злости, но всё же служит в рядах доблестного британского флота, а Бекетт приказывает ему так же как простому матросу...

Краем глаза Джек почти видел, что лицо Барбоссы позеленело от ярости. Само собой старпом никак не ожидал, что их «маленькая» тайна будет выдана с головой и так просто. Выдавлив улыбку, старый пират наблюдал, как разгораются опасные огоньки в глазах Тиггса. «Мерзавец!» - думал Барбосса, ненавидя Джека еще больше чем когда бы то ни было. «Отличная приманка, не так ли, Гектор? Ведь даже ты купился на неё?» - Джек сиял улыбкой, оценивая эффект произведенный сказанным, - «Теперь Гарри будет слушать нас с большим интересом, и уж конечно не откажется составить нам компанию. Ты разве не рад такому компаньону?»

- В таком случае, наше дело - дрянь, - хитро прищурившись, заметил Тиггс.

- Да, - подтвердил Джек, - Однако дело не проиграно, если есть хотя бы один... сумасшедший план. Беда коснулась всех нас. Пора бы нам избавиться от нахлебников... потому даже мы, вернувшиеся почти с того света, и бывшие заклятыми врагами объединили свои усилия...

- И придумали безумный план? - поинтересовался Тиггс. Джек улыбнулся еще шире и, как ни в чём не бывало, проговорил:

- Я предлагаю, объединить усилия всех, кто способен стоять у штурвала и выступить в поход против Порт-Ройяла. Напасть на эскадру Норрингтона, ворваться в город, вернуть все награбленное Бекеттом и прихватить сердце Дейви Джонса. Ну, как тебе? Мы завладеем не только богатствами, но и сердцем морского дьявола. Он будет служить нам. А это дорогого стоит, Гарри, подумай!

В свете свечей, Джек и Тиггс выглядели настоящими чертями. Один старый, а другой молодой, каждый из них преследовал свою выгоду и желал более удачно надурить собрата. Барбосса же, предоставив им тягаться в остроумии, явно уже раздумывал о собственной выгоде в этом деле.

- Ты прав, - согласился Тиггс с Джеком, раскуривая длинную трубку, - План действительно безумный.

Уилл заметил, что Хромой явно был заинтересован высказанной идеей. Однако он не хотел подавать вида, всеми силами сохраняя хладнокровие. Хрому не нравился предстоящий риск, ведь сразиться с эскадрой Норрингтона это одно, но вот встретиться с Джонсом и Кракеном это совсем другое.

- Знаешь Джеки, - произнёс старый пират, почти добродушно усмехнувшись, - Мне нравится твой план, в нём что-то есть. Однако я не думаю, что парни решат так же. Слишком уж это... не надежное дело...

Тиггс заворочался на скамье, делая вид что, разыскивает свою деревянную ногу. Наступил самый ответственный момент переговоров называемый торгом и Джек прекрасно знал, что старый лис уже согласен и лишь набивает цену. Тем не менее, капитан Воробей знал, как заполучить окончательное согласие Тиггса, не потеряв слишком многого.

- В таком случае, не советовал бы я тебе оставаться на острове, - невинно заметил Джек, рассматривая свои ногти. Тиггс оставил свою деревяшку в покое и выжидающе взглянул на Воробья.

- Дело в том, что прямо сейчас в Порт-Ройял идет целая эскадра мертвецов, - пояснил тот, - Они топят на своем пути все встречные корабли, но наши морская братия живуча. И кое-кто сумел уцелеть. Бекетт весьма умён, если решил ограбить себя до того, как это сделаем мы. Только после этого нападения, угадай, к какому острову ляжет их курс? Ведь кого-то нужно будет наказать за разбой, смекаешь? - Джек подмигнул старику, Тиггс слушал его очень внимательно.

- Так что, опередив эскадру Джонса, мы окажем добропорядочным горожанам помощь, защитив их от морского дьявола. Я думаю, будет справедливо, если горожане поделятся с нами своим имуществом в благодарность за это благое дело. Кроме того, у нас есть преимущество. Капитан Джонс сейчас огибает Эспаньолу, но мы-то гораздо ближе. Если мы опередим Джонса, Норрингтон не окажет нам особого сопротивления, он же не ожидает, что вместо его дружка - морского дьявола придем мы. Мы возьмём их голыми руками, и к тому времени, когда морской дьявол доберется до Порт-Ройяла, и город, и Сердце будут у нас в руках. Ну, так как тебе такой безумный план?

Голос капитана Воробья стих. Тиггс молчал, а затем опустошил еще одну кружку с ромом и, брякнув ей об стол, он спросил с кривой усмешкой:

- Хитер, чёрт! Так какую долю добычи вы хотите?

***

Уилл не стал спускаться в душный орлопдек и остался на палубе, прихватив с собой фонарь. Сегодня он нес вечернюю вахту после своего отца, и ради этого ему пришлось вернуться на корабль раньше Джека и Барбоссы. Пока капитан Воробей договаривался с адмиралом Тиггсом о нюансах предстоящего дела, а немногочисленная команда уже расположилась на ночлег в кубрике, Уилл отбил в рынду две вечерние склянки и уселся в полном одиночестве на капитанском мостике. Сабля и пара пистолетов составляли ему компанию. В свете закопченного фонаря, Уилл коротал время, натачивая клинок к предстоящей завтра битве. Вдруг послышались легкие шаги, и на мостике появилась Тиа Далма. Покачивая бедрами, ведьма подошла к молодому человеку и проворковала:

- Здравствуй, Вильям. Не спиться?

Оторвавшись на мгновение от своего занятия, Уилл взглянул на неё. Ведьма стояла перед ним с весьма обворожительной улыбкой и в весьма открытом платье, считавшемся видимо либо самым лучшим, либо самым соблазнительным. Уиллу неприятно вспомнилось, что именно в этом тряпье Элизабет ходила к Фенгу. С удовольствием заметив, что взгляд молодого человека нехотя задержался в области её декольте, ведьма улыбнулась еще шире, а Уильям быстро опустив глаза продолжил натачивать саблю.

- Какая ночь! – ведьма жадно вдохнула пряный карибский воздух, и добавила, положив руку ему на плечо, - Не простая ночь! Под такими звездами вершатся судьбы и разбиваются сердца, похищается невинность дев, и звенят клинки соперников. Ночь перед битвой. Каждый час кажется драгоценностью, когда не знаешь, что случится завтра, верно?

Уилл нахмурился, старательно игнорируя её слова, а Далма уже присела подле него и протянула ему бутылку с ромом:

- Так зачем тратить время напрасно?

- Я на вахте, - ответил молодой человек, все так же надраивая клинок.

- Не беспокойся, красавчик Вильям, - отвечала Далма, - От этого ты не уснешь, напротив, он поможет тебе сохранить бодрость...

С этими словами она ненавязчиво откинула выбившуюся прядь волос, упавшую ему на лоб. Уилл обернулся к ведьме и настороженно взглянул на неё. Темнокожая чертовка улыбнулась, задорно, завораживающе, почти невинно. Она словно спрашивала: «Разве я могу затевать что-то дурное?»

Уильям понимал, сейчас нужно встать и уйти, но сделать это отчего-то стало очень трудно. Словно в дурмане он видел, как Далма поставила бутылку с ромом на палубу и приблизилась к нему, все так же глядя прямо в глаза.

- Не беспокойся, Вильям, - выдохнула она почти ему в лицо, и её дыхание пахло ромом и травами и чем-то еще непонятным, но притягательным.

- В этом только пряные травы, ром и больше ничего, я сама готовлю этот напиток, и тебе не стоит опасаться.

Оцепенев, Уилл чувствовал, как руки Тиа прикасаются к его лицу. Он слышал её слова, но ему казалось, что в её голосе слышаться еще какие-то нашептывания, убаюкивающие, подавляющие волю, зовущие куда-то. И все же он чувствовал западню и не хотел идти следом за зовущими его голосами.

- Не сопротивляйся, - говорила Далма, внутренне уже торжествуя, - Со мной ты забудешь все свои тревоги, никому ненужные муки совести, переживания...

Аккуратно ведьма забрала саблю из его рук и отложила в сторону. Вдруг клинок звякнул, случайно задев стеклянную бутылку, оставленную Далмой. В голове Уилла прояснилось. Стряхнув с себя морок и сон, он резко вскочил на ноги и, задев всю ту же бутылку, опрокинул её на палубу. Она покатилась к проему шпигатов, на ходу выплескивая свое содержимое.

- Тебе лучше уйти, Тиа Далма, - сказал твердо молодой человек, глядя на ведьму сверху вниз.

Колдунья поднялась и с нескрываемым презрением взглянула ему в лицо.

- Как жаль, что Чунмин заболела, и ей всё хуже, - сказала она вдруг, таким тоном, что у Уилла похолодело сердце, - Ты ведь понимаешь, о чем речь, правда, Вильям?

- Это ты... - прошептал он, догадываясь о причинах внезапной болезни девушки. Стараясь говорить как можно хладнокровнее, он спросил:

- Что ты с ней сделала?

- Пока ничего, - ведьма улыбнулась, и глаза её засияли торжеством, - Но боюсь, если ты не станешь сговорчивее, бедняжка завтра последний раз увидит рассвет. Яд действует медленно, но завтра он закончит свою работу...

- Хочешь, чтобы её жизнь стала разменной монетой? – зло спросил Уилл, не сдержавшись, но Далма совершенно не замечала его гнева:

- Я лечила твою подругу, Вильям, и пришла пора расплатиться за это. Ведь это ты её ранил, и тебе дорога эта девочка, ты же не хочешь, чтобы с ней случилась беда, верно?

Уилл не ответил, но Далма уже знала, что она права:

- Я не попрошу много Вильям, - увещевала она, - Только выпить со мной. Только составить мне компанию.

- И что же ты подмешала в ром? – спросил Уильям, прекрасно понимая, что просто травами дело не ограничилось. О какой компании шла речь, ему тоже было понятно. Далма рассмеялась, и приблизилась к Тернеру-младшему:

- Ты далеко пойдешь, Вильям. Я знала это с тех пор как увидела тебя. Мне не нужна ни твоя жизнь, ни жизнь твоей Чунмин, - заверила ведьма и тут же добавила, демонически улыбнувшись:

- Мне нужна твоя душа.

Уилл не поверил своим ушам, он был поражен настолько, что казался не мог сдвинуться с места.

- Поверь мне, это не так уж страшно, как кажется, - продолжала тем временем Тиа Далма, - Ты даже ничего не заметишь.

- Ты будешь счастлив, обещаю, - прошептала ведьма, считая, что теперь Тернер-младший в её власти, но вдруг с виду спокойный Уильям сгреб в кулак множество ракушечных цепочек и шнурков, висевших на её шее, и рванул ведьму к себе.

- А может мне лучше выкинуть тебя за борт? – чуть слышно спросил он с угрозой.

- Я знала, что ты так просто не сдашься, - усмехнулась колдунья, даже не попытавшись вырваться. Глядя в её глаза, Уилл с ненавистью понимал, что ситуация несколько не пугала мерзавку, пожалуй она даже забавлялась.

- Ты можешь только попытаться убить меня, Вильям. Я не боюсь ничьих угроз, - продолжала Тиа Далма, спокойно.

Вдруг она перестала улыбаться и сказала уже совершенно другим, мягким, но почти грозящим тоном:

- Никто не смеет мне угрожать! Противоядие знаю только я. Учти это, прежде чем сделать глупость. Тебе не спасти твою подружку без меня.

Уилл резко отпустил цепочки, на её шее. Что-то из побрякушек, висящих на многочисленных шнурках, оторвалось и покатило по палубе, но Далма даже не обратила на это внимания. Глаза мистера Тернера горели от гнева, но он явно прислушался к её совету.

- Так то лучше, - промурлыкала ведьма, - и для тебя, и для неё. А теперь, раз мы пришли к соглашению, тебе нужно только проверить, остался ли ром в бутылке. Жаль, что ты так неудачно её уронил. На твоём месте я бы попросила твоего бога, Вильям, чтобы ром остался.

Ром еще оставался, и у Тёрнера-младшего появилось непреодолимое желание выкинуть это зелье в море.

- Пей, - велела Тиа Далма, тон её стал суровым, - Её жизнь за твою душу.

- И ты не лжешь? – спросил он с усмешкой, понимая всю глупость этого вопроса.

- Не в этот раз, Вильям, - заверила его Тиа, но тут же смягчившись подбодрила, - Не жди, время Чунмин уходит.

***

Джек и Барбосса вернулись на «Черную Жемчужину» уже глубоко за полночь. Переругиваясь между собой, они подняли на уши всю команду. Мистер Гиббс вынырнул из палубного люка и штормовой походкой направился к капитану, который стоял монументом, преграждая путь Барбоссе. Старпом с хитрым прищуром взирал на капитана Воробья.

- Ты чем-то недоволен, Гектор? – предположил Джек, не совсем трезвым голосом, - И это, не смотря на то, что по доброте душевной Тиггс, предоставил тебе целый корабль?!

Мистер Гиббс, с удивлением протерев глаза, наблюдал как на палубу «Черной Жемчужины» поднимается всевозможный сброд и устремляется в палубные люки.

- И конечно, ты совершенно случайно сболтнул Тиггсу про сокровища Сяо Фенга? – поинтересовался Барбосса. Судя по его сосредоточенному виду, он явно прикидывал, сможет ли пристрелить Воробья с первого раза. Опасаясь за капитана, мистер Гиббс попытался нащупать свой пистолет за поясом и понял, что оружие осталось в кубрике. Однако подвыпившего Джека шатало так, что попасть в него не представлялось возможным. Между тем, с нижних палуб донеслись дикие крики полные ужаса. Барбосса злобно сжал кулаки. Лицо Джека вытянулось.

- Ребята Тиггса видимо нашли Прихлопа-Билла... - предположил капитан Воробей, когда вопль утих.

- Эй, парни! – весело обратился он к тем, кто еще не успел спуститься на нижние палубы. После услышанного, грабительского энтузиазма у них явно поубавилось.

- Забыл сказать, золото находится в соседнем с кубриком отсеке! – уточнил Джек.

Пираты устали на Воробья с явным недоверием. Джек же благодушно подбодрил их жестом, пару раз взмахнув ладонями, как на нерасторопных кур: «Кыш! Кыш!» Пираты не трогались с места, с нижних палуб донесся чей-то жалобный скулёж.

- Э... мистер Гиббс, покажите им... - в полголоса попросил Джек, покосившись на Гиббса.

- Наше золото, сэр?! – поразился мистер Гиббс, уже почти протрезвев.

- Да, - как ни в чем не бывало, согласился капитан.

- Все золото, сэр? – упавшим голосом уточнил пират.

- Да, мистер Гиббс, или вы сомневаетесь, что у этих джентльменов хватит сил, чтобы спустить на его сушу?

Мистер Гиббс явно не сомневался. Между тем, некоторые пираты Тиггса уже показались из палубного люка, обвешанные золотыми цепями, оружием, блюдами и прочей драгоценной утварью, доставшейся от Фенга. Остававшиеся на палубе, запыхтели, подтягивая наружу сундуки с монетами и побрякушками. Пинтел, Рагетти, Билл и Коттон тоже вылезли на палубу, провожая сундуки взглядами, выражающими глубочайшую скорбь. Обезьян Джек, оказавшийся вдруг на руках у Пинтела, прижался к его мощному плечу и скорбно пищал, позволив даже утешительно гладить себя по головёнке. Рядом с Рагетти показался Марти. Команда смотрела на своего капитана с немым укором и недоумением, явно желая объяснений.

- Не понимаю, что ты так взволновался! - самодовольно заявил Джек, обернувшись к Барбоссе, - Гарри сохранит наши сбережения, пока мы сражаемся за правду. Это очень кстати... ведь дело предстоит не шуточное...

Затем он добавил чуть приглушенным голосом, доверительно склонившись к Барбоссе:

- Не сомневаюсь, что Хромой не возьмет себе слишком много за твоего «Голиафа»...

Старпом лишь злобно сплюнул. Пойти против решения Хромого он не мог, впрочем, и его последнее слово было явно еще не сказано. Обратившись взглядом к команде, Джек вдруг подумал: «Странно, что Тёрнер не возмущается. Эти денюжки принадлежат ему больше, чем кому-либо еще. Впрочем, Уильям у нас известный бессеребряник... но не на столько же...»

В этот момент Уилл спустился с капитанского мостика с саблей на перевес. Однако возмущаться он совершенно не собирался, не смотря на то, что вид у парня был мрачный, и шатало его весьма подозрительно. Джек, нахмурившись, окинул Тернера-младшего настороженным взглядом и как бы невзначай заметил:

- Пить на вахте – грех.

Однако Тернер-младший совершенно проигнорировал эту фразу, казалось, он вообще плохо понимает, где находится. Глаза его словно потухли.

В этот момент Джек заметил, что Далма тоже спустилась с мостика и возникла рядом с Уиллом. «Понятно, кто споил нашего борца за справедливость» - подумал Джек. Впрочем, капитану Воробью было не до них.

- Так что, ты можешь покинуть «Черную Жемчужину» и отправляться на своего «Голиафа», который пришвартован в доке, - закончил Джек, развернувшись к Барбоссе, - И заметь, всё это по моей просьбе. Согласись, было бы слишком расточительно держать тебя в старпомах в предстоящем деле...

Барбосса, смерил Джека насмешливым взглядом, представляя сколько времени потратил капитан Воробей, уговаривая Тиггса. Воробью наверняка пришлось приложить некоторые усилия, что бы выжить ненавистного старпома с корабля.

- Груз извлечен, - сообщил Джеку какой-то оборванец, когда трюм «Черной Жемчужины» был уже изрядно облегчен.

- Так быстро?... Что ж... мистер Гиббс? - продолжил тем временем Джек, обращаясь к боцману.

- Да, сэр, - без энтузиазма отозвался бывший мичман британского флота.

- Проводи этих джентльменов и возвращайся, убедившись, что все доставлено в целости и по назначению, смекаешь?

Гиббс утвердительно кивнул и возглавил пиратов, потащивших их добычу в неизвестном направлении. Знание, куда именно пираты Тиггса перенесут реквизированные ценности - было хотя бы каким-то утешением. Между тем Джек обернулся в сторону команды:

- Кстати, те, кто захочет отправиться со старшим помощником, собирайте вещи. Захотите уйти - я не возражаю, - заявил Джек, красноречиво взглянув на Пинтела и Рагетти.

Те, замешкавшись на секунду, переглянулись между собой, но не сдвинулись с места. И только мартышка, возмущенно взвизгнув, ринулась на плечо своему хозяину, куснув на прощание Пинтела за палец. Джек удивленно вскинул брови, и несколько озадаченно взглянул на Барбоссу. Старый пират же смерив презрительным взглядом двух недотеп, мрачно воззрился на Тиа Далму. Ведьма уже несколько минут вилась рядом с Тернером, что-то нашептывая ему на ухо. Воистину, такого взаимопонимания между Уиллом и ведьмой Джек никогда еще не видел. Он уже собрался язвительно удивиться этому обстоятельству, когда, заметив сверлящий взгляд старого капитана, ведьма улыбнулась Барбоссе, как ни в чем не бывало, и шагнула навстречу:

- Я пойду с тобой!

- О! Прекрасно, - одобрил Джек, явно радуясь такому повороту, - Ты заберешь свое барахло или я уже могу приказать его выкинуть? - осведомился он.

- О моих вещах позаботится, Вильям, - заверила Джека ведьма, Джек еще раз взглянул на Уилла, но тот не подавал никаких признаков несогласия, напротив он был даже слишком спокоен.

Все это казалось странным, но обращать внимание на странности, уже не было времени.

***

Чунмин открыла глаза, когда все страсти на верхней палубе уже утихли. Кто-то настойчиво тормозил её за плечо и, придя в себя, девушка увидела, что рядом с ней сидит Уилл Тернер. Странно усмехнувшись, молодой человек протянул Чунмин дымящуюся кружку.

- Хочешь выздороветь, выпей это, - сухо сказал Уилл. Недоверчиво покосившись на темную бурду, Чунмин приподнялась на постели. Силы все никак не хотели возвращаться, но все же девушка стоически сделала несколько глотков. Зелье пахло терпко, да и вкус тоже оставлял желать лучшего, но когда подобная гадость принята из рук друга, по неволе поверишь в целительность даже самого страшного яда.

Уильям наблюдал за Чунмин, не отводя взгляда, и от этого ей все больше становилось не по себе. Отдав ему кружку, Чунмин подумала, что в нем что-то изменилось, но что именно, она еще не могла понять. Голова кружилась

от болезненного дурмана и если бы не обжигающее питьё, только что лившееся в горло, всё можно было принять за странный горячечный сон. Собравшись с силами, Чунмин обвела взглядом каюту. Нет, это не сон, однако, в каюте никого кроме них нет. Обратившись взглядом к Уиллу, девушка недоуменно спросила:

- А где Тиа?

- Она вернётся, - равнодушно ответил Уильям, - И ты теперь тоже вернулась. Пока её нет, о тебе позабочусь я.

Он протянул к ней руку, но Чунмин вжалась в переборку. Да, Уилл сейчас был совсем не такой, каким она уже привыкла его видеть. Его почти лихорадочный и жесткий взгляд, напоминал взгляд другого человека. Того, о «заботе» которого Чунмин не хотела вспоминать никогда больше.

- Вилиам? – прошептала девушка испуганно, - Что с тобой?

Уилл не ответил. Внезапно за дверью раздался знакомый подпитый голос Гиббса:

- Мистер Тёрнер! Уилл, черт тебя дерит! Ты где?

Уильям отшатнулся прочь, Чунмин выдохнула.

- Еще увидимся, - бесцветно пообещал Тернер и вышел из каюты.

Глава 19. Большие манёвры

Утро только еще вступало в свои права, и солнце едва освещало первыми лучами кромку горизонта, собираясь подняться из-за моря. Город спал. Как обычно, улицы Тортуги пустели окончательно только в этот час, когда об очередной бурной ночи напоминали лишь окрики трактирщиков, выпроваживающих за дверь припозднившихся посетителей, да заснувшие прямо на улицах гуляки. Ветер таскал по улицам пыль и качал скрипучие вывески, пытаясь развеять гнилую вонь сонного городишки, пока дневная жара не возродит её снова. Побродив по улицам, он летел в гавань, чтобы потрепать рыбацьи сети на берегу, покачаться в такелаже, стоящих на рейде кораблей, и, напившись морской влажностью, вернуться в город. Возможно, утренний ветер недоумевал, что все эти люди делают на пристани в столь ранний час. И действительно, не смотря на только занявшееся утро, в гавани Тортуги уже началась суета.

Пиратская эскадра снаряжалась в плавание. Вооруженные до зубов и разодетые оборванцы, отдавали распоряжения своим матросам, приказывали ставить паруса, разбирать мушкеты и боеприпасы, а худощавый головорез в цветастой тужурке руководил всем этим хаосом, подгоняя подзатыльниками нерасторопных. Еще накануне ночью Гарри Тиггс и Джек Воробей успели собрать всех вменяемых пиратов Тортуги и предложить им поход на Порт-Ройял. Хромой Гарри рассказал будущим сообщникам все, что услышал от Джека, однако умолчал об эскадре Дейви Джонса и замысле захватить его сердце, дабы не вводить слабые души в искушение. Богатство Порт-Ройяла прельстило в общей сложности десятерых капитанов, вместе с которыми в предприятии участвовало несколько бригав, пара фрегатов, галеоны, еще одна одномачтовая посудина и около восьми сотен пиратов.

По словам уцелевших очевидцев, в эскадре Джеймса Норрингтона насчитывалось пять кораблей, тем не менее, открытый бой в бухте Ямайки был крайне опасен. Ведь кроме артиллерии флота Порт-Ройял защищали пушки, установленные в хорошо укрепленном форте. Сражение на виду у их канониров явилось бы не лучшим стратегическим решением. Разрабатывая тактику предстоящего боя, пиратские главари спорили почти час. Каждый из них предлагал свой план, и каждый стремился обезопасить в первую очередь себя. Шум и гам продолжался до тех пор, пока слово не взял капитан Джек Воробей. Выслушав его соображения, пираты приняли решение сразу и без возражений. Такое удивительное согласие мнений было вызвано тем, что план Джека оказался прост, дерзок, а главное опасен исключительно для команды «Черной Жемчужины». Так, по крайней мере, заявил сам капитан Воробей. По его словам всё, что требовалось от пиратской эскадры – это оказать ему

необходимую поддержку в нужный момент, после чего и эскадра Норрингтона, и сам город должны были целиком и полностью оказаться в руках пиратов.

- Почти как Нассау... - комментировал в полголоса Гарри Тиггс, окончание пламенной речи капитана Воробья.

- С Нассау было... проще, - задумчиво оценил Джек.

За идею нападения на Порт-Ройял, помимо приличной доли добычи, капитан Воробей выторговал право отправиться за сердцем Джонса самому или кому-то из его пиратов. Тиггс согласился на это с готовностью.

Не смотря на опасность предстоящего дела, Джек не стал набирать новую команду. Распрощавшись с Тиа Далмой и Барбоссой, капитан Воробей пополнил экипаж лишь десятком людей Тиггса и приказал отдать швартовы⁸² за час до того, как вся пиратская эскадра должна была выйти в море.

Оставив позади шум пристани, чернокрылая «невеста ветра» Джека Воробья растворилась в утренней дымке, как ночной призрак, покидающий мир живых. Работая у планшира левого борта, Прихлоп-Билл на мгновение замер провожая взглядом скользящие мимо корабли. Впервые за долгие годы морского рабства Биллу выдалась возможность снова побывать на Тортуге, как в былые времена и будучи почти свободным. Но кто бы мог подумать, что за эти несколько часов старый пират будет скучать по морю так же как по родному дому. Прихлоп чувствовал себя чужим среди этих шумных людей и их интересов. Его единственной связью с миром живых людей оставался только Уильям, но и он вполне мог обойтись без старика-отца. Уилл вырос без родительской опеки, и надо отдать должное несмотря ни на что у него хватило духа и упрямства впитать честные представления о жизни. Прихлоп был рад за него и рад тому, что ему представилась возможность увидеть напоследок, каким человеком стал его сын.

В это время, со стороны соседнего галеона, раздался знакомый голос:

- Живее разворачивайте парус, бездельники!

Писк мартышки, последовавший сразу за этой фразой, развеял и без того минимальные сомнения по поводу обладателя сего грозного баса. Обезьянка Барбоссы как и в былые времена «помыкала» матросами не хуже хозяина. Билл оглянулся и попытался рассмотреть на галеоне людей, но палуба его казалась пустой. Между тем «Черная Жемчужина» продолжала идти полным ходом, и вот уже большой корабль остался позади, зато на виду оказался одномачтовый шлюп, на борту которого красовалось название «Голиаф».

Верткий и маневренный кораблик, совсем не соответствовал своему имени. Однако, капитан Барбосса, похоже, не унывал, несмотря на то, что полученное суденышко было не по рангу для такой легендарной персоны. Видимо уже познакомившись с суровым нравом нового капитана, десяток оборванцев, составлявший команду «Голиафа», беспрекословно выполняли его указания, и шлюп подставил ветру частично развернутые паруса. Разрезая носом волны, он словно стремился быстрее покинуть гавань, запруженную большими кораблями и скорее вырваться вперед. Встав ближе к бушприту, Гектор Барбосса провожал взглядом уходящую «Черную Жемчужину». Наблюдая с высоты её борта за бывшим старпомом, Прихлоп-Билл понимал, что капитан «Голиафа» встретится на их пути еще раз.

Тиа Далма появилась рядом с Барбоссой, и, встав чуть поодаль, так же пристально смотрела вслед уходящему кораблю. Застыв, словно темная статуэтка, ведьма с отсутствующим видом провожала их в путь. Впрочем, интересовала её вовсе не «Черная Жемчужина» и не Прихлоп. Инстинктивно обернувшись, Билл заметил того, кого высматривала Тиа Далма – чуть поодаль стоял его сын, отвечая ведьме таким же пристальным взглядом.

- Уильям, - окликнул его Прихлоп. Уилл отреагировал не сразу. Нехотя переведя взгляд на отца, он взглянул на него так, словно не узнавал. Билл видел, что с сыном твориться неладное, однако те несколько секунд, на которые их взгляды встретились, были слишком малым поводом, для вопросов.

---

⁸² Швартовы - толстые канаты, которыми судно удерживается во время стоянки у берега.

Кроме того, Уилл уже обернулся на окрик Гиббса и поспешил присоединиться к работающей команде.

Пятнадцать узлов при попутном ветре. Корабль летел по волнам, и каждый из его команды в душе удивлялся, что еще несколько дней назад ни за что не поверил бы в то, что «Черная Жемчужина» будет стремиться в Порт-Ройял так рьяно, словно это был её родной порт. Проведя девятнадцать часов в пути, пираты чувствовал себя словно на иголках. И только непробиваемое спокойствие капитана, почти убедило их, что риск кажется преувеличенным. Ухитрившись потратить несколько часов на сон, Джек Воробей появился на капитанском мостике к полуночи, когда на горизонте нестройной полосой огней обозначился берег Ямайки.

Огни города светились вдалеке и добропорядочные граждане там, на берегу совсем не подозревали, что сейчас, так же как и почти два года назад, к их городу подходит пиратский корабль. По приказу Джека, «Черная Жемчужина» была оставлена на рейде под прикрытием ночной темноты. Для дальнейших действий, капитан Воробей собирался дожидаться утра. Привычно, не посвятив в свои планы команду, Джек, как ни в чем не бывало, приказал вахтенным занять свои места, а остальным разрешил отправляться спать. Искренне не понимая, что всё это значит, пираты послушно спустилась в кубрик, однако сомкнуть глаз не смог никто. Качаясь в своем гамаке, мистер Гиббс втихаря успокаивал нервы, попивая ром из маленькой фляжки. Он вслушивался в каждый шорох и скрип, ожидая различить отдаленный залп и свист летящего ядра. Однако вскоре ром оказал свое усыпляющее действие, позволив старику боцману забыться тревожным сном. Несколько часов отдыха были просто необходимы команде, и Джек знал это как никто. Его парням предстоял очень длинный день. Оставшись в каюте, капитан бодрствовал, отмечая точки на карте Сяо Фенга, и следя за показаниями компаса. На заре всем предстояло подняться по тревоге, и приступить к осуществлению первой части его плана.

***

Часовые сонно расхаживали по крепостной стене форта славного города Порт-Ройяла. Никто из них даже не пытался вглядываться в нависший над водой туман. Прохладное утро тропической зимы окутало лесистые склоны Ямайки промозглой дымкой, такой плотной, что даже привычное созерцание привычной красоты гавани Порт-Ройяла не могло скрасить красномундирникам их скучное патрулирование вдоль крепостных бойниц. Слыша шаги друг друга, и позвякивание рынд на стоящих под крепостью кораблей, гвардейцы следовали по отведенной каждому из них территории, разворачивались на месте и возобновляли обход в противоположную сторону.

Часовые завидовали канонирам крепости. Ведь те, вместо того чтоб «бесцельно» тратить время на дежурстве, воспользовались щедрым разрешением адмирала и еще с вечера отправились играть в кости в одной из казарм крепости. И в самом деле, какой страдающий бессонницей сумасшедший решится напасть на город в столь ранний час? Тем более, когда вся легендарная эскадра адмирала Джеймса Норрингтона не дремлет на рейде у входа в бухту. Пушки пяти лучших линкоров Британского флота, несомненно, были вполне достаточной защитой, а потому гвардейцев форта не беспокоило ничего кроме однообразия тумана, однако вскоре этому пришел конец.

Со стороны стены форта, обращенной к морю, раздался чей-то сдавленный возглас:

- Призраки!..

На секунду каждый из часовых замер на месте, осознав, что один из их товарищей увидел действительно что-то интересное. Затем приглушенный топот, послышавшийся от противоположных стен, дал понять, что те, кто еще не уснул на посту, поспешили увидеть всё воочию. Сгрудившись у приморской стены, солдаты напряженно всмотрелись в даль, туда, где призрачно то возникали, то вновь скрывались три мачты.

Минутное напряженное всматривание в туман, изумление, ропот и вот уже несколько человек бегут к адмиралу с докладом. По прошествии

нескольких минут Джеймс Норрингтон лично явился на крепостную стену, окруженный гвардейскими и морскими офицерами. Через мгновение и адмирал, и капитаны эскадры направили подзорные трубы в сторону моря, туда, куда указывал взволнованный солдат. Рассматривая темный силуэт, временами исчезающий в тумане, Норрингтон различил очертания хорошо знакомого ему корабля.

Черный фрегат, словно парил над водой, окруженной медленно клубившейся вокруг дымкой. Выцветшие паруса полощили под встречным ветром, облезлые борта зияли дырами разбитых пушечных портов, обшивка, обжитая полипами, и полное отсутствие хоть кого-то на палубе завершало картину. «Черная Жемчужина» действительно напоминала призрак, пригнанный рассветным ветром, однако Джеймс Норрингтон уже слишком привык к обитателям потустороннего мира, чтобы беспокоиться по поводу появления еще одного. Тем более, когда имелись веские основания считать, что капитан Джек Воробей остался жив. Уцелел ли Воробей при сражении с Кракеном или продал душу морскому дьяволу, это для Джеймса было не важно. Он хорошо знал, что пират и его посудина всегда были двумя неразделимыми частями одной и той же проблемы.

Сложив подзорную трубу, адмирал Норрингтон обернулся к своим офицерам. Так же отвлекшись от горизонта, капитаны эскадры ответили ему выжидающими взглядами.

- «Черная Жемчужина» пожаловала в Порт-Ройял еще раз, - заключил Норрингтон, озвучив то, что все уже поняли без слов.

- Я слышал, она затонула... - неуверенно начал было кто-то, но адмирал хладнокровно пресек панику:

- Тогда почему она здесь, а не на морском дне? - отвечать на вопрос никто не стал, подчинившись железной логике здорового скептицизма.

- Они стоят вне досягаемости пушек форта. Хотя людей на палубе не видно, даже вахтенных, похоже корабль попал под левентик⁸³, - недоуменно проговорил капитан Питер Уотер, снова всмотревшись в подзорную трубу.

- Тем лучше, - резюмировал Норрингтон, - Мы подойдем к ним и убедимся, так ли безлюден этот «призрак» как кажется...

- А если это очередная уловка Джека Воробья? - предположил снова кто-то, наслышанный о выходках знаменитого пирата.

Джеймс Норрингтон ответил после некоторого замешательства, но сохраняя хладнокровие.

- Ни один пиратский корабль, не способен противостоять сразу трем линкорам. Если пираты попытаются уйти или сопротивляться, мы возьмем их на бордаж или же пустим на дно.

Вскоре команды «трех граций⁸⁴» британского флота «Картахены», «Эндевор» и «Либертины», поднятые по боевой тревоге, засновали на палубе и марсах, ставя паруса и готовя корабли к выходу в море. Капитан Уотер отдавал приказы подчиненным, а адмирал Норрингтон подкреплял их самым суровым видом, стоя рядом с капитаном на мостике. Вряд ли кто-то мог догадаться, что думал Джеймс совсем не о военных маневрах. Капитан Уотер конечно был не мало удивлен тем, что адмирал пожелал принять личное участие в столь простом на первый взгляд деле. Однако у Норрингтона были свои причины, чтобы побывать на «Черной Жемчужине» еще раз. Главной из них в данный момент являлось обещание капитана Джонса выдать мисс Свон в обмен на жизнь Джека Воробья.

Всматриваясь в силуэт «Черной Жемчужины», Джеймс мысленно задавал себе вопрос и не мог дать ответа. Зачем он хочет спасти «благородную» девчонку, когда-то так не благородно забывшую свое согласие стать его женой? Норрингтон никогда не считал себя способным на безоглядную, несдержанную любовь, подобную той, что проявлял Уилл Тёрнер. Разве может

⁸³ Левентик - положение парусов по направлению ветра, так, чтобы они полоскали. В левентик иногда встают, чтобы лечь в дрейф. То есть, когда судно останавливается, но не отдает якоря.

⁸⁴ Грации - в древнеримской мифологии три богини красоты и изящества.

высший морской офицер британского флота позволить чувствам затмить голос рассудка и ходить с глупым видом, не вяжущимся с воинской дисциплиной? Джеймс всегда знал, что это не про него. Доверяя своему трезвому разуму, он уверенно держал чувства под контролем, всегда являя образец сдержанности и учтивости в обращении с дамами и непреклонности с подчиненными. И все же суровый Джеймс Норрингтон отошел от устава один раз, направив «Разящий» к Исла де Муерто и желая сделать приятное девушке, согласие которой так льстило его самолюбию. Тогда это выглядело благородно, а потому казалось правильным. Но дело было не только в благоприятном впечатлении, которое хотелось произвести на мисс Свон и её отца. Сейчас Джеймс мог себе в этом признаться. Адмирал Норрингтон прекрасно умел распознавать лесть ради выгоды, и все же тогда на «Разящем», слова мисс Элизабет убедили хладнокровного коммодора, что она действительно желает спасти кузнеца Тёрнера по доброте душевной, а не ради него самого. Тогда Джеймс поверил ей. Более того, на мгновение он даже ощутил это приятное и безумное чувство, которое так долго избегал, и понял Уилла Тернера, которого всегда считал не сдержанным и глупым мальчишкой.

Плохое со временем забывается. Несмотря на все неприятности, в которые адмирал Норрингтон попал не без помощи мисс Элизабет, он искренне считал, что легкомысленная девушка не заслуживает передраги, в которую она угодила благодаря Уиллу Тернеру. Джеймс не хотел, чтобы она навечно осталась на «Летучем Голландце».

Тем временем, маневрируя под правым галфвиндом⁸⁵, линкоры эскадры вышли навстречу все еще не подававшей признаки жизни «Черной Жемчужине». Воспользовавшись вполне подходящим ветром, эскадра Порт-Ройяла могла взять не званного гостя в кольцо. По приказу адмирала, «Либертина» должна была обойти пиратское судно, пресечь его курс и встать по левому борту. «Эндевор» точно так же запирали пиратов по правому борту, а «Картахена», последовав за «Либертиной», лишила бы неприятеля возможности лавировки⁸⁶, встав прямо по курсу «Черной Жемчужины».

- Жаль корабль... видимо, когда-то он был не плох, – сказал Питер Уотер под ухом у адмирала, выведя его из состояния задумчивости, - Если они решат сопротивляться, то попадут под перекрёстный огонь наших пушек.

Питер Уотер снова взглянул в подзорную трубу. На скоротечном военном совете, произошедшем на ходу в порт, он единственный против решения старшего по званию посмел высказать предположение, что так внезапно появившаяся «Черная Жемчужина» могла быть оставлена пиратами как брандер,⁸⁷ а значит подходить к ней опасно. Однако именно об этом адмирал Джеймс Норрингтон беспокоился меньше всего. Ему хорошо было известно, насколько Воробей дорожит этим кораблем. Пока пират жив, стать брандером «Черная Жемчужина» не могла.

Тем не менее, в глубине души адмирал Норрингтон привычно ожидал какого-нибудь подвоха. Ведь, как известно, бывший капитан британского флота Джон Брайтен обладал не только талантом в маневрировании, но и завидным чувством юмора. Однако, несмотря на приближение линкоров, «Черная Жемчужина» по-прежнему оставалась неподвижной. «Либертина» подошла к линии курса «Жемчужины» и тут, когда адмирал совсем уже поверил, что на сей раз все пройдет без сюрпризов, его опасения все же подтвердились.

Питер Уотер, который внимательно наблюдал за «Черной Жемчужиной» в подзорную трубу, вдруг оторвался от её окуляра⁸⁸ и, нахмурившись, обернулся к Норрингтону:

⁸⁵ Галфвинд – ветер, дующий прямо в борт корабля.

⁸⁶ Лавировка – выполняется при встречном ветре, когда корабль переходит на курс бейдевинд, но время от времени делает повороты, чтобы ветер дул то слева, то справа.

⁸⁷ Брандер - судно, нагруженное горючими веществами, в старину употреблялось для поджигания неприятельского флота.

⁸⁸ Окуляр - то стекло зрительной трубы или микроскопа, к которому нужно приблизить глаз при рассматривании предметов через названные инструменты.

- Похоже, там кто-то есть. Взгляните, сэр... - он передал трубу и Джеймс рассмотрел, то, чего они не замечали, наблюдая больше за палубой и обвисшими парусами неприятельского корабля.

По правому борту «Черной Жемчужины», на уровне гондека⁸⁹, практически у них на виду всплеснули из воды и опустились вновь четыре галерных весла. Такими огромными веслами действительно оснащались некоторые фрегаты, для того чтобы хоть как-то сдвинуть корабль во время штиля.

- Не думал, что сейчас их еще используют, - пробормотал Питер.

Джеймс покачал головой:

- Да, оригинальное решение, Воробей, но весла вас не спасут...

Однако, судя по всему, капитан «Черной Жемчужины» считал иначе и следовал какой-то очередной не подвластной здравому смыслу идее. Как заметил Джеймс, пираты использовали даже не все весла полагающиеся при такой оснастке. Вместо шести по одному борту работали лишь четыре весла, расположенные ближе к носу корабля. Но таких мер для борьбы с левентиком было не достаточно. «Либертина» уже прошла линию курса «Черной Жемчужины» и начала разворот. Тем временем гребцы продолжали пытаться сдвинуть пиратский фрегат, заноса тяжелые весла для очередного маха.

- Что они затеяли?.. - все больше беспокоился от непонимания ситуации Питер, обращаясь с вопросом больше к себе, чем к Норрингтону. Но Джеймс, которого тоже интересовал этот вопрос, остался непроницаем и безмолвен. Между тем смысл манипуляций с греблей, становился ясен. «Жемчужина» вовсе не пыталась уйти на веслах. Она стояла на месте, но под действием тяжелых гребков начала разворачиваться, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее.

- Они хотят вывести корабль в фарватерное течение... - догадался Питер. Впрочем, Джеймс и сам уже понял это.

- Просигналить боевую готовность! - скомандовал он, - Они не должны уйти.

- Есть, сэр! - отозвался капитан Уотер. И снова приказы, отбиваемый рындой сигнал тревоги, бегущие на пушечную палубу матросы.

«Жемчужина» уже заметно развернула корпус и уткнулась носом в поток фарватерного течения. Подхваченная его волнами, она заскользила, слегка кренясь на правый борт. «Либертина», пересекая курс пиратского корабля, шла теперь чуть впереди и сильно рисковала. Течение, разворачивавшее фрегат, сносило его почти в левый борт «Либертины». «Картахена» шла чуть поодаль «Черной Жемчужины». С неё можно было рассмотреть, как взметнувшиеся над водой весла черного фрегата застыли на мгновение в воздухе, а затем были втянуты на борт. Трудно было поверить, но четыре весла только одного борта сдвинули корабль в фарватерное течение. «Черная Жемчужина» быстро меняла свое расположение по отношению к ветру. Выйдя из-под левентика, и поймав сначала галфвинд, а затем и бакштаг правого галса, она наполнила ветром свои паруса и, набирая скорость, угрожающе быстро сближалась с «Либертиной». Опережающий пиратов линкор ничем не мог помочь себе. «Черная Жемчужина» находилось не на огневой линии. Более того, дать залп при таком расположении кораблей и вовсе было невозможно. «Эндевор» шел параллельно «Либертине», и именно он, а не «Черная Жемчужина», попадал под огонь.

Казалось столкновение неизбежно. Джеймс видел, что матросы линкора уже бросились подальше от борта, засуетились на вантах и марсах, пытаются спастись, а их капитан кричал: «Не смей покидать боевые посты!» Однако крушение не входило в планы капитана Воробья. Пираты, отдававшие прежде все силы гребле на веслах, наконец-то показали на палубе и бросились к мачтам, разворачивая паруса под ветер. Натужно кряхтя и еще больше накренившись на правый борт, «Черная Жемчужина» все же разминулась с королевским линкором.

---

⁸⁹ Гондек - нижняя палуба на военных кораблях, где орудия наибольшего калибра.

Между тем «Картахена» оказалась в достаточной близости от кормы пиратского фрегата, чтобы Джеймс узнал Уилла Тёрнера, пьяницу Гиббса и, конечно же, самого «великого зодчего» – вечно растрепанного и размалеванного Воробья. Остальные пираты, среди которых оказалась и темноволосая девушка, карабкались по вантам.

- Доброе утро, джентльмены! – нагло поздоровался пират с капитанского мостика. Крутанув штурвал, и картинно обернувшись к «Картахене», он отсалютовал треуголкой её офицерам.

- Спасибо, что указали заблудившимся путникам фарватер!

- Дайте залп! – приказал Норрингтон.

- Залпы придутся вскользь! – предупредил Питер Уотер, помня, что на повторную зарядку орудий потребуется время, которое может оказаться очень ценным.

- Достаточно будет повредить им рангоут, – адмирал остался непреклонным.

Между тем Джек, не обращая внимания на серьезные намерения превосходящего по силам неприятеля, продолжал глумиться:

- Ну, как дела на службе у мистера Бекетта?! – кричал он, все так же обернувшись к «Картахене» - Похоже, благодаря Катлеру пиратство стало легальным? Как я посмотрю, пираты теперь носят королевские мундиры! Так что, с повышением вас, commodore!

- О чем это он?.. – удивился Питер Уотер, ошарашенный этой тирадой. Однако Джеймс Норрингтон хорошо понял эти слова. Между тем, с гондека и мидльдека⁹⁰ «Картахены» рапортовали о готовности орудий

- Огонь... – процедил сквозь зубы Норрингтон.

- Огонь! – приказал капитан Уотер.

- Огонь!! – подхватили на верхней палубе...

И орудия линкора взревели, извергая огонь, дым и ядра, и брызги поднялись столбом по правому борту «Черной Жемчужины». Как и предупредил Питер Уотер залпы «Картахены» действительно пришлись вскользь. Их основная сила не задела пиратский фрегат, только лишь окатив его водой. Однако капитанский мостик и бизань-мачта все же попали под удар. Одно из ядер, пущенных с мидльдека линкора, снесло часть полуюта⁹¹, сорвав кормовой фонарь. Другое пробило гафельный парус бизани, едва не задев саму мачту. Ядра свистели практически над головой. Дым от залпа и туман окутали «Жемчужину» плотной дымкой, на время, скрыв корабль из видимости неприятеля. Джек пригнулся к штурвалу, пытаясь уцелеть под шквалом залпов и оставив своему фрегату возможность почти самостоятельно выходить из-под удара. Однако, следуя за спасительным ветром, «Черная Жемчужина» стремительно смещалась с огневой линии линкора, лишая противника возможности сделать повторный залп.

Как только дым развеялся, стало очевидно, что пиратский корабль стремится в открытое море, собираясь на всех парусах проскочить между идущими ему наперерез «Эндевор» и «Либертиной». Однако адмирал Норрингтон не собирался отступить так просто. Но не успел он отдать следующий приказ, как с кормы «Жемчужины» неожиданно прогремели два ответных залпа. Оба ядра попали в цель, и корпус «Картахены» дрогнул от ощутимого удара. Несомненно, хитрец Воробей установил несколько пушек в кают-компанию напротив дыры в корме, и теперь более высокий борт трехдечного линкора оказался отличной мишенью.

Само собой, две пробоины выше ватерлинии не могли остановить «Картахену». Конечно, на уровне мидльдека по её левому борту теперь красовались две приличные бреши, однако несколько раненых матросов, пара уничтоженных пушек и куча щепок были явно не тем результатом, какой стремятся получить при сражении. Капитан Воробей не хотел ввязываться в драку. Его корабль по-прежнему шел под крутым бакштагом, собираясь уклониться от сражения. И честно говоря, с его стороны это было самое верное

⁹⁰ Мидльдек - средняя палуба (батарея) трехдечного корабля.

⁹¹ Полуют - возвышение корпуса над верхней палубой в корме корабля.

решение. Глядя в подзорную трубу, Джеймс Норрингтон прекрасно видел, что «Черная Жемчужина» переживает не лучшие времена. Ветер и изворотливый ум капитана были единственными союзниками пиратов, но этого было слишком мало для победы.

«Эндевор» и «Либертина» шли полным ходом, стремясь перекрыть разбойникам выход в море. Ветер способствовал этому. «Черная Жемчужина» хоть и шла на хорошей скорости, намереваясь опередить противника, но бакштаг правого галса сносил пиратский фрегат в сторону порта, мешая кораблю достигнуть выхода из гавани. Видимо потому немногочисленная команда «Черной Жемчужины» начала попытки развернуть корабль на противоположный галс – что в сложившейся ситуации было несколько странно.

- Они мешают сами себе... - пробормотал Джеймс Норрингтон, наблюдая в подзорную трубу пиратов, пытающихся действовать против ветра, - Теперь им не уйти. Держать прежний курс!

Капитан Питер Уотер, взглянул на адмирала, согласно кивнул и отдал распоряжение команде. Между тем, капитан Воробей, уцелевший после обстрела его корабля, командовал с капитанского мостика, подгоняя пиратов в осуществлении какой-то очередной идеи. Между тем «Эндевор» и «Либертина» сближались, «Картахена» готовилась к новому залпу, настигая пиратов, а Джеймс Норрингтон теперь готов был поклясться, что на сей раз, Воробью пришел конец. «Черная Жемчужина» почти потеряла ветер и заметно замедлила ход. Её разбитую корму и суетящихся матросов вновь можно было рассмотреть не вооруженным глазом.

Девушка в ярко-зеленом одеянии мелькнула на палубе, а затем неожиданно появилась возле левого борта. Перегнувшись через планшир, она взглянула на приближающуюся «Картахену», затем обернулась в сторону идущих наперерез «Эндевор» и «Либертину», и, наконец, посмотрела на паруса «Черной Жемчужины» теперь уже едва наполненные ветром. Адмирал Норрингтон прекрасно знал, что такие маленькие чертовки с Тортуги запросто могут перерезать человеку горло. Джеймс усмехнулся, тем не менее, посочувствовав бедняжке, попавшей под командование столь неадекватного капитана, однако тут же изменил своё мнение. Бакштаг правого галса, только что раздувавший темные волосы юной пиратки, неожиданно и резко сменил свое направление на левый галс.

Это не возможно было объяснить, но пираты, словно заранее зная о смене ветра, подставили ему паруса. И вновь «Черная Жемчужина» оказывалась в более выгодном положении. Теперь под бакштагом левого галса она не шла, а летела полным ходом к выходу из гавани, полностью используя своё парусное вооружение. Линкоры же, преследующие пиратский корабль, шли теперь фордевиндом⁹² под попутным ветром, который, тем не менее, не позволял им использовать все паруса, и значительно замедлял ход. Потеряв время на смене галса, «Черная Жемчужина» теперь с лихвой наверстывала упущенное. Уже рискуя столкновением, она прошла между «Либертиной» и «Эндевор» едва ли не в нескольких саженях от бушпритов того и другого линкора и вырвалась в открытое море.

Капитан Уотер ждал приказа застывшего рядом Норрингтона.

- Следовать за ними, - распорядился, наконец, адмирал.

Питер хмуро молчал, не возражая, но и не повторив его распоряжение команде. Он был против этой затеи, не доверяя легкой на вид добыче.

- Надеюсь, вы поняли мой приказ, капитан Уотер? – холодно спросил Норрингтон, прожигая его взглядом.

- Так точно, - согласился Питер. Подчиняясь старшему по званию, капитан «Картахены» всё же отдал распоряжение следовать тем же курсом, что и пираты. Вскоре, на «Эндевор» и «Либертину» так же было просигналено о преследовании «Черной Жемчужины».

***

---

⁹² Фордевинд - курс парусного судна прямо по ветру (с попутным ветром).

И действительно, не смотря на распространенное мнение, что погоня за «Черной Жемчужиной» занятие неблагодарное и бесполезное, сейчас черному фрегату Джека Воробья не удавалось оторваться от преследования. Однако и подойти к пиратам на пушечный выстрел тоже не представлялось возможным. Как только берег Ямайки исчез за горизонтом, «Черная Жемчужина» хоть и не значительно, но прибавила ход. Она словно дразнила своих преследователей, оставаясь на виду и в недостижимости одновременно. Впрочем, погода была не на их стороне. Спасительный туман начинал развеиваться, не давая пиратам скрыться из вида. Адмирал Норрингтон почти торжествовал. Приняв во внимание плачевное состояние неприятельского корабля, он был уверен, что некая скрытая и опасная пробоина мешает пиратам развить достаточную скорость. Возможно, что одно из ядер «Картахены» достигло цели, и корсары сами не знали об этом. В любом случае всё шло к тому, что преследованию скоро наступит конец.

Уверившись, что пиратам не уйти, Джеймс приказал не прилагать особых усилий к сближению. Ведь намного проще просто висеть «на хвосте», ожидая, когда поврежденный корабль прекратит сопротивление или будет вынужден вступить в бой. Однако надежды адмирала вновь не оправдали себя. Словно собравшись с последними силами, «Черная Жемчужина» нырнула в плотную гряду тумана и исчезла.

- Эффектный фокус, - скептически промолвил Джеймс, когда «Картахена» так же погрузилась в туман. По правому и левому боту от неё размыто вырисовывались силуэты «Либертины» и «Эндевор». Команды «крадущихся» в молочном мареве линкоров, напряженно вслушивались в тишину, в любую секунду ожидая предательского залпа со стороны пиратов. Но все было тихо, а прямо по курсу вскоре начала вырисовываться темная преграда берега какого-то острова. Адмиралу Норрингтону он был знаком. Лежащая в этих широтах, россыпь коралловых рифов кольцом окружала несколько лесистых островков. Именно они были избраны лордом Бекеттом как место встречи эскадр Норрингтона и Джонса, что должна была состояться после нападения на Порт-Ройял. Джеймс знал, что коралловый пояс атолла прерывался несколькими проливами и, воспользовавшись туманом, поврежденный пиратский фрегат вполне мог укрыться в лагуне, и встать на якорь между островами. Несомненно, именно в этом и заключалась разгадка столь внезапного исчезновения «Черной Жемчужины».

Соблюдая необходимую осторожность, линкоры прошли в лагуну между опасными зубцами коралловых рифов, и вскоре, как и предполагал Джеймс Норрингтон, его подозрительная труба выхватила из тумана стены трех мачт, возвышающиеся над пологим склоном одного из островов. Линкоры обошли прикрывающий пиратов остров с северного и южного направления, и вскоре оказавшийся в окружении черный фрегат был захвачен без какого-либо сопротивления со стороны его команды. Солдаты эскадры Порт-Ройяла уже окружили пиратов, направив в их сторону мушкеты, когда Джеймс Норрингтон ступил на палубу корабля, которую он не так давно был вынужден драить собственными руками. Замечая знакомые и не очень знакомые лица, адмирал прошелся мимо пленных. Гиббс, коротышка Марти, неизвестная девушка-азиатка, немой пират с попугаем, прожженные негодяи – Пинтел и Рагетти, ужасный старик, обросший едва ли не полипами, и еще с десятков или чуть больше мерзавцев составляли все жалкое воинство. Уилл Тернер стоял последним, и презрительно взирал на Норрингтона. Впрочем, его недружелюбие сдерживалось крепкими руками двух гвардейцев и дулами нескольких мушкетов, направленными прямо в сердце. Воробья нигде не было видно.

- И где же ваш капитан, мистер Тернер? – обратился к бывшему кузнецу Норрингтон с деланной вежливостью. Но тут откуда-то сверху донеслось:

- Я здесь, адмирал!

Все как по команде подняли головы вверх и обернулись к грот-мачте. Обосновавшись на её марсовой площадке, капитан Воробей приветствовал солдат ослепительной улыбкой и витиеватым взмахом треуголки.

- Напрасная попытка, Воробей, - отреагировал Норрингтон, и, подчиняясь его молчаливому кивку, несколько красномундирников через мгновение бросились к мачте. Однако бывший офицер британского флота взирал на бывшего подчиненного со своего «наместа» с видом искреннего гостеприимства.

- Адмирал Норрингтон! Я рад приветствовать вас на «Черной Жемчужине»! – продолжал он, как ни в чем не бывало, не обращая внимания на карабкающихся к «собачьим дырам»⁹³ солдат, - Признаться, вы и ваши ребята явились как раз вовремя! Ведь нам нужно кое-что обсудить!..

- В таком случае вам лучше спуститься вниз, капитан, - с наигранной любезностью предложил Норрингтон.

- Нет! Нет! Нет! – зачастил Джек. Как бы случайно он наступил на пальцы одному из солдат, пытавшемуся уже пролезть в люк и, не ожидая такого подвоха, бедолага вскрикнул и шмякнулся на палубу. Второй красномундирник не торопился последовать его примеру, а потому просто притих под марсовой площадкой, делая вид, что выжидает удобного для захвата случая.

- Адмирал! Вы не поняли концепцию! – крикнул в это время капитан Воробей, не обращая внимания на мушкеты направленные в его сторону, - Я всего лишь хочу предупредить всех здесь собравшихся, что это *вам* нужно сдавать оружие! Вам и вашим ребятам, для того, чтобы никто не пострадал...

Устав от пререканий Норрингтон готов был отдать приказ стрелять, однако что-то его всё еще удерживало:

- Сдавайтесь, капитан! – сказал он почти примирительно, - У вас безвыходное положение!

- А вот в этом адмирал Норрингтон, вы как раз и ошибаетесь! – заметил Джек, - Мне отсюда гораздо лучше видно, что безвыходное положение именно у вас...

- Снимите его оттуда... – прервал его предупреждения Норрингтон.

И тут же несколько солдат вскинули мушкеты по направлению марса грот-мачты...

***

По прошествии нескольких часов, капитаны оставшихся в Порт-Ройале кораблей увидели как «Картахена», «Эндевор» и «Либертина» триумфально возвращались, ведя в оцеплении «Черную жемчужину». В подзорную трубу капитан «Королевы Елизаветы» рассмотрел несколько королевских офицеров и матросов на палубе пиратского корабля, а адмирал Джеймс Норрингтон и капитан Питер Уотер, как и полагается, стояли на капитанском мостике «Картахены». Возгласы одобрения, уже собравшихся в порту зевак, и пушечные залпы форта приветствовали победителей, и очень скоро их эскадра встала на рейде напротив выхода из гавани Порт-Ройяла. С «Картахены» было просигналено о приказе адмирала: «Капитанам явиться на флагман». По прошествии нескольких минут офицеры не участвовавших в погоне двух кораблей отправились туда на шлюпках, недоумевая, зачем это понадобилось. Рассчитывая на интересное зрелище, жители Порт-Ройяла не расходились, желая поприветствовать удалого адмирала и его людей, однако те не спешили сойти на берег.

- Отлично, адмирал! Ваша роль удалась на славу! Но теперь вам следует пройти в вашу каюту! – с издевательской любезностью гаркнул рулевой флагмана, и несколько красномундирников выглядящих слишком уж расхристанно для вымуштрованных солдат отозвались радостным хохотом. Маленькая обезьянка высунула мордочку из-за пазухи рулевого, издала победный крик и тут же спряталась обратно. Один из лейтенантов, стоящий за спиной мрачного Норрингтона, рванул его за плечо, а другой ткнул саблей в спину уже разоруженного Питера Уотера. Спускаясь с капитанского мостика, Джеймс заметил как офицеров, прибывших на шлюпках, уже заталкивают в кают-компанию, предварительно отобрав у них оружие.

---

⁹³ Собачьи дыры – прозвище люков марсовой площадки.

Это означало, что флот Порт-Ройяла был захвачен полностью и при том без единого выстрела. Если не считать приветственных залпов, которыми канониры форта оказали почести пиратам, совершенно не догадываясь, кому именно они их оказывают. И рядовые, и офицеры, вернувшейся в Порт-Ройял эскадры были переодетыми корсарами из флота Гарри Тиггса.

***

Все закончилось в тот момент, когда солдаты адмирала Джеймса Норрингтона уже готовы были стрелять в капитана Воробья, обосновавшегося на марсовой площадке. Именно тогда случилось событие, заставившее Джеймса поверить в слова Джека - со стороны проливов, через которые «Либертина» и «Эндевор» прошли в сокрытую тремя островами лагуну, раздался пушечный залп. А затем, единой тенью в тумане возникли очертания кораблей, и капитаны эскадры смогли рассмотреть в свои подзорные трубы разномастные черепа и кости, трепещущие на черных полотнищах. Воспользовавшись туманом, пиратский флот перекрыл выход в открытое море, взяв эскадру Порт-Ройяла в кольцо. Положение действительно было безвыходным. О чем капитан Джек не преминул сообщить самым издевательским тоном:

- Я же говорил, адмирал...

Действительно, с его наблюдательного пункта было лучше всего видно, когда именно пиратские корабли замкнули кольцо, и, устраивая свое очередное «представление», Джек с одной стороны глумился над недогадливыми военными, отвлекая внимание, а с другой мог прекрасно видеть, когда именно все выходы из лагуны будут перекрыты.

Однако отрезать пути к отступлению было мало для победы. Ведь в планы капитана Воробья не входило сражение, а на «Черной Жемчужине» собралось столько солдат, что они могли уничтожить и большую пиратскую команду. Для того чтобы разыгралось сражение, Джеймсу Норрингтону достаточно было лишь отдать приказ: «Не сдаваться и принять бой». Приказ, который сохранил бы честь мундира, но привел бы к полному уничтожению эскадры Порт-Ройяла. Уничтожение целой эскадры – завидный пункт в обвинительном заключении, но сейчас Джеку не хотелось им обзаводиться. Тратить на это драгоценное время было слишком расточительно, учитывая, что вскоре к Ямайке должен был пожаловать еще один, гораздо более важный противник. Впрочем, такие тонкие нюансы заботили только Джека, а потому сохранение хрупкого мира и добровольная сдача королевского флота в руки захватчиков сейчас зависели целиком и полностью от ораторского искусства капитана Воробья.

- Послушайте, адмирал! - вскрикнул он. Размахивая руками, Джек пытался отвлечь внимание Норрингтона от лейтенанта с «Картахены», который, пытался докричаться хоть до какого-нибудь начальника с вопросами: «Что теперь делать?».

- Адмирал, нет причин для беспокойства! – как можно громче заметил Джек, - Ведь в данный момент мы с вами не враги!

Норрингтон обернулся к грот-мачте, сохраняя высокомерный вид. Слушать пирата, глядя на него снизу вверх, было унижительно. Так же раздумывая как скорее прекратить эту перепалку, Джеймс спросил надменно усмехнувшись:

- Неужели? Да вы никак считаете, что мы в ужасе сдадимся, мистер Воробей?

- Ни в коем случае, адмирал! – дружелюбно откликнулся Джек, - Ваша эскадра просто великолепна, склоняю голову. Вы вполне можете завязать в этой лагуне эффектный бой. Но как хороший адмирал, вы наверняка предпочтете, чтобы ваши люди уцелели. Ведь очень скоро вам нужно будет защищать Порт-Ройял от некоей нечисти, которая гораздо страшнее нескольких пиратских посудин. Смекаешь о чем я, Джеймс?

Питер Уотер между тем, явно не понимая о чем речь, недоуменно переводил взгляд со своего командира на пирата на марсе. Пока Норрингтон медлил с ответом, Джек храбро продолжал свою речь, хитро прищурив подведенные глаза:

- Это поражение будет дорого стоить, Джеймс! Не только городу, вашим людям и нам, но и тебе! И только мистер губернатор выйдет сухим из воды. Джонс, конечно не победим, но мы можем объединить наши усилия...

Возможно, последняя фраза достигла лишь слуха адмирала, потому что капитан Питер Уотер, все больше беспокоясь о происходящем, вдруг громко вмешался:

- Что вы прикажете, сэр?! – обратился он к Норрингтону. Тот же молчал, не сводя взгляда с капитана Воробья. Пират сейчас рассуждал о вещах, которые заботили Джеймса уже несколько дней, однако решать вопрос в пользу пирата адмиралу британского флота было не к лицу. Обернувшись к Питеру, Джеймс едва заметно усмехнулся, уже зная, как поступить, дипломатично обеспечив и свои, и общие интересы. Он ответил сурово, всем сразу:

- Довольно! Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Воробей! Дальнейшая полемика не имеет смысла! Капитан Уотер, джентльмены, сложить оружие! Силы не равны и мы сдаемся...

Растерявшись, солдаты, удерживающие пиратов «Черной Жемчужины», даже опустили руки. Пленники оказались на свободе. Отчасти насмехаясь над ироничностью ситуации, Джеймс вытащил из ножен свою шпагу с золотой филигранью на рукояти, и в который раз передал её тому, что её выковал. После этого, он как ни в чем не бывало отправился по сходням на флагман. Явно не ожидая такой реакции, капитан «Картахены» так и не повторил приказа адмирала, но за него это уже сделали лейтенанты.

- Сложить оружие! Сложить оружие! – пронеслось над кораблями. И через некоторое время ропот возмущения уже был заглушен бряцанием мушкетов, падающих на палубы, и победными возгласами, доносящимися с пиратских кораблей.

Линкоры были захвачены, и первым кто вступил на палубу королевского флагмана, оказался ни кто иной, как Гектор Барбосса. Беззастенчиво бросив своего «Голиафа», старый пират мгновенно воцарился у штурвала «Картахены», попутно сманив в свое распоряжение несколько дополнительных десятков разбойников, желающих пожить в офицерских каютах.словно стаи саранчи пираты хлынули на палубы и в хозяйственные помещения королевских линкоров, набивая карманы личными вещами и реквизированными ценностями захваченных экипажей. Этот процесс грозил затянуться, однако дисциплина вскоре была восстановлена с помощью нескольких выстрелов в воздух. Еще парочку особо рьяных мародеров пришлось отправить на тот свет, но Гарри Тиггс само собой считал это не значительной потерей.

Теперь, когда эскадра Порт-Ройяла была захвачена, главной ценностью являлись не вещи на кораблях, и даже не сами корабли, а мундиры и оружие. Через некоторое время часть отряпы Тортуги облачилась в кители солдат королевского флота и разместилась на захваченных кораблях, заменив собой настоящих военных, которые в полном составе были высажены на эти же острова в одном исподнем.

Впрочем, адмирал Норрингтон и капитан Уотер, сохранили свои мундиры, как и место на капитанском мостике «Картахены». Рассудив, что для полного сходства маскараду не хватает только настоящего командующего, капитан Барбосса оставил обоих пленных на флагмане для достоверности. Итак, обманув защитников форта и любопытствующих горожан, теперь уже пиратская эскадра вошла в гавань Порт-Ройяла, а корабли, которыми командовал Хромой Тиггс, разместились за мысом, ожидая сигнала о вступлении в главный бой.

И ожидание продлилось не долго. Как только Норрингтона и других заперли в кают-компании, снаружи раздалась канонада орудийных залпов.

Глава 20. Двое в лодке

Элизабет расхаживала по каюте капитана «Летучего Голландца» словно тигрица в клетке. От Порт-Ройяла её отделяли лишь несколько дюймов сгнивших корабельных переборок, сотни рыболовов и гавань, в которой

сегодня должно было разыгаться сражение. Довольно большая преграда, но не для решительной девушки, желающей сбежать из плена. Однако в данный момент у Элизабет была одна насущная проблема – дверь и упрямый мистер Засов, который никак не хотел очнуться от спячки, несмотря на залпы «Летучего Голландца», которые разбудили бы уже и мертвого.

- Эй! Мистер Засов! – кричала Элизабет, не представляя как еще обратиться к одревеневшему пирату. В этот момент со стороны обстреливаемого форта ответили залпами, и корпус «Летучего Голландца» сотрясся от попавших в него ядер. Переборки дрожали, и Элизабет надеялась, что пол в каюте капитана достаточно крепок, чтобы попросту не обвалиться в нижние деки до самого трюма. Корабли эскадры утопленников вновь отозвались канонадой, и на сей раз, Засов наконец-то открыл свои бесцветные глаза.

- Мистер Засов! – обрадовано воскликнула девушка, поспешно бросившись к самой двери. Её хранитель между тем отстраненно прислушался к тому, что творилось снаружи.

- Что там... происходит?.. – прохрипел он.

- Там идет бой, – решительно заявила Элизабет, - На ваш корабль напали, сэр. И команда всеми силами пытается отразить атаку!

Услышав настолько нахальную ложь, вросший в стену пират взглянул на девушку с нескрываемым удивлением.

- Прошу вас, мистер Засов, - взволнованно сказала она, - Помогите мне выйти отсюда, ведь капитан Джонс мой друг! А я умею драться! Я смогу помочь!

- Вы мисс, за которой... велел приглядывать капитан? - наконец без напоминаний узнал её старый пират.

- Да! – обрадовалась Элизабет, - Ведь я его друг! А теперь... выпустите меня!

- Э-э нет, мисс, - скрипуче хихикнул Засов, - Раз капитан велел... кхем... за вами смотреть, то сидите здесь! Кхем... а то вам срубят вашу хорошенькую головку, а мне придется отвечать. Ребята сумеют разобраться и без баб...

Просипев это, старый негодяй снова закатил глазки, собираясь не иначе в очередной раз уснуть. Душу мисс Элизабет между тем переполнило возмущение. Рука так и тянулась отвесить «живой» двери пару хороших тумачков, но, собравшись с мыслями, девушка нашла другое решение. Встав напротив дверного полотна и бросив в сторону притолоки презрительный взгляд, нахмуренная Элизабет приложила ладони к прогнившим доскам. А затем, преодолев подсознательное отвращение, вызванное их склизкой поверхностью, девушка поскребла по ней пальчиками. Слизь набивалась под ногти, но к счастью мисс Свон не чувствовала этого. Дерево отозвалось характерным шорохом. Мистер Засов снова открыл глаза.

- Что это вы делаете?.. – беспокойно спросил он, но Элизабет продемонстрировала полное безразличие к вопросу, продолжая скрести по двери.

- Эй, мисс! Прекратите! - запротестовал её хранитель, но Элизабет была неумолима и продолжала щекотать поверхность досок. Засов пытался и скрипел, страдая от незащитности перед этой экзекуцией и, подняв голову к притолоке, мисс Свон с удовольствием видела, как он беспомощно крутит головой, поджимая губы и жмуря глаза. Вдруг Элизабет прекратила щекотать дверь. Засов облегченно вздохнул, но тут коварная девушка ласково провела пальчиками по доскам.

- Ой! Ой, не могу!!- откликнулся Засов неожиданно тонким голосом. Он удерживался из последних сил, но через секунду всё же захохотал на весь корабль, а Элизабет с радостью услышала грохот – большая перекиладина, удерживаемая запястьями вросшего пирата, громко ударила по двери. Не в силах больше удерживать свою ношу, бедолага выпустил её из рук. В тот же момент, Элизабет навалилась на дверное полотно всей массой тела. Дверь распахнулась. Однако перекиладина, прикованная к запястьям хранителя, не дала ей открыться настежь. Под лязг кандалных цепей Элизабет протиснулась в образовавшуюся щель, а вслед ей неслись требования вернуться назад.

Однако, наконец-то вырвавшись на свободу, девушка ничего не слышала. Мисс Свон торопилась изо всех сил, отчаянно желая добраться до шлюпки. Успешно избежав встречи с несколькими обитателями «Летучего Голландца», она выскочила на палубу, и тут откуда-то сбоку раздался злобный окрик:

- Эй ты, стой!

Элизабет так обрадовалась освобождению, что на мгновение потеряла осторожность, и тут же была замечена сразу тремя изуродованными утопленниками Джонса. Один из них оплыл скользкими существами вроде медуз, а двое других и вовсе срослись в одного монстра. Угрожающе размахивая проржавевшими клинками, рыболюды бросились к ней, а Элизабет в панике оглянулась вокруг, пытаясь определить, куда бежать. И тут мисс Свон поняла одну простую вещь – на «Летучем Голландце» нет шлюпок. Мертвецам, умеющим мгновенно переноситься на захватываемые корабли, они не нужны. Между тем положение становилось критическим. Возвращаться обратно в свою темницу Элизабет не собиралась, а рыболюды, забыв о ценности капитанской пленницы, уже замахнулись на неё своими железками.

Не теряя времени, Элизабет ловко проскочила между обеими нападавшими и с удовольствием услышала раздавшийся позади неё звук пробитого саблей тела. Оплывший медузами утопленник, промахнувшись мимо верткой и щуплой Элизабет, со всей силы всадил клинок в тушу сросшегося товарища, почти разделив составляющих его пиратов. Сросшийся тоже не остался в долгу, тут же рассадив скользкому рыболюду туловище до пояса. Клинки застряли в телах, и утопленники замешкались, пытаясь освободиться друг от друга. Между тем, мисс Свон, не обращая внимания на свирепые физиономии других пиратов Джонса, добежала до фальшборта «Летучего Голландца».

Перебравшись через планшир и ухватившись за ванты, Элизабет уже вскочила на руслень⁹⁴, когда её взгляд каким-то чудом выхватил среди клубов дыма знакомые черные паруса. Невероятно, но «Черная Жемчужина» была среди кораблей Порт-Ройяла и сражалась вместе с ними. Канонада оглушала, гавань оглашалась залпами. Перекрыв выходы в море, эскадра мертвецов жестоко расстреливала укрепления форта Порт-Ройяла, но и линкорам доставалось не меньше. Впрочем, и форт, и корабли отвечали нападающим с такой же яростью. В воздухе просвистывали шальные пули, а на палубах отчаянно сражались люди и монстры. Эскадра Джонса не шла в абордаж. Она лишь обстреливала неприятеля, в то время как большая часть её полуразложившихся матросов перебиралась на его судна, лишь шагнув со своего корабля и тут же отслаиваясь от переборок и мачт на линкорах и от стен в форте Порт-Ройяла.

В это время рыболюдам-преследователям все же удалось выдернуть сабли из тел друг друга, и с грозным рыком они ринулись к Элизабет. Девушка поняла, что у неё теперь есть лишь одна возможность. Отчаянно надеясь, что рассказы мистера Засова окажутся правдой хотя бы на половину, и у неё все получится, Элизабет взглянула в сторону «Черной Жемчужины» и горячо пожелала оказаться на её палубе, рядом с Джеком. Утопленники были уже рядом, когда, зажмурившись, мисс Свон шагнула прочь с русленя «Летучего Голландца».

Она рухнула в воду как камень. Проклиная деревянного вруна, Элизабет рванулась на поверхность со всем неистовством, на которое была способна. Злость придавала ей сил. Впрочем, девушка была почти уверена, что утопленники Джонса не последуют за ней и за борт не прыгнут. Вынырнув на поверхность, и еще не достаточно проморгавшись от воды, Элизабет машинально потянулась к досчатой поверхности, мелькнувшей справа. Рука, скользнула по доскам, и через мгновение мисс Свон поняла, что ухватилась за невысокий бортик шлюпки. «Голландец» почему-то оказался очень далеко, а прямо над удивленной утопленницей темной стеной возвышался борт совсем

---

⁹⁴ Руслень - морская полка, приполок за бортом, за который крепятся ванты.

другого корабля. Но прежде чем Элизабет смогла что-то сообразить, рядом послышался знакомый голос:

- Не знал, что в гавани Порт-Ройяла обитают русалки.

В тот же момент обладатель голоса ухватил мисс Свон за шиворот, и втащил в шлюпку. Еще не веря, что у неё получилось сбежать, Элизабет смотрела на капитана Воробья, который, как ни в чем не бывало, отряхнул забрызганный водой камзол и спокойно взялся за весла. Чувствуя смятение в душе, мисс Свон не могла отвести взгляда. Её желание исполнилось, и почти так, как она хотела. Но еще невероятнее было то, что Джек действительно был сейчас в гавани Порт-Ройяла, посреди боя, а не в каком-нибудь кабаке Тортуги. Ничего не говоря, Элизабет не смела поверить в причину, по которой пират сейчас все же находился здесь. Капитан тем временем не сводил серьезного и настороженного взгляда со своего «штурмана». Мисс Свон отвечала ему тем же, и каждый из них видел, что с тех пор как они расстались, многое изменилось. Джек казался уставшим, но через мгновение девушка уже поймала его, как и прежде, хитрый взгляд, и поняла, что пират усиленно сдерживает улыбку. Элизабет отвернулась, все еще пытаясь скрыть свою искреннюю радость от встречи.

- Догадывался, что ты не удержишься долго среди мертвяков Джонса! - наконец нарушил молчание Джек. Вокруг гремели взрывы, и чтобы что-то сказать приходилось повышать голос. Справа от них в воду ухнуло ядро, и Элизабет машинально пригнулась к днищу лодки. Джек усмехнулся. Однако, справившись с собой, мисс Свон уже обернулась назад, не обращая внимания на свист шальных пуль над головой. Фрегат, который скрывал их от неприятеля, несомненно, был «Черной Жемчужиной». Джек тоже перевел взгляд на корабль.

- Но кто командует на «Жемчужине»?! - поразила Элизабет. Представить, что Джек оставил свой корабль на кого-то, было немыслимо.

- Пока мы делаем визит к губернатору за одной очень важной вещицей, - откликнулся Джек, - о моллюсках Дейви Джонса, позаботится Гиббс и дорогой Уильям! Он тут же пожалел об этих словах.

- Уилл?..- пораженно прошептала Элизабет, резко оборачиваясь к кораблю - Так, значит, он жив. Этот негодяй мне солгал!

Это была еще одна хорошая новость, в которую было трудно поверить. Девушка выпрямилась, словно пытаясь рассмотреть людей на палубе «Жемчужины». Между тем улыбка на лице капитана Воробья уже угасла:

- Что еще за негодяй? - спросил он громко, и при этом всем своим видом не выражая никакой заинтересованности в ответе.

- Сяо Фенг, - Элизабет снова повернулась к капитану, и лицо её так же стало серьезным, - Он был среди тех, кого Джонс поднял со дна. Джек! Морской дьявол пообещал, что наградит того из них, кто убьет тебя!

- Весьма не разумно с его стороны! - ответил Джек, мрачно усмехнувшись, - Даже интересно, что он им обещал... неужели свободу?!

Элизабет молчала, раздосадовано замечая, как изменилось его настроение.

- Он пообещал им меня, - сказала она, глядя в упор на пирата. Но вопреки всем ожиданиям, капитан Воробей лишь ухмыльнулся:

- Спасибо за предупреждение, любимая! - и многозначительно добавил, - Но это значит, что я в полнейшей безопасности...

Элизабет эта шутка не вдохновила, и она предпочла надуть губки. Джек же, выдержав некоторую паузу, все же уточнил, продолжая самодовольно ухмыляться:

- Ты ведь сбежала...

Мисс Свон ответила ему свирепым взглядом, но сдержалась. В этот момент их лодка уже ткнулась носом в берег.

Более ли менее безопасно пробраться в город, можно было через пристань, и, бросив краткий взгляд в сторону причалов, у которых швартовались торговые корабли, Элизабет вспомнила свою первую встречу с капитаном Воробьем. Сам он в это время, стоял рядом с ней под горбатым

мостиком, где они оба укрылись от гвардейцев. Джек осторожно выглядывал из-за каменной опоры. Наверху солдаты, бегом направляясь в форт, где уже разгорелся бой. Как только их топот утих, пират обернулся к Элизабет и произнес:

- Ну что, цыпа? Дамы вперед!

Мисс Свон посмотрела на него взглядом, исполненным глубочайшего изумления, которое через секунду сменилось возмущением:

- А вы настоящий джентльмен, капитан! – съязвила она, но Воробей лишь ухмыльнулся.

- Не смотря на всю мою благодарность и привязанность к тебе, любимая, хочу заметить, что дорогу до дома губернатора Порт-Ройяла я еще не знаю.

Элизабет смолчала, сложив руки на груди. Довод капитана Воробья был убеждающим, но, не подавая вида, что все же признала это, девушка осторожно вышла из-под моста, чтобы осмотреться. Джек выглянул из-под опоры и следил за мисс Свон.

- Кроме того, выйти и проверить свободен ли путь, тебе гораздо безопаснее... – пробормотал он, прислушиваясь к звукам выстрелов и залпов, раздающимся со стороны форта и моря. В этот момент до его слуха донесся звук торопливых шагов. По изогнутой «спине» моста опять кто-то бежал. Через мгновение шаги затихли, и Джек понял, что этот кто-то заметил Элизабет. Капитан Воробей не видел, кто так некстати оказался у них на пути, но, судя по последовавшему выкрику, этот кто-то был одним из патрульных.

- Эй, девка! – раздался грубый мужской голос, - Ты кто такая?! И что ты тут делаешь?!

Солдат был один.

- Э.. сэр! – начала Элизабет, понимая, что шляпы на ней нет, - Не стреляйте! Я... я дочь бывшего губернатора!

Выпалив это бесполезное оправдание, девушка машинально приложила руку к поясу и тут же вспомнила, что её сабля осталась на «Летучем Голландце». Тем временем, солдат, явно уже наслышанный о нападении на форт, вскинул мушкет.

- А ну стой, где стоишь, проходимка! – приказал гвардеец.

Элизабет тут же бросилась бежать. Спрятаться можно было лишь под мостом, и, надеясь на помощь капитана Воробья, девушка устремилась туда.

- Стоять! – крикнул красномундирник, следуя за ней. Элизабет ворвалась под мост, едва не сбив Джека с ног. Через мгновение в светлом проеме появился и солдат.

- Ах ты дрянь!.. – воскликнул он зло, явно не собираясь останавливаться только на этой характеристике. Однако неожиданное столкновение нос к носу с вооруженным мужчиной, а не испуганной девицей, заставило его умолкнуть и застыть на месте. Воспользовавшись этим замешательством, Джек тут же огрел преследователя по голове рукоятью пистолета, и не в меру рьяный хранитель порядка рухнул на землю без сознания.

- Отлично! Теперь он нам не мешает! – похвалил себя капитан Воробей, и, обернувшись к Элизабет, заявил - Давай живей, цыпа! Сбрасывай своё замшелое тряпье!

Не теряя времени, он уже сам подошел к оробевшей Элизабет и попытался снять с неё жилет.

- Что? Да что вы себе позволяете, капитан Воробей? – процедила девушка сквозь зубы, не зная как реагировать на такой поворот событий. Она вцепилась в мокрый жилет изо всех сил, как в самую большую ценность на свете.

- Я позволяю тебе взять меня в плен, любимая, - нетерпеливо разъяснил пират, наконец, - Будешь изображать конвойного...

Оставив в покое её одежду, капитан Воробей уже нахлобучивал на голову Элизабет треуголку оглушенного солдата и пытался запихать под неё длинные волосы мисс Свон.

- Я могу переодеться сама! – заявила, наконец, Элизабет, понимая, что его попытки могут затянуться. Джек ответил ей недоверчивым взглядом, но все

же ограничил свою помощь лишь раздеванием гвардейца. Через некоторое время мисс Свон облачилась в красный китель и спрятала волосы под треуголку, а Джек опоясал её саблей и заткнул ей за пояс пистолет. Он предпочел сделать это собственноручно, не смотря на заверения «цыпы», что она может справиться и сама.

- Проклятие, - ворчал капитан Воробей, взглянув Элизабет в глаза, и продолжая затягивать ремень на её талии, - Поскольку пленный не сможет явиться вооруженным до зубов, придется тебе, цыпа, поносить моё вооружение, так что не уходи далеко, смекаешь?

Наблюдая за его сосредоточенным видом, Элизабет понимающе улыбнулась.

Закончив переодевание, сообщники выбрались из-под моста и направились в сторону губернаторской резиденции. Джек шел впереди, заложив руки за спину и напустив на себя смиренный вид кающегося грешника. Элизабет следовала за ним, держа на весу тяжелый мушкет, реквизированный у гвардейца. Из-за треуголки, осевшей на глаза, она едва видела, куда идет. Конечно, их маскировку рассекретил бы первый же патруль, кабы не бой в форте. Все солдаты, встречавшиеся им, бежали либо в форт, или подальше от форта, и обращать внимание на эту колоритную парочку им было просто некогда.

Глава 21. Маленький человек с большими амбициями

Лорд Катлер Бекетт, он же губернатор Ямайки, остался в Порт-Ройале, не смотря на предстоящее нападение на город. Это было рискованно, хотя адмирал Норрингтон и должен был передать Джонсу приказ о неприкосновенности губернаторской резиденции. Как опытный интриган, Бекетт не исключал возможности увидеть на пороге своего дома нежитей с «Летучего Голландца». Исполнительность адмирала Норрингтона в последнее время оставляла желать лучшего, а дерзость росла с каждым днем. Из-за всего этого он вполне мог и «забыть» о распоряжении сообщника. Впрочем, Катлер Бекетт почти не беспокоился по этому поводу. Сердце морского дьявола, запертое в надежном тайнике кабинета, могло обеспечить безопасность лучше любых приказов. Небольшая ниша в стене располагалась прямо за портретом, висящим напротив губернаторского стола. Потому остановить нападение пиратов Джонса губернатор Бекетт мог лишь одним точным выстрелом в глаз, изображенного на портрете бывшего губернатора Свона.

Когда адмирал Норрингтон вернулся из похода к Исла де Кулебра, он сразу же явился к лорду Бекетту, чтобы доложить о результатах переговоров с капитаном Джонсом. Джеймс отчитывался, стоя, словно мальчишка перед школьным учителем, в то время как «учитель», внимательно что-то читал. Впрочем, в завершении доклада, Катлер Бекетт все же оторвал взгляд от бумаг и начал с интересом слушать каждое слово. Как заметил Джеймс, известие о том, что Джек Воробей жив, вызвало у губернатора неподдельную заинтересованность.

- Так значит, капитан Воробей жив?.. - без тени беспокойства переспросил, Бекетт, слегка приподняв бровь, - Вы когда-то утверждали обратное, адмирал...

- Да, утверждал, - согласился Норрингтон, - Но эти сведения устарели, а капитану Джонсу, я думаю, стоит поверить.

- Что ж, - вздохнул Катлер, слегка качнув головой, - Вы принесли не добрые вести, однако они открывают для вас не плохие перспективы, адмирал. Если вы все же арестуете Воробья, я думаю, король особо отметит ваши старания. Кроме того, вы сможете навсегда покончить с историей Джона Брайтена. Вы хорошо постарались, Джеймс. Вы свободны...

Закончив фразу, Бекетт вновь обратился взглядом к бумагам, однако Норрингтон не собирался уходить.

- Если не возражаете, губернатор, то именно поимку Джека Воробья, я и хотел бы обсудить сейчас, - заявил Джеймс, не двинувшись с места, и удивленный Катлер вновь воззрился на него. Окинув Норрингтона взглядом,

только сейчас лорд Бекетт обратил внимание, что адмирал выглядит несколько иначе, чем прежде. Былая пропитая небрежность исчезла без следа, и ей на смену явился безупречный мундир и напудренный парик. Сейчас перед губернаторским столом стоял истинный адмирал, который точно знал, что хочет, и говоривший об этом спокойным, деловым тоном.

- В данный момент на борту «Летучего Голландца» находится не безызвестная мисс Элизабет Свон, - продолжил Норрингтон, - Я не смог забрать её у Джонса, однако вам это должно быть под силу.

- И какое же отношение имеет освобождение мисс Свон к Джеку Воробью? - поинтересовался Бекетт. Норрингтон молчал, все еще решаясь озвучить, то, что было его давней догадкой и поводом для насмешек над собой же. Он размышлял, как точнее выразиться. В этот момент, расценив его молчание по-своему, и не усмотрев никакой другой выгоды в освобождении Элизабет, лорд Бекетт ответил на свой же вопрос:

- Мисс Элизабет очаровательная девушка, - заметил он как бы невзначай, с легкой улыбкой, и тут же добавил, - Я слышал, вы когда-то сватались к ней, но получили отказ?..

Джеймс не ответил. В тишине громко тикали большие напольные часы.

- Такие женщины привлекают... - согласился со своей догадкой Бекетт, не в силах сдержать в тоне снисходительности, - Столь решительно отправиться на поиски возлюбленного, пожалуй, даже слишком решительно. Поверьте, я понимаю, ваше желание помочь даме, адмирал, но договора о выдаче пленных мы тогда не заключили. К сожалению, мисс Свон придется остаться там, где она сейчас находится. Возможно, это к и лучшему.

- Вы меня не верно поняли, сэр, - холодно перебил его Норрингтон, вновь завладевая инициативой, - Вы хотите знать какая связь между капитаном Воробьем и мисс Элизабет? Я могу объяснить. Когда мне довелось попасть в команду «Черной Жемчужины»... в то время, я заметил, что Воробей питает некую романтическую привязанность к мисс Свон. Я уверен, что если эта женщина окажется у нас в руках, поймать на неё Воробья как на приманку, будет намного проще.

- Вот, значит, как? - задумчиво промолвил Бекетт, после некоторой паузы, и вновь начиная что-то прикидывать в уме, - Вы уверены, что не ошибаетесь?

Как и любой расчетливый человек, Катлер предпочитал знать о возможных рисках заранее и теперь он всматривался в сообщника прямо таки испытующе. Норрингтон продолжал сохранять хладнокровие и заставив себя смотреть губернатору прямо в глаза, твердо ответил:

- Я видел их целующимися.

Это лживое заявление наконец-то произвело на лорда Бекетта должное впечатление. С упреком покачив головой, он с удовольствием изобразил порицание столь неподобающему поведению юной аристократки, и заметно оживился, как гончая почувствовавшая добычу.

- Бедный мистер Тернер... - посочувствовал губернатор вполголоса, ни сколько не скрывая злорадство, - Что ж возможно вы и правы, адмирал. Я ничего не обещаю, но обязательно подумаю над этим вопросом.

Внешне Норрингтон оставался хладнокровен, хотя сердце его вновь билось в такт тиканию часов. Кивнув в знак согласия, Джеймс добавил:

- Я хочу просить вас, сэр, чтобы после ареста пирата мисс Свон осталась на моем попечении и на свободе.

Эта просьба не вязалась с той расчетливостью, что так старательно изображал Джеймс, но губернатор удачно нашел ей вполне простое объяснение:

- Понимаю, - усмехнулся Бекетт, поняв под словом «попечение» нечто иное, - Что же, я не думаю, что после приговора суда и смерти её бедного отца, мисс Свон может рассчитывать на лучшие перспективы. Что ж... сама она нам не нужна, и если Джек Воробей вступит на эшафот, вы получите её...

Этот разговор состоялся почти за два дня до того, как эскадра Джеймса Норрингтона вышла навстречу «Черной Жемчужине», так неожиданно

появившейся в гавани Порт-Ройяла. Разговор с Норрингтоном натолкнул лорда-губернатора на размышления о совершенно новых выгодах, а потому он остался в городе, несмотря на грядущее нападение. Он намеревался сделать все «для спасения города»! Вступить в «переговоры» с пиратами, «заставить» их уйти, после выплаты «выкупа», и даже освободить или арестовать (этого он еще не решил) дочку бывшего губернатора. Так что, прибытию «Летучего Голландца» лорд Бекетт был даже рад. Потому, заслышав канонаду орудий и звуки начавшегося в форте боя, Катлер оставался спокоен. Сейчас мир вертелся в ту сторону, в которую ему было нужно.

***

Элизабет в образе солдата и Джек Воробей шли к губернаторской резиденции. Мисс Свон отлично знала дорогу к своему, теперь уже бывшему дому, и направляла капитана Воробья, своевременными окриками: «Эй ты, сворачивай!» Их затея не могла не показаться безумной, но, становясь с каждым шагом ближе к резиденции, Элизабет ощущала себя все храбрее. Как ни странно, словно забыв о своем состоянии, сейчас она думала вовсе не о своем спасении и не о Сердце Дейви Джонса. Элизабет все больше беспокоилась об отце. Она не виделась с ним почти два года. Но лорд Бекетт наверняка должен был знать, что случилось с прежним губернатором. Шагая по пыльной улице и с трудом удерживая тяжелый мушкет, Элизабет решила, что обязательно расспросит лорда обо всем, что стало с её отцом, и если потребуется, то и с пристрастием.

В верхнем городе взрывы грохотали еще не так оглушительно. Дворяне, живущие в этом квартале, торопились покинуть осажденный Порт-Ройял еще до появления пиратов на его улицах. Прислуга вытаскивала пожитки, запихивая чемоданы в экипажи под крики встревоженных хозяев. Мужчины, разодетые в шелка, суетились и нелепо размахивали руками, позабыв видимо, что у каждого из них на поясе висит шпага. Дамы поминутно вскрикивали высокими голосами, заламывали руки и теряли сознание на руках у горничных. Джек с грабительским интересом наблюдал за всем, что происходило за коваными оградами колониальных особняков. Прежде ему никогда не доводилось прогуливаться по улицам Порт-Ройяла. Элизабет же с какой-то обреченной тоской взидала на людей, которые никогда не узнали бы дочь губернатора Свона в расхристанном мальчишке-солдате.

Наконец показался её бывший дом. Внешне он почти не изменился. Все те же черные решетки ограды, зелень сада за ними и белораморное крыльцо в конце гравиевой дорожки. От прежних времен его отличало только одно – губернатор Свон не имел привычки держать перед дверями столько охраны. Сейчас же двое солдат стояли у ограды, еще двое за ней, и у дверей дома – четверо. Оставшиеся вояки, расположились вдоль дорожки прямо на земле. Само собой, как только капитан Воробей и его «конвойный» приблизились к воротам дома, их тут же остановили.

- Ты кто таков, парень? – спросил грузный солдат, стоящий на часах у ограды, с интересом рассматривая Элизабет и её «пленного».

- Я из форта! – рапортовала девушка «мужским» голосом, придумывая на ходу легенду, - Там идет бой, сэр! Один из пиратов перешел на нашу сторону, и адмирал Норрингтон приказал немедленно доставить его к губернатору Бекетту.

Улыбнувшись охраннику, Джек добродушно кивнул, подтверждая, что перебежчик это он и есть. Заметив, что к воротам кто-то подошел, солдаты, находящиеся за оградой, обратили взгляды к пришедшим. Джек стоял рядом с Элизабет, изображая всем видом само смирение, а часовой рассматривал пирата и странного солдата с явным недоверием.

- Черт, – прошептал один из красномундирников, находящихся за воротами, - Это же капитан Воробей!

Во все глаза он рассматривал Джека.

- Тихо, – шикнул на него приятель с глуповатым выражением лица, стоящий с противоположной стороны ворот, - Не носи чушь! Воробей давно помер.

Тот, что за воротами хотел что-то возразить, но разговаривавший с Элизабет солдат прекратил их пререкания:

- Замолкните!

Элизабет тем временем уже понимала, что цепкий взгляд часового, несомненно, отметил, что камзол на ней не по росту, рубашка слишком грязная, а шляпа надвинута на глаза. Девушка, вытянувшись в струнку, пытаясь больше походить на вышколенного солдата, и надеясь, что часовой не заметит саблю без ножен. Часовой перевел взгляд на Джека:

- Значит, ты Воробей? – спросил он с умным видом.

- Капитан Воробей, – поправил пират, подтвердив тем самым свою личность как нельзя лучше. Судя по всему, это наконец-то подействовало. Не сказав больше ни слова, часовой открыл ворота и пустил Джека и мисс Свон внутрь. Они остались ожидать перед крыльцом, пока впусивший их гвардеец отправился докладывать об их прибытии. Ждать пришлось минут пять, но время тянулось просто мучительно медленно. Элизабет рассматривала солдат, окружавших их со всех сторон, и уже прикидывала, как сбежать от дюжины вооруженных военных, когда часовой появился снова. Он сообщил, что лорд Бекетт ждет их.

Оставляя тинистые следы на блестящем паркете, сообщники прошли в приемную губернатора. Между тем, часовой растворил дверь в кабинет и жестом разрешил им войти. Пропустив Джека вперед, Элизабет последовала за ним, а гвардеец замкнул их шествие.

Катлер Бекетт стоял у окна, рассматривая вид за ним. Он держался как всегда прямо и уверенно, словно не придавая никакого значения тому, что происходило вокруг.

- Вы можете идти, – сказал Бекетт, обернувшись. Часовой, стоящий за спиной Элизабет, покинул губернаторский кабинет и закрыл дверь, а сам хозяин дома взглянул на вошедших. Лицо его осветилось необыкновенным радушием:

- Ба! Капитан Воробей! – поприветствовал он, – Какими судьбами, каким ветрами в нашу гавань?

Джек, еще не ответил, а Элизабет уже скользнула взглядом по стенам, пытаясь вспомнить, где у отца был тайник. Неожиданно лорд Бекетт обратился и к ней:

- Мисс Свон! И вы здесь? Как славно. Признаться, мисс Элизабет, мы приложили немало усилий, чтобы разыскать вас, и вдруг такой приятный сюрприз.

Стоя у стола, губернатор, раскрыв свою шкатулку-ящик, посматривая на них, как на глупеньких детей, чей розыгрыш он удачно раскусил. Скрываться больше не было смысла.

- Мы тоже рады вас видеть, губернатор, – поддержал его издевательский светский тон Джек, прикидывая, как много солдат уже стоит за дверьми, – Мы собственно не надолго. Мне и мисс Свон нужно лишь то, что вы украли у Дейви Джонса. Отдайте Сердце, и мы не останемся даже на чай.

Элизабет между тем неожиданно вскинула мушкет, явно намереваясь применить его по назначению. Джек удивленно покосился на неё.

- И еще, я хочу знать, что вы сделали с моим отцом? – процедила мисс Свон сквозь зубы.

Джек потянулся за своим пистолетом, но Бекетт оказался быстрее. Холодно улыбнувшись, он выхватил заготовленное в шкатулке оружие и направил дуло в лицо пирата.

- Не делайте глупостей, мисс Элизабет! А то капитан Воробей не доживет до своей следующей казни. Я угрожаю именно Джеку, ведь вы, насколько мне известно, умерли? Положите мушкет на стол. Медленно. Без фокусов. А то он еще ненароком выстрелит. Дама с ружьем выглядит не изящно, поверьте.

Кратко обернувшись на Джека, который безрадостно смотрел в дуло пистолета, Элизабет опустила мушкет и положила его на губернаторский стол.

- Это было смело с вашей стороны, я оценил, – заявил между тем губернатор, – Смело, но бездарно, как и все, за что берется этот проходимец.

Тем более прискорбно, что ваш отец, мисс Свон, очень переживал за вас. Впрочем, ваша судьба мистера Свона больше не волнует, поскольку он мертв. Я сочувствую вам, мисс Элизабет, но не скажу, что мне жаль.

Это был звездный час. Бекетт упивался, с удовольствием наблюдая, как самоуверенная девчонка изменилась в лице. Его слова ударили как нож. Бескровные губы Элизабет задрожали, и глаза распахнулись от изумления, возмущения и боли, которые сменяли сейчас в её душе друг друга. Однако прошел миг и взгляд мисс Свон полыхнул настоящей яростью, а руки сами собой сжались в кулаки. Впрочем, губернатор не придавал этому значения. Джек замер на месте как вкопанный, словно вообще ничего не собираясь делать для их спасения.

- Мне искренне жаль, что вы предпочли такую жизнь... вернее такую смерть, - усмехнувшись, подытожил губернатор, - Охрана!

Где-то за спиной с силой грохнула дверь, и топот сапог возвестил, что ворвавшиеся солдаты давно поджидали этого окрика.

- Арестовать их, - спокойно скомандовал Бекетт, все еще держа пленников на мушке. Забыв обо всем, Элизабет бросилась к мушкету.

- Мерзавец! - зло выкрикнула мисс Свон и, размахнувшись громоздким оружием, словно дубиной. Она швырнула мушкет в сторону лорда. Сумев как-то предугадать её намерение, Джек успел пригнуться. Губернатор тоже инстинктивно отшатнулся прочь, но мушкет всё же задел его по вытянутой руке, сжимавшей пистолет. Раздался выстрел.

Следующие события произошли очень быстро. Пуля угодила в гардину, удерживающую тяжелые портьеры над дверью. Тут же отскочив от стены, тяжелая дверная занавесь рухнула на головы показавшихся в дверях солдат. Громко бранясь, конвой осел бесформенной массой под накрывшей их портьерой. Они безуспешно пытались выпутаться, окончательно потеряв тактическое превосходство. Гардина, застряла в дверях и мешала остальным помочь товарищами или прорваться в комнату. Шевыряясь под ворохом ткани, солдаты все больше запутывались в складках занавеси, но те, немногие, кто не попали под гардину, уже вбежали в комнату, с маху налетев на губернаторский стол. Спасаясь от их штыков, капитан Воробей и Элизабет броситься в разные стороны, оказавшись в противоположных концах комнаты. Бекетт, лишенный возможности отступить с поля боя, прижался к стене за столом, швырнув прочь теперь уже бесполезный пистолет.

- Не стрелять! - кричал он оставшимся гвардейцам, - Схватить живыми!

- Хорошее решение, Катлер! Осторожней, джентльмены! - крикнул Джек, увернувшись от штыков солдат и со звоном роняя на нападающих шкаф. Ловко швырнув стул, он отделался от еще одного из гвардейцев. Элизабет же отбивалась от оставшегося красномундирника, размахивая саблей пирата. Рубанув ей пару раз, мисс Свон с ужасом поняла, что Джек полностью безоружен. В её голове уже мелькнула паническая мысль о выпутывающихся из портьер солдатах, как нечто громоздкое выскочило из-за спины её противника. Второй стул с гнутыми ножками саданул его по голове, и красномундирник рухнул на пол, едва не свалив за собой и Элизабет. Успев увернуться, девушка тут же сориентировалась.

- Джек, держи! - крикнула она воодушевленно. Сабля взметнулась в воздухе, блеснув лезвием в свете не зашторенных окон. Через секунду она звонко ударилась о стену рядом с головой капитана, когда тот едва успел шарахнуться прочь.

- Уилл научил? - язвительно поинтересовался Джек, завладев клинком и не забывая одарить сообщницу порицающим взглядом. Девушка не ответила, лишь сердито глянув в сторону пирата.

- То-то и заметно, - пробормотал Джек, бросаясь к Беккету.

Между тем, мисс Свон уже стояла рядом с Катлером и вцепилась в ворот губернаторского камзола. Выхватив из-за пояса пистолет Джека, она тут же взвела курок и приставила дуло к виску дрожащего от злости Бекетта. Через миг, Джек перехватил неприятеля за шиворот, приложил к горлу лорда лезвие

своей сабли и закрылся им как щитом. Элизабет встала рядом, перенаправив свой пистолет в сторону трепыхавшихся среди портьер гвардейцев.

- Извиняюсь за неудобство, - язвительно прошипел Джек на ухо Катлеру и громко обратился в сторону солдат:

- Губернатору нужно побеседовать с нами с глазу на глаз! Убирайтесь, иначе мисс Свон будет стрелять! Губернатор?

Капитан Воробей встряхнул Катлера Бекетта за шиворот и тот, злобно подтвердил:

- Выполняйте, идиоты...

Не заставляя просить себя дважды, солдаты вывалились в коридор, увлекая за собой портьеру и гардину, и как только дверь за ними захлопнулась, Джек взглянул на взъерошенную Элизабет и скомандовал:

- Бери компас!

Мисс Свон поняла его с полуслова. Почти сдернув с пояса пирата компас, девушка торопливо откинула его потертую крышку. Картушка больше не вращалась бесцельно. Сделав полукруг, стрелка почти сразу ткнулась в сторону одной из картин на стене. Все остальное было просто. Подтащив Бекетта к картине, Джек «убедил» его открыть тайник. Из сада тем временем послышался голос Мерсера и топот охраны, спешащей на помощь губернатору.

В тайнике обнаружился сундучок, обитый красным сафьяном и заваленный бумагами. Не долго думая, Элизабет сунула компас за пазуху и торопливо выдернула добычу из тайника, вместе с несколькими пожелтевшими бумажками.

- Оно? – строго спросил капитан Воробей у Бекетта, кивнув в сторону сундучка. Губернатор, высокомерно промолчал, но его ответ было уже не важен.

- Оно... - подтвердила Элизабет. Даже сквозь деревянные стенки, она почувствовала вибрацию от глухих ударов живого сердца, запертого внутри.

- Что вы ждете?! Вперед! – раздалось между тем из-за двери.

- Вам не уйти, - холодно произнес губернатор, пока его тащили к дверям террасы, - Весь дом заполнен гвардейцами, вас убьют на месте...

- Нашли чем напугать, сэр! – нервно усмехнулась Элизабет. Через мгновение, лорд Бекетт выпал с террасы в сад, примяв розовую клумбу, обезопасившую ему приземление. Но не успел он подняться на ноги, как следом за ним в розы плюхнулись Джек и Элизабет.

- Ведь вы проводите нас, губернатор? – поинтересовался Джек, поднимаясь на ноги и вновь хватая Катлера за шиворот. Взбешенный лорд ничего ему не ответил, но капитану Воробью это и не требовалось. Сердце Джонса билось в красном сундучке, который сжимала в руках Элизабет, а вдогонку беглецам уже свистели пули.

Глава 22. Возвращение Барбоссы

Спеша на помощь губернатору, солдаты оставили ворота без охраны. Благодаря этому Джек и Элизабет беспрепятственно выбежали на улицу, прихватив с собой и Бекетта. В городе уже царил хаос. Пиратов Дейви Джонса оказалось достаточно не только для участия в морском сражении, но и для того, чтобы нагрянуть в город. Утопленники десятками отслаивались от стен домов и изгородей, выныривали из фонтанов, хватая попавшихся под руку жителей и сея вокруг панику и ужас. Гарнизон города выбивался из сил, не имея возможности сдержать это бесконтрольное наступление. Ситуация ухудшалась и тем, что пираты Гарри Тиггса, воспользовавшись боем в форте и растерянностью военных, тоже высадились под стенами города и вскоре заполонили его улицы. Живые разбойники занимались мародерством, и наносили, пожалуй, еще больший ущерб, чем утопленники.

Горожане, солдаты, дети и женщины бежали по улицам в разных направлениях. Не успевшие выехать из города дворяне бросали кареты и повозки с имуществом и спасались бегством, а пираты Тиггса потрошили их скарб, попутно сражаясь с солдатами и рыбаками Джонса. Все оглашали женский визг, топот, крики и грохот выстрелов.

Стараясь уцелеть среди свистящих пуль и дерущихся головорезов, Джек и Элизабет пробирались в порт, надеясь что их лодчонка еще не разбита каким-нибудь шальным ядром. Катлер Бекетт следовал за ними весьма не охотно, всевозможно осложняя похитителям путь к отступлению. Постоянно спотыкаясь и едва передвигая ноги, лорд Бекетт заставил тащить себя едва ли не волоком, и лишь дуло пистолета, прижатое к его ребрам рукой Элизабет, заставляло губернатора все же шагать вперед. Короткими перебежками, прячась в подворотнях, и избегая встреч, как с рыбаками, так и с пиратами, Элизабет и Джек почти достигли цели. Капитан Воробей уже почувствовал дуновение морского бриза, когда откуда-то сбоку раздался крик:

- Вон он!

Джек обернулся. Человек в красном военном мундире и съехавшем набекрень парике остановился в начале примыкающего переулка и указывал на беглецов пальцем. Через мгновение у него за спиной возникло около десятка солдат, которые видимо впопыхах пробежали мимо цели и вернулись, услышав возглас товарища.

- Он! – подтвердил кто-то из красномундирников.

- С ним только мозгляк⁹⁵ и девка! – отозвался другой, и все они бросились по проулку к пирату и Элизабет.

- Неужели, это за вами? – иронично удивился Джек, резко дернув за воротник упирающегося Катлера.

- Я же говорил, что вам не уйти, – спокойно отвечал губернатор, упорно не желая прибавить хода, хотя Элизабет и пихала его в бок, навалившись едва ли не всей массой тела. Сообщники стремились нырнуть в подворотню и занять более выгодную для боя позицию, но благодаря упорству губернатора солдаты вполне могли настигнуть их раньше. Элизабет в отчаянии обернулась. Красномундирники уже бежали по улице, выхватив сабли и держа мушкеты наготове.

- Джек! – крикнула запыхавшаяся мисс Свон, - Джек, это же не солдаты!

Понимая, что к подворотне им все равно уже не успеть, капитан Воробей замедлил ход и развернулся на месте, не забыв прикрыться Бекеттом. Элизабет оказалась права, под распахнутыми мундирами у некоторых солдат виднелись цветастые пиратские кушаки, да и общий расхристанный вид никак не соответствовал тому, как выглядели вышколенные вояки Джеймса Норрингтона. И хотя пираты точно относились к тем, кто под руководством Джека участвовали в захвате эскадры Порт-Ройяла, намерения сейчас у них были совсем не дружелюбные.

Теперь лорд Бекетт только мешал. Встречая первый удар, Джек швырнул губернатора навстречу уже приблизившимся нападавшим, сбив тем самым нескольких противников с ног, и выхватил саблю. Элизабет выстрелила в одного из пиратов из пистолета и продолжила бой, отбиваясь захваченной у противника саблей. Зажатый под рукой сундучок сковывал движения, но Элизабет не боялась получить ранение и вцепилась в свою ношу, словно в ней заключалась её душа. Катлер Бекетт тем временем, каким-то чудом не налетев на штыки мушкетов, сбил с ног нескольких человек и, перекатившись в пыли пару метров, отполз в сторону, подальше от дерущихся. Похоже, что переодетый солдатами сброд интересовала совсем не его персона и, воспользовавшись занятостью своих похитителей, Катлер бросился бежать.

Преследуя какие-то непонятные цели, пираты окружили Джека и Элизабет плотным кольцом, и направили в их сторону десяток мушкетов. Изумленные мисс Свон и капитан Воробей двигались спина к спине по кругу, выставив сабли вперед. Тихо клацая, их клинки задевали за штыки, но пираты совершенно не собирались сражаться. Шансов вырваться из оцепления у пленников не было.

- Переговоры? – с надеждой спросил капитан Воробей, выглянув из-за направленных ему в лицо мушкетов.

---

⁹⁵ Мозгляк - ничтожный в физическом или умственном отношении, ни к чему не пригодный, ни на что не способный человек.

- Совершенно верно, - подтвердил один из переодетых головорезов, - Но сначала бросьте оружие.

***

Под порывом ветра прошитый в нескольких местах пулями и оборванный британский флаг взметнулся на флагштоке дозорной башни форта. Лишь несколько наискосок падающих лучей пробивали слишком плотную мглу туч, нависших над сизыми волнами. Трудно было поверить, но уже наступил полдень. Облака хороводили в небе под порывами ветра, предвещая шторм. Влажный воздух словно сгустился, и клоки почти рассеявшегося тумана мешались с едким пороховым дымом, который поднимался над некогда опрятной гаванью Порт-Ройяла. Стремясь к хмурым облакам, дым застилал горизонт, но даже сквозь него можно было рассмотреть силуэты множества кораблей, крушащих друг друга у выхода в открытое море. Огромные и мертвые посудины высились, распустив треплющиеся на ветру обрывки парусов, покрытых тиной. Их тухлые борта разлетались в щепки под залпами противников, но мертвые-корабли оставались на плаву несмотря ни на что, а заржавевшие от воды пушки отзывались огнем не хуже, тех, что стояли в форте. Под грохот канонады то и дело вспыхивали огненные пятна, приглушенные дымом, и трудно было разобрать, где сражаются свои, а где чужие.

Более земные на вид посудины, над каждой из которых реял портрет Веселого Роджера, шли в бой как в последний раз. Разношерстные и неказистые, слишком потрепанные в сражениях, и слишком редко ремонтируемые, тем не менее, именно их пушки, сдерживали натиск мертвецов. Пиратская эскадра вступила в бой как раз вовремя, чтобы оборотить на себя часть внимания утопленников. Те, кто сражался на захваченных линкорах, получили шанс уцелеть.

Пираты прорывались в гавань Порт-Ройяла. Только Бог мог знать, какими стараниями Гарри Тиггс удержал своих людей от решения повернуть обратно, когда им стало понятно, с кем именно предстоит бой. Пообещав про себя, что Джек заплатит за обман, капитан Тиггс стоял на мостике своего корабля, наблюдая в подзорную трубу, как всё береговое братство бьется против морских нежитей с яростью, на какую способны лишь разбойники, сражающиеся за разгульную жизнь и немыслимое сокровище. В ход шло всё: абордажные сабли, пистолеты, мушкеты, ножи и кулаки, топоры и даже части такелажа. Объединив усилия нескольких команд, некоторые капитаны пытались даже взять на абордаж один из кораблей эскадры морского дьявола.

Между тем, сам Дейви Джонс стоял на мостике «Летучего Голландца», так же следя за битвой в подзорную трубу. Флагман проклятых пиратов находился в самой гуще сражения, скалясь форштевнем, словно огромное и многозубое морское чудовище. Чисто символическое сопротивление, которое пообещал Джеймс Норрингтон, оказалось далеко от действительно символического. Впрочем, настоящее сражение лишь радовало Джонса. А факт, что на помощь королевской эскадре явились пираты, забавлял его как ничто прежде. Однако причины этого странного обстоятельства совсем не интересовали капитана «Летучего Голландца». Его Эскадра Мертвых объединяла самых опасных головорезов всех стран и морей, и она могла уничтожить тысячи кораблей. Пираты-утопленники, истосковавшиеся в Чертовой Прорве, крушили по приказу Джонса своих живых собратьев, даже не задумываясь, что те когда-то могли сражаться бок о бок с ними.

Перед морским дьяволом раскрывалась прекрасная картина бессилия человеческих созданий против его могущества. Стены форта разрушились под ударами залпов. Защитники форта еще отзывались ответным огнем и выстрелами, но, судя по тому, что залпы становились все реже, а над городом уже поднимался черный дым пожара – это были последние усилия. Корабли неприятеля, запертые в гавани, так же не могли оказать хоть какое-то весомое сопротивление силе Эскадры Мертвых. Несколько торговцев, так не вовремя зашедших в порт, оказались на дне при первых же выстрелах пушек. Их остовы догорали у причала, а волны носили обломки по всей гавани. Военный линкор,

расстрелянный на рейде, шел ко дну, чуть поодаль. Пламя ползло по его накрененной палубе и такелажу, пожирая лоскуты рваных парусов. Сломленная бизань дрейфовала в волнах, зацепившись за мачту другого корабля, торчащую из-под воды.

Согласно приказу, «Старушка Бетти», именуемая также «Королевой Елизаветой», была затоплена еще на рейде. Её команда была отпущена на берег, а те, кто оставались на вахте без приказа офицеров только и успели, что открыть пушечные порты. Теперь о «Королеве Елизавете» напоминали лишь стены мачт, поднимавшиеся над волнами. Израненный молодой матрос – один из немногих, что уцелели в сражении с монстрами после абордажа – вынырнул под боком поверженного корабля и попытался удержаться на плаву, схватившись за обломки упавшей мачты. Юноша слышал, как кричат его товарищи, что были слишком далеко. Течение уносило убитых, а те, что были еще живы, взывали о помощи не в силах спастись самостоятельно. Можно было попытаться помочь, но юноша не желал сделать это. Отчаянно цеплялся за скользкое дерево мачты, он чувствовал, что его собственная смерть может вернуться в любой момент. Надежда на спасение была сильнее всех переживаний, но и она оказалась лишь иллюзией, когда грянул взрыв на корабле, что на всех парусах прошел слишком близко к «Старушке Бетти».

Взрыв опалил воздух, вырвав значительную часть из борта и взметнув в воздух обломки деревянной обшивки и воду. Почти налетев на останки «Королевы Елизаветы», оставшаяся без управления «Либертина», полным ходом шла на скалы, кренясь на бок. Пираты, что составили её команду, не долго сражались с утопленниками Джонса. Бросив корабль, они направились в порт на шлюпках, а через некоторое время за ними последовала команда «Эндевор», который зацепился за скалы, находясь на самой линии огня. Таким образом, «Черная Жемчужина» и «Картахена» остались последними боеспособными кораблями в гавани, оказывающими сопротивление Эскадре Мертвых.

***

Поочередно ударяясь в дверное полотно плечами, капитаны бывшей эскадры Порт-Ройяла во главе с адмиралом Норрингтоном уже несколько минут пытались вырваться из кают-компаний «Картахены». Однако дубовая дверь была сделана на совесть. Она стоически держала осаду, не поддаваясь усилиям семерых крепких мужчин, но, наконец, её сопротивление было сломлено и под треск ломающихся досок, запертые в кают-компаниях офицеры вырвались на свободу.

- Джентльмены! – обратился Джеймс Норрингтон к запыхавшимся сослуживцам, - Наш долг защищать честь британского флота... и корабль!..

Сверху раздался глухой удар, и чье-то тело заслонило свет, проникавший в решетку палубного люка. Крики сражающихся, топот ног, перекрывались лязгом железа. Судя по всему, неприятели, кем бы они ни были, стремились проникнуть на нижние палубы корабля, но столкнулись с достойным сопротивлением.

- Мы сразимся против тех, кто нападет на нас, - приказал Джеймс, пытаясь выровнять дыхание, - И на стороне тех, кто пожелает нам помочь...

Поддержав его согласным: «Есть сэр!», офицеры бросились следом за своим адмиралом по верхнему деку, намереваясь вступить в бой, несмотря на то, что они не представляли, кто может ждать их впереди.

Появление этого неожиданного подкрепления никто не заметил. Пираты и утопленники Джонса рубились между собой, заполонив не только опердек⁹⁶, но и марсовые площадки. Противники балансировали даже на реях и цеплялись за ванты. Тела людей и слизистые останки утопленников сплошь покрывали палубу, потемневшую от пролитой крови. Подобрав у первого попавшегося убитого пирата саблю, Джеймс вступил в бой, отражая нападение какого-то седовласого оборванца, но уже по прошествии нескольких секунд они дрались бок о бок против нежитей Дейви Джонса, так словно были лучшими друзьями.

---

⁹⁶ Опердек - верхняя палуба корабля.

Едва различая мелькающие неподалеку синие мундиры своих офицеров, Джеймс догадывался, что Питер Уотер и остальные тоже сражаются с утопленниками, поддерживаемые со всех сторон пиратской командой, которая не так давно взяла их в плен.

- А ну рубись веселей, салаги!.. – громогласно ободрил кто-то с высоты капитанского мостика, - За такое и умереть не жалко!

Колоритный пират, что прежде изображал рулевого, волчком вертелся среди трех утопленников, сражаясь, словно дьявол, и оглашая всё грозным криком:

- Гвозди их кишки к палубе!.. Спроваживай за борт!.. – задорно наставлял он команду в пылу яростного азарта, тут же осуществляя все это на практике.

- Не пускать мерзавцев на пушечную палубу! Слышите, жалкие сухопутные крысы?!

Как ни удивительно, но ожесточенное сопротивление возымело действие. От утопленников избавлялись всеми возможными способами, и вскоре тех заметно поубавилось. Между тем, Джеймс Норрингтон заметил, что сам линкор медленно, но верно продвигается к выходу из гавани – напрямик на встречу эскадре Джонса.

- Правая батарея, огонь!! – приказал тем временем новоявленный капитан «Картахены». Его слова повторило эхо множества голосов, и правый борт линкора взревел десятком залпов. Словно на прощание, «Картахена» почти в щепки разнесла старую китайскую джонку. Она преграждала выход из гавани небезызвестному фрегату с черными парусами, и капитан пиратов с «Картахены» видимо пожелал оказать помощь людям Джека Воробья.

На ходу, обернувшись в сторону города, Барбосса скользнул взглядом по набиравшей ходу «Черной Жемчужине». Злорадно усмехнувшись, он рванулся в сражение еще яростнее и, срубая голову очередного рыболюда, поворчал:

- Теперь дело за вами, мистер Тернер...

***

Уилл стоял на шканцах «Черной Жемчужины», напряженно следя за окружившими его противниками. Ощущая малейшее их перемещение почти кожей, Тернер сохранял хладнокровие и старался не упускать из виду ни одного движения врагов, приготовившись отражать атаку. Сжимая в руках абордажную саблю и шпагу, которую когда-то выковал, Уилл ожидал нападения в любой момент, и четверо утопленников кружили вокруг него словно псы, опасаящиеся бросится на затравленного волка. Кривя истлевшие рты в самодовольных улыбках, они угрожающе поигрывали ржавыми мечами, а их капитан, бывший прежде грозой всего Южно-Китайского моря и Малаккского пролива надменно вскинул голову, прищулив узкие глаза. Смертельный ожог, изуродовавший его лицо, выглядел ужасающе, но, судя по всему, Фенгу нравилось производимое им впечатление.

Сяо Фенг очень приятно удивился, встретив на «Черной Жемчужине» второго своего злейшего врага. Месть за собственную смерть стала для Фенга второй желанной целью, после мести Ши Суэй, и потому сейчас, пока команда, погибшая на «Шень», обыскивала «Черную Жемчужину» в поисках капитана, Сяо Фенг приказал четверем своим лучшим войнам «оказать почтение» Уиллу Тернеру.

- Нет ничего прекраснее для мужчины, чем достойная смерть, - философски изрек капитан Фенг, снисходительно наблюдая за Уиллом.

- Верно, - усмехнулся вдруг Тернер, - Но судя по храбрости этих шавок, до мужчин им далеко...

Казалось бы, нисколько не прогневавшись, Фенг осклабился в подобии улыбки. Сегодня он готов был простить дерзкому мальчишке непочтительность. В виду его скорой гибели, конечно же.

- Ты сомневаешься в моих людях? – наигранно удивился Сяо, - Что ж, теперь доказать обратное – их долг.

Не желая больше ждать, Фенг отдал приказ, и утопленники тут же бросились на Уилла, но он уже угадал нужный для себя маневр. Резко

пригнувшись к палубе, Тернер увернулся от китайских мечей, услышав их лязг у себя над головой, а еще через мгновение он рубанул по ногам одного из утопленников. Пират рухнул на палубу, открывая Уиллу возможность вырваться из окружения. Закаленная сталь шпаги и щербатый клинок старой сабли просвистели в воздухе, встретившись с вновь разящими мечами утопленников. Выпрямившись в полный рост, и сведя за спиной оба клинка крест на крест, Тернер парировал нападение четвертого из китайцев, и тут же развернулся лицом к противникам. Переступив через поверженного пирата, молодой человек отвечал его сотоварищам на каждый удар с бешеной яростью. Трудно было поверить в то, что такая сила заключалась в столь хладнокровном на вид человеке. Стремясь не допустить противников за спину, Уилл отступал к трапу на капитанский мостик, где между тем тоже шло сражение. Впрочем, как и на всем корабле.

Многочисленному экипажу «Картахены» было не легко, но десятку храбрецов с «Черной Жемчужины» приходилось сейчас в десятки раз труднее. Почти вся команда фрегата была еще жива, но спасало их только то, что люди Сяо Фенга оказались заняты обыском корабля и почти игнорировали его защитников. Кроме того, китайцам Фенга неожиданно пришлось обороняться от других пиратов Джонса, которые чуть позже пожаловали на «Черную Жемчужину». Заметив на её палубе китайских собратьев, утопленники неожиданно кинулись на них с обнаженными мечами. Как это ни парадоксально, но обещание Дейви Джонса вознаградить того, кто убьет Джека, в данный момент практически спасало жизни его команды.

Задаваясь вопросом, зачем он во все это ввязался, мистер Гиббс рубился на шкафуте, наводя ужас боевым воплем даже на мертвецов. Коттон сражался за штурвал, как всегда верный своему делу, а его попугай носился над дерущимися. Чудом избегая пуль, он выкрикивал проклятия вперемешку с призывами к абордажу, в то время как никем не замечаемый Марти, вытащил с нижней палубы мортиру⁹⁷, собираясь применить её по назначению. Прихлоп вопреки субординации сражался против пиратов Джонса, и сдерживал нападавших лучше, чем кто-либо, ведь ему все было нипочем. Быстро смекнув в этом очевидную выгоду, Пинтел и Рагетти переместились поближе к Билу Тернеру и оказывали посильную помощь в сражении, по большей мере прячась у него за спиной.

Чунмин оказалась в бою впервые в жизни. С высоты марсовой площадки девушка видела почти все происходящее – утопленники заволокли корабль, нападали на её друзей, и карабкались уже по вантам грот-мачты, подбираясь, все ближе и к самой Чунмин.

Наблюдая за приближающимися монстрами, девушка испуганно прижимала саблю к груди и вспоминала слова Уилла: «Не думай об оружии, не бойся его, и тогда клинок будет тебя слушаться и защищать. Он словно станет продолжением твоей руки». Бояться было просто некогда и через мгновение, сжав саблю покрепче, Чунмин уже сшибала головы и слизистые лапы, что тянулись к ней. Забыв про все страхи, она сталкивала на палубу тех, кто пытались её схватить. Конечно, ей было далеко до мастера фехтования, но если бы Уилл Тернер взглянул сейчас на тех утопленников, что уже попытались достать девчонку из её укрытия, он смог бы гордиться своей ученицей.

Впрочем, оставаться на марсе становилось все труднее. Почувствовав своеобразный азарт, пираты вновь и вновь карабкались к его лазу. Нападения приходилось отражать уже с нескольких сторон. Это являлось слишком трудной задачей и, в мгновение ока, хорошее укрытие превратилось в ловушку.

Между тем, один из утопленников все же смог забраться в люк и его рост и вес внушили опасения за сохранность всего марса. Ни полученные шрамы, ни отрубленное ухо несколько не беспокоили этого здоровяка. Не зная, что делать, Чунмин балансировала теперь на самом краю площадки, а огромный пират занял почти все свободное пространство и старался не упасть,

---

⁹⁷ Мортира – короткое артиллерийское орудие для навесной стрельбы, для разрушения горизонтальных целей, бомбардировки городов и крепостей и поражения войск за закрытием.

вцепившись в мачту одной рукой и одновременно размахивая кривым мечом перед носом противницы.

Делать было нечего, и, стыдясь, Чунмин прибегла к средству, которое напрашивалось само собой:

- Помогите! – крикнула она как можно громче, - Кто-нибудь!

Её никто не слышал. Команда «Черной Жемчужины» рассеялась в толпе мертвяков, и у каждого из них было более насущное дело, чем спасение беспомощной девицы. Уилл сражался на капитанском мостике сразу с тремя пиратами и даже не оглянулся в её сторону. Чунмин поняла, что придется выкручиваться самостоятельно, и решила на отчаянный шаг. Простившись на всякий случай с жизнью, она увернулась от меча своего противника и, соскользнув с марсовой площадки на ванты, ухватилась рукой за штаг, шедший к бизани. Действуя почти инстинктивно, Чунмин мгновенно обвила канат вокруг запястья, и, вцепившись в него изо всей силы, рубанула по спасительному штагу саблей, а затем прыгнула вниз.

Не сдерживая визга, Чунмин пролетела над шканцами, едва заметив злобные физиономии пиратов, упустивших добычу. Под тяжестью тела веревка больно впилась в руку. Ветер ударил в лицо, растрепав ей волосы. Было высоко, кроме того, сабли, люди и нежити, мелькавшие внизу, исключая удачное приземление, но вдруг штаг перехлестнулся о бегин-рей⁹⁸, направив беглянку прямоком туда, куда ей было нужно. Чунмин вполне удачно приземлилась на капитанский мостик, сбив с ног какого-то пирата.

С ужасом, взглянув в оскалившуюся от гнева морду утопленника, Чунмин узнала в нем одного из людей Сяо Фенга и тут же вскочила на ноги. Тем временем, Уилл Тернер легко справился с одним из оставшихся противников, сбросив его за борт, и теперь сражался только с одним неприятелем, пока поверженный Чунмин пират бросился на свалившуюся «с неба» девчонку.

Она замерла у борта, глядя на утопленника с выражением неподдельного ужаса. Легкая добыча. Совершив широкий и эффектный мах саблей, пират бросился на противницу с угрожающим воплем, готовый разрубить её надвое. Но коварная девица, неожиданно быстро вышла из «замешательства». Чунмин просто отскочила в сторону, и не успевший вовремя остановиться утопленник на ходу перемахнул через борт и исчез в морской пучине. Не веря, что у неё получилось, Чунмин обернулась и увидела, как скрылось в волнах его тело. В этот момент, кто-то грубо схватил её за воротник и заставил развернуться к себе лицом.

- Я должен был убить тебя еще тогда, мерзавка, - прошипел Сяо Фенг, приложив к горлу бывшей рабыни свой меч. Судя по всему, это были последние слова, что он собирался ей сказать.

Чунмин успела только моргнуть. Затем, перед её лицом пронеслось что-то блестящее, заставив инстинктивно отшатнуться. Фенг ослабил хватку и в следующий момент, его обезглавленное тело рухнуло на палубу.

- Она моя, - спокойно заявил запыхавшийся Уилл, стоя над поверженным врагом. Бросив на оторопевшую девушку лишь краткий взгляд, Тернер уже направился к штурвалу и оттолкнул Коттона прочь. Он крутанул тяжелое штурвальное колесо, разворачивая корабль под ветер и, повинаясь ему, «Черная Жемчужина» пошла прямо на стоящую впереди «Шень» Сяо Фенга. Заметив, какой маневр выполняет корабль, мистер Гиббс не поверил собственным глазам. Пронзив утопленника, с которым сражался, боцман бросился на капитанский мостик, а тем временем «Картахена» взревела шквалом залпов, скрыв «Шень» в клубах дыма и подняв в воздух тучу щепок.

Через мгновение, под треск дерева джонка разломилась надвое. Такие повреждения не мог выдержать даже призрачный корабль. Черпая воду насквозь дырявым корпусом, «Шень» начала погружаться в глубину. Впрочем, острые обломки её остова еще торчали из воды. Для слишком быстро идущей «Жемчужины» они представляли опасность, но это было полбеды. Прямо за

---

⁹⁸ Бегин-рей – нижний рей бизань-мачты.

разбитой джонкой поджидала другая, еще большая проблема, которую Тернер, казалось бы, совсем не замечал.

- Барбосса... - проворчал с досадой Гиббс, вспомнив, кто именно заправлял теперь на «Картахене». Однако Уилл, словно забыв про это обстоятельство, уверенно направил «Черную Жемчужину» на обломки джонки. Очень скоро «Картахена» могла оказаться в опасной близости от черного фрегата. Линкор застыл у входа в гавань как хищник, ожидая, когда добыча подойдет к нему сама. Несомненно, Гектор Барбосса не спроста «расчистил» им путь.

- Прямо по курсу затопленная посудина! Уилл, ты с ума сошел! – частил возмущенный боцман, бросаясь к Тернеру, - Но даже, если мы не получим пробоину, мы слишком близко подойдем к «Картахене»! Что помешает Барбоссе взять нас на абордаж?!

- Ничего, - неожиданно согласился Уилл, и, обернувшись к Чунмин, многозначительно добавил - Но у нас же есть талисман...

Девушка вздрогнула и взглянула на Тернера. Больше всего её поразило то, с каким выражением он сказал это слово: «талисман».

- Даже если захват и произойдет, мистер Гиббс, - заявил Уилл, сохраняя пугающую серьезность, - он спасет наши жизни. Ведь у капитана Барбоссы гораздо больше людей, они нам помогут.

- Да, но только не бескорыстно! – взвился Гиббс, теряя самообладание. Вцепившись в штурвал одной рукой, он потянулся к своей сабле, - Пока я жив, я не предам Джека!

Но Тернер оказался быстрее и в мгновение ока приставил нож к горлу старика-боцмана. В тот же момент «Черная Жемчужина» со скрежетом налетела на остов «Шень», окончательно разбив её корпус пополам. Борта фрегата отзывались страшным скрипом, задевая об обломки, и на их темной обшивке, словно шрамы, появлялись светлые царапины. Испуганно вцепившись в планшир, Гиббс напряженно вслушивался в стон «Черной Жемчужины», отчаянно надеясь, что она окажется крепче, чем теперь выглядела. Услышав страшные звуки крушения, даже утопленники отвлеклись от боя. Похоже, это было единственным, что еще могло внушить им страх. Уилл казался Гиббсу совершенно безумным, однако, протаранив «Шень», «Черная Жемчужина» действительно уцелела. Теперь она полным ходом приближалась к «Картахене», и вскоре почти ударилась в её высокий борт.

Абордажные крюки взвились в воздух почти сразу. Пираты Барбоссы высыпали на палубу «пришвартовавшегося» к «Картахене» фрегата и теперь сбрасывая за борт, рубили и протыкали полуистлевшие тела утопленников с завидным рвением. Кружась в этом последнем сражении, они действительно помогали экипажу «Жемчужины», но только до тех пор, на её палубе не осталась только команда Джека Воробья. Сам Барбосса вступил на «Черную Жемчужину» по хозяйски оглядывая захваченный корабль. Следом за ним появилась и Тиа Далма.

- Как славно вернуть то, что принадлежит по праву! – провозгласил Барбосса, довольно рассмеявшись, и тут же громко обратился к Уиллу, все так же стоявшему у штурвала:

- Вы отлично справились, мистер Тернер! Пожалуй, мы дождемся Джека здесь!

Пораженно взглянув на Уилла, Гиббс отчаянно пожалел, что уже успел разрядить в бою пистолет. Через мгновение его, Коттона и Чунмин схватили люди Барбоссы и выволокли на шканцы. Уилла Тернера никто не тронул, как ни в чем не бывало, не обращая на друзей никакого внимания, он самостоятельно спускался по трапу следом за ними. В это же время Прихлопа-Билла скрутили на баке, а Пинтел и Рагетти попались на подступах к спасительному планширу.

- Это же мы, капитан! – дрожа всем телом, воскликнул Рагетти, пытаясь изобразить в голосе радость.

- Мы на вашей стороне, и мы тоже сражались за вас! – убеждал Пинтел с заискивающей улыбкой, но Гектор Барбосса лишь смерил их скептическим взглядом.

- Что делать с вами, подлые предатели, я решу позже... - заявил он надменно.

Вдруг Чунмин, до того смирно стоявшая рядом с Гиббсом, извернулась в руках удерживающего её матроса и впилась зубами ему в запястье. Взыв от боли, пират выпустил девчонку из рук, но она, вместо того чтобы спастись бегством, бросилась к Уиллу Тернеру, вставшему рядом с Барбоссой.

- Вилиам! – воскликнула Чунмин, - Очнись же!

Тернер обернулся на её голос, смерив китайянку недоуменным взглядом, а в следующий момент его щеку обожгла пощечина. Сама не понимая, как на это решилась, девушка замерла на месте, ожидая результата. Но, к сожалению, эта последняя попытка оказалась тщетной. Новый помощник Барбоссы застыл на мгновение от неожиданности, а затем схватил дерзкую девицу за ворот кимоно, и грубо рванул её к себе.

- Какая смелая! – рассмеялся Уилл, глядя в лицо Чунмин, и добавил с наигранной вежливостью, нисколько не смутившись:

- Побереги-ка свой пыл для другого раза, птишка, а сейчас я немного занят.

Пираты Барбоссы поддержали его дружным хохотом, а Уильям уже толкнул Чунмин в руки подоспевших головорезов:

- Следите, чтоб она не упорхнула! – приказал он им со столь не свойственной ему злой усмешкой, - Говорят, присутствие этой девчонки на корабле приносит удачу. Было бы жаль лишиться такого ценного приобретения.

Барбосса хохотнул и громко утвердил этот приказ, обратившись к своим разбойникам:

- Слышали?! Не прикончите её ненароком! Будьте понежнее с этим птенчиком!

Поняв это распоряжение по-своему, матросня развеселилась еще больше, начав бессовестно шарить руками по телу пленницы. Не веря, что все попытки оказались бесполезными, Чунмин отбивалась, пытаясь уловить в жестоком лице Уильяма, хоть что-то напоминающее того благородного человека, каким она его узнала и успела полюбить. Но он даже не смотрел в её сторону.

- А я ведь предупреждала... - раздался рядом снисходительный голос. Тиа Далма смотрела на девушку с нескрываемым торжеством:

- Вильям забыл тебя...

- Это ты что-то сделала с ним! – воскликнула китайянка, понимая о какой и чьей могущественной силе говорила колдунья, когда «предсказывала» ей будущее. Глаза уже блеснули от слез, но, отчаянно сдерживаясь, Чунмин не позволяла себе расплакаться, чтобы не радовать ведьму еще больше. Прищурившись, Барбосса взглянул на темнокожую бестию, тоже собираясь послушать её ответ.

- Я ничего не делаю против чьей-либо воли, - отвергла обвинения Тиа Далма, растягивая слова и одарив соперницу счастливой улыбкой, - Вильям сам выбрал, на чьей стороне он должен быть, я лишь немного ему помогла...

Не обращая больше внимания на Чунмин, Тиа Далма встала рядом с Тернером, не отказав себе в удовольствии провести рукой по его плечу. Уилл отреагировал на этот знак внимания весьма теплым взглядом, но капитан Барбосса расценил это по-своему:

- Хватит, - вмешался он резко, помрачнев, - Эй, вы трое! Посадите девчонку в каюту и составьте ей компанию, чтобы не сбежала!

С готовностью выполняя этот приказ, один из оборванцев тут же взвалил яростно отбивающуюся Чунмин на плечо. Он казался настоящим верзилой и, не в силах ему противостоять, пленница могла лишь колотить по его спине. Пират же глумливо хохотал над её бессилием и уже направился вместе со своей ношей в сторону каюты капитана. Следом за ним последовали еще двое

разбойников, провожаемые завистливыми взглядами товарищей, а капитан Барбосса обернулся к другим пленным. Раскрасневшийся Гиббс гневно сверкал глазами из-под косматых бровей, Коттон как обычно хранил молчание, прижимая к груди взъерошенного попугая, а Пинтел и Рагетти испуганно вцепились друг в друга, также ожидая приговора не в свою пользу.

- Будь ты проклят, Барбосса, - прохрипел израненный в сражении Прихлоп-Билл. На его мертвом теле и обезображенном лице виднелись глубокие порезы и шрамы. Но хотя они и не кровоточили, пираты брезговали прикасаться к утопленнику и, скрутив Билла веревками, удерживали его на расстоянии от себя, словно какого-то опасного и гадкого зверя.

- Прихлоп... - констатировал Барбосса, приблизившись к своему бывшему матросу, - Ты уже однажды пострадал за то, что примкнул не к тому капитану, но это ничему тебя не научило, как я посмотрю. Должно быть, Дейви Джонс уже заждался твоего возвращения и может быть в обмен на тебя, он даст нам что-то полезное?

И опять одобрительный хохот со всех сторон подтвердил полнейшее согласие команды со словами капитана. Билл-Прихлоп мрачно взглянул на него, а затем на Уилла. Тот по-прежнему стоял рядом с подбоченившимся пиратом.

- Что сделаем с Воробьем, когда тот появится? - нетерпеливо спросил Уильям, не проявляя ни малейшего интереса к судьбе отца.

- Думаю, ему следует вернуться в Чёртову Прорву, мистер Тернер, - спокойно ответил Барбосса и снова взглянул на Тиа Далму, с коварным видом наблюдающую за обоими мужчинами. Смерив сообщника задумчивым взглядом, Барбосса отметил про себя пистолет, зажатый в его руке, и вдруг продолжил:

- Впрочем, вас это уже не касается...

Капитан кому-то кивнул, и не успел Уилл Тернер отреагировать, как два здоровенных пирата крепко саданули ему под ребра кулаками, заставив согнуться пополам.

- Не люблю предателей! - пояснил Барбосса, наблюдая, как задохнувшийся от удара Уилл силится сделать вдох, - Мне давно уже не терпится поставить вас на место, мистер Тернер. Вы помогли вернуть мой корабль, но, пожалуй, завладеть сердцем Джонса теперь я смогу и без вас...

Пираты уже заломили Тернеру руки, не дав ему дотянуться до гарды сабли. Сжав зубы, Уилл дернулся, пытаясь распрямиться и вырваться, однако теперь ситуация была не в его пользу. Один из удерживающих Тернера пиратов наотмашь ударил его по затылку рукоятью пистолета, и Уильям рухнул на палубу без сознания.

***

Капитан Дейви Джонс стоял на мостике своего корабля, внимательно наблюдая в подзорную трубу за тем, что происходило на палубе «Черной Жемчужины». И хотя капитана Воробья нигде не было видно, происходящее на его корабле не могло не привлекать внимания.

Джонс видел все, но замечал только ту, что когда-то обрекла его на вечное страдание. Все те же спутанные темные волосы, точеная фигура и невообразимый наряд теперь уже выцветший от времени. И хотя капитан очень давно не видел её, но с момента их последней встречи ведьма действительно несколько не изменилась.

Но, несмотря на бессмертие и полученную обманом молодость, она никогда прежде не осмеливалась выходить в море. Тиа Далма хорошо помнила, на что способен капитан «Летучего Голландца», и Джонс знал это. Теперь же колдунья посмела оказаться во власти его стихии, и это говорило о том, что у неё должно быть имелись веские для этого причины. Что-то изменилось.

Дейви Джонс вновь ощущал то, что, казалось бы, уже давно не мог почувствовать. И это был не только гнев. Его пустую грудь снова теснили волнение и ревность. Признаться, он всё еще робел перед этой женщиной. Она была словно адский демон, явившийся губить души и рядом с ней снова находились мужчины, что готовы были убивать друг друга из-за неё. Наблюдая за тем, как по приказу пожилого пирата в шляпе с широкими полями оглушили

какого-то юнца, капитан Джонс был уверен, что эти двое стали очередными жертвами чар Тиа Далмы. Впрочем, симпатии ведьмы, как и всегда, пребывали на стороне победителя. Не выказав ни малейшего беспокойства за дальнейшую судьбу молодого пирата, темнокожая бестия встала на сторону коварного капитана, тут же отвернувшись от его поверженного соперника.

Тиа Далма улыбнулась своему новому избраннику, и Джонс в ярости опустил подозрную трубу. Раздраженно дернув головой, морской дьявол пробормотал ругательства, которые заглушили очередные залпы с борта его корабля. Акуломордый рыболод, стоящий рядом с Джонсом, опасно покосился на разгневанного капитана.

- Заканчивайте с городом, – приказал он и сурово взглянул на своего помощника, - Мы исполнили приказ мистера Норрингтона и пора бы уже позаботиться о своих делах! Навестим посудину некой блудной птахи, которая кое-что мне должна!

- Есть, капитан! – прорычал акуломорд. Согласно кивнув, он оскалился в подобии улыбки и заторопился вниз по трапу, собираясь известить о решении Джонса всех капитанов его эскадры.

Между тем к «Черной Жемчужине» приблизилась шлюпка.

Глава 23. Новый капитан

- Добро пожаловать на мой корабль, Джек! – приветствовал Барбосса, когда взбирающегося по трапу капитана Воробья схватили под руки и втащили на палубу захваченной «Черной Жемчужины». Самодовольно воззрившись на низложенного соперника, Барбосса с удовольствием отметил про себя, что бывший капитан благоразумно проявляет смирение. Несомненно, суть произошедшего дошла до него очень быстро. Окинув мрачным взглядом все, что творилось на палубе, вопреки всем ожиданиям, Джек не счел нужным сказать захватчику даже слова. Это было и хорошо и плохо одновременно. Теперь уже Барбосса не забывал насколько опасно недооценить этого прохвоста, а также и то, что его молчание наверняка лишь следствие обдумывания очередного мошенничества. Впрочем, в данный момент капитан Воробей сохранял не только мудрое безмолвие, но и почти апатичное безразличие, никак не выдавая своих чувств. Он оставался абсолютно спокойным, даже когда его взгляд скользнул в сторону Тернера-младшего, лежащего без сознания. Капитан Воробей слегка приподнял бровь, лишь услышав шум драки, доносившийся из-за дверей кают-компания. Из команды на палубе не присутствовала только Чунмин и, судя по всему, это именно она вела ожесточенное сопротивление за сорванными с петель дверями. Барбосса победно ухмылялся, а между тем на палубу за шиворот уже втянули и мисс Свон.

- О господи... Уилл! – послышался её встревоженный голос. Этот было вполне ожидаемо, но сейчас Джек предпочел бы не слышать таких возгласов.

- Мисс Свон! – Барбосса склонился в галантном поклоне, в то время как Элизабет яростно дергалась в руках удерживающих её пиратов, - Вот уж действительно нежданная встреча!

- Подлый убийца! – дерзко отозвалась девушка. Она снова попыталась броситься к Тернеру, но несколько рук тут же остановили её, вцепившись в плечи. А еще через несколько мгновений обзор на Уилла, лежащего у ног Прихлопа, заслонила мощная фигура капитана Барбоссы.

- Все так же щедры на обвинения, мисс?! – усмехнулся он, - И это благодарность за все, что я для вас сделал?

Элизабет не ответила, задохнувшись от возмущения, а весьма довольный собой капитан продолжал, выразительно взглянув на пленницу:

- Не беспокойтесь, мистер Тернер наверняка еще жив! Ведь убить того, кто привел в мои руки «Черную Жемчужину» было бы верхом неблагодарности! Но в отличие от вас, мисси, благодарность для меня не пустой звук. Мистер Тернер обязательно составит компанию вам и Джеку на «Летучем Голландце». Не скрою, что бываю жесток, но не настолько, чтобы теперь разлучать влюбленных!

Барбосса вцепился в сундучок, что по-прежнему держала Элизабет, почти неожиданно.

- Нет! – воскликнула девушка.

- Да! – рассмеялся капитан Барбосса, с силой вырвав из её рук свою добычу, - Эта вещица, пожалуй, слишком тяжела для вас, мисси.

Джек взглянул на Тиа Далму. Темнокожая колдунья торжествовала едва ли не больше чем сам Барбосса. Далма приняла сундучок в свои руки и услужливо раскрыла его перед ним. Казалось, партия практически проиграна, но надежда, как известно, умирает последней, и капитан Воробей знал это как никто.

- Время настало! – произнесла ведьма. Её темные глаза блестели и, будучи словно в горячке, она не обращала внимания на сырой ветер, треплющий её спутанные волосы и оборванное платье. Вокруг все стихло, как будто бой, недавно гремевший под завесой порохового дыма, закончился сам по себе. В этой неестественной тишине Джеку показалось, что он слышит стук своего сердца. А между тем, преодолев отвращение, Барбосса вынул из сундучка комок пульсирующей плоти и поднял его над головой.

- Дейви Джонс! – решительно воскликнул капитан, обернувшись в сторону кораблей, размыто видневшихся в тумане, - Твое сердце здесь!

«Летучий Голландец» воздвигся из воды тут же, словно его капитан дожидался этого зова. Окатив «Черную Жемчужину» тучей холодных брызг, чудовищный флагман Джонса вынырнул прямо по левому борту и так близко, что можно было удивляться тому, что он их не задел.

Вопреки надеждам Барбоссы, капитан Воробей созерцал позеленевшие от тины борта, проварившиеся шпигаты, и паруса, словно сплетенные из водорослей, с глубочайшим безразличием. Ни для Джека, ни для Элизабет, ни для кого-либо еще из прежней команды «Черной Жемчужины» это зрелище было не ново. Зато на пиратов Барбоссы «Летучий Голландец» произвел по истине ужасающее впечатление. Как только громада мертвого галеона утвердилась на волнах, капитан Воробей тут же заметил, что хватка удерживающих его пиратов заметно ослабла. Они застыли на месте с раскрытыми ртами, явно не ожидая увидеть нечто подобное, да еще и вблизи. Но, к сожалению, воспользоваться их замешательством оказалось невозможно. Утопленники с кораблей, поднятых из Чертовой Прорвы, и рыболоуды Джонса заполонили всё свободное пространство палубы «Черной Жемчужины» уже через мгновение.

Теперь в роли пленных оказались и сами захватчики. Несмотря на то, что команда Гектора Барбоссы была велика, она почти растворилась среди сотен разъяренных мертвецов и монстров. Окинув взглядом толпу полуистлевших пиратов и рыбоподобных существ, ошетилившихся клинками, зубами, шипами и клешнями в его сторону, Барбосса без малейшего страха оборотился к капитанскому мостику «Летучего Голландца», все так же сохраняя затаенную усмешку. Тиа Далма выглядывала из-за его плеча, не переставая довольно улыбаться, ведь, судя по всему, Джонс готов был выслушать того, кто его призвал.

Капитан «Летучего Голландца» стоял у лееров на капитанском мостике, возвышаясь над всеми, а знаменитая команда нежитей толпилась у него за спиной и свешивалась с бортов, размахивая всевозможным оружием. Водянистые голубые глаза хозяина морских глубин несколько секунд созерцали собравшихся на палубе «Черной Жемчужины» и, наконец, он громко произнес:

- Никому не позволено вызывать меня как шавку!.. Равно как и присваивать моё добро!

Капитан Воробей с опасением еще раз взглянул на рыболоудов, столпившихся вокруг, и сердце его неприятно екнуло. Джек понял вдруг совершенно простую вещь, на которую Гектор совсем не обращал внимание. Судя по тону Дейви Джонса, переговоры могли пойти совсем не так, как он ожидал.

- Твое Сердце в моих руках, хозяин глубин, - отвечивал меж тем новоявленный капитан «Жемчужины» со всей возможной почтительностью, -

Моё имя Гектор Барбосса Лорд Каспийского моря! Я вызвал тебя, чтобы возвратить твоих должников, а затем смиренно просить о милости...

Капитан Барбосса склонился в поклоне, в то время как Джека, Элизабет, Прихлопа-Билла, и Уилла Тернера выволокли вперед, представив на обозрение капитану «Летучего Голландца». Уилл начинал приходить в себя, но все еще не мог стоять на ногах без посторонней помощи. Прихлоп поддерживал его как мог, подставив свое плечо. С трудом подняв голову, Тернер-младший встретился мутным взглядом с Тиа Далмой.

- Мне жаль... - притворно посочувствовала ведьма, покачав головой и по-прежнему прячась за спиной Барбоссы.

Дейви Джонс меж тем окинул оценивающим взглядом мрачного капитана Воробья, девицу, что по идее должна была сейчас находиться в его каюте, Прихлопа-Билла и плохо державшегося на ногах юнца, который тоже был ему хорошо знаком. Тиа Далма улыбалась и не сводила с Джонса горящего взора, по-прежнему держась вблизи Каспийского Лорда.

- Забираю их... - ответил морской дьявол, и добавил с деланным гостеприимством:

- Приглашаю вас на мой корабль, капитан! В благодарность за столь щедрый дар!

Рыболюды злобно захихикали, еще больше оправдывая опасения Джека. Пленников подхватили под руки тут же, и, совершив краткий шаг в небытие, они ступили на просторные шканцы корабля-призрака, оказавшись среди его обитателей. Как только глаза вновь обрели способность видеть, Джек убедился, что Барбосса последовал с ними, так же как и Тиа Далма. Судя по выражению лиц, это путешествие не входило в их планы. Впрочем, перетащив владельца Сердца и его сообщницу на борт, рыболюды тут же убрали свои лапы и отступили прочь. Джонс спустился с капитанского мостика и заявил, словно желая прежде поиграть со своими жертвами:

- Корабль, что ты захватил, принадлежит мне, и был отдан временно Джеку Воробью. С тем, чтобы он добыл то, что ты держишь в руках!

Барбосса взглянул на стоящего у борта Джека, сохраняя мрачную непроницаемость.

- Не успел предупредить... - прошептал тот почти одними губами и, пожав плечами, изобразил на лице искреннее сожаление.

- «Черная Жемчужина» и девица за Сердце. Таков был уговор с Джеком Воробьем! – продолжал тем временем Джонс.

Элизабет опасливо взглянула на Уилла, но его это заявление похоже никак не тронуло.

- Именно о «Черной Жемчужине» я и хотел тебя просить, – не растерялся Барбосса, отвечая в тон морскому дьяволу, – Сердце действительно добыл Воробей, но удержать не смог! Уговор дороже денег! На девицу я не претендую. Я не жаден и требую, вернее, смиренно прошу... только «Черную Жемчужину»! А девчонку?... пусть забирает Воробей!

Медля с ответом, Джонс взглянул в сторону Элизабет и, повинувшись одному его взгляду, рыболюды отпустили её, толкнув в руки пленного капитана. Подхватив едва не упавшую девицу, Джек вцепился в неё словно в собственную душу, крепко прижав к себе и тем самым полностью пресекая все попытки вырваться.

- Мне за нас так страшно, цыпа... - с гротескным беспокойством проговорил он где-то рядом с её ухом:

- Рыбью харю сейчас лучше не злить, смекаешь? – намекнул он на всякий случай еще на полтона тише и к его радости у Элизабет тут же пропали силы к сопротивлению.

Тем временем, по-прежнему не удостоив Барбоссу ответом, Дейви Джонс приблизился к Прихлопу и Уиллу. Историю с украденным ключом он явно еще не забыл.

- Твоё Сердце у меня, капитан! - вновь напомнил о себе Барбосса, уже суровее и явно не собираясь ждать вечно, - Решай...

Сабля, вынутая из ножен, звякнула, и её холод коснулся кровянистой плоти Сердца.

- Значит, ты хочешь корабль, – голос Джонса стал вдруг тих. Теперь морской дьявол стоял напротив Джека и, пожалуй, только он один смог заметить, как ледяное безразличие в голубых глазах на мгновение сменилось выражением тупой боли, когда из-за его спины раздался насмешливый ответ Барбоссы:

- Сейчас? Да!..

Когда Джек начал смеяться, от неожиданности вздрогнула не только Элизабет. Прихлоп с подозрением покосился на бывшего капитана, а Уилл, окончательно пришедший в себя, тряхнул головой и огляделся вокруг вполне осмысленным взглядом. За приступом внезапного и явно притворного веселья Дейви Джонс наблюдал высокомерно, а Барбосса заявил:

- Взгляните на этого психа! Ему нельзя доверять даже шлюпку, не говоря уже о корабле!

- Что толку от быстроходного корабля, если ядра все равно летят быстрее, а рифы на большой скорости сильнее дырявят брюхо!? – рассудительно и громко поинтересовался вдруг капитан Воробей.

- «Черная Жемчужина» хороший корабль. Почти неуловимый! Но, к сожалению, – вздохнул пират, – Рано или поздно и она попадет в Чертову Прорву...

Отстранив обеспокоенную Элизабет в сторону, капитан Воробей выступил вперед.

- Ты удивительно наблюдателен, спасибо! – раздраженно оборвал его Барбосса, но Джек и не думал умолкать:

- Не хочу быть навязчивым, Гектор, – продолжал он, нахально обойдя возмущенного Дейви Джонса, и направляясь к Барбоссе, – Но будь я на твоём месте, я бы пожелал, чтобы «Черная Жемчужина» – *твой корабль* – был не просто быстроходным и неуловимым, но и непотопляемым! Самым непотопляемым из всех существовавших и существующих!

Свою последнюю фразу Джек почти прошептал, впрочем, он сделал это достаточно громко, чтобы его расслышали все. Тиа Далма наблюдала за его представлением с подозрением, Барбосса оценивающе молчал, а капитан Воробей, подкрепив свои слова заискивающим взглядом, кратко оглянулся на морского дьявола. Видя Джека из-за плеча Дейви Джонса, Элизабет могла бы поклясться, что капитан Воробей изловчился подмигнуть морскому дьяволу.

- Что ж, хорошая идея, Воробей! – язвительно согласился Барбосса, – Только почему ты сам не попросил об этом в свое время?

- Молодость ветрена... – философски заметил Джек. Он театрально загрустил, но, не желая больше наблюдать его гримасы, Барбосса ухватил советчика за плечо и оттолкнул от себя прочь:

- Только не надейся, что в благодарность я спасу твою шкуру!..

Ссутулившись, словно опасаясь побоев, Джек взглянул на Барбоссу с печальным упреком и ретировался, выразительно взглянув по дороге на Джонса. Тот же, неожиданно проигнорировав дерзость пленника, позволил ему беспрепятственно вернуться к Элизабет.

- А вот теперь, цыпа, держись... – прошептал капитан Воробей, снова обняв мисс Свон и взглянув в сторону черных парусов «Жемчужины». Элизабет лишь вздрогнула и зябко поежилась. Уилл совершенно её игнорировал, и мисс Свон решила ответить ему взаимностью. Девушка догадывалась, к кому теперь обращен мрачный взгляд её жениха, который, похоже, вообще не заметил её возвращения. В конце концов, этот сырой ветер пробирал слишком ощутимо. Через мгновение в груди все заболело, и с удивлением Элизабет поняла, что снова дышит. Тепло стремительно разливалось по телу, покалывая кожу, словно тысячами иголок.

- Назови, чего ты хочешь, капитан! Я исполню! – раздался голос Дейви Джонса.

- Как я уже говорил, я хочу корабль! – победно припомнил Барбосса, и, последовав совету Джека, добавил:

- Пусть он будет самым неуловимым, быстроходным и непотопляемым из всех существовавших и существующих!

Джеку показалось, что сердце пропустило такт.

- Отлично... – с нескрываемым злорадством согласился морской дьявол, схватив руку Барбоссы для рукопожатия, - Отдаю тебе... самый неуловимый и непотопляемый корабль из всех - «Летучий Голландец»!

- Проклятье... - прошептал Барбосса.

Гавань Порт-Ройяла осветило яркой вспышкой молнии, и тут же в кратком мгновении затишья темные облака отозвались грозящим ворчанием, ускоряя круговорот под усилившимися порывами ветра. Следующий, полновесный раскат грома грянул почти сразу, перекрыв несколько воплей:

- Нет!! – закричала Тиа Далма. Ей вторили многие, проклиная свою судьбу. Утопленники и нежити поняли, что их время вышло. Барбосса молчал, пытаясь высвободить руку из щупальца Джонса, а вокруг началась настоящая свалка, в которой нельзя было сделать и шагу. Нежити падали на палубе, корчась и извиваясь в конвульсиях. Не в силах противиться решению капитана, они сдирали с себя морских тварей за долгие десятилетия ставших частью их самих. Под толщей наростов, кораллов и актиний обнаруживались прежние, человеческие тела, ссохшиеся, слишком израненные и кровоточащие, жившие лишь проклятием «Летучего Голландца». Когда-то команда пришла на корабль с капитаном, и теперь она должна была уйти с ним.

Проклиная Джонса, рыболюды погибали, обретая человеческий облик, а утопленники Чертовой Прорвы бросались в море. Силы удерживающей их на земле больше не существовало. Визг, проклятия и отборные ругательства поднимались над палубой «Голландца», скрипящим в начавшейся буре. Хлынувший с неба ливень лупил яростно, пеленой застилая кренящиеся и тонущие корабли Эскадры Мертвых. Словно вся водная стихия желала скорее похоронить в глубине то, что всегда принадлежало морю по праву. Мир будто сорвался с оси, переворачивая все и калеча всех в одном бесконечном разрушении.

Как только Джонс отпустил руку преемника, тот попытался обнажить саблю, но тяжеловесная клешня бывшего морского дьявола уже смела его с ног и, разгромив гнилую переборку, Барбосса провалился внутрь помещений юта. Сам же Джонс, потеряв последние силы, отступил на шаг и упал навзничь⁹⁹.

Небо гневилось все больше, непрестанно сверкая молниями за темными клоками туч. Дождь хлестал по лицу, смывая слизь, и распавшиеся, скользкие щупальца осьминога освобождали истинное лицо морского дьявола. Лицо человека, каким он был много лет назад. Изрядно поседевшая борода, морщины и шрам, полученный в очень давнем бою, еще при жизни. Капитан Джонс слишком много повидал и слишком устал, чтобы страшиться хоть чего-то. Его глаза по-прежнему спокойно и бесстрастно смотрели в грозное, темное небо и теперь ему уже было не важно где он получит отдохновение, среди бескрайних соляных барханов Чертовой Прорвы, пламени ада или там, среди холода небес, в прощенье которых он уже давно не верил. Ему было все равно. Он уходил, забрав собой ту, что ненавидел больше всех, и все же любил.

- Будь ты проклят, дьявол! – сдавленно прохрипела Тиа Далма. По-прежнему молодая она лежала рядом, теряя силы, так и не сумев дотянуться до выроненного Барбоссой, едва бьющегося Сердца.

- Мы оба прокляты, Тиа... - едва слышно ответил Дейви Джонс. Кровь лилась из раны в его груди и через мгновение Сердце, вырванное из неё, остановилось навсегда.

***

Уилл застонал, обхватив голову руками. Боль была внезапной, словно удар, но через секунду она уже утихла, унеся вместе с собой морок приворотного зелья. Холодный дождь промочил одежду, еще больше способствуя протрезвлению, и Уильям взглянул вокруг, наконец, обретая собственную волю.

---

⁹⁹ Навзничь – вверх лицом.

Капитан Джек Воробей стоял рядом, прижавшись к планширу и выжидающе наблюдая за хаосом, творящимся вокруг, а светловолосая девушка в красной гвардейской форме прижалась к груди пирата то ли от страха за него, то ли за себя.

- Элизабет, ты жива? – изумленно узнал Уилл ту, что считал погибшей.

Сил перекричать царивший вокруг шум не хватало, но мисс Свон всё же обернулась.

- Уилл?! – обрадовалась девушка и, дернув капитана Воробья за ворот рубашки, крикнула:

- Джек, Уилл очнулся!

Она уже не думала о том, обнимает её Джек или нет. Все вокруг стало слишком абсурдным.

- Вот и славно! – отозвался капитан Воробей, встретившись суровым взглядом с бывшим кузнецом, - Целоваться будете потом!

Мертвый корабль неотвратимо уходил под воду, и трем живым нужно было немедленно убираться с него подобру-поздорову. Момент, которого ждал Джек, наконец-то, наступил. Палуба «Летучего Голландца» стала заметно просторнее. Утопленники и рыбалюды отправлялись в Чертову Прорву один за другим и пленники никого больше не интересовали. Мягко отстранив Элизабет, Джек взглянул вокруг в поисках оружия и заметил, что Уилл Тернер очень кстати и вполне избыточно вооружен и саблей, и шпагой, и ножом. Судя по всему, рыбалюды не сочли нужным его разоружить, а потому, реквизируя саблю, капитан Воробей скомандовал: «За мной!» и ринулся вперед по шанцам. Элизабет последовала за Джеком, подобрав чей-то мушкет, брошенный на палубе. Сжав в руке эфес с золотой филигранью, Уилл собрался шагнуть за невестой, но тут ему на плечо навалилась какая-то непонятная тяжесть, помешавшая двинуться с места. Прихлоп-Билл из последних сил державшийся на ногах и явно старавшийся больше не напоминать о себе, терял сознание и оседал на палубу. Уже не понимая, что делает, он вцепился в плечо сына.

- Отец! – воскликнул Уилл. Услышав этот возглас, Элизабет обернулась. Не в силах удержать падающего одной рукой, Уильям был вынужден опуститься следом за ним на склизкую от крови и слизи палубу. Опираясь на шпагу, как на трость, молодой человек тормозил умирающего и пытался его поднять, еще не осознавая, что помочь он уже не сможет. Принявший человеческий облик и освободившийся от службы «Голландцу», Билл Тернер теперь умирал от ран, полученных в последнем сражении на «Жемчужине».

- Уилл, я помогу! – крикнула Элизабет. Она бросилась обратно.

- Зараза!.. - выругался капитан Воробей, остановившись уже на полдороги к планширу. Развернувшись и взглянув ей вслед, он выбирал направление лишь секунду.

- Держись. Не умирай. Я тебя не брошу... - твердил Уилл, но Прихлоп уже мог лишь едва приоткрыть глаза:

- Уходи... мне не помочь.

В отчаянии, подняв взгляд от его бледного лица, Уилл увидел, как Джек поймал Элизабет за руку в десятке шагов от них.

- Уходите! – сурово крикнул Уильям, - Я справлюсь один!

- Я не уйду без тебя! – решительно протестовала девушка, - Мы не должны его бросать, Джек!

Капли дождя мешались со слезами, и мисс Свон еще сопротивлялась Джеку, который, сжав зубы, пытался тащить её к спасению без лишних разговоров.

- Джек, уводи её! – крикнул Уильям почти с яростью, - Убирайтесь отсюда!

Промедление стоило дорого. Очистившись от нежитей и утопленников, палуба «Летучего Голландца» начала «заселяться» вновь. Вопя от ужаса и не понимая что происходит, команда Барбоссы исчезала с «Черной Жемчужины» и силой проклятия, постигшего их капитана, переносилась на свой новый корабль. Они возникали прямо из воздуха, падая на доски палубы. Поднявшись

на ноги, и скользя на останках рыбных частей тел былых обитателей, новые матросы «Летучего Голландца» панически бросались к бортам, пытаясь прыгать за борт, но проклятый корабль не отпускал. Никто из них не мог покинуть его борт без приказа капитана. А сам он, окончательно разметаив проломленную им же переборку, явился уже через мгновение нежданный как никогда и безумно хохочущий над всем произошедшим.

Отбиваясь от беспорядочно мечущихся на пути пиратов, Элизабет уже успела вскочить на планшир и уцепиться за подходящий штаг, готовясь перескочить на «Жемчужину», когда сквозь шум послышался знакомый голос:

- Ты думал сбежать, Джек?! Так беги! Теперь я сам разыщу тебя хоть на дне морском!..

- Дважды зараза! - пробормотал капитан Воробей, взбираясь на планшир. Он уже видел, что, освободившись от запаниковавших захватчиков, Гиббс обрубал абордажные тросы, свешивающиеся с «Картахены», а остальные готовились выводить черный фрегат из тисков линкора и «Летучего Голландца». Еще сражаясь с оставшимися противниками, со шканцев бежала оборванная, но живая Чунмин, а рядом с ней почему-то оказался Норрингтон.

Услышав голос Барбоссы, Уильям вздрогнул. Прихлоп-Билл умер за мгновение до явления нового морского дьявола, и, понимая, что нет даже надежды, похоронить отца как подобает, Уилл готов был бежать следом за Джеком и Элизабет. Струи дождя заливали глаза и, устремив взор лишь на ненавистного соперника, Барбосса возвышался на шканцах, не видя Уильяма Тернера склонившегося над телом отца. Переступив через бездыханного Дейви Джонса, капитан Гектор Барбосса пытаясь вразумить свою беснующуюся команду:

- Отставить панику, мерзавцы! Лучше хватайте тех, кто виновен в нашем проклятии!

Но его никто не слушал и, не желая упускать последнего шанса, Барбосса выхватил из-за пояса пистолет, направив его дуло в спину капитана Воробья. Далее, как всегда и случается в критических ситуациях, все произошло слишком быстро.

- Джек, берегись! – закричала Элизабет.

- Вы как всегда не вовремя, мистер Тернер! – безумно рассмеявшись, прохрипел капитан «Голландца», когда Уилл, возникший словно из ниоткуда, вцепился в его руку, лишая возможности сделать выстрел. Но Гектор Барбосса не был бы Гектором Барбоссой, если б не умел побеждать в любых драках, сколь благородными или бесчестными они ни были. Рука нашла нож за поясом противника почти сразу, а уже через мгновение лезвие сверкнуло в воздухе и вонзилось в грудь Уилла по самую черно-белую рукоять. Наискосок, слева на право, меж ребер. Глотнув судорожно воздух, Уильям отступил на шаг. Чувствуя как мутиться сознание, а боль разливается по телу как кровь по венам, он осел на палубу возле мертвого тела своего отца, а убийца лишь довольно усмехнулся и, сделав несколько шагов вперед, прицелился снова.

- Уилл! Нет!! – закричала Элизабет, и ей показалось, что эхо вторит со стороны моря:

- Нет!! Вилиам!

Элизабет не испугало дуло, направленное и в её сторону. Мушкет выпал из руки и девушка хотела уже соскочить с планшира, так же бросив и спасительный штаг, но капитан Воробей, тоже видевший что произошло, предусмотрительно обхватил её за талию. Выстрел мог грянуть в любой момент...

Вдруг вместо того, чтоб нажать на курок, Барбосса изменился в лице, и торжествующее выражение сменилось на застывшую, удивленно-недоуменную гримасу. Клинок многослойной стали, широкий и идеально сбалансированный прошел сквозь его грудь и сердце насквозь, брошенный в спину рукой смертельно раненого, но еще живого противника.

- Уилл еще жив, Джек!! – закричала Элизабет, захлебываясь в рыданиях, но, понимая, что и время, и освободившаяся от абордажных крюков «Черная Жемчужина» уходят безвозвратно, капитан Воробей лишь крепче прижал её к

себе и шагнул с планшира тонущего «Летучего Голландца», держась за перерубленный штаг.

Они успели едва ли не в последний момент. «Черная Жемчужина» вырвалась из тисков. Поймав ветер благодаря стараниям мистера Коттона, она летела навстречу свободе, прочь из гавани Порт-Ройяла, в то время как «Летучий Голландец» окончательно скрылся под водой.

Глава 24. Прощание

- Капитан на борту! Поднять флаг! – задорно приветствовал взъерошенный попугай мистера Коттона.

- Йо-хо! Джек снова с нами! – вторили ему все пираты с марсов, реев и палубы. Потрясая оружием они кричали и приветствовали своего капитана, лихо успевшего не только спастись из самой пучины, но и прихватить с собой мисс Свон.

Триумф был безоговорочным и, что еще более приятно, вполне заслуженным. Вымокшие до нитки, побитые и уставшие, но все же живые, они вполне могли насладиться этой нелегкой победой, но как только ноги коснулись палубы, Элизабет высвободилась из рук капитана Воробья. Она бросилась вдоль планшира левого борта, вглядываясь в бушующие волны, образующие огромный водоворот, оставшийся после погружения «Летучего Голландца». Море похоронило последний проклятый корабль, но мисс Элизабет все еще не могла поверить в случившееся. Она бежала словно за уходящим прошлым, не в силах ни догнать его, ни остановить. Наконец, достигнув трапа на капитанский мостик, мисс Свон застыла на месте, не обращая внимания на непрекращающийся ливень и не отрывая взгляда от пены волн, расходящихся за бортом.

- Горизонт чист, сэр! И на сей раз, я ручаюсь за свои слова! Пора бы нам убираться отсюда... - радостный боцман спешил навстречу капитану с целью уточнить курс, команда ожидала распоряжений, в то время как сам капитан почувствовал странное замешательство. Отвернувшись от безучастной ко всему Элизабет, Джек остановил свой взгляд на Чунмин. Она стояла у левого борта чуть поодаль мисс Свон, ссутулившись и опершись на планшир, также не замечая ничего вокруг.

- Птаха!

Услышав голос капитана Воробья, девушка обернулась. Она утирала слезы с лица, и Джек не сомневался, что причиной тому была несчастливая привязанность бедняжки к не особо удачливому кузнецу.

- Птаха, позаботься о... - Джек задумчиво вскинул брови и снова взглянул в сторону Элизабет.

- О нашей гостье... - закончил он с натянутой улыбкой и, проигнорировав вопросы Гиббса, отправился в кают-компанию под непрекращающийся гул команды.

***

Повинуясь легким волнам, корабль клонился из стороны в сторону, укачивая Элизабет, словно в колыбели. «Скр-р-р-р» - тихо отзывалась обшивка, и воображение тут же представляло корабль старым, утомленным воякой, дремлющим после боя и слегка похрапывающим во сне. Прислушиваясь к стонам и поскрипываниям корпуса, Элизабет смотрела в просмоленную потолочную переборку, с которой, слегка покачиваясь, свисали несколько связок сухих растений и летучих мышей. Впрочем, чтобы узнать это место, можно было и не открывать глаз. Стоило лишь вздохнуть полной грудью затхлый воздух корабельного отсека, и бывшее обиталище Тиа Далмы безошибочно определялось по запаху восковых свечей и разнообразнейших магических ингредиентов, в достатке пылившихся под потолком. Отодвинув клочок редкой холстины, который загораживал обзор, изображая что-то вроде сетки от москитов, Элизабет села на своей кушетке.

Чувствуя в безмерно уставшем теле ужасную слабость, мисс Свон припомнила все события вчерашнего дня. Девушка-азиатка, назвавшаяся

Чунмин, проводила Элизабет в эту каюту и, даже предложила сухую одежду, которая нашлась в сундуке, притулившемся в углу. Сколько с тех пор прошло времени, оставалось только догадываться. Как и в любом отсеке на нижней палубе, дневной свет пробивался в это помещение лишь в редкие щелки между досками обшивки, и освещению служил только зажженный масляный фонарь, оставленный на столе. Танцуя за прокопченным стеклом, маленький, бойкий огонек подсвечивал стеклянные бока пыльных банок и очерчивал на переборках причудливые тени, от засушенных трав и странных артефактов, оставленных Тиа Далмой. Давно оплывшие свечи застыли на столе, утопив в восковых потеках черные огарки фитилей. Тиа превратила каюту в настоящее убежище колдуньи, но с уходом хозяйки помещение утратило большую часть своей зловещей таинственности, превратившись в хранилище непонятного и бесполезного хлама, и лишь угол, занимаемый Чунмин, сохранял обжитой и опрятный вид.

Вспомнив заботу и помощь своей теперешней соседки, Элизабет перевела взгляд на собственные колени и руки, скрытые одеянием, что дала ей китаянка. Золотое шитье поблескивало в свете фонаря, сплошь покрывая широкие, длинные рукава и полы черного азиатского платья из плотной шелковистой материи. В дополнение к нему, на Элизабет оказались широкие штаны и азиатские сапоги из мягкой кожи. Этот новый наряд оказался вполне удобным и приятно облегал фигуру, не стесняя движений. Правда безмерно длинная застежка платья от ворота до подола, состоявшая из множества золотистых пуговиц-шариков, требовала некоторых дополнительных усилий, и слишком уставшая накануне Элизабет торопливо продела пуговицы в петли, пропуская несколько штук к ряду.

«Красиво» - невесело оценила мисс Свон, машинально застегивая пропущенные пуговицы. «И траурный черный мне теперь как раз кстати», - трепыхнулась в сознании вторая более мрачная мысль. Этого было вполне достаточно, чтобы глаза тут же наполнились слезами, а тягостная тоска, ненадолго изгнанная сном, вернулась в душу. Но горевать было бесполезно, и не желая поддаваться сейчас проклятому унынию, мисс Свон попыталась отвлечь себя хоть чем-то. Она торопливо пригладила растрепавшиеся волосы и измявшуюся одежду и уже поднялась на ноги, желая опоясаться, оставленной для неё саблей, как вдруг новая мысль заставила её с ужасом застыть на месте. Элизабет помнила, что компас Джека находился при ней с самого момента побега из губернаторской резиденции, но теперь она и понятия не имела, что с ним стало. Осмотр каюты и постели ничего не дал, и, пребывая в еще более мрачном настроении, чем прежде, мисс Свон вышла из каюты. Вариантов было два - или Чунмин нашла компас, или же он был безвозвратно потерян во время всего произошедшего, что казалось наиболее вероятным.

Бледный свет, пробивающийся в зарешеченные палубные люки, едва освещал пустынную нижнюю палубу, но вокруг все словно вымерло. Судя по всему, солнце еще и не садилось или уже давно поднялось над горизонтом, но с верхней палубы не доносилось ни единого звука, и лишь скрип корпуса и такелажа нарушали тишину. Чувствуя все большее беспокойство, мисс Свон осторожно продвигалась в сторону трапа на верхнюю палубу, когда сверху, наконец-то, раздался звон рынды, отбившей восемь склянок, а со стороны форпика¹⁰⁰ донесся голос мистера Гиббса:

- Они даже представить не могли, что в кают-компании их поджидает адмирал Норрингтон!! – радостно возвестил кого-то боцман, и в ответ ему послышались несколько смешков.

- А как адмирал Норрингтон попал к нам на корабль? – поинтересовался кто-то, поддерживая разговор.

- Не иначе он почувствовал, что Барбосса собрался совершить каверзу и затаился, чтобы помешать этому, - предположил боцман, тоном опытного рассказчика легенд. – Хотя, я склонен думать, что доблестный адмирал

---

¹⁰⁰ Форпик - помещение, расположенное в носовой части, впереди фок-мачты. Обычно там располагался кубрик.

попросту схоронился в нашей кают-компании, спасая свою шею от опиратившейся команды его же флагмана...

Команда «Черной Жемчужины» собралась в кубрике за ранним завтраком или еще не закончившимся ужином, и через минуту все они смотрели на Элизабет, появившуюся на пороге низкого и тесного помещения. Все были в сборе, но мисс Свон заметила, что с тех пор как она вынужденно покинула своих друзей, экипаж «Черной Жемчужины» несколько увеличился. Чунмин сидела рядом с Гиббсом, вернулся Марти, а так же появились еще несколько пиратов, имен которых Элизабет не знала. Не хватало только двух человек. Джек само собой предпочел остаться в своей кают-компании, а Уилл... про Уилла лучше было не вспоминать.

- А, мисс Элизабет! Ну-ка, парни, расчистите для мисси местечко! - обрадовано распорядился Гиббс, и толстяк Пинтел с заискивающей улыбкой двинулся в сторону, пересаживаясь на место Рагетти, и попутно спихнув на пол своего худосочного приятеля.

Рагетти обиженно покосился на Пинтела, но без возражений отполз прочь и занял место в противоположном углу, а Элизабет ничего не оставалось, как усесться на освобожденную для неё бочку. Воцарилось молчание, но уже через мгновение окружающие засуетились, передавая для вновьпришедшей кружку с ромом. Мистер Коттон, пытаясь изобразить добродушную улыбку, положил на колени Элизабет яблоко, а Пинтел – манго. Все те же расхристанные морские бродяги, к которым благородная дочь губернатора Ямайки сначала относилась с нескрываемой брезгливостью и опаской, а после разделила все тяготы самого долгого в своей жизни морского путешествия. Пираты не заботились о чистоте души и небрежно относились к чистоте тела, но именно они теперь могли считаться друзьями или даже семьей Элизабет. Ведь именно они принимали её сейчас в свой круг, как пиратку, как равную себе, не думая уже о том, сколько стоят её свобода или вещи, и делились последним, что у них было.

Элизабет посетило странное чувство. С одной стороны, она ощущала себя так, словно вернулась домой, но с другой стороны мисс Свон была удивлена, что это чувство посетило её сейчас, на пиратском корабле. Она сидела в кубрике «Черной Жемчужины» с командой капитана Джека Воробья будто и не было Чертовой Прорвы и боя в Порт-Ройяле, так же, как и несколько лет назад. И все же мисс Свон хорошо знала, что это лишь иллюзия. Всё изменилось и в первую очередь оттого, что сама Элизабет не осталась прежней.

Между тем, команда «Черной Жемчужины» с нескрываемым интересом рассматривала вернувшуюся с того света, и всем им явно не терпелось выслушать какой-нибудь занимательный рассказ о приключениях в Чертовой Прорве или на «Летучем Голландце». Судя по всему, капитан Воробей еще не успел поделиться байкой о своем путешествии в чистилище Дейви Джонса, и терзаемые любопытством пираты мучались догадками, пытаясь выдумать сейчас какой-нибудь вопрос, наводящий разговор на нужную тему. Сама Элизабет не торопилась помочь им в этом не легком деле.

- Славно, что вы вернулись, мисс, - наконец нарушил молчание мистер Гиббс.

- Уж и не чаял, что доведется свидеться... да... - протянул он, задумчиво, - Вы лежали в забытьи почти сутки. Пока вы спали, Джек приказал идти на Тортугу. Так что, мы почти в родном порту - корабль стоит сейчас на рейде в десятке миль от города. Капитан позволил ребятам немного передохнуть...

После этих слов мистер Гиббс слегка нахмурился, явно не понимая, для чего Джеку понадобилось отдыхать в этой дикой бухте совсем чуть-чуть не достигнув столицы земных удовольствий, но на лицах всех присутствующих не отобразалось ни малейшего недовольства действиями капитана, и боцман продолжил:

- Вот мы и собрались здесь отметить чудесное спасение из когтей морского дьявола... а заодно выпить за здоровье адмирала Норрингтона!

Элизабет удивленно приподняла брови, в то время как кто-то по левую руку от неё хлопнул ромом, не сдержав смешка.

- Кабы не адмирал, – строго заметил мистер Гиббс, – наши доблестные вояки, так бы и стояли раскрыв рты, когда ребята Барбоссы стали вдруг исчезать, как дым без огня!

В ответ на это суровое, но явно справедливое замечание Рагетти виновато шмыгнул носом, а Пинтел хмуро покосился на боцмана исподлобья.

- А вот мисс Чунмин и адмирал не сплеховали, – тем временем одобрительно произнес Гиббс, – Посмотрите, как они отделали этого молодца!..

Незнакомый Элизабет пират, сидевший тут же в кубрике и настороженно смотревший на окружающих, виновато потупился в свою кружку, когда всеобщее внимание обратилось к нему. Впрочем, несмотря на полумрак, мисс Свон вполне явственно могла рассмотреть свежие царапины, оставленные на его физиономии в прошедшей драке. А впечатляющий синяк под глазом, наверняка, был результатом столкновения с адмиральским кулаком.

- Сейчас, мисс Элизабет, он смирный. А еще несколько часов назад прикончил бы любого из нас, – комментировал мистер Гиббс, – По крайней мере, попытался бы это сделать... теперь, небось, рад, что вовремя переметнулся на другую сторону?

Заслышав этот вопрос, парень тут же взглянул на своего нового боцмана и согласно затряс головой, выражая во взгляде полнейшее раскаяние, а затем с опаской взглянул на китайнку. Та лишь поежилась, и Элизабет вполне её понимала, вспомнив, в каком виде была девушка сразу после сражения. Несомненно, бедняжка только чудом вырвалась из лап негодяев Барбоссы. Между тем, видимо, не желая присваивать чужих заслуг, и слишком продлевать эту историю, Чунмин вмешалась сама:

- Господин адмирал очень помог мне. Он заколол одного из пиратов сразу же, как только они вошли в кают-компанию, а потом сражался с двумя другими. Я же, забрав оружие убитого, всего лишь пыталась помочь. Мы победили вместе, и когда наш пленный заверил, что принимает нашу сторону, господин адмирал приказал ждать. А затем, выбрав лучший момент, мы бросились на помощь всем вам.

- Господин адмирал, конечно, торопился нам помочь... – недовольно проворчал Пинтел потирая шею, все еще помнящую прикосновение чьей-то сабли, – Повезло ему, что сразу убрался на свою посудину! А то бы я... ох не сдержался!

Рагетти смотрел на друга с немим ужасом и уважением, но храбрец мгновенно скис под суровым взглядом Гиббса.

- А потом подоспели и вы с Джеком, – подвел итог боцман.

- Даже не верится, что все мы остались живы и здоровы! – вмешался вдруг Рагетти. Все молчаливо закивали, соглашаясь с ним, но Элизабет осталась безучастной.

- Да... – тоже согласился Гиббс, но, заметив хмурый вид мисс Свон, счел нужным добавить с вздохом:

- Жаль Уилла. Он был хорошим малым... хоть и учудил напоследок... ну да упокой, господь, его душу... выпьем за него еще раз, парни...

Элизабет терпеть не могла ром. Она, по-прежнему, считала, что это гадкое пойло было способно превратить в грязных скотов даже самых порядочных людей, а благородным дамам пристало пить более изысканные напитки. Но сегодня пиратка Лиззи могла позволить себе отступить от этого правила. Ведь погиб её... жених?.. друг?.. В любом из этих случаев капитан Барбосса спросил бы: «Перед кем здесь чиниться?» И сейчас мисс Свон как никогда была согласна с ним.

Она стоически сделала глоток и еще один, а затем еще. Её радовал этот жгучий привкус, благодаря которому можно было не сдерживать слез. Дурман алкоголя уже разливался по венам горячечным жаром, затуманивая разум, и сейчас это было как никогда кстати.

- Только как мистеру Тернеру упокоиться, если он в Чертову Прорву угодил?.. – задумался вдруг Пинтел, уже опустошив свою кружку.

Мистер Гиббс строго зыркнул в сторону толстяка и перевел обеспокоенный взгляд на Элизабет, но она сидела, полностью погрузившись в свои мысли, и не обратив никакого внимания на эту фразу.

- А может быть, мистер Тернер сам стал капитаном «Летучего Голландца»? – предположил тем временем Рагетти, как всегда знающий больше других:

- Я слышал, что капитан «Голландца» может освободиться от проклятия. Для того он и сходит на берег раз в десять лет. Чтобы найти деву, что согласится стать его любимой и искупить все его грехи...

- Все ты врешь! Про деву в легенде ничего не говорится, и значит, сгодится любая баба! – перебил его излияния подвыпивший Пинтел.

- Заткнитесь! – вмешался мистер Гиббс, - Мисс Элизабет, не слушайте их...

Но Элизабет их и не слушала. Ей вдруг показалось, что там, на «Летучем Голландце» погиб совсем другой человек. А молодой Уилл Тернер, которого она знала, так и затерялся где-то в южных морях и никогда уже больше не вернется. Никогда. Это было странно. Восстановив, наконец, дыхание после рома, Элизабет взглянула на боцмана:

- Ничего, мистер Гиббс, - проговорила она, как можно более мужественно, - Со мной уже все в порядке. Все мы со временем теряем в боях друзей...

Пираты ошарашено промолчали, а Элизабет захотелось вдруг подняться наверх. Спертый и влажный воздух кубрика давил на грудь, и помня о компасе Джека, мисс Свон решила, что сейчас, пожалуй, самый лучший момент, чтобы вернуться к его поискам. Она поднялась на ноги, но в глазах тут же все поплыло. Забытое манго и яблоко соскользнули с колен, ром давал о себе знать...

- Вы бы что-нибудь съели... - неуверенно предложил Гиббс, но Элизабет заметно шатнувшись, проигнорировала его слова, и довольно осторожно направилась к трапу.

На верхней палубе не было ни души. Убранные паруса позволяли беспрепятственно гулять ветру, и Элизабет показалось, что она тонула в принесенных им запахах и звуках. Их было так много: плеск волн и ни с чем не сравнимый аромат моря, шум деревьев на побережье, крики птиц в их ветвях, гомон обезьян. А потом наступала внезапная тишина, когда ветер брал передышку. Тепло утреннего солнца казалось как никогда нежным. Хотелось закрыть глаза, подставив его лучам лицо, чтобы только слышать и чувствовать, как платье шелковисто касается тела, как сабля оттягивает грубый ремень из кожи, охватывающий талию, как шероховатый планшир под ладонями впитывает солнечное тепло. И снова ветер запутался в её волосах, овеивая лицо прохладой и принося с берега запахи влажной зелени, джунглей и дыма от очагов в ближайшей приморской деревушке. Впервые в жизни Элизабет так радовалась этим простым ощущениям. Каждое из них воспринималось непривычно ярко, и все они были огромным богатством, которое она так неосмотрительно не ценила раньше. Казалось, что человек просто не в состоянии чувствовать столько всего сразу, весь этот жадный, спешащий жить мир, его красоту и боль.

Элизабет ощущала в теле небывалую легкость, даже слабость. Голова кружилась, и ноги не желали слушаться хозяйку, но, все же, еще наслаждаясь нахлынувшими чувствами, девушка обернулась к юту и пошла по направлению к капитанскому мостику, внимательно рассматривая каждый дюйм палубного настила. Еще сохранялась слабая надежда на то, что капитанский компас уцелел и возможно где-то лежит на опердеке.

Внимательно глядя под ноги, и стараясь не оступиться на палубе, ставшей вдруг слишком шаткой, Элизабет добрела до кают-компания. За дверями, вновь приваленными к входу, было темно и тихо. И конечно, так и должно было быть. В столь ранний час капитан Воробей всегда предпочитал отсыпаться. Элизабет не трезво усмехнулась. Ей вдруг представился спокойно

спящий Джек, даже не подозревающий, что она с таким рвением разыскивает его компас по всему кораблю. Полностью уверенная в своей догадке, мисс Свон вздохнула. Пропажа так и не нашлась, а не осмотренным остался только капитанский мостик. Но хотя заветный навигационный прибор никак не мог потеряться там, Элизабет все же решила подняться по трапу.

Это было самонадеянно. По лестнице ноги шли еще хуже, чем по ровной поверхности, а потому, сделав всего несколько шагов, мисс Свон оступилась и ощутимо стукнулась коленом о ступень. Внезапная боль заставила её выругалась совсем не подобающе леди, а затем, прекратив дальнейшее восхождение на капитанский мостик, девушка уселась прямо на трапе. Боль немного отрезвила её состояние. Потирая ушибленное колено, мисс Свон почувствовала себя вдруг ужасно обиженной. Настолько что вот-вот расплачется. Впрочем, причиной тому было не только ушибленное колено.

Когда мисс Элизабет осталась без матери, вся забота о ней была возложена на отца. Уэзерби Свон, губернатор южных колоний его величества, состоятельный и уважаемый в обществе человек любил свою маленькую дочь безмерно. Сейчас мисс Свон готова была признать, что порой она не заслуживала столь доброго отношения, и пользовалась им со всей эгоистичной расточительностью. Губернатор Свон всегда первым приходил на помощь дочери, когда она получала царапины в пылу очередной игры, неосторожно забираясь на дерево, выбранное на роль марсовой площадки «Разящего», и когда она спасала пирата Воробья, и когда сама оказалась в тюрьме. Добродушно перенося упрямство и шалости дочери, отец всегда переживал за неё больше чем кто-либо.

Даже в трехлетнем возрасте Элизабет предпочитала преодолевать трудности, как подобает настоящей, взрослой леди – исключительно собственными силами. Это получалось не всегда. Однажды маленькая мисс Свон ушиблась, поднимаясь по лестнице. Элизабет ревела отчаянно громко. Больше от обиды и вредности, чем от боли. Не жалея легких, с мстительным удовольствием она наблюдала как отец не находит себе места, не зная как её утешить. Мисс Элизабет не унималась, и вскоре весь дом был поднят её криком, как по боевой тревоге.

И тогда губернатор Свон принял неожиданное решение. Он позвал кучера и приказал ему высечь ступени лестницы. Весь дом наблюдал за этой странной сценой. Уткнувшись в плечо отца, и еще всхлипывая, Элизабет тоже обернулась, чтоб посмотреть, как хмурый кучер бьет по ковровой дорожке хлыстом для лошадей. Ради маленькой мисси кучер старался на совесть. Со свистом хлыст сек дорожку, словно прибывая её к ступеням, сбивая складками.

- Не надо, папа... – сказала вдруг Элизабет, - Мне уже совсем не больно...

Ей стало жалко лестницу, словно она была живой. Мисс Свон успокоилась и обняла отца, который тут же простил её выходку. Вспоминая сейчас его любящее и обеспокоенное лицо, Элизабет чувствовала ужасную тоску.

Они победили. Она была жива. Но какой ценой. Ей всегда представлялось, что финал её путешествия на Край Света будет совсем другим, а теперь опустевшая палуба «Черной Жемчужины» как ничто лучше напоминала Элизабет, что она осталась совсем одна. Мир, в котором она провела всю свою жизнь, отныне останется лишь воспоминанием. Это был мир овеянный ароматами духов светских красавиц, шуршащий шелками пышных нарядов и парчой вычурных камзолов, живущий по распорядку и этикету, не умеющий и не желающий проявлять искренних чувств, утягивавший корсетом. Совсем другая, не свободная, но привычная жизнь.

Отец и Уилл были не только самыми близкими ей людьми, о которых Элизабет готова была плакать день за днем. Сейчас девушка как никогда ясно поняла, что каждый из них был еще и надеждой, связывающей её с прежней жизнью, её домом, той тихой гаванью, в которую Элизабет подсознательно стремилась вернуться, так опасно подойдя к краю совсем другого, опасного и притягательного мира. Его обитатели не знали этикета и манер, они были

пиратами и бродягами, значительно отличаясь от тех великосветских, чопорных господ, окружавших мисс Свон в скучных гостиных Порт-Ройяла. Элизабет была готова окунуться в этот мир разбойников, золота, грязных страстей и рваных кружев, ведь под грязными рубашками могли биться и чистые, благородные сердца. И это были их сердца.

Элизабет привлекали приключения, ей нравилось сжимать в руке рукоять сабли, и ради достижения цели, она могла преодолеть все, но только до тех пор, пока для неё существовали оба мира и выбор между ними. Теперь же выбора не было, и душу мисс Элизабет посетила не только горечь безвозвратной разлуки с близкими людьми, но и растерянность. Она никогда не думала о том, какова будет её жизнь хотя бы через десяток лет, если она не вернется домой, если рядом не будет Уилла. Элизабет не знала, как ей поступить, и это неведение вселяло в её душу страх. Мисс Свон чувствовала себя обманутой. Она исправила свою ошибку и помогла Джеку вернуться в мир живых, она прошла столько испытаний, но её жизнь не возвратилась в прежнее русло. Словно река судьба уносила их все дальше от дома и только теперь мисс Свон поняла, как далеко она зашла. Размышляя над всем этим, девушка неотрывно смотрела на спокойное море, тихо ласкающее волнами борта их корабля.

- Знание человеческой природы, подсказывает мне, что ты... пьяна, цыпа! Как ни прискорбно мне это говорить!

Элизабет обернулась. Джек возник за спиной как черт из табакерки и, возвышаясь на вершине трапа, он взирал на хмурую мисс, как на обиженного ребенка, который неудачно попытался сделать больше своих возможностей. Впрочем, уже через мгновение весь его вид воплощал само сочувствие, поскольку захмелевшая мисс Лиззи выглядела в восточном одеянии очень привлекательно, несмотря на всё недовольство и скверное настроение.

Мисс Свон почувствовала беспокойство. Судя по всему, отныне её честь зависела лишь от неё самой – и это новое открытие заставило девушку отвернуться от самодовольной физиономии пирата с гордым видом. Неподдельного удивления на лице капитана, заметившего в её глазах слезы, она уже не увидела. Джек вознамерился сойти с капитанского мостика, но мисс Свон даже не подумала двинуться с места, когда услышала шаги на трапе. Впрочем, как оказалось, капитан Воробей и не собирался тревожить её покой. Спустившись всего на пару ступеней, он развалился на них и сам, не преминув нравоучительно заметить:

- Вообще, по корабельному уставу, сидеть, а уж тем более... лежать... на комингсах и трапах, строжайше запрещено...

Девушка не отреагировала, и Джек даже обиделся, что его блестящее знание и «выполнение» корабельного устава не заслужило хотя бы улыбки. Впрочем, наблюдая сбоку профиль нахмурившейся мисс Свон, капитан Воробей сменил обиду на милость и продолжил:

- Но поскольку ты ранена и, кажется, тяжело... то так и быть...

- Джек, - сказала вдруг Элизабет, - Я потеряла компас...

- Это печально, цыпа, - согласился капитан с неожиданным спокойствием, - но не стоит проливать по этому поводу слезы...

Элизабет обернулась к нему в недоумении, но Джек смотрел без тени иронии:

- К счастью у меня есть собственный компас, и его показания по-прежнему верны.

С этими словами он похлопал себя по боку, и только сейчас Элизабет заметила знакомый восьмигранный футляр, снова подвешенный на поясе капитана.

- Он выпал, когда ты переодевалась, - деликатно пояснил Джек, с легкой улыбкой, по-прежнему не сводя с Элизабет глаз, - Ты устала и была расстроена, а потому не заметила этого. Впрочем, я не в обиде, поскольку не могу не признать, что все это время компас находился в самом безопасном месте, от которого не отказался бы и я...

Его взгляд и улыбка смущали все больше. Чувствуя, как учащается биение сердца, Элизабет отвернулась от пирата, постаравшись изобразить полное безразличие. Впрочем, воспоминание о том, что все это время компас был у неё за пазухой, заставило кровь прилить к её щекам.

- Я думала, что он пропал... - сказала Элизабет, раздумывая, пора ли ей уходить или еще нет.

- Его нашла Чунмин, - объяснил Джек все с той же хитрой улыбкой, - Пожалуй, она единственная женщина, которой я могу доверять...

Прислонившись спиной к поручням трапа, капитан обратился к морю мечтательным взглядом, заметив боковым зрением, что его последняя фраза заставила мисс Свон взглянуть на него еще раз с весьма знакомым выражением на лице. Джек улыбнулся еще шире, припоминая о том, какие чудеса и преображение могут творить обыкновенная ревность, любопытство и хорошее воображение. У Элизабет было хорошее воображение, в этом он не сомневался, и теперь нужно было просто немного подождать, пока подозрение, закравшееся в её душу, сделает свое дело. Джек не ошибся.

Образ Чунмин возник перед мысленным взором мисс Свон почти сразу и, чувствуя странное возмущение в душе, Элизабет язвительно заключила про себя, что у капитана Воробья определенно есть тяга к экзотике. Нынешняя его «знакомая», несомненно, отличается от грубоватой мулатки Анамари. Впрочем, Чунмин казалась изящнее своей предшественницы лишь из-за чрезмерной худощавости и бледности, что, конечно же, не могло считаться красивым. Заключив это, Элизабет согласилась с собой и в том, что богатое жемчужно-белое ципао¹⁰¹ китайки, в которое она переделалась после боя, только подчеркивало эти недостатки. Хотя, как очередная «знакомая» Джека, эта девица, несомненно, хотела нарядиться ради своего благодетеля. Размышляя так, Элизабет старалась не вспоминать, что именно Чунмин недавно помогала ей, пока она была в забытьи. Впрочем, что бы мисс Свон не придумывала в угоду своей досаде, она не могла не признать, что китайка была достаточно мила. И, конечно, её огромные черные глаза, блестящие от слез, вызывали не только сочувствие у любого мало-мальски порядочного мужчины, но и желание взять несчастное создание под свою опеку!

- Вижу, ты совсем не рада возвращению в мир живых... - произнес вдруг капитан. Элизабет медленно обернулась на его голос и встретила с Воробьем взглядом. Колено еще саднило, но, взглянув в слишком серьезное лицо Джека, мисс Свон уже забыла об этой неприятности. Воспоминание о том, сколько всего им пришлось преодолеть на пути к возвращению к жизни, заставило Элизабет устыдиться.

- Это не так, - сказала она, опустив глаза, - Просто... я вспомнила сейчас о моем доме, отце... и...

Джек приподнял бровь, напряженно ожидая продолжения этого ассоциативного ряда, но мисс Свон вдруг замолчала.

- О моих близких... - оборванно закончила она свою мысль и, поежившись под ветром, обхватила руками плечи: - Мне страшно, Джек.

- Страшно? - уточнил еще более озадаченный пират.

- Да, - недовольно отозвалась она, - Это так неожиданно для вас, капитан Воробей?

Для испуганной девицы ответ был слишком уж вызывающим, но, проигнорировав это обстоятельство, Джек лишь заинтересованно спустился несколькими ступенями ниже, чтобы занять место в непосредственной близости от Элизабет.

- И чего же ты боишься? - раздался его голос возле самого уха мисс Свон.

Склонившись к ней так близко, чтобы можно было говорить почти шепотом, капитан добавил:

- Я не задал бы этого вопроса, если бы я тебя не знал, цыпа. Но я тебя знаю, и сейчас просто теряюсь в догадках...

---

¹⁰¹ Ципао – женская распахнутая одежда у китайцев со стоячим воротником, подол обычно разрезан по бокам.

Элизабет не могла ответить. Она молчала, чувствуя, как по телу пробегает предательская дрожь.

- Любопытство иногда заводит далеко. Но из тех людей, что обладают этим качеством, мне ни разу не доводилось встретить настоящего труса, - рассудительно продолжил капитан Воробей, не дожидаясь её ответа. Элизабет усмехнулась, но в пику её недоверию, Джек тут же уточнил:

- Конечно, чрезмерное любопытство до добра не доведет, - он назидательно поднял указательный палец, - Но для того и существует осторожность. А между трусостью и осторожностью имеется существенная разница.

Довольный тем, что так ловко справился с этой характеристикой, пират улыбнулся и, отстранившись от притихшей девушки, продолжил размышлять, словно сам с собой:

- Поверь, цыпа, среди примкнувших к Береговому Братству есть и те, которые сделали это не потому, что нарушили закон или помогали своим товарищам. Просто каждый из них желал жить и выбирать свою судьбу свободно.

Наконец-то Элизабет обернулась. Взгляд капитана был устремлен мимо неё. Отстраненно всматриваясь в туманный горизонт и утреннюю дымку, клубившуюся над склонами Тортуги, Джек задумался, словно вспоминая что-то важное и давно забытое:

- Я знал одного парня, - сказал он, - которому в двадцать два посчастливилось стать капитаном британского флота. Невероятное везение, верно? Этот парнишка, пожалуй, мог бы быть толковым командиром. Однако чиновничество адмиралтейства посчитало иначе. По доносу сослуживцев новоявленный капитан получил пиратское клеймо и вместо того, чтобы истреблять пиратов, стал одним из них. Впрочем, как известно, свободолюбие в казармах не приветствуют, а потому я уверен, что рано или поздно, он и сам сбежал бы со службы.

Джек усмехнулся:

- Любопытство и свободолюбие. Разве это и не твои качества? - спросил он, взглянув ей прямо в глаза.

Пиратка и пират. Они смотрели друг на друга с задумчиво-понимающим видом, словно давние сообщники, и впервые в жизни Элизабет искренне захотела верить Джеку. Хотя бы сейчас. Пока еще не надеты прежние маски, пока еще никого кроме них нет на палубе и вполне можно позволить себе сидеть рядом с капитаном на трапе, попирая субординацию и еще не уgomонившееся чувство приличия.

- Ведь риск - дело благое? - намекающее уточнил Джек, с хитрым прищуром, словно подталкивая сомневающуюся мисси к какому-то решению. Но, похоже, Элизабет уже в этом не нуждалась. Ничего не ответив на вопрос, она лишь вздохнула и, закрыв глаза, устало склонилась к капитану Воробью на плечо. Так, будто это было в порядке вещей. Впервые за долгое время мисс Свон снова почувствовала себя спокойно и ощутила огромное облегчение в душе. Да, она готова была рискнуть. Но будто маленькой девочке в детстве, ей хотелось сейчас утешения и поддержки в этом нелегком решении. И сейчас она была совсем не против того, если капитан Воробей ободряюще обнимает её за плечи, как в старые добрые времена. Само собой, Джек тут же оправдал эти надежды.

Элизабет словно бы совсем не замечала, как капитан ненавязчиво скользнул ладонью по атласному рукаву её платья, и вот его рука уже покоится на её плече. Нитка марокканских бусин, вечно болтающаяся в волосах пирата, случайно дотронулась до лба мисс Свон, заставив её слегка улыбнуться.

- Спасибо тебе, - тихо сказала Элизабет. Она почувствовала, как Джек нежно прикоснулся к её щеке. Продолжая это движение, он приподнял голову девушки за подбородок, чтобы взглянуть ей в лицо. Элизабет открыла глаза. Проницательный и насмешливый взгляд капитана говорил сам за себя. Пират словно бы интересовался: «Так за что и насколько щедрю благодарность я заслужил?»

- Спасибо тебе, - искренне повторила мисс Свон, - За все...

Они снова были очень близко и совсем одни, как в тот злополучный день крушения «Черной Жемчужины», что так на долго связал их судьбы. Их губы уже почти соприкасались. Но даже теперь, уже не отрицая этого взаимного притяжения, каждый из них прежде ожидал реакции другого. Элизабет чувствовала смущение, а капитан Воробей медлил, рассчитывая все же получить свою заслуженную награду, а не похитить её. Впрочем, слишком долгое ожидание тоже не входило в его планы. А потому, сделав скидку на предрассудки, еще не выветрившиеся из головы новоявленной пиратки, капитан уже решил взять инициативу на себя, как вдруг...

Со стороны шкафута «Черной Жемчужины» донеслось не стройное, но довольно громкое пение:

- Йо-хо! Флаги рейте! Дьявол морской будет ра-а-ад!- басил мистер Гиббс, и его старания поддерживались сразу несколькими голосами, выводившими вразнобой:

- Хей-хо! С ним его черти...

- Дьявол морской наш брат!

Судя по всему, завтрак был закончен и, пребывая в самом приподнятом настроении, команда выбралась подышать свежим воздухом, даже не подозревая, насколько не вовремя им взбрело это в голову. Очарование и романтизм момента были испорчены безвозвратно. Словно очнувшись от наваждения, мисс Свон вздрогнула и тут же отстранилась от капитана, которому так и не удалось получить свое вознаграждение. Команда уже затянула следующий куплет, когда заметила Джека, с самым суровым видом сошедшего с трапа капитанского мостика. Мисс Элизабет шла следом.

Утренняя дымка еще стелилась над джунглями, но очень скоро поднимающееся солнце, должно было вернуть самому шумному карибскому острову его жару и ленивую, дневную неспешность, которая неотвратимо сменялась под вечер очередным, бурным разгулом. На пляже виднелись несколько лодок, но рыбаки из ближайшего селения за холмом, как ни странно, не спешили выводить их в море, и берег по-прежнему оставался пустынным. Впрочем, вероятно дело было в том, что честные труженики моря, если такие здесь водились, предпочли не показываться на глаза команде пиратского фрегата, неожиданно вставшего на рейд в их бухте. Такое объяснение было самым очевидным, но как выяснилось через мгновение, истинная причина осторожности островитян заключалась совсем в другом.

Пересекая шкафут, Джек не успел сказать еще ни слова, как пение прекратилось само по себе. Икнув, мистер Гиббс застыл на месте, глядя в сторону холмов, спускавшихся к морю. Рядом с ним в немом ужасе собрались все остальные, а Чунмин, которая тоже поднялась на верхнюю палубу, остановилась немного в отдалении, прижав руки к груди.

- Мать честная! Да что же это твориться! – услышала мисс Свон, возглас перепуганного Пинтела. Джек, и почти вся команда, толпились на баке, спустившись к самому бушприту. За холмистой грядой острова, высились узнаваемые, позеленевшие от тины паруса, всегда наполненные ветром. Они по-прежнему раздувались неведомой силой, стремясь утянуть корабль вперед, но «Летучий Голландец» не двигался с места, словно удерживаемый чьей-то волей и скалился в сторону океана своим причудливым форштевнем. Как долго проклятый галеон стоял на рейде рядом с ними? Об этом можно было только гадать. От осознания того, что все это время «Летучий Голландец» находился так близко, Элизабет стало не по себе.

- Вот ведь, накликали... - пробормотал Рагетти, и, получив затрещину от Пинтела, с надеждой предположил:

- Но если там Уильям Тернер, то нам нечего опасаться, ведь так?

Его вопрос остался без ответа, а взгляды всей команды на миг устремились к мисс Свон.

- Я бы не был так уверен в нашей безопасности... - пробурчал в полголоса Пинтел.

- Что делать, кэп? – осведомился встревоженный Гиббс и, судя по лицам остальных пиратов, ответ на этот вопрос интересовал не только его. Впрочем, сам Джек сохранял завидное хладнокровие.

- Ничего делать не нужно, - ответил капитан, - Мы остаемся на рейде. Судя по всему, на «Летучем Голландце» нас не заметили, значит обнаруживать свое присутствие самостоятельно тем более не разумно. Впрочем... мистер Гиббс, проверьте на всякий случай пушки по правому борту. А Марти проследит, чтобы вечером не зажигали огней.

Кивнув головой, Гиббс тут же принялся исполнять приказ, что, несомненно, позволяло ему успокоить себе нервы. Пираты спустились на нижние палубы в мгновение ока и очень скоро на опердеке остались только капитан Воробей и мисс Свон.

Девушка стояла у планшира, не сводя взгляда с носовой оконечности проклятого галеона, что была видна из-за холма, и душа её терзалась ужасными сомнениями. Еще минуту назад воспоминания о доме и былой жизни уже казались лишь призраками, давно покинувшими этот мир, и вот теперь они возникли вновь, словно воплотившись в мертвом корабле, покоившемся на волнах прямо перед ней. Элизабет охватило беспокойство отчасти смешанное с чувством вины. Ведь возможно Уильяма можно было еще спасти? Спасти его, спасти себя. Но вдруг «Летучий Голландец» принадлежит не Уиллу?

Все еще оставаясь на палубе, Джек так же пребывал в мрачной задумчивости. Он словно обдумывал что-то и не мог или не хотел ничего сказать о произошедшем. Наконец, совладав с собой, капитан вздохнул и с видом человека, думающего о чем-то очень отстраненном, сказал:

- Интересно... крепко ли Марти привязал в кормовой части шлюпку?

Сердце Элизабет сжалось, и она не нашла в себе сил взглянуть на Джека. Напряженность момента была ужасной, но, постояв еще несколько секунд, капитан Воробей направился в свою кают-компанию с совершенно спокойным видом, насвистывая какую-то песенку и оставив мисс Свон наедине с её сомнениями.

- Что ж... - прошептала Элизабет, когда он ушел, - Риск - дело благое....

Её выбор был сделан.

***

Джек вошел в кают-компанию, чувствуя себя как никогда скверно. Он ощущал себя как обворованный простофиля, но, досадуя на самого себя, капитан никак не мог объяснить свою злость. Пожалуй, ему стоило радоваться, что его корабль наконец-то освободиться от присутствия девчонки, которая так навязчиво вмешалась в его жизнь, а так же и тому, что кузнец Тернер, заполучив наконец-то свою красотку, исчезнет с горизонта раз и навсегда. «Ну и черт с ними!» - мысленно выругался капитан и, злорадно улыбаясь, пожелал Уиллу счастья в Чертовой Прорве и выводок чертенят в придачу. Впрочем, ирония не улучшала его состояния, и хорошее настроение сегодня явно посетило кого-то другого. Но к счастью у капитана Воробья оставалось еще одно проверенное средство. Добравшись до стола, Джек раскупорил початую бутылку рома.

Как и следовало ожидать, это подействовало безотказно. Уже через минуту, Джек с удовольствием отметил, что с уходом мисс Свон и Уилла Тернера, а так же после гибели Барбоссы доля сокровищ Сяо Фенга, которая причиталась самому капитану Воробью, заметно увеличится. Улыбнувшись этому умозаключению, пират опустил на сколоченный из досок грубый топчан и подумал о том, что, пожалуй, теперь будет думать лишь о той, кем все это время он слишком пренебрегал. Его любимица давно заслужила какой-нибудь подарок и, размышляя об этом, капитан Воробей погладил рукой просмоленную переборку своего корабля.

Несомненно, как только капитан «Летучего Голландца» получит свою ненаглядную, он уберется из бухты. «Черная Жемчужина» снова сможет выйти в море, и, следовательно, нужно отбросить глупые переживания и подумать о курсе и других насущных вещах. Вздохнув, Джек отпил из бутылки снова, и с

облегчением ощущая вернувшееся к нему спокойствие, машинально раскрыл свой компас. Картушка лениво вращалась вокруг своей оси.

***

Дождь хлестал всю ночь, но день все же обещал быть ясным. Упрямо побеждая толщу обессиливших туч, свет солнца заглядывал в стрельчатые витражи небольшой церквушки. В столь ранний час в пустынном храме лишь мраморные статуи, чаши со святой водой и разоженные свечи составляли всех свидетелей скромной церемонии на трех человек.

- Мы собрались здесь, чтобы сочетать браком этих мужчину и женщину перед лицом Господа нашего и людьми... - бубнил слова таинства, пожилой и полноватый священник, недоуменно поглядывая из-под косматых бровей на жениха и невесту. Венчающиеся выглядели странно. Впрочем, здесь на Тортуге, престарелому священнослужителю попадались и не такие парочки, а потому священник вершил обряд, не задавая лишних вопросов. Будучи уверен в душе, что совершает дело благое и богоугодное, он спросил только, крещена ли невеста.

Жених явно был одним из тортугских пиратов, а сабля, висевшая у пояса его избранницы, говорила о том, что и юная новобрачная могла иметь проблемы с законом. Несмотря на торжественность момента, на девушке вместо свадебного платья и вуали был чужестранный, хотя и красивый наряд. Её восточное платье, расшитое серебряной нитью, наводило на мысли о дальних странствиях и несметных сокровищах, хотя у будущих супругов не нашлось даже обручальных колец, не говоря уже о свидетелях на свадьбе, но священник искренне считал, что этими условностями можно пренебречь. Ведь в чувствах тех, кто стоял у алтаря, сомневаться не приходилось. Чтобы понять, насколько они искренни, достаточно было взглянуть на то, как эти двое смотрят друг другу в глаза, и как держатся за руки.

Впрочем, жених и невеста все же отличались от счастливых влюбленных, соединяющих свои судьбы с мыслью провести вместе всю жизнь. Они смотрели друг на друга со странной решительностью, будто старались запомнить черты лица друг друга перед долгим расставанием.

- Ответьте же, дети мои, является ли ваше желание вступить в брак добровольным и искренним? - спросил священник, подходя, наконец, к основному вопросу.

- Берешь ли ты, Уильям, в жены Элизабет, чтобы быть ей опорой и поддержкой в богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

- Да, - твердо согласился жених, и священник обратился к невесте:

- Берешь ли ты, Элизабет, в мужа Уильяма...

Невеста слушала, и словно не верила в то, что теперь её судьба окончательно решится, и мужчина, что сейчас держит её за руку, наконец-то, навсегда будет принадлежать ей.

- ...пока смерть не разлучит вас, - завершил священник.

- Да... - с улыбкой прошептала девушка и суровый жених, видимо наконец-то, почувствовал себя счастливым, словно до сих пор он сомневался в её согласии. Молодой пират ответил девушке улыбкой и нетерпеливо обернулся к священнику, который, осеняя новобрачных неторопливым крестным знаменем, наконец-то, провозгласил:

- In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen¹⁰². Что соединил Господь, человек да не разъединяет! Объявляю вас мужем и женой. Целуйтесь...

Теперь, уже не смущаясь проявлять свои чувства, жених подхватил возлюбленную на руки, а она счастливо рассмеялась, глядя на него сверху вниз. Оказавшись в непосредственной близости друг от друга, они, наконец-то забыли обо всем и их губы слились в поцелуе, говорящем о любви лучше всяких слов.

---

¹⁰² In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen (лат.). – Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Святой отец проводил молодоженов с крыльца церкви с легким сердцем. Искренне пожелав про себя молодому мужу удачи, священник набожно возвел глаза к небу и перекрестился, прося прощения за неподобающие сану мысли. Наконец, будучи уверенным, что высшие силы, наверняка, зачтут ему на Страшном Суде сие благое воссоединение двух сердец, с чувством исполненного долга добрый служитель церкви отправился выпить за здоровье молодых в ближайшую таверну.

Глава 25. «Риск – дело благое»

Капитан Воробей приоткрыл один глаз и тут же обиженно сморщился. Навязчивое солнце как обычно прерывало его сон на самом интересном эпизоде. В своем сновидении Джек вновь стоял на палубе разбитой Кракеном «Черной Жемчужины» с удовольствием наблюдая, как мисс Свон дергает цепь кандалов на шпигеле грот-мачты и безуспешно пытается освободиться. Её коварные намерения так и остались лишь намерениями, и все что теперь она могла – это попытаться убедить прозорливого пирата, что он добряк и, конечно же, не оставит её на погибель. Однако, в отличие от мисс Свон, Джек прекрасно знал, что лести ей не поможет. Ему даже не было стыдно. Вот уж действительно, приснится же такое...

Капитан Воробей потряс головой и попытался выпрямиться, но это оказалось не очень то легко. Судя по тому, как гудели затекшие спина, руки и ноги, сон в сидячем положении являлся не самым лучшим вариантом отдыха. Однако на собственном корабле помогают даже переборки. Встаешь потянувшись, пират окинул взглядом милый сердцу беспорядок, царивший в кают-компании, и почувствовал себя намного лучше. Опустевшая бутылка из-под рома скатилась к самому краю капитанской постели, и теперь большая часть её содержимого досталась не капитанскому организму, а доскам палубы. Досадливо поморщившись, Джек направился к своему столу. Перед глазами все плыло, но душе теплилась надежда на то, что еще одна бутылка, припрятанная с незапамятной битвы с Кракеном для самых непредвиденных случаев, еще цела.

Надежды не оправдались. Обыскав кают-компанию, Джек не нашел ничего кроме завалившегося в угол лага¹⁰³, пустых бутылок, безнадежно испорченного водой томика «Божественной комедии» и пачки документов, что достались в нагрузку к похищенному у Катлера Беккетта сундучку с Сердцем морского дьявола. На эти пожелтевшие бумажки капитан Воробей обратил особое внимание. Ведь возможно среди них могло оказаться что-то особенно дорогое и важное для меркантильной души лорда Беккетта. Например, план, указывающий местоположение награбленного за год службы на посту губернатора. И среди похищенных документов действительно нашлось нечто интересное. Помимо нескольких расписок о займах под грабительские проценты, в руках Джека оказалась пара давних приказов об аресте на имена Уильяма Тернера и Элизабет Свон, а, кроме того, доносы лейтенантов линкора «Разящий» и офицерский патент их капитана Джона Брайтена. С интересом ознакомившись со всеми бумагами, Джек вздохнул. Находка была занятной, но, к сожалению, абсолютно бесполезной. Капитанский стол представлял сейчас собой некий мемориал памяти. Бумаги Беккетта, карта с отметками перемещения «Летучего Голландца», навигационные приборы, оставшиеся «на память» от «Калипсо», и волшебный компас, чья стрелка продолжала вращаться так же, как и пару часов назад. Тоска накатила вновь, подкравшись, как убийца, желающий завладеть самым ценным, и Джек иронично подумал, что для полного «счастья» ему осталось только удариться в ностальгию и размышления о жизни. Отныне все должно было пойти как нельзя лучше, однако именно теперь, когда все недруги и парочка неугомонных влюбленных дружно канули в Чертову Прорву, капитан Воробей чувствовал себя непозволительно чужим на празднике жизни. Свобода, о которой он так давно мечтал, наконец-то

---

¹⁰³ Лаг - навигационный прибор для измерения скорости судна и пройденного им расстояния.

замаячила на горизонте как долгожданная суша, но сейчас Джек совершенно не представлял, что с этим делать.

Это было ошеломляющее открытие.

Джек застыл посреди кают-компания. Пират словно прислушивался к чему-то, нахмурив брови и уставившись недвижным взглядом в скопище хлама на своем столе. Который был час? Капитан Воробей не знал. Вахтенный, судя по всему, дрых в кубрике вместе со всеми, забыв об обязанностях звонить в рынду. Джунгли шумели под нарастающий стрекот цикад, но с палубы не проникало ни единого звука, кроме привычных корабельных скрипов и приглушенного переборками рокота моря.

Джек почти физически ощущал гнетущее предчувствие чего-то опасного. Оно незримо надвигалось на него со всех сторон, словно поднимаясь от пола и переборок. Затхло дышало из темных углов каюты, приглушало краски окружающего мира, неукоснительно подползая к человеку, не двигающемуся с места. Нужно было бежать... срочно! Поднимать все паруса и проваливать из этой слишком уж тихой бухточки, даже если путь преградит сам «Летучий Голландец». Двигаться вперед, прочь от мерзкой хандры, и думать только о том, что может ждать за горизонтом. Бескрайне просторы, клады, неоткрытые острова и приключения, которых хватит на всю жизнь, прекрасный и недостижимый призрак свободы – все это отныне принадлежало ему, и только ему. Но нужно было торопиться. Ведь чтобы приобрести все, что пожелает черная пиратская душа, как водится, сначала необходимо нажать и преодолеть массу препятствий и опасностей. А в этом у Джека имелся настоящий талант.

Капитан Воробей взбежал на верхнюю палубу так, будто за ним гнались утопленники из Чертовой Прорвы, а уже через мгновение звон корабельной рынды разогнал дремотное затишье над «Черной Жемчужиной», заставив команду, мирно похрапывающую в кубрике, с перепуга попадать из их гамаков.

- Свистать всех наверх! – нарочито грозно закричал Джек, продолжая бить в набат, - Слышите, трюмные крысы! За работу!

Пираты высыпали на палубу. Суется, спросонья еще не совсем понимая, куда им бежать и что делать, они натыкались друг на друга. Джек же наблюдал за ними, продолжая хмуриться, но уже ощущая былое воодушевление истинного авантюриста. Это чувство было для него спасительной соломинкой, за которую хватаются утопающие. Впереди ждало новое приключение, и капитан Воробей был уверен, что образ Элизабет останется вскоре в его памяти лишь дополнением к красочной легенде о победе над самим морским дьяволом.

О возвращении Гарри Тиггса на Тортугу стало известно еще вчера благодаря Марти, сделавшему вылазку в город. Несомненно, Джек не зря считал Хромого мудрым человеком. Прибрав к рукам достаточное количество богатой добычи, Тиггс предпочел излишней алчности разумную безопасность. Он покинул Порт-Ройял одним из первых, оставив разграбленный город на милость своим головорезам, которые стремились выжать из него все до последнего песа. Таким образом, невозможно было даже придумать лучшего времени для возвращения «Черной Жемчужины». Узнав, что капитан Тиггс настроен вполне благодушно, Джек намеревался не только подоспеть к всеобщему дележу раньше всех, но и напомнить перед этим сообщнику о некоем сокровище, которое находилось у того «на сохранении».

«Черная Жемчужина» шла полным ходом и за её бортом проплывала «Пасть Дьявола» - самая опасная бухта Тортуги. В этом месте вдоль всего побережья из волн торчали скалы, поднимаясь над водой заостренными, щербатыми осколками, напоминающими клыки. Позеленевшие у основания от тины, они словно древние стражи защищали белую полосу берега от чужого вторжения. Впрочем, несмотря на столь грозную защиту, вдоль пляжа все же тянулись две дорожки человеческих следов. Заметив их, Джек быстро опустил подзорную трубу. Криво усмехнувшись, он почти физически ощущал как портиться настроение. «Что ж Пасть Дьявола, вполне подходящее место для романтических встреч раз в десять лет...» - насмешливо отметил капитан Воробей, и тут его внимание привлекло гораздо более интересное зрелище.

Донный рельеф «Пасти Дьявола» из-за кораллов и чередующегося мелководья был столь причудливым, что встать в ней на рейд мог только непотопляемый «Летучий Голландец» или самоубийца. Впрочем, как и предполагал Джек, посудина морского дьявола уже покинула Тортугу, однако её место в опасной бухте неожиданно занял другой корабль. Большой, очертаниями напоминающий галеон, но не лишенный гармоничности форм. Его паруса были поставлены, пушечные порты открыты, и, судя по этому, незнакомый корабль встал на рейд совсем не давно. Насчитав двадцать семь орудий по одному борту, Джек удивился, что на палубе не видно ни единого человека. Это было странно. Капитан Воробей вновь опустил подзорную трубу и задумался о том, кому принадлежит этот галеон. Другу или врагу? Не было ни малейшей возможности предугадать это, флага отсутствовал на флагштоке, как и название на корме.

Нахмурившись, Джек на всякий случай велел прибавить парусов, и вскоре неожиданный сосед скрылся из виду. Перестав беспокоиться о его присутствии, капитан Воробей задумался совсем о других вещах.

***

Якорь ухнул в воду, со свистом вытянув из клюза тяжелый канат.

Тортугская гавань едва вмещала все пиратские корабли, стоящие на рейде. Этим утром в ней собрался почти весь флот Берегового Братства и полоса берега едва виднелась за скоплением корпусов, рангоута и паутиной такелажа. Осторожно пройдя между несколькими потрепанными посудинами, «Черная Жемчужина» едва смогла найти себе место.

Обнаженные по пояс матросы уже убирали паруса, подставив солнцу взмокшие от жары, загорелые тела. С нетерпением ожидая разрешения капитана о сходе на сушу, каждый из них работал с удвоенным старанием. Джек вышел на шканцы и зажмурился от яркого света. Полуденное солнце полыхало в насыщенном синевой небе, и под его лучами черные доски палубы разогрелись уже настолько, что, несмотря на освежающий бриз, карибская жара припекала как никогда. Поправив треуголку, капитан Воробей, вздохнул. Страдая от духоты, он отчасти завидовал своей команде. В столь жаркий день любая одежда казалась лишней, но, сохраняя вид достойный командующего целой эскадры, Джек отправлялся на «аудиенцию» к Хрому Гарри при полном пиратском «параде».

Мистер Гиббс шел следом за капитаном. Справедливо считая себя самым доверенным лицом, боцман был готов сопровождать своего кэпа или временно занять его место на мостике, несмотря даже на жестокое похмелье. Однако на сей раз, Джек решил изменить этой традиции. Неожиданно для всех он объявил, что за капитана остается Чунмин. На Гиббса же возлагался почетный долг стать на время старшим помощником и разъяснить девчонке её обязанности. Отдав это распоряжение, капитан Воробей ободряюще похлопал удивленного боцмана по плечу.

«Черная Жемчужина» стояла в окружении нескольких десятков пиратских кораблей, и Джек предпочел доверить свою любимицу тому, чья бдительность и сообразительность не были ослаблены похмельем. Однако Гиббс был очень обижен подобным недоверием. Ворча что-то про плохие приметы и женщин на корабле, боцман тут же направился на шкафут и приказал Рагетти немедленно разбудить разоспавшуюся «капитаншу». Он сделал это с особым педагогическим рвением. Как оказалось, Чунмин до сих пор еще не вышла из своей каюты, поскольку, проявляя снисхождение к девушке, пережившей весьма трудный день, мистер Гиббс, хотел дать ей отдохнуть чуть больше, но теперь обстоятельства изменились.

Уже спускаясь в шлюпку, Джек стал свидетелем пространной речи боцмана адресованной сразу всем распустившимся разгильдяям. Капитан Воробей многозначительно присвистнул. Несомненно, в руках столь решительно настроенного Гиббса и Чунмин «Черная Жемчужина» была в безопасности, однако для пущей уверенности в этом Джек забрал с собой и

рулевого Коттона. Усадив на плечо попугая, старик-рулевой с готовностью отправился следом за капитаном.

В пиратской столице царило небывалое оживление. Бойкие портовые мальчишки суеились на тесном причале, мешаясь под ногами, и не переставая донимать разморенных жарой квартмейстеров и боцманов, руководящих разгрузкой добычи. Еще не имея возможности самостоятельно заниматься морским разбоем, они пытались хотя бы подрядиться грузчиками, чтобы хоть одним глазком взглянуть на сокровища Порт-Ройяла. А при случае и умыкнуть что-нибудь, что плохо лежит. Но, едва успевая отгонять нахальную мелюзгу прочь, боцманы и квартмейстеры, бдели за каждым бочонком и сундуком как никогда внимательно.

«Что же, судя по всему, Хромой Гарри должен быть доволен нашим «уловом», - ухмыльнулся Джек. И, несомненно, так думал не только он. Пронюхав о богатой добыче, трактирщики выкатывали из погребов бочки с ромом и распахивали настежь двери в своих заведениях, чтобы запахи жареного мяса безошибочно указывали путь разбогатевшим пиратам. Менялы и скупщики ожидали больших барышей, но прочие торговцы наоборот закрывали витрины своих лавочек ставнями и даже забивали их досками, готовясь к вечернему разгулу. Шальные пули, бутылки и просто упившиеся до бессознательности тела сегодня могли нанести особенный вред имуществу. Заспанный верзила лениво подметал крыльцо местного публичного дома. Его обитательницы еще только пробуждались, впрочем, сегодня выпастись им явно не удалось. Девицы зевали от души и, судя по всему, им пришлось встать пораньше, чтобы подготовиться к приему ночных гостей особенно тщательно. Приторный запах пудры и дешевых духов из распахнутых окон распространялся на всю улицу, а полуодетые красотки выглядывали с верхнего этажа, рассматривая сброд, разодетый в парчу и шелка, а так же с ухмылкой наблюдая за строгими мамами, взявшей заталкивающими малолетних дочек по домам. Проникшись всеобщей суетой, капитан Воробей думал о своей доле добытого в Порт-Ройяле, и постепенно ему начинало казаться, что настроение его улучшается. При всех радужных надеждах Джек не мог не признать, что собственная добыча команды «Черной Жемчужины», мягко говоря, была мала. По договору, заключенному с Гарри Тиггсом, каждый капитан должен был отдать часть награбленного для общего дележа. Джеку же отдавать было вовсе нечего, но он надеялся, что это обстоятельство не помешает ему получить часть от добычи других капитанов.

Хромой Тиггс обосновался в соседней гавани, на «Картахене». После того как команда Барбоссы оказалась в плену у «Летучего Голландца», флагман эскадры Порт-Ройяла остался без управления, а затем стал одним из трофеев головорезов Тиггса. Джеймс Норрингтон не смог бы в одиночку ни защитить свой корабль, ни управлять им, а потому, при приближении новой опасности адмирал счел разумным выпрыгнуть за борт, повторно оставив «Картахену» на милость пиратов.

Плененный линкор британского флота возвышался над окружавшими его пиратскими кораблями, словно могучий великан. «Картахена» была слишком велика для того, чтобы приспособить её к разбойничьему делу, требующему от корабля верткости, а не величия, но Тиггс уже придумал применение для своей добычи. Сегодня гордость британского флота, должна была стать местом проведения шумной пиратской пирушки. Хромой решил отметить удачный захват ямайской столицы со всей возможной пышностью, и когда явился Джек, приготовления были в самом разгаре.

Сам же Тиггс восседал за внушительным столом в кают-компании, облачившись в невообразимый наряд. В парче, батисте и кружевах, принадлежавшие когда-то щеголям Ямайки, он выглядел бы истинным лордом, если бы не пиратская косынка и золотая серьга в ухе. Взирая на капитана Воробья, Тиггс перебирал жемчуга и золотые монетки, горой лежащие на столе и хитро щурил темные глаза. Джек же с интересом рассматривал все, что попадалось ему на глаза.

Аскетичный интерьер кают-компания «Картахены» преобразился до неузнаваемости и напоминал пещеру Аладдина. Чего здесь только не было. В глазах рябило от блеска и обилия серебра и золота. На широком столе среди навигационных приборов, карт и бумаг, оставленных командой капитана Питера Уотера, поблескивали бесчисленные ожерелья, цепочки, броши, кольца. Среди них лежали серебряные вилки и ложки, похищенные из чьей-то столовой. Разномастные каминные часы, составленные в углу, громогласно тикали сообща. Сундуки, золоченые статуэтки, канделябры, посуда, шкатулки и даже дамские платья заполняли все оставшееся пространство. Осмотревшись по сторонам, Джек остановился взглядом на весьма знакомой габаритной шкатулке, на крышке которой был вытравлен символ Ост-Индийской Торговой компании. Судя по всему, пираты все же не миновали резиденции лорда Бекетта и сейчас его секреты, хранимые в загадочном сундучке, целиком и полностью находились в руках пирата Тиггса. Заметив, как пристально капитан Воробей рассматривает краешек карты, видневшийся из-под крышки шкатулки, Тиггс раскурил трубку и наконец-то нарушил затянувшееся молчание:

- С чем пожаловал, Джек? – довольно дружелюбно поинтересовался он.

«Isla Mona», - мысленно прочитал капитан Воробей на краешке карты, и, услышав приветствие, наконец-то перевел взгляд на старого пирата:

- Отличный улов, Гарри! - просиял Джек, для пущей наглядности обедающей рукой окружающие их золотые горы. Хромой кивнул, принимая комплимент, и гостеприимно указал на резной стул напротив себя.

Несмотря на то, что внешне Гарри Тиггс являл собой самую любезность, капитан Воробей решил все же держать ухо востро. Как он догадывался, адмирал Берегового Братства вполне мог быть недоволен тем, что сердце морского дьявола так и не попало в его руки, ведь Джек обещал иное. У коварного Хромого Гарри могли найтись и другие причины для недовольства, и, оценивая сложившуюся ситуацию, капитан Воробей подумал, что ему совершенно не хочется узнать о них сейчас, когда на его стороне только старый немой пират, а команда «Черной Жемчужины» слишком далека и малочисленна.

Лишь только Джек устроился за столом напротив хозяина кают-компания, как его подозрения оправдались:

- Улов хорош.... Но могло быть и лучше, как ты знаешь... - критично заметил Тиггс. Тон его отдавал холодком, а потому Джек на всякий случай сочувствующе загрустил и счел нужным непринужденно заметить:

- Понимаю твое недовольство, но моей вины в том нет.

Тиггс удивленно вскинул бровь, и капитан Воробей с готовностью начал пояснять:

- Видишь ли, в тот момент, когда Сердце Джонса уже было в моих руках, Барбоссе вздумалось потягаться с морским дьяволом самостоятельно. Он осмелился захватить то, что принадлежало всем нам, и попытался вступить в торги Джонсом. Я пытался помешать ему... по мере возможности. Но в результате самонадеянности Гектора погибло и сердце, и Дейви Джонс. Барбосса же жестоко поплатился за свое предательство. К сожалению, он уже не сможет предстать перед тобой, чтобы получить по заслугам.

Джек поминально возвел взор к потолку, а затем, очень довольный столь складным объяснением, откинулся на спинку стула и стал ждать реакции по-прежнему спокойного Тиггса.

- Предположим что так, - проговорил тот, выдыхая облачко табачного дыма, - Надеюсь, что так...

- А как же иначе! – пожал плечами Джек и, слегка поддавшись вперед, взглянул на собеседника самым честным видом:

- Я душой не кривлю.

- Я слышан о твоей честности, - отвечивал пиратский лорд и Джек «смущенно» потупил взор.

- Так что тебе нужно, Джекки? - вернулся Хромой к прежней теме разговора.

- Деньги... - искренне признался ему капитан.

- Много? – продолжил расспрашивать Гарри, и эта игра начала беспокоить его собеседника. Тиггс был истинным пиратом и оставлять ему сокровища на хранение все равно, что надеяться на совесть кота, сидящего у сметаны. Впрочем, даже если старый пройдоха решил поиграть в забывчивость, Джек Воробей считал себя не менее упрямым, а, кроме того, он надеялся, что ему как старому знакомому положено особое отношение. Тем более Гарри уже не раз доказывал это.

- Не могу сказать точно, - притворно задумался капитан «Черной Жемчужины», - Но, думаю, мне понадобится все, что мы оставили тебе на хранение перед походом на Ямайку. Сокровища Сяо Фенга, припоминаешь?

Джек подкрепил свой ответ дружелюбной улыбкой, и к его облегчению Тиггс ответил тем же:

- Так ты о сокровищах Фенга, - «припомнил» он, - Пожалуй, этот вопрос мы сможем уладить прямо сейчас.

- Да? - удивился капитан Воробей столь легкому соглашению. На его памяти Гарри никогда не сдавался так быстро. Это могло говорить о каком-то подвохе, но Джек не мог не воспользоваться моментом и тут же рискнул дополнить просьбу:

- Нам потребуются и люди, чтобы все перенести. Команда «Черной Жемчужины» сильно сократилась... за последнее время...

- Я понимаю, Джежки, - поддержал его Тиггс, отеческим тоном, - Уверяю, что трудностей с доставкой не возникнет.

Капитан Воробей взглянул в глаза старого пирата с настороженной недоверчивостью. У Хромого же был слишком довольный вид для человека, который по доброй воле расстаётся с имуществом внушительной ценности. Тем временем Гарри демонстративно извлек из кармана пригоршню монет и, отсчитывая их одну за другой, выложил перед Джеком.

- Это твоя доля, - пояснил Тиггс, заметив, с каким недоумением капитан «Черной Жемчужины» наблюдает за его действиями.

Джек вдруг почувствовал, что дыхание сбилось как от удара под дых. Мысленно выругавшись, он все же не желал поверить, что все происходящее не шутка.

- Признаться, мне казалось, что доля должна быть несколько... больше... - пробормотал Воробей и, выдавив улыбку, вновь перевел недоуменный взгляд на золотые кружочки монет, лежащих перед ним.

- Так оно и было, - как ни в чем не бывало, согласился старый пират, поднимаясь с места и присаживаясь на край стола, - Как ты помнишь, Джек, ты был должен мне, и твой кредит несколько затянулся. Однако, доля сингапурских сокровищ с лихвой покрыла всё, включая проценты. Ты освободился от долга и, как видишь, кое-что даже осталось. Чужого мне не нужно, ты знаешь.

- Но моя доля была не так уж и велика... чтобы покрыть весь долг, - начал было Джек.

- Она возросла, после того, как многие из твоей команды погибли, - возразил Тиггс. Он умолк, наблюдая, как вытянулось лицо капитана Воробья, который явно не был готов к такому повороту событий. Пауза длилась и длилась.

- Признаться, я надеялся, что ты продлишь кредит, - сделал попытку Джек с деланной беспечностью, но Хромой Гарри и не думал поддаваться.

- Я достаточно долго ждал, Джежки, - возразил он, - А учитывая опасности нашей профессии, ожидание – непозволительная роскошь.

В кают-компании снова повисла пауза. Капитан Воробей не желал отступить не получив совсем ничего. Он не сомневался, что Хромой подготовился к этому разговору. Пистолет так ненавязчиво лежащий на столе, несомненно, был заряжен. Но, несмотря на это, Джек взирал на Тиггса вызывающе нахально. Пришла пора изменить тон.

Когда-то кредит Гарри помог начинающему пирату снарядить в плавание его первый корабль под черным флагом. С тех пор прошло слишком много времени, проведенного вдали от Тортуги, и Джек позволил себе забыть об этом

долге. Но как оказалось, кредиты Хромого Гарри нельзя погасить за сроком давности. Даже если этот должник – старый знакомый Джекки Тейкер.

- Хочу заметить, что ты должен передать часть сокровищ моей команде, - без малейшего смущения напомнил капитан Воробей, - Ведь тебе не нужно чужого, верно? А мои парни имеют право на свою долю так же, как и я.

- Верно, как я понимаю, ты говоришь о рулевом Коттоне, боцмане Гиббсе, и двух матросах Гектора Барбоссы? - продемонстрировав свою осведомленность, иронично усмехнулся Хромой. Капитан Воробей кивнул, и старый пират продолжил:

- Они получают, что им причитается. Но чтобы не возникло никаких недоразумений, - Тиггс сделал выразительный акцент, - Я передам им их часть, когда они придут за ней сами. Смекаешь?

Пираты сверлили друг друга пристальными взглядами. Что и говорить, Тиггс был мастером по части неоспоримых доводов. На «Картахене» Джек находился, целиком и полностью в его власти, и потому ему ничего не оставалось, как смириться с обстоятельствами. Или хотя бы сделать вид, что смирился.

Тщательно взвесив все «за» и «против», капитан Воробей наконец-то произнес ожидаемое:

- Что ж, пожалуй, ты прав!

Тиггс одобряюще усмехнулся.

- В конце концов, у меня ведь остается еще часть от общего сбора! - добавил Джек, - Ведь по кодексу общий сбор делится между всеми, кто принимал участие в бою. И как ты знаешь, «Черная Жемчужина» заслужила награду как никакой другой корабль!

Он был уверен в своих словах как никогда, но как оказалось у Гарри и в этом случае имелось особое мнение:

- Не могу отрицать заслуг твоего экипажа, Джек, - согласился Тиггс, - Правда, чтобы получить эту награду, тебе самому придется вложить в неё одну пятую часть добытого в Порт-Ройяле. Так, когда ты готов её внести?

«Проклятый хореk» - молча выругался Воробей, оценив познания Хромого Гарри в области пиратского Кодекса. Старый пират явно клонил к чему-то невыгодному, но капитан Воробей старался предотвратить несправедливость всеми силами своего изворотливого ума:

- А разве я должен её вносить? - заявил он, после некоторого молчания, - Благодаря старанию Барбоссы моя команда не получила и десятой части того, что должна была. Не вмешайся Гектор, мы бы уладили дело с Джонсом гораздо проще и быстрее. И вместо того чтобы сражаться с рыбаками, моя команда тоже бы прогулялась по городу. Ведь все, что вы получили в Порт-Ройяле, вы получили благодаря мне.

Тиггс выслушивал его почти безразлично, выбивая из трубки горячий пепел, а Джек чувствовал, как разгорается в его душе благое возмущение. На гребне этого чувства и в состоянии острой денежной недостаточности в голову приходили фразы одна другой вдохновеннее. Пират собирался продолжить приводить аргументы в свою пользу, как вдруг Хромой сказал:

- До меня дошли слухи, что твои приобретения не так уж и скудны, Джек, - он выразительно взглянул на капитана Воробья и заметил, что тот воплощает собой само недоумение.

- Речь о той белокурой красотке, что вернулась с тобой из Порт-Ройяла, - объяснил Гарри, - Я мог бы порекомендовать тебе взять за неё выкуп и внести его часть в общий сбор, но, как понимаю, тебе это придется не по нраву. Так в чем же, по-твоему, не справедливость? По мне так все определено: ты или оставляешь красотку себе в целости и сохранности, или получаешь часть общего сбора. Или ты считаешь, что я должен позволить тебе участвовать в дележе, потому что ты героически воспользовался помощью Братства в личных целях?

- Мы воспользовались, - поправил Джек.

- Пусть так, - усмехнулся Тиггс, и, взяв в руки пистолет, начал показательно его рассматривать, - Но тебе нечем это доказать, ведь оба свидетеля мертвы.

По выражению лица противника Гарри понял, что, фигурально выражаясь, наконец-то припер его к стенке. Однако Хромой не мог даже и заподозрить, что его последняя фраза навела капитана Воробья на весьма интересную мысль.

- Предположим, что я внесу часть в общий сбор, - сказал Джек, после легкого раздумья. Вид его снова выражал полнейшее спокойствие.

- Тогда «Черная Жемчужина» получит из него свою долю, - самодовольно ответствовал Хромой, - Обещаю это, как хранитель Кодекса.

- Отлично, - заметил с улыбкой капитан Воробей, - Кстати, вдовы, по-прежнему, участвуют в дележе?

Теперь пришла очередь удивляться Хромому. Он взглянул на Джека с видом, выражающим непонимание, каким образом тот относится к вдовам, но капитан Воробей уже сочинил свою легенду:

- Помнишь юнца, что сопровождал меня и Барбоссу, во время наших с тобой переговоров?

Тиггс нахмурился, явно не припоминая о ком речь, но, угадав момент, Джек уже не отставал:

- Это был сынок Прихлопа Билла. Уильям Тернер-младший. Славный малый, погиб как подобает пирату! У него осталась... жена... - вдохновенно лгал Джек, припоминая заплаканную Чунмин, - Ведь ей нужно теперь на что-то жить.

Тиггс смотрел заинтересованно. Хорошеньким молоденьким вдовам он сочувствовал особенно живо, и Воробей уже не сомневался в его ответе:

- Что ж, я не возражаю, чтобы вдова этого Тернера участвовала в дележе. Учитывая её потерю. Однако, как ты понимаешь, она получит свою долю только в собственные руки. Приводи её как-нибудь с собой.

Поздравив себя с первой победой в этом словесном поединке, капитан «Черной Жемчужины» согласно кивнул, и взгляд его вновь невольно упал на краешек карты, высунувшийся из шкатулки Беккета. Вдруг весь корпус «Картахены» страшно дернулся, и Джек почувствовал, как летит на пол. Затем что-то больно стукнуло его по ноге. А через мгновение зажмурившийся капитан Воробей услышал скрип дерева, сливающийся со звоном падающих безделушек и монет. А так же брань матросов, доносившуюся с верхней палубы даже сюда. Судя обрывками их фраз, проскальзывающими между нецензурными выражениями, «Картахена» только что благополучно села на мель.

- Три тысячи чертей! - взревел откуда-то Тиггс, судя по всему, так же оказавшийся на полу.

Джек открыл глаза и увидел, что едва ли не весь «золотой запас» Хромого, возлежавший на столе, теперь разбросан по полу, а то, что так сильно ударило по ноге, является габаритной шкатулкой Беккета. Медлить было нельзя. Разыскав среди рассыпавшихся по полу документов карту с надписью «Isla Мона», Джек мгновенно запихнул её в карман камзола и, собрав побольше монет, поспешил встать на ноги.

Тиггс представлял собой страшное зрелище. Едва выбравшись из-под «завалов» своей же добычи, он обводил кают-компанию яростным взглядом, явно пытаясь найти пистолет. Не желая быть свидетелем дальнейших событий, Джек быстро заявил: «Раз мы обо всем договорились, увидимся позже!», и поспешил ретироваться.

***

«Почему-то у меня такое странное чувство, что стоит мне что-то найти, как я тут же это теряю» - размышлял капитан Воробей, разглядывая свою долю сокровищ Сяо Фенга, которая, как оказалась, целиком умещается на его ладони. «Впрочем, если я что-то и теряю, то тут же нахожу!» - горделиво успокоил себя пират, помещая монеты обратно в свой карман, отягощенный

еще несколькими пригоршнями золота, так ловко реквизированными при посещении «Картахены».

Меж тем накренившийся на бок линкор постепенно отдалялся. Коттон старательно налегал на весла, и Джек, усевшись в шлюпке удобнее, начал изучать еще одно свое приобретение. Карта едва ли не жгла ему руки, хотя на первый взгляд в ней не было ничего особенного. Добротная, но потрепанная бумага без каких-либо знаков и гербов указывала на то, что художник, изобразивший на ней очертания Исла Моны, мог являться кем угодно. Но бывшего морского офицера Джона Брайтена было не провести. Витиеватая роза ветров и четкие почти каллиграфические надписи выдавали руку профессионального королевского картографа. Точки нескольких городишек, путь сквозь джунгли, место удобной швартовки и особенно маленький крестик в юго-восточной части островка, отмеченный чьей-то прилежной рукой, радовали пиратский глаз как ничто.

За время столь плодотворного пребывания на посту губернатора Ямайки, лорд Беккет просто не мог доверить все свои доходы только губернаторскому казначейству. Оно бы их попросту не вместило. И как у любого порядочного мошенника, для таких целей у мистера Катлера вполне мог быть на примете какой-нибудь тихий островок. Едва заселенная Исла Мона, как никакое другое место годилась для того, чтобы стать таким тайником. Рассматривая карту, Джек усмехнулся. Лорд Беккет постарался, чтобы документ выглядел так, будто он когда-то принадлежал контрабандистам. Все было «по правилам». На полях имелись упреждающие отметки с указанием времени и дат, когда к острову прибывают королевские суда, непонятные цифры, которые вполне могли сойти за небрежные расчеты прибылей, и загадочные надписи: «Ромовый сундук», «Ветхий дом», «Тайник капитана Лебеда». Все это не вызвало бы подозрений ни у одного чиновника, но капитана Воробья кое-что наводило на обнадеживающие мысли. Среди контрабандистов и пиратов Джек не знал никакого капитана Лебеда, зато он отлично был знаком с мисс Элизабет, носящей подобную фамилию, почивший папенька которой до недавнего времени так же занимал пост губернатора Ямайки. Название «Тайник капитана Лебеда» - было шуткой вполне в духе лорда Беккета и, размышляя об этом, Джек все больше уверялся, что в его руки попал документ, указывающий путь к настоящей золотой жиле. «Пусть Гарри оставит сокровища Фенга себе» - усмехался пират, представляя, как вернется на Тортугу гораздо богаче, чем он мог себе представить.

Впрочем, несмотря на такое великодушие, капитан Воробей ни в коем случае не желал отказываться и от части общего сбора. Это было уже делом принципа. Раз Гарри хочет одну пятую часть от их добычи, он её получит, и сундучок, в котором хранилось Сердце Джонса, вполне может сгодиться на её роль. Какова добыча – такова и часть от неё, что же тут поделывать? Помимо части от общего сбора Джек собирался присовокупить к своим доходам и «вдовью долю» Чунмин. Пират, конечно же, и не думал посвящать девушку во все подробности своей аферы. Он был уверен, что заручится помощью подруги без хлопот, ведь добрая птаха всегда была готова ему помочь. И ничего не было лучше такой бескорыстной дружбы.

На фоне всех этих благостных мыслей, капитана Воробья все же беспокоила пара обстоятельств. Осуществлению его планов могли помешать. Во-первых, это мог сделать сам лорд Беккет, если он пережил разграбление Порт-Ройяла. А кроме него - Гарри Тиггс, если он рассмотрел, что за клочок бумаги попал в его руки и теперь хватиться пропажи. Одним словом, приключение обещало быть увлекательным и медлить с ним не стоило.

- Готовить корабль к отходу! – скомандовал капитан Воробей, как только поднялся на палубу «Черной Жемчужины», - Немедленно!

- Как?.. Уже?! – поразился мистер Гиббс.

Такое решение повергло команду в полное замешательство, однако, как и прежде, капитан Воробей, казалось бы, этого не заметил и ничего не стал объяснять. Коттон безропотно встал к штурвалу, но чтобы остальные матросы приступили к работе, Гиббсу пришлось напомнить им об их обязанностях в

довольно резких выражениях. Боцман сочувствовал парням, прекрасно понимая их недовольство. Он и сам рассчитывал провести этот вечер в городе, однако, судя по взгляду Джека, сразу становилось ясно – с исполнением приказа лучше не медлить. Отдав привычные распоряжения, Гиббс подошел к капитану, который все же подкрепил шаткий энтузиазм команды очень красивой и туманной речью о некоем El Dorado¹⁰⁴, а затем направился в кают-компанию, пребывая в отличном настроении.

- Кэп! Там в вашей каюте!.. – спохватился Гиббс, заметив, что капитан шагнул к дверному проему своего обиталища. Однако, полностью увлеченный горами золота, возвышавшимися в его воображении, Джек не обратил на слова боцмана никакого внимания. Улыбаясь своим мыслям, пират шагнул в тень кают-компании и вдруг остановился на пороге так резко, что подоспевший следом мистер Гиббс едва не наткнулся на его спину. Сидевшая за капитанским столом Элизабет подняла взгляд от одного из ветхих документов Беккета, который она внимательно рассматривала, и смотрела прямо в глаза Джеку.

***

Ранее, утром этого же дня...

Мисс Свон стояла у планшера, не сводя взгляда с носовой оконечности «Летучего Голландца», и душа её терзалась сомнениями. Еще минуту назад воспоминания о доме и былой жизни уже казались лишь призраками, давно покинувшими этот мир, и вот теперь они возникли вновь, словно воплотившись в мертвом корабле, покоившемся на волнах прямо перед ней. Элизабет охватило беспокойство отчасти смешанное с чувством вины. Ведь возможно Уильяма можно было еще вернуть? Спасти его и себя. Но что, если «Летучий Голландец» принадлежит не Уиллу? Меньше всего на свете мисс Свон хотелось вновь оказаться на борту проклятого корабля, особенно если его капитаном был Барбосса. Эта мысль пришла в голову сама собой, а ведь еще год назад Элизабет, столь самоотверженно преданная своему возлюбленному, даже не задумалась бы о такой вероятности.

После столь долгого расставания и до того как обстоятельства разлучили их вновь, мисс Свон едва успела встретиться с Уильямом взглядом. Она смотрела в глаза своего жениха всего несколько секунд, но только сейчас смогла по-настоящему увидеть его. Увидеть не только влюбленного юношу, верного рыцаря романтического образа, каким она всегда его представляла, но и самого человека, которого так долго она не замечала, сосредоточившись лишь на своих мечтах. Уилл как-то неуловимо изменился. Элизабет посмотрела на него будто со стороны и впервые заметила, как он повзрослел. Несомненно, он по-прежнему был человеком слова и чести, тем же славным малым, готовым пожертвовать собой ради других, и все же в одночасье он стал совсем чужим, не её. Теперь у мисс Свон не оставалось сомнений. Простой оружейник Уилл действительно словно затерялся в восточных морях, и Элизабет ощущала, как чувства, что связывали её с ним, истончились и развеялись, будто детские мечты, которые она переросла.

Вместе с ними исчезала и кажущаяся определенность, которая виделась ей в жизни будущей миссис Тернер. Ведь Элизабет хорошо знала, каким был её вымышленный пират Уильям, но совершенно не представляла себе каков Уилл, ставший капитаном «Летучего Голландца».

- Интересно... крепко ли Марти привязал в кормовой части шлюпку? – раздалось из-за спины и сердце девушки сжалось. Она не нашла в себе сил взглянуть сейчас на Джека. На этот раз он не упустил своего шанса проявить благородство, как всегда, впрочем, делая вид, что он не имеет к этому понятию абсолютно никакого отношения. Однако теперь мисс Свон как никогда прежде не хотела вновь оказаться во власти «Летучего Голландца».

---

¹⁰⁴ El Dorado (исп. «золотой») – Эльдorado. Мифическая страна золота и драгоценных камней, «где сокровища эти так же обычны, как у нас обыкновенный булыжник». Первое появление сказания об этой стране связано с открытием Америки.

Добровольное возвращение на корабль морского дьявола казалось ей сейчас почти невыносимым, впрочем, решиться остаться на «Черной Жемчужине» также было не просто. Однако Элизабет все же была готова рискнуть. Она не хотела лишать Уилла надежды найти любовь, что сможет его освободить. А, кроме того, Элизабет действительно нравилась пиратка, в которую она перевоплощалась рядом с капитаном Воробьем. Лиззи-Заноза, как он называл её. Она любила ветер, наполняющий паруса их корабля. Любила и странное единение отчаянных душ, которое возникает между теми, кому не на кого больше положиться. И сам Джек нравился ей не меньше. С ним действительно невозможно было расстаться.

Все это время, почти с самого момента их экстравагантного знакомства, воспоминания о капитане Воробье возникали в памяти мисс Свон сами собой хотя бы раз в день, не зависимо от происходящих событий или тем разговоров. Он был её дурной привычкой, от которой невозможно избавиться, потому что без неё уже невозможно представить свою жизнь.

Подумав еще несколько секунд, девушка поежилась под прохладным утренним ветром.

- Что ж... Риск - дело благое.... - решительно прошептала она.

Её выбор был сделан.

***

- Госпожа Элизабет? – послышалось с нижней палубы, и мисс Свон сразу же узнала обладательницу этого кроткого и встревоженного голоса, которая притаилась в тени трапа.

- Вы остаетесь?! – Чунмин не верила своим глазам. Невероятно... ведь, как она уверяла себя все это время, мисс Элизабет должна была быть очень храброй. Кроме того, разве она не выглядела прекрасной в своем новом наряде? Разве не для своего любимого вернулась она из мира мертвых? Разве могла она сомневаться в том, что любовь спасет Уильяма от проклятия, после того как узнала, что это возможно? Но, похоже, что Элизабет действительно сомневалась. Она ушла с палубы добровольно, отказавшись даже от надежды быть с тем, кого любила, и, глядя ей вслед, Чунмин невольно спросила себя: «Ради него ли она вернулась?»

Тем временем, гордо прошествовав мимо изумленной девушки, Элизабет не собиралась ничего ей объяснять. Она думала, что если её присутствие и доставит этой «знакомой» капитана какое-то неудовольствие, то она не желает об этом знать. Больше всего на свете мисс Свон сейчас хотелось побыть одной, лечь на кушетку в темной каюте Тиа Далмы и уснуть, убедив себя хотя бы на мгновение, что все происходящее лишь плод воображения. К счастью китаянка не собиралась ни следовать за ней, ни задавать какие-либо вопросы.

Как только мисс Элизабет скрылась из вида, Чунмин почти бегом бросилась на верхнюю палубу. Ей потребовалась лишь секунда, чтобы решиться. Ведь нужно только взобраться на планшир, перейти на руслень, а затем прыгнуть за борт и плыть к берегу, до которого было совсем не далеко. Всего несколько минут, и вот ноги уже бегут по полосе прибоя, зарываясь в мокром песке и гальке. «Черная Жемчужина» скрылась за склоном холма, но, стремясь как можно скорее перебраться через нагромождение камней, разделяющее соседствующие бухты, Чунмин видела лишь «Летучий Голландец».

Становясь ближе, корабль-призрак выглядел таким же пугающим и величавым как прежде, но Чунмин спешила навстречу ему с уверенностью, какая может быть свойственна лишь влюбленным. Усматривая надежду даже там где её нет, где другой человек отступит перед опасностями, зачастую придуманными им же самим, влюбленные идут до конца, не взирая ни на какие возможные трудности. И эта упрямая надежда, что в финале непременно ждет то, чего они так ожидают, вероятно, и есть самая большая их сила и счастье.

Впрочем, сейчас «Летучий Голландец» казался лишь безмолвным и необитаемым осколком чужой реальности, который в человеческий мир случайно занесла неведомая сила. Ни единого живого или мертвого существа не было видно ни на его палубе, ни на марсах, ни на реях. Чунмин шла вдоль

пляжа, не сводя с корабля взгляда. От волнения её сердце колотилось как бешеное, но, наконец, тот, кого она надеялась увидеть больше всего, показался на капитанском мостике.

- Уилл!.. – имя сорвалось с губ само собой. Его краткость была еще так непривычна, ведь каждого уважаемого человека, по разумению Чунмин, нужно было называть только его истинным и полным именем. Но сейчас она просто не могла сказать иначе. Пронзая тишину, это имя привлекало внимание, словно самый искренний и отчаянный призыв. Замерев на мгновение на месте, Чунмин махнула рукой и крикнула еще раз:

- Уилл!

Он обернулся.

Несомненно, проклятый корабль оставлял отпечаток в душе того, кто владел им. Теперь Уильям узнал, капитан «Летучего Голландца» обладал не только сверхъестественной возможностью повелевать морями и ветрами. Он ощущал свой корабль так, словно тот был живым существом и, пожалуй, теперь Уилл понимал привязанность Джека Воробья к его «Черной Жемчужине».

Отныне «Летучий Голландец» был не просто кораблем, он стал товарищем по несчастью, и Уильям осознавал, что стоит ему пожелать, и его корабль поднимется с глубины, опустится на самое дно или беспрепятственно пройдет между рифами. Его не смогут остановить ни штили, ни ураганы. «Летучий» не подчинялся морю, ведь он и был самым морем. Невообразимая, искушающая, дьявольская сила, но и это было еще не все. Новому капитану доставался весь опыт, накопленный его предшественниками, а так же ощущение неизбывной печали, которая уготована тому, кто навсегда расстанется со своим домом. В памяти Уилла запечатлелись все события, происходившие на «Летучем Голландце» с тех самых пор, как его первый капитан обрек себя на проклятие. Ван дер Декен, Дейви Джонс, Гектор Барбосса... Уилл Тернер унаследовал их знания вместе с их воспоминаниями так, будто участвовал в жизни каждого. Теперь же, теряясь в смещении своего и чужого восприятия мира, капитан «Летучего Голландца» смотрел в сторону берега и не мог вспомнить, кто эта девушка, что звала его. И все же, где-то в глубине его души еще теплилось ощущение, что именно она всегда была нужна ему как никто.

Спустившись с капитанского мостика, Уилл перебрался на ближайшие ванты. Напряженно всматриваясь в одинокую фигурку, неизвестно откуда явившуюся на этом диком пляже, капитан Тернер, наконец, узнал её. Несомненно, это была Чунмин. Словно вынырнув на поверхность из темной, давящей глубины, и, несмотря на былой дурман зелья Тиа Далмы, Уильям вспомнил каждое свое слово и каждый поступок. В мгновение ока перед его мысленным взором пронесли воспоминания: сражение и захват «Черной Жемчужины», погибающий Прихлоп, Элизабет и Джек, почти обнявшиеся на планшире «Летучего Голландца» и торжествующее лицо Барбоссы, искаженное неимоверной злобой. Последней в его памяти возникла девушка, вырывающаяся из рук пиратов и не желающая поверить в то, что Уилл сам оттолкнул её к врагам.

Больше всего он был виноват перед ней. Но все же именно Чунмин ждала его сейчас на берегу, она, а не Элизабет.

Элизабет – самое прекрасное имя на свете. По крайней мере, так казалось раньше. Прекрасное имя, гордое и благородное, как и его обладательница, и такое же упрямое. Как трудно было с ним сладить! Сначала заставить себя отказаться от обращения «мисс Свон», а затем, смирять желание называть любимую просто Лиззи. Со временем, то, что ощущалось как недопустимая вольность, стало казаться непреодолимым пороком. Но, судя по всему, то, что не мог преодолеть кузнец и пират Уилл Тернер, преодолел кто-то другой. Теперь все это вызывало лишь улыбку...

Где бы ни была сейчас Элизабет, отныне она была свободна и жива, и Уилл больше не мог ничем ей помочь. Но он почти не беспокоился за неё. Девушка, сумевшая спастись с «Летучего Голландца» и выбраться из Чертовой

Прорвы могла постоять за себя и сама, не ожидая помощи от того, кто остался с ней рядом.

Уилл бросился в море и поплыл к берегу. Увидеть Чунмин вблизи и узнать, что с ней все в порядке, вот все что он хотел, перед тем, как покинуть сушу навсегда. Карта, указывающая все опасности, поджидающие мореплавателей, отныне принадлежала капитану Тернеру. А значит лучшее, что он мог теперь сделать – посвятить себя тому, чтобы предупреждать и спасать других моряков.

Плыть было на удивление легко. Волны сами по себе вынесли Уилла к берегу, не давая ощутить ни малейшей тяжести тела. Через минуту капитан Тернер уже шел по отмели, будто сам океан возвращал его миру живых. Разорванная рубаша еще сохранила кровавый след, но сама рана уже затянулась и обратилась в заживший шрам. Нож, что нанес этот смертельный удар, покоился в своих ножнах на поясе хозяина так же, как и шпага, убившая капитана Барбоссу.

Капитан «Летучего Голландца» остановился в нескольких шагах от Чунмин, не говоря ни слова. Внешне он оставался прежним, тем же молодым искателем справедливости с открытым и прямым взглядом. И все же, взглянув на Уилла Тернера сейчас, нельзя было не понять – у него не было возраста. Эту перемену Чунмин почувствовала сразу. Она внушала ей страх, но, несмотря на зарождающееся ощущение непонятной опасности, девушка шагнула Уиллу на встречу и обняла его, продолжая отчаянно надеяться, что он не смог её забыть...

- Чунмин... - услышала она, наконец, его голос, - Ты... жива... Ты простишь меня?..

Он говорил со всем сожалением, какое мог выразить:

- Тогда, на «Жемчужине»... я должен был тебя защитить...

- Но ведь это ты научил меня защищаться, - сказала Чунмин с улыбкой, взглянув ему в глаза. Легко прикоснувшись к его губам кончиками пальцев, она призвала Уильяма к молчанию:

- Ничего не говори, - почти прошептала Чунмин, - Ты не мог стать таким жестоким. Я знала... это все проклятое колдовство Тиа, но теперь ты вернулся и ты жив...

Её взгляд лучился надеждой, но Уилл лишь печально покачал головой:

- Капитан «Голландца» может сойти на сушу лишь раз в десять лет, и только в этот день он возвращается к жизни, - Уилл словно и сам недоумевал, откуда он знает все это, - У меня есть лишь день...

- Но как же твоя команда?.. – горячо возразила девушка, отказываясь верить, что выхода нет, - Они исчезли. Значит, они освободились?

- Я отпустил их. Ведь кораблю, чьи паруса всегда наполнены ветром, команда не нужна, - ответил ей Уилл, и его грустный взгляд на мгновение озарился прежним мальчишеским озорством. - Мне моей участи не изменить, но как капитан я решил, что отныне «Летучему Голландцу» будут служить только те, кто пожелает этого сам.

- Тогда я хочу вступить в твою команду, - сказала Чунмин. Вцепившись в его рубашу, она отказывалась прощаться. В ответ же Уильям лишь крепче сжал её в объятиях. Трудно было поверить, но шелк платья, облегающий её плечи, еще сохранял тонкий цветочный аромат. Такое хрупкое, но все же живучее, необычное дыхание самого востока. И оно дарило сейчас мимолетное, упоительное ощущение, которое являлось одной из мелочей окружающего мира, и неожиданно могло запомниться на всю жизнь.

- Нет, - с трудом осилил Уильям, - Я знаю, что сотворит с нами море, и тебя на это не обреку.

Он печально улыбнулся:

- Я слишком люблю тебя, птаха...

Теперь можно было признаться себе во всем – это нежданное чувство существовало. Оно росло и крепло с каждым днем, одолевая ревность и обиду в душе Уилла, и придавая сил и смелости Чунмин. Это чувство давало им возможность взглянуть на мир другими глазами и осознать, что кроме врагов в

нем есть и друзья. Чунмин была искренне благодарна Уиллу за это. Сейчас, ей просто хотелось сохранить для себя хотя бы малую частицу человека, которого она любила. Запомнить ощущение тепла его прикосновения, его дыхания, прежде чем отпустить от себя навсегда. Голова кружилась, и руки дрожали.

- Я чувствую то же, что и ты, - тихо сказала Чунмин, - Я ничего не боюсь, если ты рядом... Вильям, я хочу остаться с тобой...

Не дослушав, Уилл снова отрицательно покачал головой, но, смущаясь, девушка все же закончила:

- Хотя бы сейчас...

Уильям благодарил провидение за то, что Чунмин не могла знать, что переживет сейчас он сам. Осознавая, каково ей было принять это решение, капитан Тернер в то же время будто слышал голоса тех, кто старался подменить его собственную волю своей:

«Смелей, парень, не стоит отказывать крошке. Тем более ты и сам давно был не прочь. Хватит изображать благородного болвана!» - глумился капитан Барбосса. «Глупо упускать столь благое стечение обстоятельств, десять лет срок не малый, уж поверь», - вкрадчиво добавлял от себя Джонс. Следом, судя по всему, вступался и Ван дер Декен. Правда, его наставлений Уилл не понимал, так как они оставались на голландском.

- Я хочу, чтобы ты стала моей женой, - сказал капитан Тернер, заставляя своих предшественников на должности разочарованно умолкнуть, - Выйдешь за меня?

Уилл с горечью понимал, что эта храбрая девушка заслуживает гораздо больше, чем брачные клятвы, которые так и не будут исполнены до конца. Но все же, он не мог покинуть её, ничего не отдав взамен. На его вопрос Чунмин лишь согласно кивнула.

Они почти бежали по тихому селению, словно дети. Одаривая друг друга улыбками, взявшись за руки и не обращая внимания на оглядывающихся на них редких прохожих. «Парочка», - хмыкнула какая-то старуха, завистливо засмотревшись им в след. В рыбацкой деревушке, состоящей из нескольких десятков домишек была всего одна главная улица, и, как водится, именно она вела к церкви.

Выйдя до нитки и парень, и его подруга явно провели всю ночь под дождем, прежде чем решили связать свои судьбы. Впрочем, обстоятельства их решения заключить брак местного священника интересовали мало. На этом проклятом острове ему попадались и более странные пары, желающие обвенчаться в этом глухом месте и «как можно скорее». Однако кое-какие правила все же необходимо было соблюдать даже тем, кто платит очень дорогим жемчугом. Взглянув на невесту, святой отец посчитал своим долгом каверзно уточнить крещена ли она. На это жених поспешил заверить, что его возлюбленная всем сердцем принимает церковь и веру.

- Хорошо, - недоверчиво согласился священник, и елеинно обратился к самой Чунмин, - Как твое имя во Христе, дитя моё?

Уилл замешкался, пытаясь что-нибудь выдумать, но прежде чем он успел собраться с духом, Чунмин его опередила. Она уверенно назвала единственное подходящее имя, которое знала, и которое не решался произнести сам Уильям.

- Я Элизабет... - сказала невеста без малейших раздумий.

Покачив для видимости головой, святой отец все же сделал вид, что принял этот ответ и, упрятав «пожертвование прихожан» в карман, начал венчальное таинство. Все прошло обыденно, скромно и тихо, и почти никто не обратил внимания на двух незнакомых молодых людей, вышедших из церкви, а затем направившихся в сторону Пасти Дьявола. И это было к лучшему, ведь оставшиеся до расставания часы Уильям и Чунмин хотели посвятить только друг другу.

***

Джек моргнул еще раз и даже потряс головой, однако видение не исчезало.

Последний раз капитан Воробей удивлялся так сильно, когда встретил мисс Свон в Чертовой Прорве. Сейчас же он подумал, что Элизабет владеет настоящим талантом к неожиданным появлениям, раз ей удалось привести в полнейшую растерянность его – того, кто научился справляться с этим неприятным чувством уже лет двадцать пять назад. Впрочем, там, где находилась мисс Свон, ни в чем нельзя было быть уверенным. Совладав с удивлением, капитан Воробей изрек тоном ученого, сделавшего открытие:

- Определенно это не Чунмин...

Гиббс, мавшийся в дверях за его спиной, тут же встрепенулся и подтвердил:

- Э... верно, сэр! Я хотел сразу вам сказать... Мол, когда отправился на нижнюю палубу за мисс Чунмин, как вы приказали... - боцман обратился к Элизабет умоляющий о помощи взгляд, но девушка молчала, - То вместо неё нашел мисс Свон.

«Неожиданно» - подумал капитан Воробей. В душе его творилось нечто невообразимое, и справиться с водоворотом всех противоречивых ощущений не хватало ни сил, ни желания. Это были одновременно знакомые, и в тоже время совсем иные чувства, для которых так трудно было подобрать словесное обозначение. Сначала возникла странная радость. Совсем как в первые секунды в Чертовой Прорве, когда пришло осознание того, что долга Джонсу больше не существует. Затем последовало недоумение, как в момент, когда волшебный компас отказался указывать направление к Гавани Проклятых. И, наконец, его посетила мысль о том, что во всем опять виновата она – Лиззи, Заноза, пиратка. Джек и сам не подозревал, что во фривольной привычке время от времени обращаться к мисс Свон так, как не положено грязному пирату, кроется опасность и для него самого.

Страшнее всего было то, что сейчас из головы мгновенно выветрились все мало-мальски разумные мысли, и как ни старался капитан Воробей ответить боцману что-то остроумное, фантазии хватило лишь на: «Спасибо... что предупредил...» Сообразив, что его присутствие больше не требуется, Гиббс с готовностью исчез с порога кают-компании, а Джек на негнущихся ногах шагнул вперед, чувствуя нечто схожее с легкой паникой.

Значит, Элизабет все же осталась. Как? Когда? И почему черт её дерит!? Он только что свикся с её окончательным исчезновением, а эта бестия является вновь с самым невозмутимым и невинным видом, смеет сидеть за его столом, читать его бумаги... И именно сейчас, когда «Черная Жемчужина» должна убираться с Тортуги на всех парусах. Но, несмотря на благое возмущение, Джек понимал, что хочет верить лишь в одну причину, подвигнувшую Элизабет к этому решению. И в данный момент это была самая приятная для него причина. Однако пират искренне надеялся, что его вид ни каким образом этого не выдает. Ведь, в конце концов, он капитан Воробей!

Конспирация удавалась даже в большей мере, чем он мог себе представить. Вальяжной походкой хозяин кают-компании подошел к нежданной гостье, совсем не подозревая насколько нахальной улыбкой сама по себе озарилась сейчас его физиономия. Мисс Свон поднялась на ноги. Теперь она стояла напротив Джека. Обратившись взглядом к отложенным бумагам, будто школьница, ищущая в них подсказку, она снова взглянула на капитана Воробья. Джек заметил, что среди бумаг Беккета, до которых успела добраться Элизабет, был приказ об аресте самой мисс Свон, а так же приказ об аресте Уилла Тернера, и оба эти документа оказались аккуратно разорваны на множество частей.

Чувствуя, что молчание затягивается как петля на шее, пират, наконец, задал самый животрепещущий и опасный в данной ситуации вопрос:

- А как же теперь Уильям?

Удержаться было трудно. Вопрос получился довольно язвительным, и темные глаза мисс Свон внезапно стали словно бы еще темнее. Она отвела взгляд.

- Должно быть, теперь он ищет ту, что избавит его от проклятия, - почти безразлично предположила Элизабет, рассматривая стол. Ей казалось, что

сердце в её груди колотилось так сильно, что вот-вот начнет биться о ребра. Связки не слушались, откликаясь странным, чужим голосом. Удивительно сколько чувств, сомнений и желаний одновременно могут одолеть человека. Один взгляд, один вопрос, одна невыполненная немая просьба и вот уже уверенность и храбрость сменяется разочарованием неверно сделанного выбора.

- Я поняла, что больше не могу ему помочь, - сказала Элизабет. Она призналась во всем, не сказав при этом ничего особенного. Понимая, что теперь самым естественным будет вопрос: «Почему?», Джек не без гордости подумал: «Моя выучка...». Их взгляды встретились: его, горящий азартом и интересом, и её – прямой и бесстрашный, но все же настороженный.

- Да... не завидная, однако, у него участь, правда?.. - промолвил пират, - Впрочем, думаю, ему не придется долго искать.

Элизабет недоуменно сдвинула брови, и капитан Воробей счел своим долгом поскорее избавить её от печали по поводу судьбы вероятного морского дьявола. Ведь совесть, как показывала практика, могла подвигнуть мисс Свон на многое.

- Видишь ли, - деликатно начал капитан, обходя вокруг Элизабет, - Сразу после отбытия из Гавани Проклятых мне случайно довелось выяснить, что все это время Уильям знал про наше с тобой прощание несколько больше, чем тебе хотелось бы, Лиззи.

Остановившись у неё за спиной, пират осторожно положил руки на плечи Элизабет и, скорбно понизив голос, добавил:

- Иными словами, он все видел.

Не пытаясь воспротивиться, девушка замерла на месте, и лишь слегка повернула голову в сторону пирата. Он же в свою очередь поспешил разъяснить все подробности, пока она осознала то, о чем догадывалась уже давным-давно:

- Признаться, я благодарен тебе, любимая, - доверительно нашептывал он ей на ухо, - Ведь ты постаралась соблюсти моё *renomée*¹⁰⁵, не раскрыла истинной причины моего путешествия в Чертову Прорву. Но, как оказалось, Уильям решил, что помимо благой цели вдохновить меня на подвиг, ты преследовала и какие-то личные интересы. А потому после твоего исчезновения в Чертовой Прорве он счел возможным заприметить малышку Чунмин.

- Впрочем, возможно это она его заметила... - задумался вдруг пират, - В любом случае нашей птички нет на «Черной Жемчужине», и это значит, что сейчас она на каком-то другом корабле. Потому я и предположил, что Уиллу не придется долго искать освобождения, - завершил капитан Воробей, внимательно наблюдая профиль Элизабет. Пират был целиком и полностью уверен, что его компас заработал сейчас самым точнейшим образом. Рука сама потянулась к поясу, желая открыть заветную крышку компаса, но, сделав над собой усилие, Джек сдержался.

Давно им не доводилось находиться так близко. Капитан Воробей мог рассмотреть каждый локон, и даже узоры на круглых пуговках у ворота её платья, которое очень кстати не было застегнуто наглухо. И глядя сейчас на мисс Свон, Джек решил, что пора бы уже расставить все точки над «I»:

- Послушай-ка, цыпа, в жестоком пиратском мире без верных друзей не обойтись, - тихо начал он, уже чувствуя под руками тонкую, шелковистую ткань её платья.

- Я могу составить тебе не плохую протекцию. Представить кому нужно, обо всем рассказать, все показать, всему научить, - вкрадчиво перечислял капитан. - И даже, если ты все еще хочешь замуж, я могу поспособствовать. Помнишь? Я ведь капитан! – напомнил он, с удовольствием заметив, что мисс Свон все же улыбнулась.

Руки собеседника уже давно покоились на её талии, с каждым мгновением, его речи и прикосновения становились все смелее, но Лиззи не

---

¹⁰⁵ Renomée – (франц.) реноме, репутация.

предпринимала никаких попыток вырваться. Напротив, она даже развернулась к Джеку лицом. Несомненно, это был добрый знак, а потому, воспользовавшись моментом, капитан Воробей привлек девушку поближе к себе и продолжил, выискивая самые лучшие аргументы:

- Признайся, ведь тебе всегда хотелось остаться на «Черной Жемчужине», - с вдохновенным пылом обольщал он, ненавязчиво откинув с её лба непослушную прядь, - Сейчас «Жемчужина» немного в раздразне, но уверяю, цыпа, очень скоро она станет совсем другой! Такой, какой и должна быть!

Элизабет проявляла удивительную покладистость, хотя и не предпринимала никаких попыток как-то еще отблагодарить своего «благодетеля». Впрочем, она явно была смущена, и, продолжая завораживать добычу, Джек уже сам ненавязчиво положил её руки себе на плечи. В конце концов, на капитанском столе лежало много довольно тяжелых предметов, и держать мисс Свон в поле зрения целиком было не только приятнее, но и безопаснее. Он прикоснулся к её волосам, к лицу. Так просто, и в тоже время неожиданно для себя так нерешительно, замечая, что теперь, несмотря на видимую холодность, мисс Свон прикрыла глаза, поддаваясь искушению.

- Мы будем отличной командой, уж поверь. Грозой всего Испанского Мена, как мы и мечтали!.. - Джек перевел дух, и кинулся как в омут:

- Ведь ты будешь... моей пираткой?..

Его голос почти утих. Настолько, что последние слова могло расслышать лишь его сознание.

- ...моим штурманом... - добавил Джек уже громче.

- Штурманом... - в полузабытии повторила Элизабет, но тут же изумленно открыла глаза, забыв о том, что только что была готова лишиться чувств, - Штурманом?

- Не сомневаюсь, что ты справишься. Я как раз затеваю одно дельце, и поскольку тебе все равно некуда идти... то я, как давний друг, просто не могу бросить тебя в беде, цыпа, - с улыбкой заверил её Джек.

- Ведь ты отлично управляешься с компасом, - польстил он ей для лучшего эффекта.

Его ладони ласково заскользили по спине Элизабет, вполне очевидно показывая, насколько теплыми были эти дружеские чувства. Джек не кривил душой, и хотя будущий штурман еще не дала ответа, капитан искренне считал, что их договоренность уже достигнута. Это обстоятельство нужно было хорошенько отметить. Однако даже сейчас, когда Элизабет почти сама пришла в его объятия, казалось слишком рискованным отпускать её хотя бы на мгновение. Даже ради распития рома. Её близость пьянила сильнее, так, что палуба потихоньку начинала уходить из-под ног. Опасное и оттого еще более приятное ощущение. Поцелуй был бы самым логичным завершением их пиратского соглашения, но только успел Джек подумать об этом, как Элизабет высвободилась из его объятий.

- Значит, дело в компасе? - капитану Воробью показался знакомым этот гневный взгляд. Подобный выражение лица было у мисс Свон при расставании на «Летучем Голландце», но сейчас Джек не понимал, чем он заслужил такую немилость. Впрочем, мисс Свон тут же пояснила:

- Благодарю, за щедрое предложение, капитан Воробей! - иронично отблагодарила она, плохо скрывая обиду, - Но мне не хочется быть дополнением к старому, неработающему, дурацкому компасу!.. Даже на «Черной Жемчужине»!

Джек настолько искренне удивился, что даже не скрыл недоумение, а Лиззи продолжила:

- Я и не думала просить у вас убежища! - усмехнулась она с деланной уверенностью, и случайно наткнувшись взглядом на разорванные приказы об аресте, кивнула на них и продолжила: - Теперь я вполне могу вернуться домой, хотя, возможно мне действительно понравится ходить по морям, на каком-нибудь быстроходном корабле... Я еще не решила.

Она стояла напротив еще несколько секунд, ничего не говоря, возмущенная, гордая и должно быть чего-то ожидающая. Но Джек смотрел на

неё с заинтересованным видом, совсем не догадываясь, что же именно добивается эта «королева пиратов». И она ушла.

«Зараза...» - подумал капитан, и он был прав как никогда. Как оказалось, с его пояса внезапно исчез волшебный компас.

Корабль во всю готовился к отплытию и немногочисленная команда, рассредоточившаяся по его рангоуту и палубе, совсем не обращала внимания на капитана и мисс Свон, появившихся вдруг на шканцах. Только Рагетти, работавший с парусами на гроте, вдруг заметил под мачтой Элизабет. Вскоре рядом с ней появился и капитан Воробей. Одноглазый тут же огрел по загривку Пинтела, взгромоздившегося рядом с ним на рее. Злобно прошипев несколько крепких ругательств, толстяк ответил тощему приятелю оплеухой, но тот лишь хихикнул и, сделав возмущенному другу знак молчать, указал вниз.

Мисс Свон стояла у грота, рассматривая ржавые кандалы, что когда-то сослужили ей такую «отличную» службу. Один из них до сих пор был сомкнут. Вспомнив свою встречу с Джеком в Чертовой Прорве, Элизабет поняла, что в самый последний момент ему все же удалось как-то выбраться. К сожалению, лишь для того, чтобы принять свою гибель свободным.

Куда ей теперь податься Элизабет совершенно не знала. Компас, зажатый в руке, не мог указать путь. По крайней мере, ей. Мисс Свон даже не стала открывать его восьмигранную крышку. О том, что к ней подошел Джек, она знала и без компаса.

- Прощаешься с кораблем? – поинтересовался голос из-за её спины. Элизабет обернулась.

- Заметь, цыпа, мы отплываем, - предупредил Джек, приближаясь все ближе. Похоже, он не особо поверил, что у неё действительно есть какой-то мало-мальски приемлемый выход из сложившейся ситуации. Ведь, судя по всему, она не торопилась уйти с корабля на самом деле.

- Тебе нужен компас? – иронично спросила Элизабет.

- Нет, - сказал вдруг Джек, - Мне нужен... кто-то. Вернее нужна...

Он подошел совсем близко, лишая её пути к отступлению. Отстранившись насколько возможно, Элизабет почувствовала за спиной мачту и металл обруча, к которому крепились кандалы.

- Кто-то? – спросила мисс Свон, чувствуя, что решимость быть непреклонной куда-то предательски улетучивается.

- Мы можем заключить союз, - проговорил Джек, гипнотически глядя в её глаза, - Настоящий, пиратский! Ты и я, я и ты, смекаешь?

- У нас все равно ничего не получится... - заметила мисс Свон, со всем возможным в данный момент скептицизмом. Но у Джека и на этот случай имелся аргумент:

- Почаще повторяй себе это... - возразил капитан с торжественной язвительностью.

На том же корабле и том же месте. Элизабет. Неподдающаяся, соблазняемая и соблазняющая – точно такая же, как его вечная Свобода, то близкая, то совершенно недостижимая, и оттого как никогда желанная. Казалось, она не поддавалась даже сейчас, теряя волю в его руках. Две противоположности, две стороны медали, они были выкованы в одном горне и были нужны друг другу. Дипломатическая игра нежности лишь прокладывала путь страсти, и вскоре она охватила каждого из них. Их поцелуй был противоборством, в котором не могло быть побежденных. Давно ожидаемой наградой для него и прощением для неё. На мгновение, Элизабет показалось, что «Жемчужина» взмыла в небо. А затем, опершись о шероховатую мачту, она услышала или ей лишь показалось:

- Останься...

Послышался легкий металлический щелчок.

***

Шорох прибоя убаюкивал и одновременно манил за собой, уговаривая выйти из-под тени широких листьев пальм и следовать за ветром, за течениями. Туда, где существовало лишь небо, море и единственный корабль,

вечно противоборствующий и той и другой стихии. Небо сейчас казалось невероятно красивым. Оно воплощало тепло солнца в невероятных красках, и Уилл смотрел на плывущие над головой облака, словно видел их в первый раз.

Поднимаясь из белой дымки над горизонтом, купол неба к западу постепенно насыщался до голубых, лиловых, и даже розоватых оттенков. В лучах заходящего солнца облака играли светом, растушевываясь теплой розовой дымкой, собирающейся в кремово-желтые кучевые громады, или растягиваясь перисто-белыми росчерками в вышине, или собираясь над горизонтом сиреневыми хлопьями. Но день уходил, и цвета окружающего мира постепенно сгущались, становились холоднее, словно накрываясь темным флером сумерек. Казалось, небом можно было любоваться бесконечно. Вот так, просто лежать на теплом песке, глядя в необозримую высь и обнимая любимую женщину.

На день «Пасть Дьявола» - самая опасная бухта Тортуги, стала для Уилла и Чунмин уединенным прибежищем, их просторным дворцом без стен, окон и дверей. Небо было куполом, трава заменила постель, а скромный урожай с местных пальм обеспечил ужин. Один единственный день был слишком короток. И Уиллу, и Чунмин еще так много хотелось узнать друг о друге, но морская пучина уже ожидала, как ревнивая любовница, шепотом прибоа напоминая капитану Тернеру о том, что пришло время вернуться в её власть.

«Летучий Голландец» был почти не виден. Его заслоняли ветви пальм, склонившихся длинными стволами к пляжу, заросли и нагромождения холодных камней, о которых разбивались нетерпеливые волны. Нужно было идти. Их легенда была о любви, но она должна была стать еще одной историей о разлуке...

Впрочем, если это и могло произойти, то не в этот раз.

Капитан Тернер был готов принять свою участь. Он вышел к морю в срок, но то, что он увидел, заставило его остановиться на ходу. Не смея поверить глазам, Уилл не сводил взгляда с «Летучего Голландца». Корабль-призрак был снова молод, как во времена, когда он еще возвращался к берегам родного Делфта. Мачты стремились в высь, а обводы¹⁰⁶ кормы и облачно белые паруса, всегда наполненные ветром, золотились в лучах заходящего солнца, четко вырисовываясь на фоне потемневшего неба. Все это время «Летучий Голландец» словно ожидал Уилла, чтобы попрощаться с ним, теперь же, уловив направление ветра, корабль, вернувший свой прежний облик, медленно разворачивался. У него не было ни названия, ни флага на флагштоке, и он принадлежал только океану. Отныне, так же как и его капитан, «Летучий Голландец» был свободен и уходил в море, повинувшись прибрежному течению. Один, ведь согласно последнему условию легенды проклятие окончил свое существование.

И Уилл вдруг понял, отчего так легко и спокойно стало у него на душе. Призраки бывших капитанов наконец-то упокоились вместе с его освобождением, так же, как и все пленники Чертовой Прорвы. Уильям обернулся, и его лицо озарилось улыбкой. Чунмин, шедшая следом за ним и остановившаяся чуть поодаль, побежала ему навстречу, утирая неожиданные слезы радости. Не застегнутое должным образом шелковое ципао соблазнительно скользило с её плеча, и ветер путался в длинных прядях волос.

Они остались одни, без корабля, без денег, без связей и какой либо надежды на завтрашний день, но все это было не важно. Они были вдвоем, и никогда прежде они не были так счастливы. Словно после давней разлуки, а не после секундного расставания, они кружили по пляжу не размыкая объятий, смеялись и целовались, целовались до беспамятства.

- Впервые удача улыбнулась и мне, - прошептала Чунмин на ухо Уиллу.

- Ты и есть удача, - ответил ей Уильям.

***

---

¹⁰⁶ Обводы судна - очертания наружной поверхности корпуса судна.

Где-то далеко корабли справлялись с бушующими волнами, где-то далеко шумели ураганы, а над Карибским морем царило полнейшее благоденствие. Прекрасное затишье. Последние пиратские посудины, покинувшие Порт-Ройял, прибывали в гавань Тортуги одна за другой, выпуская на берег галдящих разбойников, отменно набивших карманы и желающих поскорее спустить добычу в ближайших питейных заведениях. И лишь корабль с черными парусами снова уходил в море. Медленно, с какой-то особой торжественностью «Черная Жемчужина» разворачивала свою громаду и снова шла навстречу своим бесконечным приключениям. Наблюдая за её отходом, портовый люд собирался на причале. Впрочем, привлекала их не только впечатляющая красота черного фрегата на фоне ярко синего вечернего неба, но и еще одно не менее интересное обстоятельство. Со стороны уходящего корабля отчетливо доносились гневные крики какой-то девицы. Судя по всему, дамочка желала сойти на берег, но у капитана имелись на этот счет свои соображения.

- Джек! Немедленно отпусти меня! – в очередной раз вознесся над палубой голос разъяренной мисс Свон.

Безуспешно пыталась вырваться из кандалов на шпигеле грот-мачты, Элизабет громыкала цепями и требовала освобождения со всем возможным возмущением.

- Я пират, цыпа! - улыбнулся весьма довольный собой капитан Воробей, – Не мог удержаться.

Но это объяснение несколько не успокоило Элизабет. Дотянуться до нахала не представлялось возможным и мисс Свон могла лишь оскорблено хмурить брови и дергать цепи. Причем делала она это так активно, что Джек невольно с опаской покосился на мачту. Наверху прошуршали паруса, наполняясь ветром.

И как она не заметила? Прикосновение к запястью было нежным, но все же ощутимым, оно должно было её насторожить. Однако мисс Свон позволила заковать себя без малейшего сопротивления и, возможно, именно потому её гнев сейчас был столь силен. Судя по всему, такого коварства она ожидала в последнюю очередь, но слишком расчувствовавшаяся пиратская душа Джека требовала реванша, а так же гарантий. Элизабет же продолжила яростно звенеть цепью, демонстрируя всем, что её доверчивостью предательски воспользовались, хотя, по сути, сама была совсем не против этого. Заинтересовавшись происходящим, команда начала собираться под грот-мачтой. Воспользовавшись этим, капитан Воробей повторно приказал держать курс в открытое море, заодно невозмутимо объявив, что на корабле появился новый штурман.

Наблюдая за усилиями Элизабет, Джек с усмешкой подумал, что, наверное, никогда не сможет понять эту бестию. Впрочем, что же с того? Теперь у них будет достаточно времени, чтобы устроить свой персональный ад...

Его размышления неожиданно прервала мисс Свон:

- Это похищение! Согласно кодексу Бартоломью и Моргана... - начала она, тоном опытного переговорщика, но пират бодро закончил за неё:

- Капитан имеет право набирать нужных людей в команду тем способом, который посчитает нужным! Все верно.

Элизабет гордо вскинула голову, и, отступила к мачте.

- Не скудай, любимая... - подбодрил её Джек, оставаясь на безопасном для себя расстоянии, - Я не надолго... только поищу ключ. Надеюсь, он цел...

Сменив хитрое выражение довольного собой мошенника на напряженно задумчивую физиономию, пират, как ни в чем не бывало, направился прочь. Элизабет же от возмущения не нашлась, что ответить и только смотрела, как капитан Воробей вышагивал к капитанскому мостику своей знаменитой походкой. Слегка покачиваясь, словно крадучись, размахивая на ходу руками, он уже насвистывал веселый мотивчик знакомой пиратской песенки и, судя по всему его виду, считал в тот момент, что ему принадлежит весь мир.

Встав к штурвалу, Джек улыбнулся. Да, похоже, Лиззи придется немного подождать, пока они найдут способ освободить её из железок. Впрочем, любимая цыпа наверняка его простит, в этом Джек не сомневался, ведь за горизонтом, им предстояло очередное приключение с риском для жизни. Возможно даже с двойным риском для Джека, учитывая норы нового штурмана. Но риск, как известно – дело благое. И такая жизнь была для него.

Титры.

Эпилог

Исла де Маргарита. «Таверна Барри». Десятью годами позднее...

- Да, порядком нас тогда потрепало! – говорил кто-то в одном конце таверны, - Нынешний коммодор Уотер может не такой бравый, как его предшественник – губернатор Норрингтон, но дело свое он знает не хуже, ежа ему морского!..

Слушавшие пираты одобрительно рассмеялись и, осушив свои кружки, тут же потребовали у хозяина заведения добавки.

У мистера Барри сегодня выдался на редкость удачный и прибыльный вечерок. В его таверне в полном составе расположились команды Хромого Гарри Тиггса и Джека Воробья, отмечающие удачный рейд в один из испанских городков на побережье Венесуэлы. Помимо захвата богатой добычи разбойникам удалось так же освободить несколько десятков своих братьев, работавших на плантациях местных богачей, а потому каждый стремился рассказать как можно больше и интереснее обо всех событиях, какие интересовали, вернувшихся на свободу пиратов. Вино способствовало разговорам особенно, и посетители галдели, шумели и распевали песни с каждым мгновением все веселее.

Только один из пирующих выглядел довольно странно на фоне разношерстной, подгулявшей толпы. Сухонький и седовласый, он был одет чище и опрятнее прочих висельников, а своим растерянным видом напоминал какого-нибудь пожилого учителя-гувернера неизвестно каким образом угодившего в столь неподходящее общество. Впрочем, судя по застарелому шраму на лице и загару, покрывавшему лицо и руки этого «учителя», он был всего лишь одним из тех «счастливчиков», которым удалось сменить рубку сахарного тростника на более легкое занятие. И это было не удивительно, ведь мистер Свон умел изъясняться как на приеме у короля, и имел какие-никакие манеры. Потому за время возвращения на Исла де Маргарита пираты Тиггса почти сразу же окрестили его «губернатор». Так и не притронувшись к своему рому, он сидел как на иголках, а до его слуха доносилась то одна, то другая пиратская байка.

- Говорят, у Бермуды снова пропадают корабли! – устрасал в противоположном углу таверны плешистый пират, - Я слышал, что там завелась какая-то страшная тварь. Она утаскивает суда на дно!

- Да, да... мы тоже знаем эту историю, Пинтел, - рассмеялся один из его собутельников, - Ты еще про вонь тысячи трупов забыл!..

- Говорят, он хотел подкупить Тиггса, - слышалось поблизости, - Предложил ему какую-то важную карту. Но в сундучище, что он отдал Гарри, ничего важного не нашлось. Обмануть хотел! Но, Хромого так просто не проведешь. Ходят слухи, что Тиггс повесил этого сукина сына прямо на воротах его же губернаторской резиденции! И прикрепил на его негодную тушу табличку: «В назидание властям», - румяный здоровяк громко засмеялся, и захлебываясь во впечатлениях добавил: - И главное, вот ведь напасть, нарвался-то он сам! Бросился тогда к нашим ребятам, приняв их за гвардейцев, и давай приказывать! Представляю, какая физиономия была у этого лорда, когда до него дошло кто перед ним!

Колоритный оборванец, сидевший рядом с рассказчиком этой истории, громко хохотнул и выразил мысль, что если все сказанное правдиво, то Бекетт, несомненно, заслужил такой финал своей карьеры.

- Да брось ты, Том! – уже перекрывал его слова чей-то возглас, - Мы недавно были у той болотной ведьмы, и я сам её видел!.. – горячо доказывал молодой человек в парусиновой рубашке, - Скажи ему боцман! Она жива, живехонька и такая же чертовка, как о ней говорили. Только никакая она не мулатка, а азиатка. Хорошенькая такая азиаточка!

Молодой пират рассмеялся и ткнул локтем в бок того, кого он назвал боцманом.

- Отстань от Тома, Дрейк, - миролюбиво посоветовал тот, - Всем известно, что наш старина-Том много повидал. А ты шутишь над ним, таким почтенным человеком.

- Может быть, он просто чего забыл? – предположил Дрейк, и тут же получил по ребрам от своего соседа. Тихо, надеясь, что Том этого не услышит, боцман почти прошипел, обращаясь к молодому задире:

- Не трогай его, Дрейк! Или ты хочешь, чтобы всем нам снова пришлось слушать рассказ о том, как «все погибли, а меня отпустил на волю морской дьявол»? И заметь, это перед тем как я отхожу тебя кошкой.

Боцман подsunул разгорячившемуся молодому пирату кружку с ромом, а старина-Том тем временем решил все же высказаться:

- Она черна. Черна как её злая душа, - вещал он со зловещей заунывностью, - Ведьму с болот Ориноко знают все, и это она околдовала тогда капитана Барбоссу!

- Не а, - возразил невозмутимо Дрейк, надкусывая яблоко, - Она не умеет колдовать, только лечит. Эх, я бы у неё полечился!

- А тебе прошлого раза мало показалось? – язвительно поинтересовался боцман.

- Да, ножичек у неё острый, - пробормотал парень, машинально коснувшись свежего пореза на шее, - Может ей подарил его тот самый оружейник, про которого болтает вся Тортугская ребятня, а Том?

Том поднял мутный взгляд на Дрейка, явно не поняв смысла вопроса, а тот не преминул вернуть:

- И все же она азиатка!

- Хватит! – рявкнул боцман, - Мулатка... азиатка... Раз она ведьма, она может выглядеть как угодно! Да хоть бы как королева Елизавета!

Спор грозил перерасти в драку, но внезапно всех спасло появление загорелого пожилого моряка, выделявшегося среди прочих шикарными седыми бакенбардами.

- А вот и старина Гиббс! – раздались радостные возгласы со всех сторон, они заставили «губернатора» вздрогнуть, и заинтересовано обернуться. О мулатке-азиатке мгновенно забыли, ведь бывший боцман «Черной Жемчужины» славился своими рассказами как никто.

***

Тем временем Джо и Кэти, оставленные без присмотра своего попечителя, почтенного рассказчика мистера Гиббса, вовсю размахивали деревянными мечами, как настоящими шпагами. Проявляя чудеса ловкости, они совершали пируэты и прыжки, от созерцания которых у любой добропорядочной мамы случился бы разрыв сердца. Признаться, между мистером Гиббсом и его подопечными существовало свое соглашение. Джо и Кэт умалчивали о походах своего воспитателя в таверну, а сам мистер Гиббс позволял детям строгой мисс Свон резвиться вволю.

Её старший сын Джонатан Уэзерби Тейкер появился на свет на Исла де Маргарита уже после похода за губернаторской казной. Мисс Элизабет тогда была еще слишком молода, чтобы возиться с детьми, а мистер Гиббс был слишком стар, чтобы ходить в море. Потому, взвесив хорошенько эти доводы капитана Воробья, боцман «Черной Жемчужины» предпочел все же остаться на

суше, предоставив капитану возможность не разлучаться с его штурманом. И как он потом слышал не напрасно.

В ту пору мисс Свон довелось, как никогда удачнее, выдать себя за племянницу некоей полуслепой, богатой испанки. Правда, затем у этой племянницы объявился жених, и Джеку пришлось вновь примерить на себя шкуру испанского офицера, дабы подложной «Исабель» не пришлось бы и в самом деле стать испанской сеньорой. Та еще вышла история. Скандал прогремел на весь Испанский Мэн. Капитан Воробей и мисс Свон едва уцелели на той брачной церемонии, однако они вскоре все же вернулись, живые, еще более разбогатевшие и добавившие к своим многочисленным прозвищам имена сеньоры и сеньора Торельо.

Кэти, чернявая будто настоящая испанка, появилась на свет годом позже. Мисс Элизабет назвала её в честь своей покойной матушки, а затем, едва отняв младенца от груди, умчалась вместе с капитаном Джеком в далекий Сингапур, оставив дочь на попечение мистера Гиббса и кормилицы. Впрочем, все постепенно менялось. Последнее время мисс Свон бывала дома гораздо чаще. То ли она соскучилась по не шаткому полу, то ли по детишкам, но малыша Фрэнки, появившегося на свет с полгода назад, мисс Элизабет оставлять одного надолго не захотела. Впрочем, её романтическим отношениям с капитаном Воробьем это нисколько не вредило. Возвращаясь из своих все менее продолжительных странствий, капитан Джек по-прежнему предпочитал забираться в белый коттедж своего штурмана через окно, поражая и хозяйку и всех остальных внезапным появлением.

Как догадывался мистер Гиббс, этот трюк должен был повториться и сегодня, но на этот раз мисс Элизабет желала встретить капитана Воробья тет-а-тет. Она выставила старика-боцмана за дверь, под предлогом присмотра за своими чертенятами, как только черные паруса «Жемчужины» стали видны из окон их дома.

***

Фехтовальная битва шла не на шутку. Кэти уступала Джо в силе, но добирала упрямством и ловкостью. Часто ей удавалось одолеть братца и хитростью. Зная про её коварство, Джо никогда не давал сестре фору, но очень гордился тем, что вдвоем они могут устроить головойку любому деревенскому задире их возраста. Наконец, получив небольшое преимущество, Джо изловчился подставить неугомонной Кэти подножку:

- Ты повержена, Черная Кэт! - высокомерно заявил мальчишка, направив кончик своего деревянного меча в сторону растянувшейся на земле сестры, - Моли о пощаде!

Даже и не думая «молить о пощаде», она сидела на земле, сложив руки на груди, а затем сердито оттолкнула деревянный клинок от лица.

- Ты опять сжульничал, Джо! - возмутилась Кэти, - Я больше не буду с тобой играть!

- Может быть тебе лучше научиться покрепче стоять на ногах, цыпа, - сыронизировал Джо.

- Мне это не нужно, - фыркнула обиженная девочка, - Если бы ты не вел себя как последний предатель... и вообще, когда я вырасту, я буду фехтовать лучше тебя! И еще у меня будет самый лучший меч! Да! Даже лучше, чем у Гарри Тиггса.

- Глупенькая, - снисходительно заметил брат, помогая Кэти подняться, - У Хромого Гарри самая лучшая сабля на Карибах! И что-то не заметно, чтобы он собрался подарить её тебе.

- Его сабля лучшая, потому что её выковал пиратский оружейник. Тот, который делает заговоренные клинки! Каждая его сабля разит без промаха. Её нельзя ни потерять, ни украсть, потому что она всегда возвращается к хозяину! - вдохновенно тараторила Кэт, - А какая у неё сталь, баланс и эта... как её... закалка! И когда я вырасту, я обязательно добуду себе такую же саблю!

- Опять ты за свое, - мальчишка возвел глаза к небу, - Нет никакого пиратского оружейника!

Он отверг её надежды больше из вредности, прекрасно зная, что Кэт не уймется, и она тут же оправдала надежды:

- А вот и есть! Есть! – упрямо запротестовала она, - Я слышала, как сам Хромой Тиггс рассказывал маме, что этот оружейник живет в дельте Ориноко. Я обязательно найду его, и у меня будет такая сабля!

- Так он тебе и удружит, ага, - усмехнулся Джо, - Такой мелкой и вредной девчонке, которая и на ногах-то толком не держится...

- Ах ты!.. Ну, берегись теперь! – пригрозила возмущенная Кэт. Она кинулась на брата, но он, увернувшись от её деревянного клинка, рассмеялся и, бросившись наутек, крикнул:

- Сначала догони!

И они побежали друг за другом по берегу, направляясь в сторону белого коттеджа, видневшегося в отдалении.

Дополнительные драбблы

АВТОР: Kxena aka Белл Уоркис

EMAIL: kseniasr@freemail.ru

КАТЕГОРИИ: драма

ПЕРСОНАЖИ: Чунмин, Сяо Фенг

РЕЙТИНГ: R

СОДЕРЖАНИЕ: Что случилось с птахой после того как Ши Суэй покинул Сингапур.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: побои и насилие

СТАТУС: закончен

ОТ АВТОРА: Все герои принадлежат Диснею. Все, здесь написанное, создано исключительно в развлекательных целях и никакого коммерческого дохода не несет.

Птаха

Провожая Чунмин, Ши Суэй чувствовал себя скверно. Совесть его была не спокойна, но все же пират надеялся, что Сяо Фенг не причинит вреда девочке, от которой зависела его суеверная удача. Ведь столько лет он не трогал её. Ши Суэй лишь надеялся и конечно не мог знать, что Сяо догадается о предательстве своего «талисмана» без чьих-либо рассказов и намеков.

Чунмин же чувствовала опасность инстинктивно. Как ни хотелось ей поверить словам Ши, она решила сбежать сразу же, как только шлюпка погибшего «Ин Цзяо» причалит к берегу. Однако на сей раз, капитан Сяо Фенг не собирался упускать девушку из вида, ни под каким предлогом. По крайней мере, до тех пор, пока она не расплатится за все сполна.

Как только их суденышко уткнулось в берег, капитан Фенг вытащил Чунмин на пляж и приступил к допросу. Схватив свою пленницу за волосы, для начала он отвесил ей хорошую оплеуху. Девушка упала на землю. В её предательстве Сяо не сомневался, но все же хотел узнать:

- Так сколько же раз ты переспала со своим смазливym приятелем?! – спросил он иронично.

Щека горела как обожженная. От страха Чунмин не могла вымолвить ни слова. Она поползла по песку в бесполезной попытке спастись, но удар сапога заставил её сжаться в комок и закрыть лицо руками. Сейчас нужно было сдержаться, не кричать, не плакать, не просить. Слезы и песок слепили глаза. Следующий удар мог последовать в любой момент, а Чунмин все же надеялась на то, что пират успокоится и оставит её в живых.

- Отвечай! – взъярился Фенг. Снова вцепившись Чунмин в волосы, он поднял её на ноги.

- Смотри мне в глаза! – приказал злобно он, склонившись к самому её лицу, - Отвечай! Может быть, я тратил на тебя свои деньги, свое внимание, не подозревая о каких-то твоих способностях? Отвечай! Мне интересно, каковы были отзывы о твоих талантах в постели?

Чунмин молчала. Она не отводила глаз. И хотя её сердце колотилось так, что становилось больно, она держалась и повторяла про себя: «Не отвечай ему, не отвечай!»

- Видимо не так уж и хороши были бы эти отзывы, раз твой ненаглядный Ши Суэй не взял тебя с собой, - заключил тем временем Фенг, рассмеявшись, - Но, может быть, наш неблагодарный друг поступил с тобой так же, как и со всеми своими друзьями? Он бросил тебя?!

Чунмин не могла понять, отчего ей больнее. От пощечин и ударов или же от слов, которые Фенг произнес сейчас, разъярясь от её молчаливой непокорности все больше.

- Пожалуйста... господин! – произнесла девушка. Слезы катились по запачканным пылью щекам, оставляя светлые дорожки, - Я ничего не сделала...

- Ты ничего не сделала? – тихо переспросил Сяо и рот его искривился в зловещей ухмылке.

- И ты смеешь мне лгать?! – крикнул он ей в лицо. Чунмин зажмурилась, ожидая удара, но вместо того чтобы отвесить ей очередную оплеуху, Сяо прижал вдруг её к себе и прошипел на самое ухо:

- Ты заплатишь мне за все! Как талисман ты не на что не годишься, но может быть, Ши Суэй не оценил тебя по достоинству?..

И он снова швырнул её на землю.

Множество раз, с содроганием, Чунмин старалась изжить эти воспоминания, но ощущения того вечера возвращались сами собой не зависимо от её воли. Это было мучительное, страшное чувство полного бессилия и гадливости. Каждый раз от него хотелось отмыться как от мерзкой слизи.

Ей показалось, что рвущаяся ткань её платья, трещит оглушительно громко, и из-за того все вокруг знают и насмеются над её беспомощностью и позором. Чунмин помнила запахи, чужое дыхание, обжигающее кожу, грязные ругательства и грубость, которую ей пришлось вытерпеть. Тогда ей показалось, что время почти остановилось. Прошло пять лет, но и сейчас её запястья временами начинали ныть, будто их до сих пор сжимала грубая рука капитана, а потом становилось трудно дышать от еще живого ощущения сдавленности и пульсирующей боли разрывающей все тело.

Чунмин почти не помнила места, где все произошло. Визуальные образы сливались для неё лишь в бесформенные пятна из-за слез, слепивших глаза, а разум почти не реагировал на происходящее вокруг. Кусая губы и сдерживая крик, девушка едва различала, темные размытые фигуры движущихся по пляжу людей. Отпуская грязные шуточки, которые сводились к общему смыслу «давно пора», команда Сяо Фенга обыденно разжигала на пляже костер, не обращая никакого внимания на то, что сделал с ней их капитан. Никто не собирался за неё заступаться.

Утром, прикрывая обрывками одежды избитое, поруганное тело, Чунмин сбежала в неизвестном направлении.

Ши Суэй, конечно, не мог знать всего этого. Не мог и не хотел. В тот момент он не был готов взять на себя ответственность за кого-то кроме себя и предпочел надежду риску.

Через три дня он уже смог уверить себя, что с его птахой все будет в порядке, а сама Чунмин добрела до небольшого рыбацкого селения. Она шла, не задумываясь о направлении и не разбирая дороги, будучи почти уверенной, что погони за ней не будет. Ведь теперь с неё нечего было взять. Девушка-талисман предала своего хозяина, и, видимо, капитан Фенг больше не рассчитывал на её удачу, иначе он бы не бросил её на пляже, словно сломанную куклу, даже не приказав охранять её как прежде. Чунмин чувствовала себя почти свободной. Её сознание прояснилось только от голода, но за три дня она так ослабла, что, достигнув поселения, решила все же попросить о помощи. Но и это оказалось не так то просто.

Перепуганные крестьяне сторонились неизвестно откуда явившейся оборванки, и еду пришлось добывать воровством. Чунмин не чувствовала мук совести, она даже не помнила вкуса той лепешки, которую ей удалось стащить, зато крики «Воровка!», раздававшиеся ей вслед, она запомнила хорошо.

Обхватив руками колени, девушка сидела на шатких сходящих, у которых были привязаны рыбацкие лодки, и смотрела в грязную воду пролива. Одна из лодок была дырявой. Постепенно затоплялась, она набирала воду, а Чунмин казалось, что и она сама словно под водой. Звуки и ощущения странно приглушались. Люди вокруг не говорили, а только беззвучно открывали рты и испуганно таращили глаза, как задыхающиеся рыбины, выкинутые на берег. Чунмин не слышала их голосов. Ей хотелось лечь в утопающую лодку и, чувствуя спиной холодные мокрые доски уплыть с ней в океан, подальше от людей, постепенно погружаясь в темную, всепоглощающую воду. Это было бы почти как в детстве, когда она почти утонула. И вдруг, Чунмин вспомнила Ши. Его крепкие руки, что вытащили её из воды, его насмешливые глаза, как он называл её птахой, учил фузанскому языку. Ши её спас тогда, и даже сейчас девушка не могла думать о нем плохо. Мир не мог состоять только из

жестокости и страха. «Ведь Ши действительно хотел мне добра...» - отчаянно подумала Чунмин.

Свобода действительно пришла к ней, но совсем не так как она ожидала, однако если уж это произошло, нужно было воспользоваться случаем. Наперекор всему птаха решила попытаться выжить и распорядиться своей жизнью по своему усмотрению, но, к сожалению, этим надеждам пока не суждено было исполниться. На исходе четвертого дня свобода закончилась. Чунмин нашли люди Сяо Фенга.

Капитан все же не захотел расставаться со своим талисманом. Он приказал найти беглянку, как только обнаружилось её исчезновение, и вскоре Чунмин приволокли к нему и бросили к ногам. Пират взирал на девушку с нескрываемым презрением, он явно ожидал мольбы о пощаде, однако Чунмин не собиралась его умолять. Она смотрела на своего мучителя совсем не с тем выражением, к какому он привык. Смерть теперь была для неё освобождением, и Сяо Фенг понял это. Впрочем, он нашел другой способ удержать при себе свой талисман. Вымещая зло на рыбаках «за то, что они сделали с моим счастливым зверьком», капитан Фенг приказал сжечь деревню. А затем, показав Чунмин горящие рыбацкие хибары, из которых еще доносились крики несчастных, пират сказал ей, что так будет с каждым, кто попытается помочь ей сбежать.

Чунмин кивнула в знак того, что поняла предупреждение, и Фенг отпустил её. Покорность не раз спасала ей жизнь, но теперь она же должна была помочь ей ждать. Ждать более удачного случая.

АВТОР: Kxena aka Белл Уоркис

EMAIL: kseniasr@freemail.ru

КАТЕГОРИИ: романтика

ПЕРСОНАЖИ: Уильям Тернер-младший, Чунмин

ПАРЫ: Чунмин/Уилл

РЕЙТИНГ: R

СОДЕРЖАНИЕ: Пасть Дьявола. Капитан Тернер должен покинуть свою возлюбленную (и это уже не Элизабет), у них осталось всего несколько часов, чтобы попрощаться.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Уилл в объятиях НЖП

СТАТУС: закончен

ОТ АВТОРА: Все герои принадлежат Диснею.

Самостоятельная работа на сообразительность

Чунмин чувствовала себя очень смущенной. Никогда никто прежде не смотрел на неё так, как сейчас Уильям. В его взгляде была только нежность и любовь, но принять это было так трудно. Чунмин не любила, когда на неё смотрели, ведь отчужденность от всего значила для неё безопасность, и сейчас девушка еще только привыкала воспринимать чье-то внимание свободно и без подозрения.

Пока до Чунмин никому не было дела одиночество оставалось её единственным защитником, но однажды капитан «Ин Цзяо» потерпел поражение в бою, и тогда раненый молодой пират из команды противников оказался единственным, кто пожалел пленницу Сяо Фенга и заступился за неё. Впервые в её жизни.

Чунмин знала, как это было опасно, она имела представление о пиратских порядках не понаслышке. Но Уильям все же спас её, рискуя своей жизнью. Затем он стал её наставником, её защитником, потом другом и, наконец, человеком без которого теперь невозможно было существовать.

По мнению Чунмин, хотя Уилл совсем не походил на Ши Суэй, нельзя было не заметить, что в нем жило то же упрямство, жизнелюбие и ироничное отношением ко всем неприятностям. Так же как и Ши много лет назад, так же как и сама Чунмин Уильям Тернер оказался таким же странником волей случая, попавшим не на «свой корабль». Этим сходством они были связаны задолго до встречи на «Калипсо», а когда родственные судьбы сводят таких людей вместе, то их жизни сливаются воедино, как реки, как порыв ветра и пламя костра.

Уилл постепенно учил Чунмин вновь доверять людям. Он вернул ей ощущение, что она может быть нужна кому-то не как талисман и не как безответная игрушка. Чунмин поверила Уильяму как никому прежде. Это было знакомое, но давнее, почти исчезнувшее чувство. Когда-то Ши Суэй забрал его с собой, но теперь оно вернулось вновь, изменившимся и более окрепшим.

Прибой в Пасти Дьявола шелестел, омывая песчаный берег. Теплый ветер гулял в бахромчатых ветвях пальм, качая на них тихо посвистывающих птиц. Казалось, что в целом свете нет никого...

Уильям привлек Чунмин к себе. Оказавшись в плену его рук, девушка смущенно отвела взгляд. Она улыбнулась, но привычное ожидание чего-то омерзительного тревожило еще её, как прежде. Сердце стучало где-то в горле, тело била дрожь, а в душе птахи творился настоящий сумбур, который словно вихрь охватывал все её существо. Чунмин одновременно желала сбежать от того, что должно было сейчас произойти, и хотела остаться, пересиливая чувство страха.

- Взгляни на меня, птаха, - попросил Уильям. Давно махнув рукой на это прозвище, Уилл уже не обращал внимания на то, что это имя для Чунмин придумал Джек Воробей. Пожалуй, это был едва ли ни единственный случай, когда Тёрнер-младший оказался согласен с пиратом. Все чаще, когда ему хотелось сказать Чунмин что-то ласковое, это слово само приходило на ум и, в конце концов, Уилл прекратил эту глупую борьбу. Сейчас все это казалось таким далеким, и гораздо важнее было то, что Чунмин смотрела на него с надеждой и доверием.

Она готова была идти до конца. Даже если на деле бы оказалось, что все мужчины одинаковы и подобны Фенгу, Чунмин хотела верить Уиллу.

Он прикоснулся к ней почти невесомо, едва ощутимо, словно удивлялся, что она не исчезает как мираж или обманчивый призрак.

- Не бойся, - прошептал он как можно более уверенно, угадывая её волнение, хотя, видит Бог, ему и самому сейчас было не просто. Зная все, что с ней произошло, Уильям ни в коем случае, не хотел её испугать или обидеть. И пусть его опыт в вопросах любовных дел был не особо обширным, этот опыт являлся хотя бы положительным, и Уилл решил довериться своей интуиции и сердцу. Ведь осознание ответственности за другого человека придавало смелости лучше, чем что-либо еще.

Ласково коснувшись её щеки, Уилл вспоминал это почти забытое, нежное ощущение. Огрубевшие руки кузнеца и пирата слишком привыкли к оружию и тяжелой работе, разве можно было дотрагиваться ими до тонкой кожи красивых женщин? Но, хотя и смущаясь своей неловкости, Уильям уже не мог отказаться от этого упоительного ощущения. Стараясь не показаться неотесанным чурбаном, он прикасался к возлюбленной, будто к редкому и нежному цветку, которому может повредить любой грубый жест. Целуя её губы, Уилл старался не думать пока о большем, но ему уже хотелось запомнить её всю. Так, чтобы хватило на все десять лет. Каждый её взгляд, каждый жест, каждый вздох и поцелуй.

Длинные волосы Чунмин были заплетены в косу и сколоты на затылке, открывая шею и хрупкие плечи. С улыбкой, вспоминая их уроки фехтования, Уильям вынул шпильку из её прически, и длинная коса тут же скользнула вниз, распадаясь на шелковистые пряди.

- Так давно хотелось сделать это еще раз, - шепнул он ей на ухо. Руки ощущали тепло её тела под тонким платьем. Мягкая ткань скрывала девушку лишь от взгляда, но не от прикосновений. Это был всего лишь тонкий шелк, удерживаемый серебряными застёжками-петельками слишком многочисленными для того, чтобы их расстегивать. Так хотелось поскорее избавиться от него. Сорвать и бросить прочь, но так было нельзя. «Нельзя торопиться» - останавливал он сам себя.

- Кажется, вы в замешательстве, господин Вилиам? – послышался вдруг лукавый голос Чунмин. Встретившись с Уильямом взглядом, девушка улыбнулась, и её тонкие пальцы уже справлялись с петельками на платье. Теперь никаких преград не существовало. И вновь чувствуя нежные прикосновения мужа к лицу, шее, Чунмин не стремилась удерживать скользящий с плеч шелк своего ципао. Принимая робкие, не требующие ответа поцелуи, девушка ощущала, как уходит страх и одновременно пробуждается желание получить большее и отдать что-то взамен. Расхрабрившись, и решив последовать примеру Уильяма, Чунмин неуверенно потянула вверх его рубашку. Её инициатива была принята весьма одобрительно, хотя и с большой долей волнения, потому от рубашки им удалось избавиться только совместными усилиями. Наконец, отбросив её прочь, Чунмин прильнула к груди своего мужа, ощущая вдруг, что трепет охватил не только её.

Страсть поймала их словно пантера, мгновенно схватившая маленьких птичек в свои мягкие лапы. Сейчас она играла ими осторожно, но, уже не собираясь отпускать. Упав на песок среди брошенной одежды, Уилл и Чунмин не замечали ничего, полностью отдавшись этой новой для себя пучине. Слово чувствуя ход времени, они не желали тратить его напрасно. Не отпуская друг друга ни на миг, еще робея и все же с головой бросаясь в омут желаний, они напоминали двух путников, каждый из которых знал только половину дороги, но вместе теперь они могли пройти её полностью. Их действия походили на самостоятельную работу на сообразительность, но все же, не смотря ни на что, им удалось найти свой путь, открыв новую остроту ощущений, и все то, что пробуждает еще больший интерес к «изучаемому» предмету.

Чунмин и не знала, что человек может испытывать столько нежности и любви. И что эти чувства могут быть такими сильными. Сейчас она сама была одна любовь и нежность. Ни страха, ни боли, ни былых страданий, не было

больше ничего, только он, единственный и любимый. Тот, кого она всегда ждала, тот, кого она только и могла знать, всегда и чтобы с ними не случилось. Чувствуя приятную истому во всем теле, Чунмин почти засыпала на груди Уилла. Глаза закрывались от усталости и всех прошедших переживаний, но, не желая упускать ни секунды их и без того короткой совместной жизни, Чунмин боролась со сном. Её охватило странное чувство, которому трудно было дать имя. Оно было похоже на то ощущение, что она испытывала лишь в детстве, когда рядом были родители и родной дом, когда любовь соединялась с доверием, вызванным осознанием, что подле неё находится человек, который никогда не причинит вреда, и чувство к которому имело почти целительную силу.

Это ощущение поднимало Чунмин на самую вершину счастья, и оно же мучило её осознанием ужасной несправедливости. Они оба ощущали это, и хотя не было сказано ни слова, каждый из них думал об одном. Пройдя столь долгий путь, перековавшись в одном горниле, они наконец-то были вместе, но у судьбы оказались другие планы. И как бы не хотелось об этом вспоминать, до момента, когда проклятие «Голландца» отнимет их друг у друга, оставалось совсем немного времени.

- Обещай, что ты вернешься, - потребовала Чунмин, когда они обнялись на прощание последний раз, - Обещай, что вернешься, что бы с тобой не случилось!.. Я буду ждать тебя.

Глаза в глаза, рука в руке, они стояли на берегу прежде чем вместе выйти навстречу кораблю-призраку. Еще одно мгновение до вечности, еще один вздох пред смертью, еще один удар сердца до того как оно остановится. Капитан Тернер смотрел в глаза Чунмин и понимал, его маленькая пташка готова была ждать его хоть всю жизнь, не взирая на то, каким он станет после десяти лет во власти проклятия и моря. И это было действительно так. Ведь теперь их жизни словно разделились на две части, и все то, что прежде могло пугать, ушло как промозглая ночь, наполненная кошмарами, уступая свету их последнего дня на двоих. И этот свет не мог угаснуть никогда, чтобы с ними теперь не случилось.

- Я вернусь к тебе, обещаю, - отвечал Уильям.

«Летучий Голландец» был почти не виден. Его заслоняли ветви пальм, склонившихся длинными стволами к пляжу, заросли и нагромождения холодных камней, о которых разбивались нетерпеливые волны. Нужно было идти. Их легенда была о любви, но она должна была стать еще одной историей о разлуке...

Впрочем, если это и могло произойти, то не в этот раз.

Капитан Тернер был готов принять свою участь. Он вышел к морю в срок, но то, что он увидел, заставило его остановиться на ходу. Не смея поверить глазам, Уилл не сводил взгляда с «Летучего Голландца». Корабль-призрак был снова молод, как во времена, когда он еще возвращался к берегам родного Делфта. Мачты стремились в высь, а обводы¹⁰⁷ кормы и облачно белые паруса, всегда наполненные ветром, золотились в лучах заходящего солнца, четко вырисовываясь на фоне потемневшего неба. Все это время «Летучий Голландец» словно ожидал Уилла, чтобы попрощаться с ним, теперь же, уловив направление ветра, корабль, вернувший свой прежний облик, медленно разворачивался. У него не было ни названия, ни флага на флагштоке, и он принадлежал только океану. Отныне, так же как и его капитан, «Летучий Голландец» был свободен и уходил в море, повинувшись прибрежному течению. Один, ведь согласно последнему условию легенды проклятие окончило свое существование.

И Уилл вдруг понял, отчего так легко и спокойно стало у него на душе. Призраки былых капитанов наконец-то упокоились вместе с его освобождением, так же, как и все пленники Чертовой Прорвы. Уильям обернулся, и его лицо озарилось улыбкой. Чунмин, шедшая следом за ним и остановившаяся чуть поодаль, побежала ему навстречу, утирая неожиданные

---

¹⁰⁷ Обводы судна - очертания наружной поверхности корпуса судна.

слезы радости. Не застегнутое должным образом шелковое ципао соблазнительно скользило с её плеча, и ветер путался в длинных прядях волос.

Они остались одни, без корабля, без денег, без связей и какой либо надежды на завтрашний день, но все это было не важно. Они были вдвоем, и никогда прежде они не были так счастливы. Словно после давней разлуки, а не после секундного расставания, они кружили по пляжу не размыкая объятий, смеялись и целовались, целовались до беспамятства.

- Впервые удача улыбнулась и мне, - прошептала Чунмин на ухо Уиллу.

- Ты и есть удача, - ответил ей Уильям.

АВТОР: Kxena aka Белл Уоркис
EMAIL: kseniasr@freemail.ru
КАТЕГОРИИ: романтика
ПЕРСОНАЖИ: Джек Воробей, Элизабет Свон
ПАРЫ: Элизабет/Джек
РЕЙТИНГ: R
СОДЕРЖАНИЕ: они все же сделали это! :D
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: претензия на юмор и махровый Элизабет/Джек.
СТАТУС: закончен
ОТ АВТОРА: Все герои принадлежат Диснею. Все, здесь написанное, создано исключительно в развлекательных целях и никакого коммерческого дохода не несет.

Черные паруса

Все перипетии временно остались за бортом, а поскольку «Черная Жемчужина» давно нуждалась в ремонте, теперь верному кораблю можно было оказать должное внимание. Лежа на берегу бухты одного из мельчайших островков Карибского моря и подставив заросший борт солнцу, черный фрегат напоминал странное морское животное, которое позволяло нескольким десяткам людей ползать по его бокам. Команда капитана Воробья трудилась, как старательные муравьи. Почти в полном составе пираты очищали, отмывали, смолили и забивали щели в бортах «Черной Жемчужины», а Джек расхаживал вокруг, размахивая руками и выкрикивая своим подчиненным ценные указания, руководя одновременно каждым. Элизабет же наблюдала за ними со стороны не в силах сдержать улыбку, на этом её помощь и ограничивалось.

Желаний действительно стоит опасаться, поскольку они сбываются. Как только Джек освободил мисс Свон из кандалов, он все же получил несколько оплеух, прежде чем смог усмирить негодование похищенной девицы по принципу: крепко обнять и целовать, пока не успокоится. После этого, когда к мисс Свон вернулась способность слушать, капитан Воробей разъяснил, что теперь она считается не только штурманом, но и офицером его команды. А, как известно, офицерам не полагается жить в кубрике, питаться хуже, чем капитан, и выполнять грязную работу, потому Элизабет ничего не оставалось сейчас, как бездельничать на пляже, наблюдая за усилиями остальных.

Впрочем, поскольку деятельная Лиззи-Заноза не могла долго сидеть без занятия, то чтобы не терять времени даром она решила употребить всеобщую занятость мужчин себе на пользу, а именно посвятить пару часов плесканию в океане. Демонстративно заткнув за пояс саблю и пару пистолетов, мисс Свон обвела пиратов предупреждающе-грозным взглядом, а затем направилась на другую сторону острова, намереваясь хорошенько вымыться.

- Кстати, ээп! – обратил на себя внимание Марти, подергав капитана за рукав и указывая в сторону удаляющейся по пляжу Элизабет, - мисс Лиззи...

Джек проследил взглядом за вышагивающей по песку девицей.

Удаляясь по белому пляжу, она живописно растрепала на ветру золотистые всклокоченные волосы. Оружие, едва поместившееся за её поясом, говорило о том, что предупреждения об осторожности излишни, и, усмехнувшись, капитан Воробей вернулся к надзору за командой:

- К штурману обращаться по фамилии, слышали, псы помойные?! – крикнул он грозно на пиратов строгающих доски и стучавших молотками.

- Да уж, к штурману... - ухмыльнулся Рагетти и тут же скукожился, позавидовав слуху капитана:

- А кто считает иначе, может остаться завтра здесь, обживать этот чудесный островок...

Когда Элизабет вернулась, мачты «Черной Жемчужины» как никогда напоминали обуглившиеся при пожаре деревья. Джек приказал снять все парусное вооружение ради проверки на целостность. Полотнища, нуждающиеся в штопке, расстелили на песке, и теперь, вооружившись иголкой и ниткой, беспрестанно коля непривыкшие к такой работе пальцы, мистер Гиббс зашивал дыры, воспроизводя богатый запас нецензурных выражений. Вечером паруса

остались лежать на берегу, придавленные по углам камнями и, покрывающие песок, словно темные заплаты.

Штопать дыры грубым рубкам оказалось сложнее, чем махать молотками и потому работа должна была быть продолжена на следующий день, а на ночь Джек велел развести на побережье костры. Давно привыкшая к чудачествам своего капитана команда выполнила этот приказ, найдя для себя объяснение в том, что капитан Воробей решил устроить обходы по побережью с целью охраны «крыльев» их быстроходной «Жемчужины». Наконец, все собрались у костра.

Пираты сидели на фоне привалившегося к берегу фрегата, кто-то уже готовился ко сну, кто-то потягивал ром, напевая под нос, и все пребывали в лучшем расположении духа, наблюдая привычно-живописный закат солнца.

- Ты куда это собрался? – удивился Гиббс, вскочившему вдруг на ноги Рагетти.

- Пойду, проверю костры и паруса... – заявил одноглазый, деловито отряхивая штаны, и тут же грохнулся обратно на землю, когда Гиббс дёрнул его за рукав.

- Сиди, – буркнул боцман, – Капитан проверит.

Рагетти недоуменно повертел вокруг головой, но капитана действительно не оказалось среди присутствующих. Впрочем, как и мисс Свон.

- А-а, – протянул одноглазый и, тоненько захихикав, подмигнул толстяку, сидящему рядом, – А пупсик, то есть мисс Свон, видимо будет ему помогать?..

- Скорее уж мешать, – ввернул Пинтел, и оба приятеля начали хихикать.

- А ну, цыц! – прикрикнул на них Гиббс, а затем задумчиво покачал головой и с вздохом изрек: – Их дело молодое....

***

Все произошло как-то само собой. Они просто шли по пляжу, пока голоса команды не стали перекрываться шумом прибоя, а затем оба остановились, осознав, что теперь оказались совершенно одни.

Паруса, удерживаемые камнями слегка, приподнимались над землей, волнуемые ветром.

Джек шагнул ближе, неотрывно глядя в глаза мисс Свон, а она перевела смущенный взгляд на внушительную пряжку на перевязи, спускающей с его плеча:

- Не сочти за труд, любимая, – подбодрил капитан весьма знакомым тоном, – Все так же как в день нашего знакомства на причале, только в обратном порядке...

- Я... – начала Элизабет, жутко краснея, – никогда не раздевала мужчину.

- Правда?.. – нахмурился капитан. Он задумчиво рассматривал её костюм, перевязь и, наконец, заявил: – Ты знаешь, любимая... я тоже. Может быть, мы облегчим друг другу задачу?

С этими словами он отступил на пару шагов. Сняв свою треуголку и отвесив витиеватый поклон, капитан Воробей отбросил свою шляпу в сторону и с озорным ожиданием воззрился на Элизабет. Девушка непонимающе хлопала глазами.

- Можешь начать с сабли... – подсказал Джек с приветливой улыбкой.

Мисс Свон нахмурилась. Этот нахальный тип не иначе собрался посмотреть как она – сама она – будет раздеваться перед ним! Да что он о себе вообразил!

Элизабет стащила с плеча тяжелый ремень с прицепленным к нему клинком и Джек улыбнулся, но улыбка тут же сменилась недоуменно-обиженным выражением. Пригнувшись, он едва успел увернуться от пролетевшей над его головой портупей.

- Ого! – удивленно сказал капитан, – Ну, если тебе так нравится больше, цыпа, то это даже забавно.

С этими словами он стащил сапог и, взяв его за голенище, покачал в руке, как бы примеряясь перед броском к его весу.

- Джек?.. – забеспокоилась Элизабет, отступая на шаг, - Джек, я пошутила! Не надо!

Она взвизгнула, но сапог был брошен совсем не в её сторону. Хитро ухмыльнувшись, пират подмигнул ей и начал стягивать второй сапог:

- Я пошутил, цыпа!

- Ах, так! Ну, держитесь, капитан! – пригрозила мисс Свон, принимая игру. Притворно хмурясь, она начала стаскивать свои сапоги и, по прошествии нескольких секунд, один из них пролетел мимо Джека и составил компанию кителю и перевязи, только что брошенным пиратом на песок.

Затем Элизабет начала быстро расстегивать многочисленные пуговицы на своем китайском платье, пытаясь опередить противника. Однако пока она возилась, Джек успел снять оба своих ремня, развязать кушак и теперь выбирал чем же из разрастающейся кучи вещей бросить во вредную девчонку. Раздумье капитана Воробья прервал полетевший мимо второй сапог мисс Свон, а после, почти сразу же, Джека накрыло черной пеленой ципао и раздался её смех. Однако Джек выпутался и на этот раз. Довольно быстро отбросив прочь опутавшее его платье, пират обернулся, смерив мисс Свон оценивающе-насмешливым взглядом, а затем сделал шаг к ней навстречу, на ходу стягивая жилет.

Девушка остановилась в замешательстве, но все еще улыбаясь. В отличие от Джека, вещи, с которыми она могла легко расстаться, закончились. И теперь мисс Свон обнаружила, что осталась лишь в тонкой нижней рубашке. Не долго думая, Элизабет бросилась бежать. Подбирая на бегу свою и его одежду, она бросала её в Джека, издевательски хихикая над тем, как он преследовал ее, прикрывая голову руками. Наконец, сделав вид, что запуталась в очередном парусе, разложенном на пляже, Элизабет упала на землю, надеясь, что это произошло как можно более грациозно. Джек последовал за ней и, наконец, заключив в объятия свою добычу, взглянул в её темные глаза:

- Так как там говорят примерные девицы?.. - припоминал капитан, усмехнувшись в усы, и спуская с её плеча рубашку, - Здесь так жарко, верно?

Элизабет рассмеялась и ответила жарким шепотом:

- Да! Здесь так жарко, что трудно дышать!

Это было так соблазнительно, так запретно. Целоваться с ним, лежа на песке, совершенно не ощущая чувства вины за прикосновения его рук и губ, без венчания, без родительского благословения, безнаказанно, эгоистично. И сейчас им не мешали ни предрассудки, ни платья, ни корсеты. Не было ничего. Только еще теплый песок, паруса «Жемчужины», черные как, и глубокое небо над головой, и ощущение собственного тела дикого и первобытного, как эта глухая ночь, тускло освещенная лишь звездами и почти угасшими кострами. Лиззи не поддавалась искушению, она отдавалась ему полностью.

Прекратив на мгновение её целовать, Джек взглянул в лицо одурманенной страстью Элизабет и намекающее прошептал:

- Ты ведь не боишься боли, любимая, правда?

Мисс Свон никак не отреагировала. Глаза её были закрыты, и, похоже, её сознание было где-то далеко. Намекать второй раз капитан Воробей не стал, расценив молчание как знак согласия, однако в следующий момент Элизабет вздрогнула и почти вскрикнула:

- Нет!..

Джек замер с озадаченным видом, не зная, было ли это реакцией на его действие или всё же ответом на ранее заданный вопрос. Тем временем, порывисто вдыхая воздух и дрожа всем телом, Элизабет взглянула на него вполне осмысленно, хотя и несколько удивленно:

- Нет... я не боюсь боли... – ответила она, пытаясь восстановить прерывающийся голос, - Но почему... ты спросил?

Судя по всему, даже сейчас Лиззи не собиралась сдавать позиции и выказать свою слабость. Озадаченное выражение на физиономии капитана тут же сменилось, с трудом изобразив задумчивость, он ответил:

- Теперь... уже не важно, - и, уже не сдерживая улыбку, предложил, - Не будем отвлекаться...

Не отвлекаться оказалось очень приятно, и Элизабет не отвлекалась как прилежная ученица на самом интересном уроке. Однако наука распутства была слишком обширна для того, чтобы познать все её хитрости сразу, и «учитель» с Черной Жемчужины знал это как ни кто другой. У них было еще много времени, а сейчас хотелось просто лежать рядом, глядя в звездное небо, держаться за руки и думать, что так будет всегда. Закрыв глаза, Джек, в конце концов, задался вопросом, как его угораздило назначить себе штурманом избалованную девицу с дефицитом веса и бюста. Элизабет же, пользуясь моментом, рассматривала его нахмуренное лицо, такое мальчишески забавное, не смотря на шрам над бровью, щетину на загорелых щеках и смешные косички с вплетенными в них бусинами.

Утром Элизабет сидела, завернувшись в парус. С улыбкой, она слегка касалась пальцами чуть припухших губ и вспоминала его слова: Лиззи, заноза, любимая. Да, она теперь была такой, бестией с черного фрегата, пираткой и пиратским штурманом, так же горячо любящей эти острова, как и её капитан.

Ей было приятно сидеть так и думать о той мисс Элизабет, что сегодня ночью навсегда осталась лишь в её памяти. О благовоспитанной юной леди, которая представляя свою первую брачную ночь, рисовала в воображении совсем не этот берег. Ей представлялась комната в отцовском доме, с новыми обоями, заказанными в Париже, с камином и огромной кроватью, застланной шелковым простынями и заваленной подушками в пене кружев и ручной вышивки. Как ни странно, но Уилл в её мечты категорически не допускался. Доходя до самого интересного эпизода, фантазии обрывались сами по себе, и мисс Свон, как и полагается благовоспитанной мисс, краснела за свои смелые мечтания и скорее гнала их прочь.

Что же, все случилось совсем не так как, как она воображала. В реальности открытый пляж заменил душную комнату, песок и черные паруса оказались мягче шелковых простыней, а исчезающие в небе звезды угасали более романтично, чем свечи. Лиззи подтянула ноги к груди и усмехнулась своим наивным мечтаниям, уткнувшись лицом в колени. Она ни о чем не жалела. И ей было совершенно все равно, где она находилась, потому что рядом был тот, кого она так странно полюбила. Кстати, где он?

Элизабет обернулась. Пока она нежилась, вспоминая себя, Джек уже успел более-менее одеться и теперь шел с той стороны острова, где они оставили свою команду. Напевая себе под нос, капитан появился на пляже с ворохом их одежды и, сбросив вещи бесформенной кучей в стороне, присел рядом с подругой. Обернувшись к нему, мисс Свон не смогла сдержать улыбки, наблюдая, как он вертит с самым сосредоточенным видом свою рубашку, явно собираясь одеть её на изнанку.

- Как команда? - спросила Элизабет, как бы невзначай стряхивая песчинки с его плеча.

- Спят как младенцы, - ответил Воробей, задумчиво заглядывая внутрь своей рубашки, - Знаешь, даже жаль их будить.

Элизабет улыбнулась шире и отвернулась к морю, закусив губу, чтобы не рассмеяться.

- Послушай, любимая... - услышала она у своего уха, - Я тут подумал... может немного повторим пройденное, пока мои бездельники еще не отправились нас искать?

Предложение было вполне предсказуемо, но мисс Свон не преминула возмутиться, когда Джек бесцеремонно начал разматывать её из паруса, не дождавшись ответа.

- Капитан Воробей!

- Это значит, да? - осведомился он с надеждой, когда уже ни единой полоски ткани не скрывало её тела от взгляда.

- Я рассмотрю ваше предложение, сэр, - хитро заявила белокурая бестия, позволяя увлечь себя на песок.